

ТЕНИ

в море

ТЕНИ В МОРЕ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

**ГАРОЛЬД В. МАК-КОРМИК
ТОМ АЛЛЕН
ВИЛЬЯМ Э. ЯНГ**

Меня в море

*Перевод с английского
Г. А. ОСТРОВСКОЙ*

**АРМАДА
Москва
1996**

**ББК 84.4Вл
М 15**

*Harold W. McCormick and
Tom Allen with Captain William E. Young
Shadows in the Sea
The Shark Skates and Rays
London, 1964*

**Иллюстрации
А. Н. Сичкаря**

**Оформление и рисунок на переплете
С. В. Цылова**

ISBN 5-7632-0238-4

- © Перевод, Островская Г. А.,
1968
- © Художественное оформление,
АРМАДА, 1996
- © Иллюстрации, Сичкарь А. Н.,
1996

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ТЕНИ В МОРЕ»

Книга, которую Вам предстоит прочесть, для нас, жителей России, во многих отношениях необычна. И дело здесь не только в общем сюжете, не в структуре и даже не в литературных особенностях. Она прежде всего необычна выбором главного действующего лица, главного героя, практически неизвестного российскому читателю. Главный герой — это акулы. Что мы с вами знаем об акулах? Только то, что они опасны для человека. А вместе с тем акулы — это большая, разнообразная, древняя и удивительно интересная группа рыб, населяющая практически все океаны и моря нашей планеты. Даже сейчас, когда научные исследования океана вышли на исключительно высокий уровень и техническая оснащенность их может сравниться с космическими исследованиями, мы знаем об акулах далеко не все. В настоящее время учеными описано более 350 видов акул, однако каждый год приносит все новые и новые находки и, вероятно, в будущем список известных ихтиологам акул значительно пополнится. Нет у нас и исчерпывающих сведений об образе жизни отдельных представителей этой замечательной и отнюдь не безразличной для человека группы рыб. Хотя в целом, конечно, акул нельзя отнести к числу наименее изученных морских животных.

Мировая научная литература об акулах огромна. Еще больше книг и рассказов написано в художественном или научно-популярном жанрах, и они пользуются неизменным спросом на книжном рынке. Некоторые книги об акулах годами держались в списках бестселлеров, а знаменитый роман ихтиолога Питера Бенчли «Челюсти», в котором особенно натуралистично и жутко показано противостояние акулы и человека, даже был экранизи-

рован. Вместе с тем для России, для ее граждан «Тени в море» — как бы первая ласточка, в определенном смысле — откровение. И это вполне объяснимо. Как я уже упомянул, акулы прежде всего известны тем, что они нападают на человека, что они — людоеды. Но хотя в морях нашей страны и обитает несколько видов акул, Россия в принципе не «акулья» держава (если не говорить, конечно, о двуногих акулах!). Поэтому книга «Тени в море» для нас представляет собой новое поле для познания, для размышления. Впервые изданная на русском языке в 1968 г., она разошлась в считанные дни. С тех пор сменилось целое поколение, и, не задумываясь, можно предсказать такой же повышенный интерес к ее переизданию.

Нужно заметить, что и среди обширной зарубежной литературы об акулах книга «Тени в море» занимает совершенно особое место. По сути дела, это небольшая, но очень полная и информативная энциклопедия по акулам. Она сочетает несколько чрезвычайно важных качеств: научную достоверность, удачный подбор материала, живость и легкость изложения, придающую книге жгучий интерес. От нее трудно оторваться. В значительной мере это объясняется удачным подбором авторского коллектива, в котором участниками являются как профессиональный ловец акул (Вильям Янг), так и ученые, специалисты-ихтиологи (Гарольд Мак-Кормик и Том Аллен). Поскольку в книге достаточно подробно рассказано о систематике, географическом распространении, физиологии, кормовой специфике и других биологических особенностях акул, я предоставляю читателю возможность почерпнуть все эти сведения непосредственно в авторском изложении. Вместе с тем ряд моментов, оставшихся как бы за кадром, стоит обсудить.

Прежде всего несколько замечаний об опасности акул для человека. Вопрос этот в мире рассматривается в двух взаимно противоположных аспектах, с двух разных точек зрения, а потому и ответ на него может быть двояким. Деятели туристического бизнеса, владельцы приморских отелей, торговцы рыболовным и аквалангистским инвентарем кровно заинтересованы в том, чтобы как-то сгладить мрачную репутацию акул, репутацию убийц человека. Именно эти круги щедро оплачивают многочисленные и хлесткие публикации о сильном преувеличении опасности акул, о их миролюбии и даже возможности контакта с человеком, о несравненном удовольствии прокатиться верхом на акуле, что должно быть свидетельством безопасности общения с акулами. Эта тенденция вполне понятна и объяснима: достаточно появиться даже короткой информации о нападении акулы на аквалангиста или просто купальщика, как на громадном участке океанического побережья туристов как ветром сдует, и, может быть, не на один год. А это влечет за собой огром-

ные убытки для туристических компаний, вплоть до банкротства. Поэтому их владельцам жизненно важно как можно более убедительно показать, что акулы — сушие ягнята. Что успешно и делается через прессу. Люди действительно забывают об опасности. Нужно добавить, что возникновение доброжелательного отношения к акулам совпадает с современными тенденциями развития общественной психологии, приветствующей поиски контактов с дикими животными, сближение с ними.

Вместе с тем ничто из литературной продукции не оплачивается так щедро, как сенсационные публикации, от которых у читателя волосы встают дыбом. Поэтому преувеличить трагизм каждого несчастного случая исключительно заманчиво. Тем более что внешний облик крупной акулы, особенно ее голова со страшной пастью, для человеческого глаза действительно ужасны и внушают страх и отвращение. Вот и появляются в печати жуткие рассказы о растерзанных или проглоченных акулами пловцах, формирующие сугубо отрицательное отношение к морским убийцам, разжигающие ненависть к ним, провоцирующие акты жестокого возмездия, призывающие к уничтожению акул.

Так возникает двойственность отношения к акулам, в которой нелегко разобраться малоосведомленному человеку. Эта двойственность приводит к последствиям, трагичным и для людей, и для самих акул, которых человек старается уничтожить при каждом удобном случае. Как это ни странно, но следует признать, что и дружелюбное отношение к акулам, и ненависть к ним имеют под собой реальную основу, несмотря на их, казалось бы, полную противоположность. В соответствии с этим и нужно строить линию взаимоотношений с акулами. Прежде всего нужно всегда помнить, что многие акулы, особенно если речь идет о крупных видах (большая белая, тигровая, мако, акула-молот и некоторые другие), потенциально опасны. С другой стороны, если отбросить экстремальные ситуации, когда в воде оказываются значительные группы людей, притом часто раненых (при кораблекрушениях, во время военных действий на море), то случаи нападения акул на людей сравнительно редки и происходят только при совершенно определенных условиях. За последние примерно десять лет жертвами агрессии акул стало немногим более тысячи человек, тогда как число людей, ежесекундно погибающих от автомобильных катастроф, во много раз больше. Даже тигр временами становится более опасным, чем акулы: за январь — февраль 1996 г. в Приморском крае от зубов тигра погибло три человека. Поэтому говорить об опасности акул в глобальном масштабе просто смешно. Конечно, это не значит, что этой опасностью можно пренебрегать, но и гипертрофировать ее не следует. Побольше осторожности, поменьше эмоций, побольше спокойствия, поменьше

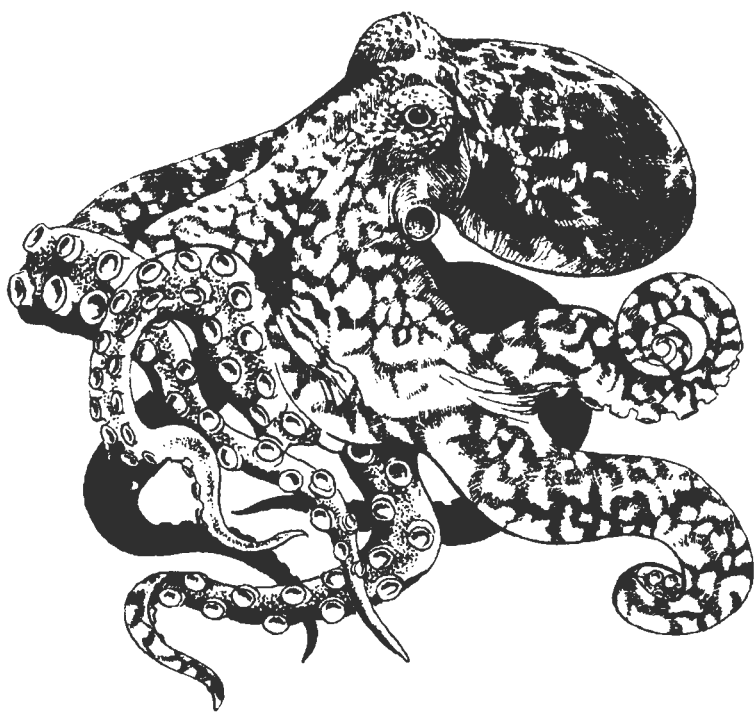
провокаций в виде катания на акулах. Кстати, в морях, омывающих Россию, особенно в северных и восточных, где, как уже говорилось, постоянно или сезонно обитают несколько видов акул, в том числе и довольно крупных, ни одного случая нападения их на человека не зарегистрировано.

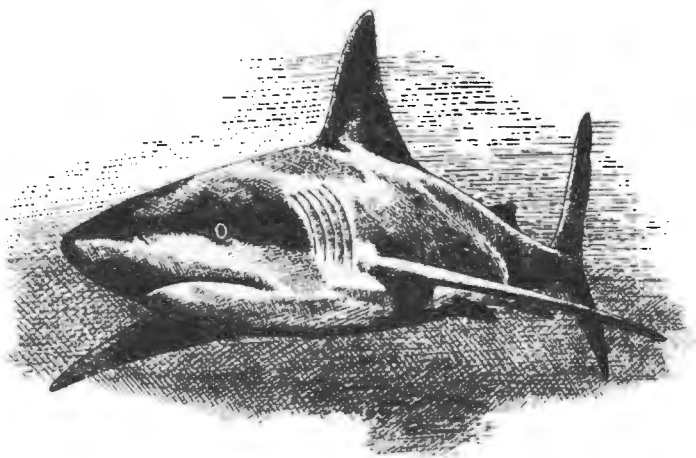
В книге очень подробно и живо рассказано о промысле акул. В середине нашего века возник просто коммерческий бум, после чего интерес к промыслу акул упал, хотя и не угас вовсе. Я уверен, что в будущем он в значительной мере возродится, причем в мировом масштабе, в основном ради мяса акул. Численность мелких и средних видов акул еще очень значительна, рыбные запасы океана сильно подорваны, а население целых континентов страдает от нехватки белков. Думаю, что в недалеком будущем акулы на какое-то время будут для голодающих народов Африки, Азии и Южной Америки основным источником протеина.

Если численность многих видов акул еще высока, то для крупных видов положение уже сейчас близко к критическому. Промысловая нагрузка на биологические ресурсы океана, и особенно на рыбу, настолько велика, что некоторые виды вроде минтая, трески и других теряют промысловое значение. Естественно, что это отражается в первую очередь на животных, питающихся в основном рыбой или планктоном. Несколько лет уже наблюдается падение численности морских колониальных рыбоядных птиц, таких, как кайры, бакланы, чистики. Хуже обстоит дело и с некоторыми видами тюленей, но здесь, возможно, вина ложится на перепромысел. А вот акулы тоже скоро окажутся на голодном пайке. Крупные виды находятся на вершине пищевой пирамиды в океанических экосистемах, и на них оскудение биологических ресурсов океана скажется в первую очередь. Невероятно, но факт: большая белая акула, главный убийца человека, уже занесена в Красную книгу Международного союза охраны природы (МСОП). Туда же попали китовая и гигантская акулы. Вероятно, в недалеком времени та же участь постигнет и других опасных хищников вроде мако и тигровой акулы.

В. Е. Флинт, доктор биологических наук

Мечки в море

Глава первая
ТЕНИ НАПАДАЮТ

Он бежал по пляжу, устремляясь навстречу прохладному, манящему к себе морю. Только сегодня — 1 июля 1916 года — он приехал в Бич-Хейвен, курортный городок в Нью-Джерси, и сейчас, буквально через несколько минут после приезда, уже был у кромки прибоя.

Чарльзу Вэн-Сэнту недавно исполнилось двадцать три года, и жизнь расстилалась перед ним такая же манящая, волнующая и необъятная, как море. На его горизонте, так же как у миллионов его ровесников, висело одно темное облако — война. Горизонт, окаймлявший море перед ним, был безоблачен.

Позади, на берегу, стали появляться нарядно одетые люди. Скоро его отец и сестры тоже будут здесь. Они

придут, как только кончат разбирать чемоданы и как следует устроятся в своих апартаментах, выходящих окнами на море. Где им было поспеть за Чарльзом! Само время не могло поспеть за ним! Путешествие из Филадельфии, где он жил, до Лонг-Бич-Айленд — узкой полоски земли, усеянной курортами, как близнецы похожими на Бич-Хейвен, — тянулось, казалось ему, целую вечность. В переполненном поезде было невыносимо душно. Наконец путь окончен. Чарльз пулей влетел в оставленный для них номер, натянул купальный костюм, накинул халат и бегом кинулся на пляж. Нырять, он слышал, как кто-то на берегу напевал: «У моря, у моря, у дивного моря...» Море и правда было чудесным в тот день.

Чарльз был хорошим пловцом. Рассекая воду мощными ударами, он плыл прямо в открытое море. Отплыв на девяносто метров, он остановился: хватит для первого раза, решил он. Он повернул обратно и, лениво взмахивая руками, неохотно поплыл к берегу, наслаждаясь покоем и одиночеством и стараясь продлить свое свидание с морем. Но одиночество это было обманчивым.

По его пятам, уверенно разрезая волны, неслась серая тень, увенчанная черным плавником. Ее увидели с берега. Раздались крики, но Вэн-Сэнт их не слышал. Затем все смолкло — безмолвно, неподвижно люди, будто замороженные, следили, как уменьшается расстояние между Вэн-Сэнтом и преследующим его врагом. А юноша, словно испытывая их терпение, плыл так же медленно, все еще не зная, что он — участник смертельной игры, где на карту поставлена его жизнь.

Он был почти у самого берега, когда вода вокруг него вспенилась и по ней поплыли красные пузыри. В этот момент Александр Отт, бывший участник Олимпий-

ских игр в составе сборной США по плаванию, кинулся в воду. Никогда еще ему не приходилось плыть так быстро. Когда Отт достиг красного пятна, которое все шире расплывалось по воде, серая тень угрожающе метнулась к нему, затем стрелой унеслась в открытое море.

Отту удалось вытащить Вэн-Сэнта на берег. Обе его ноги были буквально разодраны в клочья. В ту же ночь он умер от шока и потери крови.

Серая тень исчезла так же незаметно, как и появилась. Случай этот не вызвал особой паники. Никто не помнил, чтобы раньше акулы нападали на пловцов. Возможно, такие вещи и случались где-нибудь в южных морях или у берегов Австралии, но в Нью-Джерси — никогда! Знатоки утверждали, что и во всем мире не было ни одного абсолютно достоверного случая нападения акулы на человека.

Правда, за три года до того, в августе 1913 года, один рыбак поймал акулу в Спринг-Лейк, в семидесяти километрах от Бич-Хейвен. Когда брюхо акулы вспороли, в ее желудке обнаружили ногу женщины в светло-коричневой туфельке и трикотажном чулке. Но эта ужасная находка, подобно многим другим, о которых с незапамятных времен рассказывали моряки и рыболовы, тут же получила объяснение: да, возможно, акулы и пожирают трупы, но они никогда не нападут на живого человека.

6 июля 1916 года, через пять дней после того, как погиб Вэн-Сэнт, более пятисот человек прогуливалось по пляжу курорта Спринг-Лейк. Время перешло за полдень, начался отлив. В воде было сравнительно мало людей. У самого берега, обдавая друг друга брызгами, плескались дети.

Спринг-Лейк был одним из модных курортов, где собиралось высшее общество; жизнь текла здесь по великосветским канонам. Но море демократично, и в воде коридорный гостиницы ничем не хуже миллионера. Возможно, именно по этой причине Чарльз Брудер любил море. Чарльз был коридорным в гостинице «Эссекс и Сассекс» и все свободное время проводил на море. Молодой — ему только что исполнилось двадцать восемь лет, — с привлекательной внешностью, он пользовался симпатией всех, кто его знал.

6 июля Брудер был свободен всю вторую половину дня и, несмотря на отлив, решил поплавать. Он шел через буруны, кивая и улыбаясь знакомым. Когда вода дошла ему до пояса, Чарльз нырнул и поплыл в море. Скоро он был за буйками. Джордж Уайт и Крис Андерсен, дежурившие в тот день на спасательной станции, не окликнули его, так как всем было известно, что Чарльз Брудер — прекрасный пловец.

Внезапно воздух задрожал от пронзительного женского крика. Инстинктивно Уайт и Андерсен обернулись в сторону моря. Брудер исчез.

— Он перевернулся, — кричала женщина, — мужчина в красном каноэ перевернулся!

Не успел смолкнуть ее крик, как Уайт и Андерсен уже бежали к лодке. Они знали: то, что увидели их глаза, — не перевернутое каноэ, так как красное пятно все продолжало увеличиваться в размерах. Вот посреди него на один миг появилось искаженное болью и ужасом лицо Брудера и взметнулась его окровавленная рука. Лодка подплыла к нему. Уайт, сидящий на носу, наклонился вперед и протянул Брудеру весло. Каким-то чудом тому удалось ухватиться за него. Они подтянули Чарльза к лодке. Лицо его было белым как мел, глаза закрыты.

— Акула... на меня напала акула... откусила мне ноги! — еле слышно прошептал он и потерял сознание. Уайт вытащил его в лодку. Тело его было странно легким.

Когда лодка подошла к берегу, Брудер был уже мертв. Врач, вызванный, чтобы ему помочь, приводил в чувство потерявших сознание женщин. В «Эссексе и Сассексе» дежурный телефонист обзванивал все курорты побережья. Через десять минут на протяжении сорока километров в воде не осталось ни одного купающегося.

Но неужели Брудер действительно погиб от зубов акулы? Неужели эти людоеды подкрадываются к самому побережью Нью-Джерси? И владельцы гостиниц, и отдыхающие равно жаждали услышать, что это невозможно. С замиранием сердца ждали они заключения Уильяма Грея Шоффлера, главного хирурга национальной гвардии Нью-Джерси. Он осмотрел Брудера через пятнадцать минут после того, как его вытащили из моря.

«Нет ни малейшего сомнения,— писал Шоффлер в своем отчете,— что увечье нанесено акулой-людоедом. Правая нога Брудера разорвана, и между коленом и лодыжкой перекушена кость. Нет правой ступни, а также нижней части большой берцовой и малой берцовой костей. С ноги примерно от колена сорвано все мясо. Над левым коленом глубокая рана, доходящая до кости. На правой стороне живота, снизу, вырван кусок мяса величиной с кулак».

В тот же вечер моторки с установленными на них прожекторами вышли в море в погоню за акулой. Но все поиски были тщетны. Для того чтобы обезопасить пляжи от акул, муниципальные власти Спринг-Лейк организовали патрулирование прибрежных вод специально нанятыми лодками с вооруженными людьми.

— Я уверен, что не позже чем через два, самое большее три дня пляжи будут в безопасности,— заявил член

муниципалитета Д. Хилл. Но ни одна акула не была поймана или убита. После смерти Брудера возле Спринг-Лейк ни одной акулы даже не видели.

Если вы будете искать на карте городок Мэтавон (штат Нью-Джерси), вы не найдете его среди приморских городов. Он расположен в четырех километрах от Раритан-Бей, залива, который переходит в Лоуер-Бей — ворота в порт Нью-Йорка. Единственная ниточка, связывающая Мэтавон с заливом, очень тонка. Это впадающая в Раритан-Бей извилистая речушка, Мэтавон-Крик, которую и рекой-то можно назвать лишь во время прилива: во время отлива она совсем пересыхает.

Летом 1916 года, так же как и в предыдущие годы, мэтавонские мальчишки проводили все свое свободное время на Мэтавон-Крик. Самым любимым местом для купания была старая пристань, куда в незапамятные времена приставал буксир, приходивший к городку вместе с приливом и уходивший со следующим приливом, увозя на рынки Нью-Йорка продукцию местных фермеров. Пристань давным-давно развалилась, и от нее осталось лишь около десятка свай, которые торчали на небольшом расстоянии друг от друга неподалеку от края полуразрушенной дамбы. Нырять с дамбы и свай казалось мальчишкам слишком простым делом, они предпочитали играть в пятнашки, перепрыгивая со свай на сваю.

Однажды, в начале июля 1916 года, Ренни (сокращенное от Ренсселер) Кэртон, четырнадцати лет, играл в пятнашки на старой пристани. Чтобы его не запятали, он нырнул в ручей. В тот момент, когда его голова и плечи погрузились в мутную воду, он почувствовал, как что-то шершавое, вроде грубой наждачной бумаги, полоснуло его по животу. Он вынырнул на поверхность и быстро поплыл к дамбе. Взобравшись на сваю и пере-

прыгнув оттуда на пристань, он увидел, что весь его живот покрыт глубокими царапинами, из которых сочится кровь.

— Не ныряйте больше! — закричал он товарищам.— Там что-то есть. А вдруг это акула!

На его слова никто не обратил внимания, более того, уже через несколько минут он сам забыл о своем предупреждении и снова нырнул в ручей. Он спешил домой. Переплыть на другой берег было куда быстрее, чем идти до ближайшего моста.

11 июля в нескольких километрах к востоку от устья Мэтавон-Крик рыбак Херман Тарноу поймал недалеко от берега трехметровую акулу. Но и на это не обратили особого внимания.

Утром 12 июля капитан Томас Котрелл, бывший моряк, владелец моторной лодки «Скад», шел по новому подъемному мосту, который пересекал Мэтавон-Крик примерно в двух с половиной километрах вниз по течению от пристани. Прошло одиннадцать дней, с тех пор как умер Чарльз Вэн-Сэнт в Бич-Хейвен в ста пятинадцати километрах от Мэтавона, и шесть дней, с тех пор как умер Чарльз Брудер в Спринг-Лейк в сорока километрах от Мэтавона. И вот теперь, в этот жаркий ясный день, капитан Котрелл, идя по мосту, увидел в воде темно-серую тень, промелькнувшую в волнах поднимавшегося прилива. Эта тень тут же исчезла, но капитан был уверен, что глаза не обманули его. Он позвал двух рабочих, стоявших на мосту. Они тоже видели тень. Рабочие тут же позвонили Джону Малсону, начальнику мэтавонской полиции. Тем временем капитан Котрелл поспешил в центр города, до которого было с километр, чтобы остановить детей, целыми группами направлявшихся купаться. Несколько раз он прошел из конца в конец короткую Главную улицу, где всегда толпилось много

народа, предупреждая об опасности хозяев многочисленных лавок и покупателей, но ответом ему был лишь смех. Подумать только — акула в мелкой речушке, которая в самом широком месте не превышает одиннадцати метров. Капитан Котрелл снова отправился к Мэтавон-Крик.

Одна из дверей, в которую заглянул капитан Котрелл во время своей безрезультатной прогулки по Главной улице, вела в «Химчистку», только недавно открытую Стэнли Фишером, белокурый гигантом двадцати четырех лет, пользовавшимся большой популярностью в Мэтавоне. Отец Стэнли, Уотсон Фишер, провел на море большую часть жизни и достиг звания коммодора. Не задолго до того он ушел в отставку и был теперь одним из видных граждан городка. Если он и мечтал о том, чтобы его сын стал моряком, он таил эти мечты про себя. И все же многие жители говорили, что это просто стыд и срам — такой большой, сильный парень занимается химчисткой, вместо того чтобы, как его отец, бороздить моря и океаны.

12 июля был знойный, удушливый день. На лесопильном заводе Андерсена, где работал со своим отцом Лестер Стилуэлл, жара казалась особенно невыносимой. К двум часам Лестер забил последний гвоздь в последний ящик — дело, в котором он достиг большой сноровки, — и, поскольку ему было всего двенадцать лет, его отпустили домой. Он помахал рукой отцу, стрелой выскочил из душной лесопилки и вместе с товарищами — Джонсоном Картаном, Фрэнком Клоувзом, Альбертом О'Хара и Чарльзом Вэн-Брантом — пустился бежать к старой пристани. Скоро они уже плескались в реке. Большинство, подобно Лестеру, обходилось без купального костюма.

Альберт О'Хара был почти у самого берега и хотел уже выходить из воды, когда Лестер крикнул:

— Ребята, смотрите, как я держусь!

Альберт обернулся. Лестер был таким худым, что держаться на воде ему было труднее, чем остальным ребятам. В этот миг что-то жесткое и скользкое ударило Альберта по правой ноге. Он взглянул в воду — перед ним мелькнул хвост огромной рыбы. Чарльз Вэн-Брант, который тоже еще был в воде, также заметил ее. Это была самая большая и самая черная рыба из всех рыб, каких он видел в своей жизни, и она неслась прямо на Лестера Стилуэлла. Лестер отчаянно закричал. Большая рыба кинулась на него, внезапно изогнувшись в тот миг, когда наносила удар, и показала белое брюхо и сверкающие белые зубы. И Чарльз понял — ужас этой минуты он не забыл до конца своих дней, — что перед ним акула. Через секунду она сомкнула пасть вокруг тела Лестера и утащила его в глубину. Воды Мэтавон-Крик окрасились в красный цвет. У Лестера не было ни времени, ни сил, чтобы закричать во второй раз.

Друзья Лестера и все остальные мальчишки, плававшие в реке поблизости, поспешно выбрались на берег. Одни из них помчались на фабрику Фишера, которая была неподалеку, и позвали рабочих. Другие наперегонки побежали по крутой и пыльной проселочной дороге к центру городка. Там, где совсем недавно проходил капитан Коттрелл, теперь царила паника и бегали голые ревущие мальчишки. Те из них, кто видел акулу, кричали:

— Акула! Акула! Лестера сожрала акула!

Другие звали:

— Лестер! Лестер!

Никто толком не знал, в чем дело. Кто-то крикнул, что Лестера, «мальчишку, у которого бывают припадки», опять «схватило» и он тонет. В городке наверняка было известно только одно: с кем-то из мальчиков у

реки приключилась беда. И вот все — мужчины, женщины, дети — бросились туда ему на помощь. Среди них был и Стэнли Фишер, который только на минутку забежал в комнату за лавкой, чтобы надеть купальный костюм.

— Вспомните, что говорил капитан Котрелл! — прокричала учительница Мэри Андерсон, когда Фишер пробегал мимо нее. — Возможно, это акула.

— Акула? Здесь? — спросил Фишер, приостанавливаясь. Рядом с Мэри Андерсон он казался неправдоподобно огромным.

— Не может быть, — сказал он, немного помолчав, затем, словно отвечая на свои собственные сомнения, добавил: — А, все равно. Надо же вызволить мальчишку.

Повернувшись к своему рассыльному, восьмилетнему Джонни Смиту, стоявшему поблизости, он сказал:

— Присмотри за лавкой, пока я не вернусь.

И со всех ног пустился к ручью.

Сын коммодора Фишера взял на себя командование спасательной операцией на Мэтавон-Крик. Его штаб-квартирой была старая пристань, его врагом — акула. Человек двести горожан, в том числе родители Лестера, выстроились на пристани и на берегу. Несколько человек Фишер отправил на лодках искать баграми тело Лестера. Кто-то приволок рулон проволоочной сетки. Фишер приказал нескольким парням сесть в лодку и перегородить сеткой, к которой вместо якорей прикрепили камни, речку ниже по течению, там, где русло было шире шести метров. Фишер знал, что прямо напротив пристани, неподалеку от противоположного берега, есть яма, и решил, что именно там и скрывается акула с телом мальчика. План Фишера заключался в том, чтобы выгнать акулу туда, где русло было перегорожено сеткой. Но сетка, поставленная в спешке кое-как, не полностью перекрывала проход.

Когда это ненадежное сооружение было завершено, Фишер прыгнул в речку и поплыл к противоположному берегу. В воде уже находилось несколько человек, которые ныряли на дно, стараясь отыскать в речном иле тело мальчика. Среди них был пятидесятилетний Артур Смит, плотник по профессии и охотник по призванию. Его дочь кричала ему с берега:

— Па, вернись! Па, вылезай!

В его возрасте дело это было ему не по силам. Но он продолжал нырять, бросая вызов смерти, которая плавала вокруг и в конце концов коснулась его. Много лет спустя Артур Смит, полуслепой и почти совсем глухой девяностопятилетний старик, будет сидеть сгорбившись на крыльце старого дома на берегу Мэтавон-Крик, безразличный ко всему окружающему. Но упоминание о том дне заставит его вскочить с кресла и припомнить во всех подробностях момент, когда акула скользнула мимо него, содрав ему с ноги кожу. В девяносто пять лет у него все еще были рубцы от этой раны, что может подтвердить один из авторов этой книги¹.

Смит видел, как Фишер поднял руки, наполовину выпрыгнул из воды и, сделав два сильных взмаха, пошел на глубину.

В этот самый момент к месту происшествия прибыл на моторной лодке Артур Вэн-Баскирк, местный агент сыскальной полиции. Он не успел еще сойти с лодки на берег, как заметил, что у противоположного берега реки вода вдруг заволновалась. Волнение тут же улеглось, и по воде стало расплываться красное пятно. Оно становилось все шире и шире. Вэн-Баскирк приказал человеку, бывшему с ним в лодке, завести мотор, а сам принялся кормовым веслом подгонять лодку к красному пятну, посередине которого вдруг появился Стэнли Фишер.

Лицо Фишера было повернуто к противоположному от пристани берегу, и оцепеневшая толпа видела только его широкие плечи и спину. Вода в том месте доходила ему всего лишь до пояса, и можно было разглядеть, что

¹ Нападая, акулы далеко не всегда в первую очередь пользуются своими челюстями. Часто они сначала таранят жертву, сдирая с нее кожу и мышцы своей бронированной кожей. (Здесь и далее примеч. канд. биол. наук Л. С. Гликмана.)

он скорчился и, казалось, стоит на одной ноге. Лодка подошла вплотную к Фишеру, и Вэн-Баскирк увидел, что он обеими руками сжимает свою окровавленную правую ногу — вернее, то, что от нее осталось. Еще секунда — и он упал бы лицом в воду, но тут Вэн-Баскирк протянул руки и подхватил его под мышки. Однако втащить Фишера в лодку не удалось. Они поспешили выбраться из мелководья. В тот миг, когда лодка повернула и направилась к пристани, вся толпа вздохнула, как один человек. Теперь они ясно увидели Фишера — это жуткое украшение на носу лодки. Почти все его тело поднималось над поверхностью воды, и можно было разглядеть нанесенную ему страшную рану. От паха до колена с правой ноги было содрано все мясо. Несколько женщин упали в обморок.

Лодка подошла почти вплотную к пристани, и тут по толпе снова прокатился стон, так как Фишер чуть не упал в воду. Взглянув на его ногу — голую кость, вдоль которой шли глубокие неровные зазубрины, — Вэн-Баскирк увидел, что из разодранной артерии хлещет кровь. На палубе неподалеку валялся кусок веревки, и он решил одной рукой наложить Фишеру жгут. И вот, пытаясь дотянуться до веревки, он чуть не выпустил Фишера. Но тут десятки рук протянулись с пристани и подхватили его. Фишер все еще был в сознании. Его осторожно положили на самодельные носилки и понесли на железнодорожную станцию в полукилометре от Мэтавон-Крик. Каждый шаг по крутому берегу и неровной дороге пронзал его жгучей болью. Милосердное забытие было рядом, но Фишер, казалось, боролся с ним изо всех сил. Ему очень нужно было что-то сказать.

На станции его поместили в товарный вагон и стали ждать поезда. Нашли врача, но единственное, что он мог сделать, — это немного приостановить кровотечение.

Прошло около трех часов, пока показался пятичасовой поезд из Лонг-Бранч, и ему был дан сигнал остановиться. И даже в поезде Фишер старался не потерять сознание. Умер он только около восьми часов вечера, когда его вкатили в операционную Монмаусской мемориальной больницы. Но перед смертью он все же сказал то, что ему так хотелось сказать: он нашел тело Лестера Стилуэлла на дне Мэтавон-Крик и вырвал его из пасти акулы.

Еще когда Фишер лежал на станции, ожидая пятичасового поезда и своей смерти, несколько человек купили в магазине Эшера Вули динамит, чтобы убить акулу, которая, как они полагали, оставалась возле старой пристани. Все лодки были выгнаны на берег. Но в тот момент, когда собирались поджечь запальный шнур, ниже по течению показалась моторная лодка. На руле сидел мэтавонский адвокат Джекоб Леффертс. На дне лодки лежал незнакомый мальчик. Его правая нога была обмотана пропитанными кровью тряпками.

— Его схватила акула! — крикнул Леффертс, подводя лодку к пристани. Мальчика перенесли в машину и на полной скорости отвезли в Нью-Брунсвик в больницу Святого Петра.

Сперва мальчик не хотел называть свое имя. Он боялся, что мать рассердится на него. Но скоро выяснилось, что зовут его Джозеф Данн и что ему четырнадцать лет. Вместе со своим старшим братом Майклом и несколькими другими мальчиками он купался в километре от Мэтавона, возле Кипорта. Кто-то прибежал на пристань кирпичного завода, около которой они плавали, и рассказал об акуле. Мальчики быстро поплыли к берегу. Джозеф Данн, младший из всех, последним выходил из воды. Когда он стал подниматься по лестнице, что-то похожее на огромные ножницы схватило его пра-

вую ногу («Я почувствовал, как акула заглатывает мою ногу,— рассказывал он позднее,— я уверен, она могла бы проглотить меня целиком»).

Джозеф закричал, и товарищи подбежали к лестнице. Свободной ногой Джозеф изо всех сил бил по воде. Майкл Данн и еще два мальчика схватили его и стали тянуть к себе, не обращая внимания на то, что зубы акулы сдирают ему с ноги кожу и мясо. В этом состязании ставкой была жизнь. Кто кого? С минуту акула продолжала тащить мальчика вниз, затем вдруг отпустила его и... растворилась в воде. Джозеф был свободен. Третью жертву акулы (все три — на протяжении одного часа) удалось вырвать из пасти смерти.

Всю ночь и все утро при свете фонарей, а затем при первых проблесках зари Мэтавон-Крик был полем битвы. Взрыв за взрывом сотрясал воздух, фонтаны воды вздымались в небо. Сотни людей, вооруженных косами, вилами и старыми гарпунами, снятыми со стен гротинных, запрудили берега, в ход пошли ружья и пистолеты. Когда начался отлив, реку стали прочесывать вброд, держа наготове ножи и даже молотки. Это была настоящая оргия мщения.

Скоро Мэтавон-Крик во всех направлениях был перегорожен рыболовными сетями и проволоочной сеткой. Городок заполонили репортеры и фотокорреспонденты. Снова взрывали динамитные шашки — на этот раз двойную порцию ради операторов кинохроники. В мэтавонских магазинах кончились взрывчатые вещества и патроны.

— Поймали! — закричал один человек, затем другой... третий... Сообщения прибывали вместе с приливом: в западню попалась одна акула, две, три, четыре... Но с отливом сообщения изменились: одна акула, две, три, четыре... все акулы ускользнули из западни.

Поймана была акула только через шесть дней, и поймал ее не кто иной, как капитан Котрелл. Он поднимался по Мэтавон-Крик на своей моторке вместе с зятем, Ричардом Ли, и в трехстах семидесяти метрах от залива, неподалеку от моста, с которого он впервые заметил смертоносную тень, он увидел, как в волнах появился спинной плавник и сразу исчез. Котрелл и Ли тут же спустили в воду несколько метров сети, с грузилами по нижнему краю и пробочными поплавками по верхнему. Сеть выгнулась дугой, так как начался отлив и вода стала спадать. Оба конца сети были закреплены в лодке. Искусно лавируя, капитан ухитрился зажать акулу между сетью и моторкой. Акула отчаянно сопротивлялась, но люди сантиметр за сантиметром вытягивали сеть, которой суждено было стать саваном акулы.

Используя корпус моторки как наковальню, Котрелл раз за разом бил акулу по голове огромной деревянной колотушкой. Убедившись, что акула наконец мертва, Котрелл вытащил ее на берег. Она весила 104 килограмма и была длиной в два с лишним метра. Он выставил ее на обозрение в сарае, где держал снасти, и там перебивали все жители Мэтавона и Кипорта от мала до велика. Они согласны были стоять в очереди и платить по десять центов за вход, лишь бы увидеть «грозу Мэтавон-Крик».

Но поимка предполагаемого убийцы не положила конца рассказам, которые ходили по всему восточному побережью США от Флориды до Род-Айленда. Буквально каждый прибывавший в Нью-Йорк корабль привозил с собой новую порцию этих рассказов. Число акул, которых якобы видели возле Файер-Айленда и Лонг-Айленда, возросло до нескольких сотен. Были созданы вооруженные отряды, которые должны были выследить этих акул.

Теории о причинах их появления множились с не меньшей быстротой, чем акулы. Говорили, что бомбар-

дировки в Северном море заставили акул пересечь Атлантический океан в поисках тихого местечка. Что акулы стали нападать на людей, так как были лишены своего обычного рациона — отбросов с пассажирских кораблей, изгнанных с моря другими акулами — германскими подводными лодками. Мировая война дала начало и еще одной теории: акулы якобы изменили свое меню, потому что реки выносили в море множество трупов и акулы могли теперь всласть наедаться мертвечиной. Один из писак, подвизавшихся в «Нью-Йорк таймс», не поленился произвести подсчет и утверждал, что более двенадцати с половиной тысяч жертв войны нашли свою могилу в утробе акул.

Логика и разум не устояли перед паникой. Какая-то женщина заявила, что видела акулу у пляжа в Ойстер-Бей на Лонг-Айленде, и потребовала у Рузвельта, чтобы он немедленно принял меры. Пловец на длинные дистанции предложил проплыть по всей нью-йоркской гавани... в проволочной корзине. В «Нью-Йорк таймс» лучшая американская пловчиха Аннет Келлерман давала пловцам совет нырять под акулу, если она набросится на них. «Так как акула кидается на вас, перевернувшись кверху брюхом,— объясняла она,— у вас есть шанс спастись, если расстояние до берега или другого безопасного места не очень велико». На первой полосе одной из газет девица из кордебалета сообщала потрясающую новость: ей удалось избежать зубов акулы, исполнив перед ней импровизацию из пируэтов и хлопков. Люди-акулы наживались на «специальных плавательных курсах», обучая людей тому, как перехитрить акул. Говорили даже, что акулы — вовсе не акулы, а черепахи.

И вдруг, так же неожиданно и необъяснимо, как они появились, акулы исчезли и снова стали всего лишь тенью в море.

Почему?

Почему за двенадцать дней произошло пять нападений на людей почти в одном и том же месте, причем там, где раньше акулы вообще не появлялись?

Почему?

После того как паникеры и болтуны оставили сцену, вперед выступили ученые-специалисты. У ученых был довольно растерянный вид.

Исследовав все случаи нападений акул на человека, доктора Никольс, Марфи и Льюкас — три специалиста по акулам — попытались дать им свое объяснение. «Единственное, чем я могу объяснить неожиданное появление акул,— говорил доктор Льюкас,— это тем, что 1916 год — «акулий год». В соответствии с этой «теорией» Никольс и Марфи писали следующее: «Вполне вероятно, что этим летом акулы появились здесь в необычном ранее количестве и что мы имеем дело с необычайно крупной миграцией акул, которую можно сравнить со спорадическим переселением червей, медуз, кузнечиков или леммингов,— переселением, источником которого служит перепроизводство и прочие еще мало изученные нами природные факторы».

Кроме теории «акульего года» было выдвинуто предположение, что к берегам акул пригнал голод. Из-за нехватки обычной пищи акулы стали рыскать вдоль берегов в поисках новой добычи, и пять раз жертвами оказались люди.

В жаркий августовский полдень 1960 года, через сорок четыре года после появления акул у берегов Нью-Джерси, Джон Бродер, двадцатичетырехлетний бухгалтер, и Джин Филармо, его двадцатидвухлетняя невеста, рука об руку вошли в волны прибоя на пляже

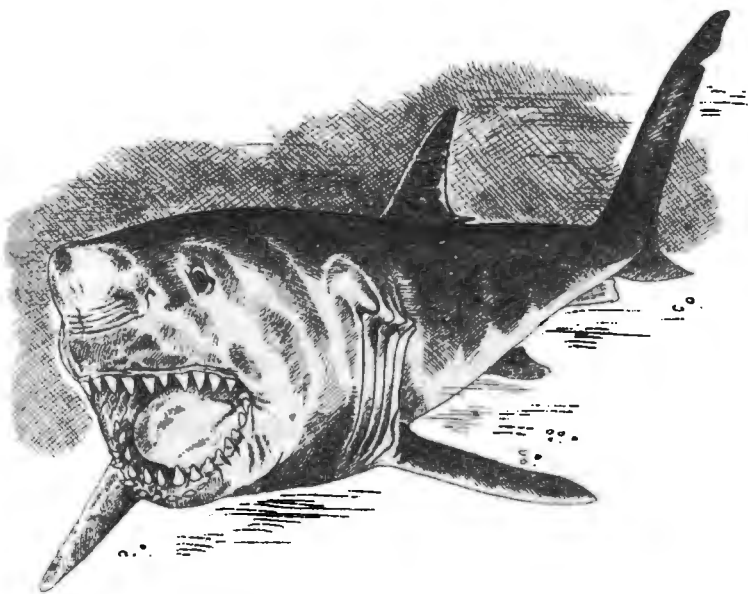
Си-Гирта (Нью-Джерси) не более чем в трех километрах от Спринг-Лейк, где задолго до того был убит Чарльз Брудер.

Зайдя в воду по пояс, Джон и Джин ждали девятого вала, который вынес бы их на берег. К ним подкатила сверкающая, покрытая пеной волна, но Джон стал ждать следующей, еще большей. Когда волна катила мимо них, Джону показалось, что в ней что-то темнеет. Он подумал: «Что бы это могло быть?»

И тут что-то — то самое темное «что-то» — обрушилось на него сзади и схватило за правую ногу. Бродер стал бить это «что-то» свободной левой ногой, но безрезультатно. Его левая нога ударяла по чему-то твердому и колючему. Он изогнулся и ударил черную громаду левой рукой. Поверхность, которой коснулась его рука, была такой неровной, что он сильно рассек себе пальцы. Вода вокруг него окрасилась в красный цвет, и он увидел, как всплывают наверх клочья мяса, содранные с его правой ноги.

Следующая волна накрыла Бродера с головой, и он потерял сознание. Мисс Филармо поставила его на ноги и стала звать на помощь. Три человека подбежали к ним и помогли ей вынести Джона на берег. Норман Портер, в прошлом майор военного флота, схватив у служащего спасательной станции кожаный пояс, наложил на бедро Бродера жгут.

Икра его правой ноги висела на нескольких лоскутках кожи. Одна кость была раздроблена, на другой — глубокие трещины. К тому времени, как он был доставлен в больницу — всего через несколько минут после того, как его вытащили на берег, — он потерял более четырех литров крови. Через восемь дней ему ампутировали правую ногу у колена. Но ему повезло. Он остался жив после нападения акулы.

То, что произошло с Джоном Бродером в 1960 году; то, что ранее произошло с Чарльзом Вэн-Сэнтом, Чарльзом Брудером, Лестером Стилуэллом, Стэнли Фишером и Джозефом Данном; то, что происходило в течение долгих лет до того со многими (хотя, сравнительно с общим числом купающихся, не так уж многими) людьми, может произойти в любой день, в любую ночь, в любом море с жарким и умеренным климатом, так как во всех них обитают акулы. Кроме того, существует много рек и по крайней мере одно озеро с пресной водой, где это также может случиться!

Да, случается это не часто. Говорят, что шансы пасть жертвой акулы равны шансам пасть жертвой молнии. На самом же деле люди гораздо чаще умирают от удара молнии, чем от нападения акулы. Считается, например,

что в водах Австралии акул больше, чем где бы то ни было. Однако с 1919 года там зафиксировано всего около ста случаев нападения акулы на человека — меньше чем три случая за год.

На каждого пострадавшего от акулы приходится около тридцати миллионов человек, пострадавших, самое большее, от перегрева на солнце. Из тех, кто в последние годы наслаждался отдыхом во Флориде, лишь один из пяти миллионов купающихся подвергался нападению акул.

Но статистика не может ни умерить страха, вызванного видом грозного спинного плавника или просто зловещей тенью, мелькнувшей в воде, ни остановить панику, которая охватывает все побережье после одного-единственного случая нападения на человека.

В море обитает много опасных существ, но одно из них внушает людям самый большой страх. Это — акула!

Страх перед акулой уходит корнями в глубь доисторических времен; сказания об ужасных столкновениях между человеком и акулой мы находим в устном творчестве многих народов. В те эпохи, которые нашли свое отражение в истории, мы также встречаемся с акулой. Греческий поэт Леонид Тарентский рассказывает нам о Тарсисе, ловце губок, на которого напала акула и оторвала ему всю нижнюю часть тела. Товарищи втащили Тарсиса в лодку и отвезли на берег, так что он был, как замечает поэт, похоронен «и в морской пучине, и в тверди земной».

С того времени, как европейцы вышли в открытое море, они привозили домой рассказы о «жестоких, прожорливых тибуронах» — чудовищах, пожирающих людей. Это были акулы. Однако скептики, никогда не по-

кидавшие суши, сомневались в достоверности этих рассказов, и чем более повседневным делом становились морские путешествия, тем сильнее были эти сомнения. В начале нашего века скептики утверждали, что нет достаточных доказательств того, что акулы действительно нападают на человека.

В 1916 году, после первого нападения в Нью-Джерси, скептики были несколько смущены, но все еще крепко стояли на своих позициях. Даже после того как одно за другим были совершены все пять нападений, признанные знатоки акул не соглашались с тем, что акула ни с того ни с сего может наброситься на человека и сожрать его. Части человеческого тела, которые время от времени обнаруживают в брюхе акул, доказывают только то, говорили они, что акулы питаются падалью... Это было и остается весьма веским аргументом.

Такой большой авторитет, как Уильям Биб, известный исследователь подводного мира, тоже посмеивался над историями о нападениях акул.

Биб, спускаясь в батисфере на дно океана, видел через иллюминаторы множество акул. Он наблюдал за ними с близкого расстояния и в сравнительно мелких местах, когда на нем не было ничего, кроме купального костюма и маски для ныряния. Ни одна из них не причинила ему вреда. В тропиках, говорил он, ему довелось беседовать с людьми, которые часто сталкиваются с акулами. И у него не сложилось впечатления, что акулы действительно едят людей.

Когда произносят свое веское слово знатоки подводного царства вроде Биба, даже такая реальность, как пять нью-джерсийских нападений, не может устоять перед нашим нежеланием открыто посмотреть правде в глаза.

Когда признанные авторитеты утверждают, будто акул вовсе нечего бояться, они просто говорят людям то, что тем хочется услышать, а не то, что есть на самом деле. «Где фактические доказательства того, что акулы действительно нападают на людей? — говорят они. — На чем мы основываемся, кроме басен, которые нам рассказывают моряки?»

Действительно, фиксирование случаев нападения акул на людей началось только в 1935 году, когда Е. Милби Буртон, директор Чарлстонского музея (Южная Каролина), писал: «Достаточно достоверных свидетельств того, что акулы нападают на людей, купающихся у побережья Атлантического океана к северу от Флориды, немного... Однако за последнее десятилетие мы имеем несколько случаев жестоких нападений на человека, подлинность которых установлена».

Буртон изучал истории болезни, беседовал с пострадавшими и с врачами, которые их пользовали.

Первое нападение, документированное Буртоном, произошло 16 июля 1933 года возле Фолли-Айленда, расположенного неподалеку от Чарлстонской гавани. Мисс Эмма Мэггинсон стояла в волнах прибоя. Вода доходила ей примерно до пояса. Вместе с ней был ее младший брат, и когда что-то уцепилось за ногу, она подумала, что он в шутку хочет ее напугать.

Но через секунду она почувствовала, что ее правую ногу зажалось словно в тисках, и вода вокруг окрасилась кровью. С большим трудом она выбралась на берег и была тут же отвезена в больницу, где ей наложили тридцать швов на раны, нанесенные зубами акулы.

Пять дней спустя Дрейтон Хейсти, пятнадцати лет, купался у северного конца Моррис-Айленда в устье Чарлстонской гавани. Нападение на мисс Мэггинсон и почти одновременная поимка двухсполовиннометро-

ного детеныша акулы заставили всех держаться настороже. Поэтому, когда Дрейтону показалось, что он видит спинной плавник акулы неподалеку от берега, у которого он купался, мальчик оцепенел от страха. Но тут же решил, что принял за плавник небольшую волну.

Однако на всякий случай он поплыл к берегу и сел шагах в шести от него, там, где вначале постепенно спускавшееся дно начинало круто уходить вниз. Вода едва доходила ему до пояса.

— Я был уверен,— говорил он потом,— что в таком мелком месте я буду в безопасности.

Прошло несколько минут, и вдруг...

— Вода забурлила, затем я ощутил толчок, который тут же «взбодрил» меня. Что-то сдавило мне правую ногу. От боли у меня потемнело в глазах. Я почувствовал, как что-то с силой, не уступающей силе лошади, тащит меня в глубину. Я взглянул вниз и среди пены и брызг увидел голову огромной акулы. Вцепившись мне в колено, она дергала меня за ногу, как щенка, который старается вырвать у хозяина палку. Инстинктивно я стал лягать ее другой ногой, пытаюсь освободиться. Я высвободил правую ногу, но чудище тут же вцепилось мне в левую. Все это время я пятился к берегу, помогая себе локтями, и бил ногами по голове акулы, такой же твердокаменной, как скалы Гибралтара.

— Когда рассказываешь, вся эта история кажется длинной,— продолжал Дрейтон, обращаясь к Буртону,— но произошло все это, должно быть, за какие-то десять секунд... Люди говорят, что меня покусал кто-то другой, называют самых разных тварей, от крабов до... китов. Но у меня перед глазами все еще стоит картина: челюсти акулы вокруг моего колена, челюсти не

меньше четверти метра в поперечнике. Это подтверждает и мой друг. Он стоял на берегу и видел акулу. Он говорит, что она была около двух с половиной метров длиной.

Дрейтон Хейсти поправился. Как бы в подтверждение его слов, в ту же неделю менее чем в девяноста метрах от места предыдущего нападения был пойман детеныш акулы длиной в 2,5 метра. Вполне возможно, что это был тот самый преступник.

Спустя месяц после нападения на мисс Мэггинсон и Дрейтона Хейсти Кеннет Лейтон и его друг купались возле Поли-Айленда в ста двадцати километрах от Чарлстона. Они были далеко от берега, хотя и на неглубоком месте — глубина не превышала там метра с небольшим. Вдруг кто-то на берегу закричал:

— Акула! Акула!

Лейтон услышал крик и почти в ту же секунду увидел, что его вызвало: примерно в пятидесяти метрах от них чернел большой спинной плавник, который быстро приближался. Лейтон и его друг устремились к берегу. Но акула тоже переменяла курс; казалось, она хочет отрезать плывущих от суши. Напала она не сразу. Словно играя с людьми, а может быть просто раздумывая, кого из них избрать жертвой, она позволила им добраться до мелководья. И тут, когда они были всего по пояс в воде, она с быстротой молнии кинулась на Лейтона и схватила его за правую ногу. Верные друзья поспешили ему на помощь и буквально силой выдрали его из зубов акулы. Акула исчезла. Несколько сухожилий на правой лодыжке Лейтона оказались порванными, но он выжил и даже сохранил ногу.

Компетентные расследования, такие, как те, которые провел Буртон, позволили бы «поднять» многочисленные случаи нападения акулы на человека. Но пуб-

лика, к восторгу курортных властей, вовсе не хочет, чтобы эти случаи были раскрыты. Она предпочитает, как страус, прятать голову в песок.

Скептическое отношение к акулам сохранилось вплоть до Второй мировой войны. Когда началась война, ни моряки, ни летающие над океаном летчики не подозревали, что их ждет, если они потерпят аварию в населенных акулами водах.

В тот самый день, когда японцы напали на Пирл-Харбор, в другом полушарии тоже состоялось нападение, с той только разницей, что здесь нападающими были акулы. В южной части Атлантического океана был торпедирован английский военный корабль. Когда оставшиеся в живых моряки плыли к надувным спасательным плотикам, среди них появилась акулья стая. Человек за человеком исчезал в пасти акул. Кровь привела акул в неистовство. Они словно взбесились. Моряки, которым посчастливилось взобраться на спасательные плотики, отгоняли обнаглевших акул гребками. Когда через пять дней к оставшимся в живых подоспела долгожданная помощь, измученные усталостью и страхом люди все еще держали в руках гребки, а акулы по-прежнему находили себе среди них добычу. Из команды в 450 человек выжило 170. Сколько из них было убито, сколько утонуло... и сколько нашло смерть в желудках акул, навсегда останется тайной.

Тайной останется и то, сколько людей пало жертвами акул во время других катастроф военного времени, вроде гибели транспортного судна «Нова-Скотия», торпедированного возле бухты Делагоа в Юго-Восточной Африке, к северу от Дурбана, или потопленного японцами в филиппинских водах крейсера «Индианополис».

Во время трагедии с «Нова-Скотия» погибло тысяча человек. Наутро (транспорт торпедировали ночью), когда прибыли спасательные корабли, они обнаружили на воде множество трупов в спасательных жилетах. Все тела были без ног. Жилеты спасли солдат от смерти на дне океана, но ничто не могло спасти их от смерти в пасти акул, которыми кишело море.

Когда затонул «Индианополис», выжило 316 человек, а погибло 883, большинство из них — в воде. Только через четыре долгих мучительных дня пришло наконец спасение. Сколько людей было убито акулами, никто не знает. У многих из тех, кто выжил, остались следы укусов; 88 трупов было изувечено акулами.

Несмотря на то что случаи нападения на людей были известны задолго до войны, в «Наставлении для оставшихся в живых при кораблекрушении», выпущенном в США в начале войны, об акулах презрительно говорится, что они «медлительны, трусливы и могут быть испуганы шлепками по воде». Их описывают как «осторожную рыбу, подозрительно относящуюся к шуму, движению, непривычным очертаниям». «Уже одна эта их черта должна удержать акул от нападения на плывущего человека», — говорится там. Похоже, что акула, описанная в «Наставлении», сродни трусливому льву из книги «Мудрец из страны Оз»¹; во всяком случае, советы, как справиться с акулой, звучат цитатой из сказки. «После того как вы ударите ее по нежному, легко уязвимому носу или по глазу или пырнете ножом в жабры, — советуют brave авторы «Наставления», — схватите ее за спинной плавник и плывите вместе с ней столько, сколько у вас

¹ Книга американского писателя Фрэнка Баума советскому читателю известна в переработке А. Волкова под названием «Волшебник Изумрудного города».

хватит дыхания». Самый глупый совет, какой только можно себе представить!

Но это лишь начало. «Если вам это удастся,— продолжает «Наставление»,— она успокоится и снова станет сама собой — то есть трусливой тварью. Если у вас под рукой есть нож, вспорите ей брюхо. Тем самым вы впустите ей внутрь воду, и это почти мгновенно ее убьет». Еще большая чепуха!

Один летчик умудрился остаться в живых после нападения акулы, несмотря на то что следовал данным в «Наставлении» советам. Он рассказывал, как колотил своим автоматическим пистолетом сорок пятого калибра по «легко уязвимому носу» и «нежному» брюху нападавшей на него акулы. «Когда она перевернулась, я стал колотить ее по макушке. Она была твердая как сталь. Позже я обнаружил, что расплющил о нее ушко на прикладе, там, где прикрепляется ремень».

Люди, пытавшиеся спастись на надувных плотиках, часто подвергались нападению акул, и то, что происходило с некоторыми из них, никак не было предусмотрено в «Наставлении». «Поздно вечером,— рассказывал человек, который провел на спасательном плотике семнадцать дней,— на нас напала акула около полутора метров длиной и, проскочив над моим плечом, скользнула на плот. Она вонзила зубы в С. и оторвала огромный кусок мяса... Я вместе с еще одним человеком схватил акулу за хвост и столкнул ее с плота в воду... Вскоре С. начал бредить и через четыре часа умер».

На юге Тихого океана потенциальные жертвы акул сами, так сказать, в полевых условиях, занимались исследованием вопроса, как от них уберечься. Некоторые попавшие в аварию летчики утверждали, что акул можно отогнать при помощи «маркера» — окрашивающего воду ярко-желтого порошка, служащего для того, чтобы

привлечь спасательные самолеты; другие жаловались, что краска эта привлекает не спасателей, а акул. Многие верили в таблетки для очистки воды, считая, что хлор, который является составной частью этих таблеток, отпугивает акул.

Известны два случая, когда сами наставления помогли отогнать акул. Летчик, сбитый над Желтым морем, стал, чтобы убить время, читать книжечку, находившуюся в кармане спасательного жилета. Это оказалась «Памятка об акулах». Прочитав брошюру, он разорвал ее на куски и бросил бумажки в воду. Акула, которая давно уже следовала за надувной лодкой, где сидел летчик, кинулась за обрывками бумаги и больше ни разу не побеспокоила его. Пять человек выбросились с парашютом из самолета, подбитого над Тихим океаном. У них не было надувного плотика, только спасательные жилеты. Вскоре вокруг них стали кружить акулы. Следуя инструкциям «Памятки об акулах», летчики пытались отогнать акул пинками, но это им не помогло. Разозлившись, они разорвали две «Памятки» и бросили обрывки бумаги в воду. Акулы оставили людей и отправились «изучать» «Памятку». Вскоре летчики были спасены. Что стало с акулами после того, как они проглотили «Памятку», нам неизвестно.

Доктор Джордж Лланоу, всемирно известный специалист по акулам, сам спасся во время войны на надувном плотике. Работая в исследовательском центре ВВС США, он занимался изучением случаев, когда летчики были вынуждены посадить самолет на воду или выброситься из подбитого над морем самолета. Таких случаев он зафиксировал две с половиной тысячи. Как ни странно, только в тридцати восьми из них произошло непосредственное столкновение человека с акулой. Но, как заметил с мрачным юмором доктор Лланоу, когда акулы

оказываются победителями, они не оставляют доказательств своей победы, и подсчитать число летчиков, пропавших без вести, которые, по-видимому, нашли смерть в их желудках, просто невозможно.

Ллану рассказывает об одном морском офицере, оставшемся в живых после того, как его эсминец пошел ко дну и он провел двенадцать часов в воде.

— На рассвете,— вспоминает офицер,— я почувствовал, как что-то щекочет мне левую ногу. Удивившись и немного испугавшись, я поднял ее. Из ноги ручьем текла кровь... Я взглянул на воду... метрах в трех от меня виднелась блестящая коричневая спина огромной рыбы... Она плыла прочь. По-настоящему я испугался, только когда увидел, что рыба поворачивает и снова направляется ко мне. Она не делала бросков, но, разрезая воду, двигалась на меня по прямой. Я стал громко хлопать по воде, и на этот раз рыба переменяла свой курс... отошла примерно на шесть метров и стала плавать взад и вперед... Затем повернула... и снова направилась ко мне. Когда она подошла ко мне вплотную, я стал бить ее... раз за разом нанося ей по носу удары кулаком. Рыба опустилась примерно на полметра... отплыла и стала ждать. Я обнаружил, что она содрала у меня с левой руки кусок мяса. Затем она снова поплыла ко мне, опять по той же линии. Мне удалось сильно ударить ее по глазам и по носу. На левой руке появилось еще несколько ран. С интервалом в десять — пятнадцать минут, во время которых она медленно плавала взад и вперед, рыба делала новый заход, каждый раз с левой стороны. Только дважды она подплыла под меня. Я был совершенно беспомощен в этих случаях и больше всего боялся нападения снизу, но так как я лежал распластавшись на поверхности воды, ей было трудно снизу добраться до меня... Скоро большой палец левой ноги болтался на лос-

кутке кожи. Правая пятка была искусана. Левая рука и икра левой ноги были разодраны в клочья. Даже когда рыбе не удавалось вонзить в меня зубы, ее жесткая шкура сдирала мне кожу целыми кусками. Соленая вода несколько приостановила кровотечение, и я не чувствовал сильной боли.

Хотя к тому времени акула содрала у него все мясо с бедра, так что видна была кость, офицера больше всего волновало, что ему не удастся привлечь внимание проходящего мимо корабля. Он стал изо всех сил махать руками. На корабле заметили его и поспешили на помощь. Еще несколько секунд — и он был бы проглочен. Чтобы отогнать акулу, с борта корабля открыли по ней ружейный огонь.

— Я испугался, что меня подстрелят, когда спасение так близко,— говорил потом офицер.— Я стал кричать, умоляя их перестать. Акула была совсем рядом со мной. В меня попали бы раньше, чем в нее.

Ллануо обнаружил, что ни одно столкновение человека с акулой не было похоже на другое. Летчик, сбитый над юго-западной частью Тихого океана, плыл к острову, когда заметил в двадцати пяти метрах от себя четырех акул. Он продолжал плыть как ни в чем не бывало.

— Я решил не впадать в панику, а плыть дальше, пока не доберусь до острова... или пока акулы не доберутся до меня,— рассказывал он потом. И он добрался до острова — акулы его не тронули.

Другого летчика, прыгнувшего с самолета в районе Филиппинских островов, также стали преследовать четыре акулы. Пока он пинал их ногами, они его не трогали. Стоило ему перестать, как одна из них бросалась на него. Во время одного из таких бросков акула содрала у него с ноги кожу. Вода окрасилась кровью. Летчик провёл в море восемь часов, пока его не подобрал эсминец, но... акулы больше не нападали.

Были случаи, когда люди часами находились в воде, где кругом кишели акулы, и те их не трогали, сообщает доктор Лланову. Судя по свидетельствам этих людей, иногда они спасались прямо чудом.

Факты, накопленные во время войны, вооружили науку новыми сведениями о повадках акул... и показали нелепость многих наших прежних представлений. Но нам еще очень многое надо узнать.

Всякий, кто читал о нападениях акул, испытывает не очень приятное чувство, когда о прочитанном вспоминает в воде или даже на берегу. Ужас перед акулой часто заглушает разум. Страх, отвращение, растерянность неизбежно присутствуют в рассказах о нападении акулы. Чувства эти вряд ли помогают хладнокровно проанализировать события и точно их передать.

После нападения, если жертва мертва и найдено ее тело, можно обнаружить кое-какие улики: застрявший зуб или форма раны могут указать патологам, какая именно акула виновна в преступлении. Если пострадавший остается в живых, он рассказывает о случившемся на редкость невразумительно или, как это бывало не раз, вспоминает очень живо, во всех подробностях, лишь то, что произошло за несколько кошмарных секунд, когда его жизнь висела на волоске.

— Я помню только,— рассказывал один из них,— что вода забурлила и моя левая рука исчезла в пасти акулы... Я сжал правую руку в кулак и ударил акулу по носу снизу вверх... Рыбина послушно раскрыла пасть и исчезла. Я не заметил, как она подплывала, и не заметил, как она уплыла, хотя мы были друг от друга в одном-двух шагах.

Человек, рассказавший эту историю, Филипп С. Диес из Гонолулу, подвергся нападению возле острова Моло-

каи (один из Гавайских островов) в 1956 году. Его втащили на борт находившейся поблизости лодки и переправили на берег, где ему тут же оказали медицинскую помощь. Нападение акулы было для него как гром с ясного неба.

Редко можно найти и достаточно спокойных, и достаточно компетентных свидетелей, которые видели бы всю ужасную сцену нападения и могли трезво объяснить, что произошло перед их глазами. Однако существует одно свидетельское показание такого очевидца. По этому показанию можно тщательно изучить все этапы нападения. Но это стоило одному человеку жизни, а несколькими другим грозило смертью.

Жертвой был Барри Уилсон, семнадцать лет. Он подвергся нападению акулы у берегов Пасифик-Гроув, в Калифорнии, около двух часов пополудни 7 декабря 1952 года. Началось все как обычно. Барри громко закричал. Крик был услышан одновременно его другом Брукнсом Брейди, девятнадцати лет, который плавал недалеко от него, и Джоном Бассфордом, сидевшим на утесе над пляжем. Бассфорд, опытный ныряльщик-аквалангист, был метрах в тридцати от Барри и во всех деталях видел то, что произошло. За секунду до того, как Барри закричал, Бассфорд заметил, что юноша лихорадочно озирается вокруг. Затем лицо его исказилось ужасом, и прямо перед ним появилась огромная акула. Бассфорд крикнул об этом товарищу Барри, и в этот миг акула кинулась на Барри. Бассфорд видел, что тело юноши взметнулось вверх, по бедра показавшись из воды.

Стараясь высвободиться, Барри стал отталкивать акулу обеими руками, но она не разжимала зубов. Барри упал на бок и был увлечен вниз. Вверх брызнул фонтан крови, образовав на поверхности пятно око-

ло двух метров в диаметре. Внезапно посредине этого круга появился Барри, снова закричал и стал бить по воде руками.

Опять показалась акула — ее спина темнела над поверхностью моря. Она проплыла мимо Барри, повернула обратно и... исчезла. Нанесла ли она еще один удар, Бассфорд не знал.

Хотя девятнадцатилетний Брукнер Брейди видел акулу, он не захотел оставить товарища в беде. Он подплыл к Барри — до него было шагов пятьдесят — и стал волоком тащить его к берегу.

Тем временем четверо членов клуба «Морская выдра» — Эрл Стэнли, Роберт Шоу, Фрэнк Амброзио и Джон Паскус, все четверо ныряльщики-аквалангисты, — поспешили к нему на помощь. Они захватили с собой большую автомобильную камеру и ухитрились надеть ее на Барри. В то время как они сражались в воде с громоздкой камерой, Барри внезапно дернулся вперед. Шоу оглянулся и увидел отплывающую акулу. Она не отказалась от своей жертвы.

Шоу и Амброзио, схватившись за камеру по бокам, подталкивали ее вперед, а Паскус тянул ее за привязанную нейлоновую леску. Стэнли плыл сзади, поддерживая голову Барри, чтобы он не захлебнулся.

Они направлялись к небольшому волнорезу. Это было медленное и очень трудное путешествие, тянувшееся не менее двадцати минут. И все эти долгие двадцать минут акула плыла возле спасателей и жертвы, которую они выхватили у нее из пасти. Стоило им остановиться, чтобы лучше укрепить в камере обмякшее тело Барри, — и акула была тут как тут. Она ни разу не напала на Барри. Ни разу не пыталась отвлечь внимание противника. Она только возникала рядом с ними — и все. Движения ее были медленны, неторопливы, почти ленивы.

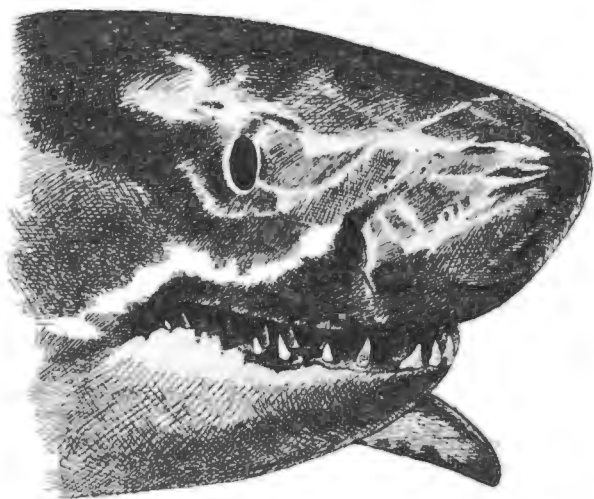
Когда Барри вынесли на волнорез, к ожидавшему там врачу, он был уже мертв. Нижняя часть его правой ягодицы и почти вся задняя часть правой ноги от бедра до колена была содрана до кости. На левой ноге были глубокие рваные раны.

После тщательного осмотра ран и опроса спасателей, которые имели возможность наблюдать акулу вблизи, ихтиологи установили, что это была большая белая акула, около четырех метров длиной. Осмотр тела показал, что Барри получил не меньше четырех ранений.

«Сопоставляя показания свидетелей,— писал Боулин, сотрудник Морской станции Гопкинса в Пасифик-Гроув,— можно установить следующую последовательность в нанесении ранений: первый удар — сзади, по нижней части ноги, этот удар ранил и напугал, второй — по средней части правого бедра, когда акула подплыла к юноше спереди и, проплыв у него между ног, подняла его высоко в воздух, третий — сбоку и сзади по верхней части левой ноги, тогда Уилсон в отчаянии стал колотить руками по воде, и, наконец, четвертый — по бедру правой ноги, когда его тащили к берегу и когда он уже, без сомнения, был мертв».

Нападение произошло на глубине 10 метров. Температура воды, медленно понижавшаяся всю предыдущую неделю, была в тот день около 13 градусов. Был сильный прибой — около 2,5 метра высотой, — и вода была очень мутной, так как накануне прошел сильный дождь, кроме того, к берегу нанесло много планктона. Видимость под водой была очень ограниченной — от 1,5 до 2 метров. День был довольно облачный.

Таковы факты, показывающие, как и при каких обстоятельствах произошло нападение. Есть ли среди них ответ на вопрос: почему акула нападает на человека?

Если этот ответ там есть, он, несомненно, кроется в совокупности факторов, провоцирующих нападение,— таких, как состояние воды, поведение жертвы, реакция акулы на весь комплекс причин и следствий. Но факторов этих такое множество, что из них немыслимо вывести простое уравнение. Пока мы знаем об акулах настолько мало, что никто не может с уверенностью сказать, будто те или иные условия приводят... или не приводят к нападению акулы на человека. Только одно можно сказать об акулах с полной определенностью: акула — это загадка.

Капитан Кусто — один из самых крупных авторитетов по вопросам подводной жизни — не раз сталкивался с акулами. Вот что он пишет в своей известной книге «Мир безмолвия»:

«В результате моих встреч с акулами, а их было более ста и встречался я с самыми разными видами, я вывел

два заключения: первое — чем ближе мы знакомимся с акулами, тем меньше о них знаем, и второе — никогда нельзя предугадать, что сделает акула».

Доктор Джильберт Дукан, один из пионеров подводной охоты и фотографии, высказывается ненамного оптимистичнее. «Возможно,— пишет он в своей книге «Подводный мир»,— и настанет день, когда мы будем знать, какие акулы «хорошие», а какие агрессивны и опасны по своей природе, так что лучше держаться от них подальше. Однако, к несчастью, если нам даже и удастся разглядеть в голубых просторах, к какому именно виду относится та или иная акула, может быть уже слишком поздно. В глубинах тропических вод не обитают добрые феи, которые вывешивали бы заботливой рукой в соответствующих местах предупреждение: «Осторожно, акулы!»

Нельзя сказать, что ученые не пытаются разгадать загадку, которую представляют собой акулы. Но это почти неразрешимая задача. Акула, как правило, слишком велика и опасна, чтобы ее изучать в лабораторных условиях. В плену она обычно чахнет, становится апатичной, так что резервуар или бассейн — мало подходящее место для того, чтобы вырвать у акулы ее секреты¹.

Однако в настоящее время ученые все же умудряются держать акул в неволе и изучать их. Конечно, это требует огромного терпения и искусства.

С помощью анестезирующего средства, известного под названием МС-222, можно ловить и умирять акул, осматривать их и даже проводить с ними, без вреда для

¹ Для быстроходных акул небольшие аквариумы не пригодны, так же как и для дельфинов. Только плавая на больших скоростях, эти акулы получают достаточное количество растворенного в воде кислорода. Большие скорости можно развивать только в очень больших резервуарах. Если океанариум мал, акула гибнет от удушья.

них, разные опыты. Наркотик этот может утихомирить любую акулу меньше чем за минуту. Нужно только, чтобы распыленные капли МС-222 попали в рот акулы или жаберные щели. Для этого может быть использован обыкновенный водяной пистолет. В последнее время МС-222 очень широко применялся для проведения экспериментов в условиях, максимально приближенных к естественным.

Одну из теорий, объясняющих нападения на человека, выдвинул доктор Копплсон, австралийский хирург, всю жизнь посвятивший изучению акул. Он считает, что виновником целого ряда следующих одно за другим нападений может быть одна и та же акула. Он назвал таких заслуживших печальную славу хищников «акулы-разбойники». В своей книге «Акула нападает!» доктор Копплсон пишет, что, возможно, «разбойник» — это «акула, которая, однажды убив или покалечив человека, получает вкус к этой смертоносной забаве и начинает охотиться за двуногой дичью». Он говорит, что акул, отведавших человеческой крови, можно сравнить с тиграми и львами — людоедами, которые выбирают себе добычей исключительно человека.

Хотя не лишено вероятия, что одна и та же акула может быть в ответе за несколько нападений, совершенных за короткое время в каком-то одном районе, теория «акулы-разбойника» все же не объясняет всех случаев нападений акулы на человека. По правде сказать, ничто не способно их объяснить!

Всякий раз, как нам кажется, будто мы нашли ключ, который откроет причину нападений акулы на человека, ключ этот открывает лишь одну дверцу, за которой обнаруживается другая. Одинаковые условия иногда приводят к нападению, а иногда — нет. Каждое правило, выведенное на основании изучения нескольких нападений,

оказывается недействительным, после того как обнаруживаются многочисленные исключения.

Вот три категорических утверждения, касающихся нападения акул... и бесспорные факты, которые им противоречат.

На людей нападают только большие акулы.

10 февраля 1955 года Джон Адамс, профессиональный ныряльщик, подвергся на дне бухты Тринидад (Калифорния) нападению якобы «безвредной» леопардовой акулы. Ее длина меньше метра. И это не единственный случай нападения мелких акул.

Неповоротливые акулы, обитающие на дне моря, никогда не нападают на людей.

В двух из описанных ранее случаев нападения у берегов Флориды речь шла об акулах-няньках — вялых, инертных акулах, обитающих на дне и считавшихся многие годы «безвредными». Известно и еще несколько случаев, когда нападавшие акулы относились к этому роду. Точно так же австралийская бородатая акула потеряла свою добрую славу после того, как откусила ступню наступившему на нее рыбаку. Правда, такого рода нападения классифицируются как «спровоцированные».

Акулы не нападают, когда температура воды ниже 18 — 20 градусов.

В случае с Барри Уилсоном, случае, когда нападение окончилось смертью жертвы, температура воды была 12,8 градуса.

7 мая 1955 года акула покалечила восемнадцатилетнего Альберта Коглера, когда он плыл в пятидесяти метрах от берега (это было возле Бейкерс-Бич, недалеко от Золотых Ворот в Сан-Франциско). Левая рука Коглера была откушена почти начисто. Его храбрая подружка, Ширли О'Нейл, также восемнадцати лет, подплыла к нему и вытащила его на берег. Через полтора часа он

умер от потери крови. Температура воды, как оказалось, была всего 13 градусов.

Считается, что можно избежать нападения акул, если твердо запомнить «Реестр». В нем зафиксированы все «опасные» виды акул. Иногда в «Реестре» 8 названий, иногда 13. В последнее время составители его предпочитают действовать наверняка, поэтому они увеличили список до 28 названий¹.

Читатель не найдет «Реестра» в этой книге. С одной стороны, никто не знает, сколько вообще существует видов акул, не говоря уже о том, сколько среди них «опасных». С другой стороны, многие виды настолько схожи, что различить их сумеет разве только ихтиолог, и то если разложит мертвую особь на лабораторном столе, пересчитает зубы, измерит расстояние между жаберными щелями и учтет другие анатомические признаки. Мало кто, увидев в воде силуэт приближающейся акулы, будет в состоянии правильно определить ее вид. Из многочисленных случаев нападений, изученных специалистами, только пять процентов представили достаточно данных для того, чтобы определить вид акулы. Так что «Реестр» всякий раз составляется на основании недостаточно достоверных фактов.

«Лучшее, что можно посоветовать относительно акул,— пишет один из флоридских ихтиологов,— это не доверять ни одной из них». Аттестация, данная акулам Международной океанографической организацией, такова:

¹ Список в 28 названий также не полон. Самыми опасными видами следует считать: большую белую, тигровую, два вида мако, акулу озера Никарагуа, гангскую, голубую, несколько видов морских лисиц, несколько видов акулы-молот и обыкновенную песчаную акулу. Среди ближайших родственников гангской и голубой акул наберется еще с полторы дюжины видов, челюсти которых в состоянии перекусить руку или ногу человека. Далеко не безобидны также сельдевые акулы, австралийская песчаная, полярная и некоторые другие. Число опасных и потенциально опасных видов, вероятно, доходит до сорока — пятидесяти.

«Все акулы потенциально опасны. Некоторые виды, не более метра в длину, менее опасны, чем крупные акулы, но на всякий случай нужно остерегаться любых акул».

Обеспокоенные отсутствием надежной информации относительно повадок акул и недостаточным количеством фактов, касающихся случаев нападения на человека, ученые 34 стран собрались в апреле 1958 года в университете Нового Орлеана. На этой конференции, проводившейся под эгидой Американского института биологических наук, была создана Комиссия изучения акул (КИА).

КИА ведет «Картотеку нападений» — постоянную запись всех случаев нападения акулы на человека в водах всего Мирового океана. Как только КИА получает сигнал о происшедшем нападении, члены ее немедленно выезжают для сбора информации. КИА работает в контакте с местным врачом или ихтиологом. Если пострадавший остается жив, его просят заполнить подробную анкету. Во всех случаях производится опрос свидетелей нападения, полицейских, медицинского персонала и врача больницы, а также родственников пострадавшего.

Комиссию интересуют сведения относительно глубины, температуры и прозрачности воды, времени, когда произошло нападение, и состояния погоды, цвет одежды или купального костюма пострадавшего, цвет его или ее кожи, вид акулы и кто опознал ее, характер ран и способ их лечения, и то, как акула и ее жертва вели себя до, во время и после нападения.

КИА надеется, что, получив ответы на все эти вопросы, изучив обстоятельства, сопровождающие нападение и поведение акул, можно будет собрать достаточное количество фактов, чтобы проверить некоторые гипотезы о причинах нападения акулы на человека.

На первом месте в списке предполагаемых причин нападения стоит наличие в воде крови... В море нет ни одной акулы. Но вот тонет корабль или падает подбитый самолет, и в воду попадает, пусть даже в минимальных количествах, человеческая кровь. И немедленно, словно облекшиеся в плоть призраки, появляются акулы. Они осторожно описывают круги, не решаясь подплыть поближе. Затем одна из них кидается на добычу. Другая. И скоро вода вокруг кипит ключом. Акулы впадают в неистовство. По-видимому, запах крови действует на них так опьяняюще, что в конце концов они жадно набрасываются даже друг на друга. Рыбаки неоднократно наблюдали подобное зрелище, когда стая акул нападала на косяк рыбы или раненого кита. Если жертвами оказываются люди, попавшие в кораблекрушение или авиационную катастрофу, часто после кровавой бойни не остается никого, кто мог бы о ней поведать.

Но от тех немногих, кто уцелел, мы узнаём, что не один человек спасся с тонущего корабля только для того, чтобы погибнуть в пасти акул. Когда в Тихом океане затонул транспортный корабль «Кейп Сан-Хуан», торпедированный японской подводной лодкой, на его борту было 1429 человек. Торговому судну «Эдвин Мередит» удалось спасти 448. И даже во время спасательной операции несколько стай акул продолжали бесчинствовать среди надувных плотиков и уничтожать тех, кто на них находился.

Один из членов экипажа «Мередита» позднее рассказывал о том, свидетелями чего были его глаза и уши: «Вновь и вновь раздавались крики солдат, в то время как акулы стаскивали их с плотов в воду. Иногда акулы нападали на тех, кого подтягивали на корабль на спасательных веревках».

Солдату, бывшему в числе тех, кто пережил эту трагедию, навеки врезался в память один эпизод: «Я сидел в темноте на краю плота и разговаривал с приятелем. **Зачем-то я на секунду отвернулся и когда снова взглянул туда, где он был, никого не увидел. Моего дружка проглотила акула.**»

Чтобы привлечь внимание акул, в воде не обязательно должно быть много крови.

Подвергнув случай с Барри Уилсоном тщательному исследованию, ученые выяснили следующий факт: перед тем как Барри вошел в воду, Бассфорд заметил у него на теле несколько свежих царапин,— оцарапался он, видимо, когда слезал со скалы. Старый и опытный ныряльщик предупредил Барри, что даже микроскопическое количество крови может привлечь акул. Но Барри пренебрег предупреждением... и через несколько минут был схвачен акулой.

В другом случае аквалангист плыл над самым дном, когда у него пошла носом кровь. Кровь попала ему в рот и через трубку — в воду. По воде поплыли окрашенные кровью пузырьки. Небольшая акула, видимо привлеченная приятным запахом крови, дважды ударила ныряльщика по лицу и по голове, затем кинулась прочь. Ныряльщик отделался небольшими ранениями.

Не менее сильной приманкой для акул является кровь рыбы и сама бьющаяся на крючке рыба. Многие рыболовы рассказывают, что акулы уносят у них добычу. Некоторые, менее удачливые, сами оказываются приманкой для акулы. 19 августа 1962 года рыбак Ганс Фикс стоял по пояс в воде на побережье острова Падре, тянущегося вдоль Техасского пролива. С пояса у Фикса свисала леска с нанизанной на ней рыбой. Вдруг, несомненно привлеченная рыбой, на Фикса бросилась акула. В какие-то секунды она, три раза укусив его за правую но-

гу, чуть не начисто ее оторвала. Через полчаса Фикс, перевезенный в больницу, умер.

Когда одиночная акула внезапно нападает на группу людей, она, как правило, избирает себе в жертву лишь одного из них и преследует только его, игнорируя всех прочих. 19 мая 1960 года четверо подростков находились в воде в ста сорока метрах от берега у Хидден-Бич, в Калифорнии. Это были школьники старших классов: Ник Бок, шестнадцати лет, Ларри Кронин, пятнадцати лет, Тэсси Леттаниш, пятнадцати лет, и Сюзанн Терио, шестнадцати лет. Они играли в воде с надувной автомобильной камерой.

— Ларри и Сюзанн плавали вокруг, а мы с Ником были внутри,— рассказывала потом Тэсс.— Вдруг Сюзанн крикнула, что кто-то укусил ее за ногу. Ларри схватил ее за руку, а Ник велел мне забраться с ногами на камеру. Я увидела кровь и плавник, торчащий из воды. Мы принялись бить по воде ногами, а Ларри, уцепившись одной рукой за камеру, другой поддерживал Сюзанн.

В это время к ребятам присоединился еще один пловец, Эдуард Кэссел, семнадцати лет, и помог доставить Сюзанн на берег. Ее левая нога была искромсана, и ее пришлось сразу же ампутировать. Но акула не тронула никого из товарищей девочки. (Вспомните, что, когда спасали Барри Уилсона, акула, сопровождавшая их до самого берега, тоже не тронула никого из тех, кто его спасал.)

Страшный пример того, как акула настойчиво преследует избранную ею жертву, дает нам Вторая мировая война. Американский танкер был обстрелян, затем торпедирован немецкой подводной лодкой. Во время обстрела были ранены два солдата из огневого расчета, находившиеся на палубе. После того как танкер торпеди-

ровали и был отдан приказ покинуть судно, моряк Чарльз Ричардсон подтащил раненых к фальшборту и перебросил их через него. Затем прыгнул сам.

Ричардсон взвалил одного раненого на спину, другому велел держаться за себя и со своей двойной ношей поплыл по покрытой нефтяной пленкой воде к спасательной шлюпке. Он услышал, как лежащий у него на спине раненый вдруг застонал, и почувствовал, что он соскальзывает в воду. Ричардсон повернул голову и увидел, что большая акула старается стянуть раненого у него со спины.

Ричардсон вытащил нож и стал полосовать акулу, пытаясь прогнать ее прочь. Но акула, не обращая внимания на Ричардсона и на второго раненого, все еще крепко держащего его за шею, продолжала до тех пор дергать и кусать избранную ею жертву, пока не заполучила ее. Второго раненого Ричардсону удалось благополучно доставить к спасательной лодке, где их ждали протянутые руки товарищей. Храбрый моряк получил медаль за свой героический поступок.

И многие, многие другие нападения шли по тому же образцу: из нескольких людей, находящихся в воде, лишь один избирался жертвой, акула не трогала ни других пловцов, ни тех, кто приходил пострадавшему на помощь.

Естественно, возникла теория, что те, кто спасают пострадавшего от акулы, неприкосновенны для нее. Но после тщательных исследований, проведенных КИА, теория эта была опровергнута. Доктор Шульц, один из членов КИА, пишет в своем докладе: «Собранные нами данные показывают, что из 68 человек, оказавших помощь жертвам нападения акулы, 12, то есть 17,7 процента, сами подверглись нападению. Следовательно, всякий, кто приходит на помощь пострадавшему, рискует своей собственной жизнью».

Но неужели нельзя найти такой разгадки того, что вызывает нападение, которая устоит перед самой тщательной проверкой? Пока что с полной достоверностью установлены только два фактора, способствующие нападению.

О первом мы говорили. Кровь, даже в небольших количествах, очень сильно разбавленная, обязательно привлекает акул. Это же относится к рвоте, отбросам и падали.

Сигналом для нападения также нередко служит поведение раненого или неумелого пловца — его беспорядочные, панические движения. Возможно, что они напоминают акуле о рыбе, трепыхающейся на крючке, и говорят о том, что в воде находится раненое существо.

Можно предположить, что сами химические процессы, происходящие в организме, посылают такой сигнал. Когда наши органы чувств обнаруживают грозящую нам опасность — например, приближающуюся акулу, — то, что мы называем страхом, проявляется в ряде быстрых произвольных процессов в нашем организме. Поджелудочная железа начинает выделять инсулин, чтобы усилить деятельность сердца и повысить кровяное давление; тем самым усиливается приток крови к мышцам, которые придется, возможно, пустить в ход, чтобы отразить опасность, обнаруженную органами чувств. Кровеносные сосуды желудка, кишечника и других внутренних органов внезапно сжимаются, чтобы сократить приток к ним крови и отдать излишек мышцам. Печень усиливает свою деятельность, более активно превращая гликоген в сахар, чтобы обеспечить мышцы дополнительным запасом горючего. Зрачки глаз расширяются, чтобы увеличился угол зрения. Нас передергивает дрожь. Кожу покрывают мурашки. На теле выступает холодный пот. Во рту пересыхает. Все это служит внешними признаками того, что нормальные функции

организма нарушены, так как все химические процессы происходят с повышенной интенсивностью. Возможно даже, что тело человека выделяет при этом неуловимую «эманацию» страха. И возможно, что именно эта эманация в ряде случаев и привлекает акул.

Список факторов, способствующих нападению, кажется бесконечным: нечистоты, выливаемые в море из сточных труб, отходы фабрик и скотобоен, сбрасываемые в воду... стаи рыб, за которыми по пятам следуют акулы... моретрясения и штормы, которые нарушают экологический баланс, в результате чего акулы вынуждены в поисках пищи переходить в новые места, иногда ближе к берегам... и к людям. Все необычное, вроде удара о воду упавшего самолета или звуковых волн, возникающих, когда тонет корабль, тоже, по-видимому, привлекает акул и может спровоцировать нападение.

Но то, что привлекает акул, вовсе не обязательно ведет к нападению, иногда это, как ни удивительно, приводит к обратным результатам. Известный специалист по акулам Е. В. Гаджер пишет, например: «В Ки-Уэсте я видел, как мальчишки ныряли за монетами, которые бросали им в воду, а в двухстах метрах от них плыла по течению дохлая лошадь, окруженная четырьмя или пятью акулами. Это были трехметровые тигровые акулы. Они выскакивали из воды, стараясь разорвать лошадь на куски и сожрать ее. Все было яснее ясного: акулы предпочли дохлую лошадь живым мальчишкам».

Человек, плывущий в открытом море, далеко от суши, не знает, когда на него нападет акула и нападет ли вообще. Однажды ночью в 1953 году двое летчиков выбросились с парашютами над Атлантическим океаном. Это были сержант Ларри Грейбилл и летчик 2-го класса

Джеймс Хендерсон. Они связались спина к спине и, поддерживаемые на воде спасательными жилетами, носились по волнам двадцать два часа, пока их наконец не спасли. И почти все эти двадцать два часа они отбивались от акул.

— Я вспомнил, что однажды я читал, будто их надо стукнуть по рылу и они отстанут,— рассказывал Хендерсон.— Это сработало.

Грейбиллу не так повезло.

— Что-то пронеслось мимо меня,— вспомнил он,— я почувствовал, что моя рука в глотке акулы, и изо всех сил пнул ее ногой, чтобы вытащить руку.

Кисти рук у Грейбилла были разодраны и поцарапаны о кожу акул. Руки Хендерсона кровоточили от ожогов, нанесенных физалиями. Казалось бы, им суждено погибнуть в глотках акул, впавших в неистовство от запаха крови. Однако этого не произошло. Еще раз акулы доказали, что при столкновении с ними ничего нельзя заранее предугадать.

Считается, что опасность куда больше вдали от берега, и процентное соотношение нападений в масштабах всего Мирового океана полностью это подтверждает. Вместе с тем люди подолгу дрейфовали в открытом море и не видели не только акул, но и вообще ни одной рыбы. Ученые, занимающиеся акулами, считают, что не существует ни одного достаточно веского объяснения того, что делает или чего не делает акула. Мы слишком плохо знаем акул. Иногда мы хватаемся за одну ниточку, иногда — за другую. В одном случае в воде есть кровь и все же акула не нападает на плывущего человека. В другом — нет никаких явных причин, которые могли бы спровоцировать нападение, и все же оно происходит. Каждое нападение представляет собой парадокс.

Только после того как КИА начала свою работу, случаи нападения акул в морях и океанах всего мира стали тщательно изучаться.

Просматривая старые медицинские журналы, судовые дневники, больничные записи и газетные подшивки из самых разных стран, КИА собрала сведения о 1251 случае нападения акулы на человека, первое из которых произошло в 1580 году. Из них 798 случаев были настолько хорошо документированы, что их можно было подвергнуть анализу. Были получены следующие данные.

Из 798 нападений 599 было ничем не спровоцировано. Из лиц, подвергшихся нападению, 408 умерло, 390 поправилось. Наибольшее число нападений (75,4 процента) в водах Австралии, Северной Америки и Африки произошло в летние месяцы. Но в экваториальных водах нападения не прекращались круглый год. Это означает, что так называемый «акулий сезон» есть не что иное, как купальный сезон.

Большинство (62,2 процента) нападений на одного человека произошло не дальше чем в ста метрах от берега.

Большинство (70,2 процента) нападений произошло на глубине, не превышающей полтора метра; 24,9 процента пострадавших были в момент нападения более чем по колени и менее чем по плечи в воде.

Большинство пострадавших (63,3 процента) в момент нападения плыли или лежали на воде; 20,8 процента шли по воде; 19 процентов занимались подводной охотой; 10,3 процента стояли возле того места, где шла ловля рыбы, или возле проплывающей рыбы. 38,2 процента нападений произошло, когда жертва была в воде одна, в 40 процентах случаев в трех и более метрах от пострадавшего находился еще один или несколько чело-

век; в 21,2 процента случаев другой человек был всего в нескольких шагах.

Большинство нападений (94,3 процента) произошло днем.

Тот факт, что на ночь падает всего 5,7 процента нападений, вовсе не означает, что романтическое купание при лунном свете безопаснее, чем дневное. Напротив, если правильно прочесть цифры, статистика доказывает обратное. Несомненно, число плавающих ночью куда меньше, чем пять процентов от числа плавающих днем. Следовательно, ночью куда легче подвергнуться нападению. Ночь является временем охоты для большинства видов акул. Ночная охота идет по следующему шаблону: сначала, с наступлением темноты, на поверхность поднимается планктон, за ним — мелкая рыба, за ней — крупная, и, наконец, последнее звено этой неразрывной цепи — вечно голодная акула.

«Погода и другие физические факторы, по-видимому, не имеют особого значения,— пишет доктор Шульц, автор доклада КИА по вопросу о нападении акул.— Число нападений при ясной и облачной погоде приблизительно одинаково.

У нас нет доказательств того, что особый цвет одежды или оттенок кожи является важным фактором, который может стимулировать нападение. Яркие блестящие предметы или контрастное чередование светлых и темных предметов действительно привлекают внимание акул. Однако пока мы не располагаем достаточными данными, чтобы вывести веские заключения относительно роли физических факторов».

Рассмотрим, к примеру, вопрос о том, какой цвет предпочитают акулы. Когда акула может выбирать между светлой и темной приманкой, она чаще выбирает светлую. Капитан Янг утверждает, что акулы всегда пред-

почтут тушу белой лошади туше гнедой. Туземцы, ныряльщики тропических вод, надевают черные сандалии, перед тем как идти в воду, чтобы не были видны более светлые, чем тело, ступни их ног. Греческие охотники за губками, ныряющие в черных костюмах, прячут ладони под мышками, когда поблизости появляется акула.

С одним из самых драматических примеров того, что акулы действительно предпочитают белый цвет всем другим, мы столкнулись летом 1953 года в Новой Шотландии. Эпизод этот произошел возле Фуршю, на юго-восточном берегу острова Кейп-Бретон. Море было усеяно рыбацкими плоскодонными лодками. Одна лодка, около четырех метров длиной, была покрашена в белый цвет, и ее уже несколько дней подряд преследовала гигантская акула. Многие рыбаки были свидетелями этого жуткого спектакля: стоило белой плоскодонке выйти в открытое море, за ее кормой тут же появлялся черный плавник. В конце концов 9 июля, как раз когда поблизости не было других лодок, акула внезапно кинулась на белую лодку и пробила в ее дне большую дыру.

Оба рыбака, находившиеся в лодке, оказались за бортом. Один из них утонул. Другой уцепился за лодку и несколько часов пробыл в воде, пока наконец не подошла помощь. Ни того, ни другого акула не тронула. (То, что один из них утонул, явилось лишь побочным следствием нападения. Насколько известно, акула не тронула даже труп.) Зуб, застрявший в дне разбитой лодки, позволил установить вид акулы. Это была большая белая акула, одна из самых опасных из всех существующих акул. Уильям Шрёдер, выдающийся авторитет в области изучения акул, определил, что акула была примерно 3,5 метра длиной и весила 500 — 650 килограммов. Этой акуле ничего не стоило проглотить любого из находившихся в лодке людей или даже их

обоих, но, судя по всему, объектом ее желаний были не люди, а лодка, единственная белая лодка в той части моря.

Однако, если белый цвет привлекает акул, каковы могут быть шансы на спасение у японских ама, или «морских женщин», которые ныряют на дно в поисках жемчуга в белых юбках и белых кофтах? Ама считают, что белый цвет отпугивает акул. Иногда женщины — и девочки, так как многие ама всего лишь подростки, — надевают яркие украшения и обматывают свои угольно-черные волосы белым полотенцем. Их снаряжение состоит из очков, сумки, куда они складывают добычу, и кривого ножа, которым они срезают акоя — жемчужниц — с подводных скал на глубине двенадцати и более метров. Они всегда настороже, это так, но, несмотря на их сверкающие белые костюмы, акулы очень редко нападают на них.

Утверждение, будто люди с темным цветом кожи не подвергаются нападению акул, является абсолютно ложным, что было доказано многократными нападениями в разных уголках Земли.

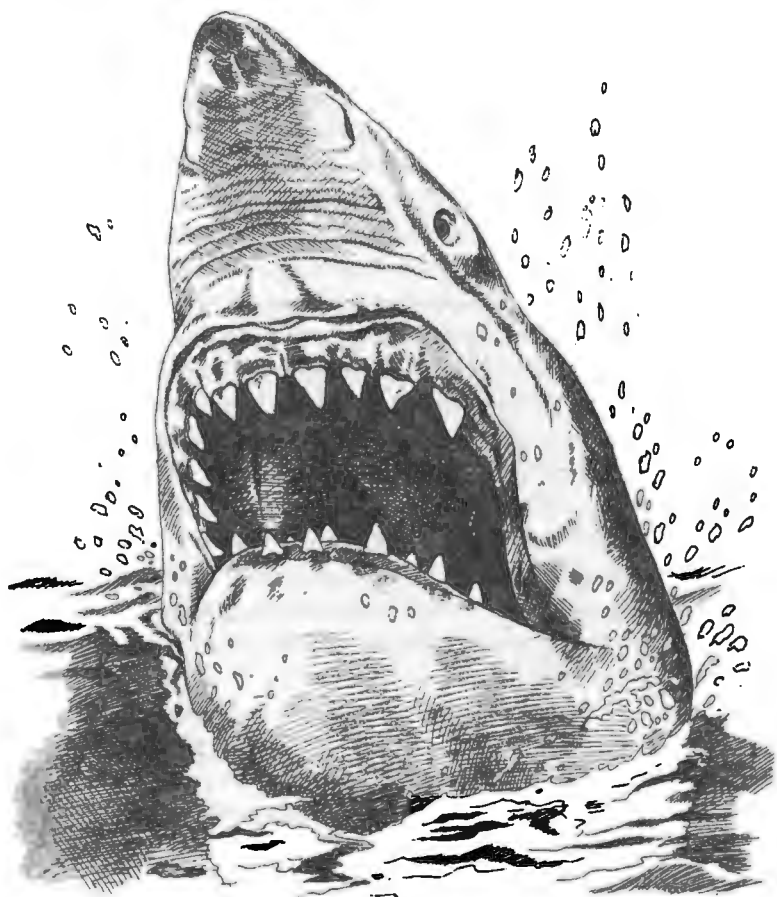
В Торресовом проливе, между Новой Гвинеей и Австралией, в те времена, когда ловля жемчуга была основным занятием туземцев, на год приходилось в среднем по три нападения. Медицинский отчет, сделанный на основании сведений, полученных от ловцов жемчуга, отмечает: «...почти каждый день ныряльщик видит по меньшей мере одну акулу. Нередко акулы нападают». После перечисления ряда удавшихся и неудавшихся нападений в отчете говорится: «Эти факты рассеивают популярное заблуждение, будто акула не станет нападать на человека с темным цветом кожи... На самом деле у берегов Австралии аборигены подвергаются нападению куда чаще, чем белые».

Один из ловцов жемчуга в Торресовом проливе, некий Иона Асаи, нырял однажды на глубину в три с половиной метра, когда на него напала тигровая акула. Акула ринулась на него сверху, и через секунду голова Ионы очутилась в пасти акулы. Что случилось потом, пусть лучше расскажет сам Иона, который, как это ни невероятно, остался жив.

— Когда я обернулся, я увидел акулу в шести шагах от себя. Она открыла пасть. У меня не было никаких шансов спастись. Тут она подплыла и схватила меня за голову. Видно, прокусить голову ей показалось трудно, поэтому она укусила меня за шею. Когда я почувствовал, что ее зубы вонзаются мне в тело, я поднял руки и изо всей силы надавил акуле на глаза. Я давил и давил, пока она не выпустила мою голову и я не вынырнул наверх. Капитан втащил меня в лодку, и я потерял сознание. Чтобы привести меня в чувство, они достали лекарство у учителя с Джервис-Айленда.

Однако чтобы привести Иону в человеческий вид, одного лекарства было мало. Чтобы зашить два ряда ран, оставленных зубами акулы вокруг его шеи и подбородка, потребовалось наложить двести швов. Вся эта история подтверждена больничными записями и фотографиями. Через три недели после того, как он вышел из больницы, у него на шее сделался небольшой нарыв. Когда его вскрыли, там нашли последнее свидетельское показание, подтверждающее слова Ионы,— зуб тигровой акулы.

Предпринятые КИА поиски ключа к разрешению загадки, которую представляет собой акула и ее нападения на человека, повели по самым различным следам. Считалось, что существенным фактором, определяющим, быть или не быть нападению, является температура воды, и КИА доказала, что нападения акул дейст-

вительно, как правило,— об исключениях мы уже говорили — происходят при температуре выше восемнадцати градусов. (Эксперименты показали, что, когда температура падает до пятнадцати градусов, некоторые акулы совсем теряют аппетит.)

Когда прибрежные воды в морях умеренного климата летом нагреваются, температурные изменения часто являются предвестником появления больших прожорливых акул, приплывающих из родных для них тропических вод. Акулы прибывают на новые пастбища в то самое время, когда прибрежные воды начинают кишеть мигрирующей рыбой... а также купальщиками и катающимися на лодках и водных лыжах, подводными охотниками и любителями покачаться на волнах. В последние годы большую белую акулу, считающуюся тропической, очень часто видят и ловят за пределами тропиков; как полагают некоторые ихтиологи, эти самые страшные из акул стали постоянными летними гостями более холодных морей (они добираются даже до Новой Шотландии).

Тропические акулы, появляющиеся в морях умеренной зоны, скорее всего, приходят сюда вслед за своей добычей — рыбой, которая покинула обычные места кормежки из-за температурных сдвигов. Постепенные неуловимые изменения в температуре моря, по всей видимости, ломают границы, которые раньше разделяли зоны распространения тропической, субтропической и умеренной морской фауны.

Мы имеем уже достаточное количество фактов, свидетельствующих о том, что моря становятся теплее, вероятно, в результате глобальных климатических изменений, обнаружить которые возможно лишь путем изучения данных, накопленных в течение очень долгого времени.

С другой стороны, человек стал проникать в более холодные воды. Доктор Шульц указывает в отчете КИА: «Нырятьщики, одетые в специальные купальные костюмы, отваживаются плавать в более холодных водах, и три нападения, зафиксированные у берегов Австралии,

произошли при 12,7 градуса. Мы полагаем, что территория, на которой имеют место нападения акулы на человека, будет все больше и больше расширяться, по мере того как все большее число пловцов будет вторгаться в царство хищных акул в морях умеренной и субумеренной зон».

Поскольку акулы сравнительно редко нападают на ныряльщиков-аквалангистов, многие из них считают, что обладают каким-то невидимым талисманом. Некоторые ныряльщики начинают настолько презрительно относиться к акулам, что ездят на них верхом или цепляются им за хвост. КИА издала брошюру, где предупреждает, что такие забавы могут кончиться смертью.

«Казалось бы, нет необходимости,— пишет член КИА доктор Джильберт,— говорить людям, чтобы они не хватали акулу за хвост и не катались на ней. Однако, как ни странно, приходится это делать. В Калифорнии существуют спортивные клубы аквалангистов, попасть в которые можно лишь прокатившись сперва на акуле. Мы решительно против этого возражаем».

Члены подводного братства, подводные охотники, часто, сами того не желая, выступают в качестве приманки. Охотник убивает рыбу. В воде возле него появляется свежая кровь. И когда акула устремляется к источнику столь соблазнительного для нее запаха, она готова сожрать любую пищу, попавшуюся ей на глаза. Нередко акула схватывает добычу прямо с копыя охотника или даже с лески, привязанной у него к поясу.

Бывает и так, что акула предпочитает получить на обед самого охотника. Лениорд Хиггинс, австралийский подводный охотник, как-то раз, взяв богатый улов, волок за собой добычу на бечеве длиной в пять метров. Это считается достаточной мерой предосторожности, так

как, пока акула будет пожирать нацепленную на бечеву рыбу, можно успеть выбраться из воды.

Но акула, с которой Хиггинс встретился в тот день, не обратив внимания на его улов, кинулась на него самого столь стремительно, что он своим телом как пробкой забил ей пасть. Хиггинс закричал. Акула выпустила его и исчезла так же бесшумно, как появилась. Несмотря на то что акула нанесла ему глубокую рану, он выбрался на берег. Хиггинс остался жив. Как он сам считает, он не был проглочен только потому, что акула физически не могла закрыть заклиненную его телом пасть; ей повредила собственная жадность.

Совершенно невозможно предугадать, что сделает акула при встрече с человеком... или лодкой. Акулы «бодали» лодки и плоты, разбивали их, переворачивали... даже прыгали на борт. Мы знаем несколько подробно документированных случаев того, как акулы вспрыгивали на небольшие суда. Они били хвостом, лязгали зубами, и усмирить их было не легче, чем в воде,— на лодке они ничуть не менее опасны.

Туземцы островов Гилберта из всех населяющих их воды акул боятся только одной — *рокеа* (к сожалению, мы знаем только местное название этой акулы), так как она нападает на пироги и сидящих в них гребцов¹. Если рыбак вытаскивает полуобглоданного тунца, он тут же обрезает леску, чтобы и вторая половина рыбы досталась рокеа. В противном случае рокеа сама приплывет за тунцом.

Предрассудок? Сэр Артур Гримби, живший много лет на островах Гилберта, описывает в своей книге об этих островах один такой случай, происшедший у него на глазах.

¹ Весьма вероятно, что речь идет о мако.

«Мы слышали глухой удар и затем треск, донесшийся от каноэ, которое было от нас в 55 метрах,— пишет он.— Следом раздался второй глухой удар: из воды в хлопьях пены поднялся гигантский хвост и ударил по борту лодки. Через секунду в воздух взлетела вся рыба целиком и раздался третий сокрушительный удар. Мы увидели, как корпус каноэ стал оседать и оно начало медленно погружаться в воду. Рокеа снова выпрыгнула из воды, и один из сидящих в тонущей лодке рыбаков был скинут за борт ее чудовищным хвостом. Пока мы спешили на помощь, акула успела жестоко расправиться с ним. Оставшийся в живых рыбак, юноша лет семнадцати, со слезами на глазах повторял, что во всем виноват он один: он снял с крючка рыбу и кинул ее в лодку, зная, что она на примете у рокеа. Через секунду чудовище атаковало их лодку».

Доктор Копплсон подсчитал, что в Австралии не меньше пострадавших в результате того, что акула «бодала» человека или доску, на которой он катался на волнах, чем от самих укусов акулы. Почему акула «бодает» разные предметы, в частности лодки, неизвестно. Некоторые считают, что акулы любопытны и нападения на объект, вызвавший их интерес, в какой-то степени удовлетворяют это любопытство.

Один из самых интересных случаев нападения акулы на лодку произошел в Австралии. Трое рыболовов-любителей вышли в море у Си-Холма, штат Виктория, на пятиметровом ялике. У одного из рыболовов, Дау Миллера, начался страшный приступ морской болезни. Миллер трупом свалился на дно лодки, спрашивая себя, почему это он решил, что ловить рыбу — приятно, как вдруг... Но пусть он сам расскажет нам обо всем.

— Я лежал на дне, мечтая о смерти. Самочувствие у меня было ужасное. Вдруг я услышал страшные крики,

и Грей Нурс грохнулся мне прямо на живот. В чем дело? Я взглянул вверх, и тут мне все стало понятно. У меня потемнело в глазах. Я попытался встать на ноги, но был сбит огромным хвостом. Трижды я вставал и трижды оказывался на дне лодки. Я был готов прыгнуть за борт, но не мог же я оставить друзей.

Оправившись от морской болезни с рекордной быстротой, Миллер кинулся на помощь товарищам, и втроем им удалось наконец победить акулу — они били ее румпелем по голове.

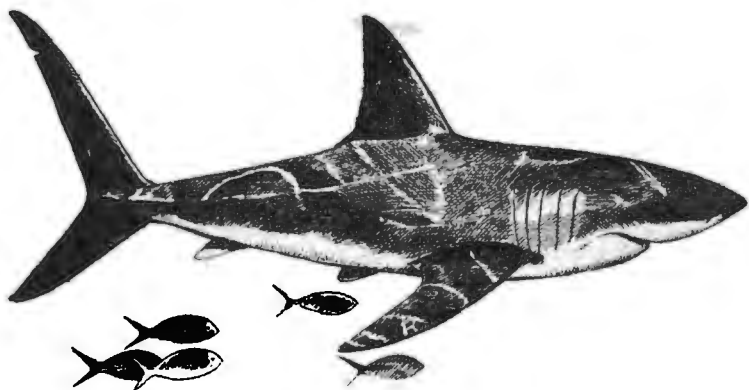
Когда вы ныряете с лодки в открытом море и даже в гавани, это может привлечь акулу; не менее опасно, когда вас тянут за лодкой на бечеве. В этом случае вы, по крайней мере для акулы, похожи на рыбу. Только в одном 1959 году КИА зафиксировала 12 неспровоцированных «контактов» с лодками, надувными спасательными плотиками и водными лыжниками. Двенадцать подобных случаев были зафиксированы и в 1960 году. «В одном случае,— говорится в отчете,— стая акул, напавшая на ялик, стала играть им как волчком, подталкивая его так, что он безостановочно крутился вокруг своей оси».

«Судя по нашим данным,— говорится далее в отчете КИА,— опасно нырять с молов, лодок и стоящих на якоре кораблей в заливах и лагунах, где обычно много акул; у нас есть свидетельства того, что во многих подобных случаях ныряльщик подвергался нападению в ту самую секунду, когда оказывался в воде».

В отчете КИА за 1961 год говорится, что за этот период акулы совершили 30 неспровоцированных нападений, ранив 31 человека, из которых 6 умерло. Нападения эти произошли как у Тихоокеанского, так и у Атлантического побережий Северной Америки, у Гавайских и других островов Тихого океана, у Бермудских

островов, у берегов Австралии, Северной и Южной Африки, у Филиппин, в Средиземном море и Персидском заливе, а также в двухстах семидесяти километрах вверх по течению реки Лимпопо в Восточной Африке. Среди отмеченных КИА районов нападений не оказалось Южной Америки, Восточной Индии и других берегов Юго-Восточной Азии. Это объясняется только тем, что, хотя те места и изобилуют акулами и, как нам известно, акулы эти нападают на человека, ни одно из таких нападений не было зафиксировано.

Глава вторая

КАПИТАН «АКУЛЯ СМЕРТЬ»

Мальчику было десять лет. В тот летний день знакомый рыбак взял его с собой в море, и вот теперь лодка плавно шла над подводными лесами из ламинарий, покрывающих дно океана у Ла-Холья в Калифорнии.

Зачарованный красотой этих безмолвных, чуть колышущихся лесов под толщей прозрачных вод, мальчик не расслышал, как рыбак позвал его.

— Билл! — снова крикнул тот. — Быстрей. Смотри сюда.

Мальчик кинулся к противоположному борту лодки и перегнулся через планшир. Там, среди водорослей, в метре от поверхности, грациозным волнообразным движением рассекая воду, тенью скользила длинная рыба, не меньше восьми метров в длину.

— Это акула, Билл,— сказал рыбак. И снова мальчик его не слышал. Он снова был захвачен красотой. Но теперь это была красота силы и дерзости, таившая в себе угрозу.

Так в 1885 году Вильям Янг впервые увидел акулу. Пройдут года, в погоне за акулами он объездит весь свет, но никогда не забудет он эту тень, мелькнувшую перед ним в подводных лесах Ла-Холья...

В 1900 году Билл Янг и его брат Херб покинули Калифорнию. Тяга к экзотике и стремление разбогатеть влекли их в дальние края. На борту двухмачтовой шхуны они отплыли на Гавайские острова. Они нашли там работу, но ничего особенно экзотического в ней не было. Братья получили подряд у властей Гонолулу на вывозку в море городских отбросов. Это было скромным началом весьма процветавшего в дальнейшем дела. Это было также началом увлечения, которое длилось у Билла Янга всю жизнь.

Среди того, что вывозилось с городских свалок, часто бывали палые лошади. Стоило вывалить в море эту падаль, как немедленно появлялись стаи акул. Они с такой неистовой жадностью набрасывались на лошадей, что море кипело от взмахов хвостов и щелканья челюстей.

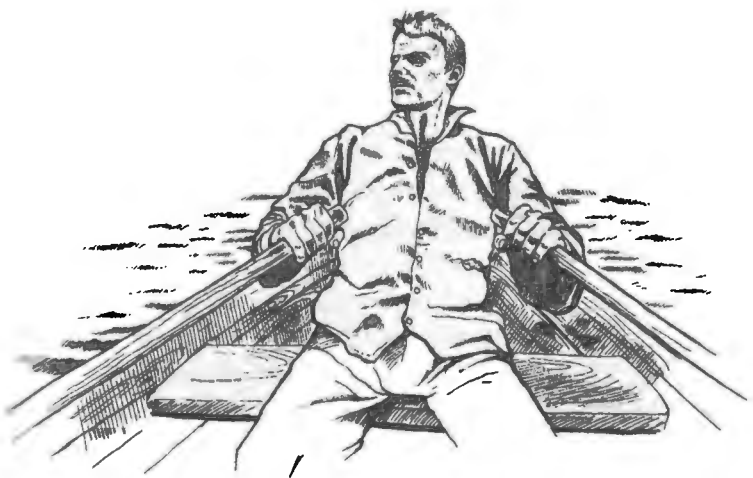
В этом уже не было красоты. Тут акула теряла все свое величие. В обгаренных кровью водах Гонолулу выросший и повзрослевший Вильям Янг по-иному увидел акулу. Это была угроза, лишь прикрывавшаяся красотой. Но это не устрасило Янга, как устрасало очень и очень многих. Напротив, угроза словно бросала ему вызов. Его охватило желание одолеть акулу, изучить ее повадки и покорить ее. Акула стала его Моби Диком, неподвластным времени, кровожадным, вселяющим трепет духом — порождением вымысла и реальной жизни. На него можно напасть, но нельзя уничтожить, можно изучать, но нельзя понять, можно лишить свободы, но нельзя усмирить.

Повсюду — на набережных Гонолулу, слушая нескончаемые рассказы моряков, в хижинах туземцев, где ка-наки передавали ему сказания о мано,— Янг старался как можно больше узнать об акулах. А во время крова-вых пиршеств акул Янг их убивал. Он получил прозви-ще Акулий Билл, прозвище, в котором таилось презре-ние к человеку, которого не интересует ничего, кроме акул. Однако скоро по островам пошла слава о его бес-страшном единоборстве с акулами и он получил новое имя — Кано Мано («Акуля смерть») — знак уважения и благоговейного страха.

До семидесяти лет, когда капитан Янг убил свою по-следнюю акулу, он охотился за ними по всему свету — от Гонолулу до Австралии, от Флориды до Сомали. К восьмидесяти семи годам у него на счету было сто тысяч акул, которых он убивал в течение пятидесяти лет своей жизни, часто по двадцать — тридцать акул в день. В восемьдесят семь лет он все еще был Кано Ма-но. «В своей книге «Кон-Тики» мой хороший друг Тур Хейердал рассказывает, что он ловил акул руками за хвост. Я никогда не пробовал этого делать, но уверен, что смог бы, даже сейчас, в 87 лет», — писал он незадолго до смерти.

В дневнике Кано Мано много записей. Они охваты-вают много лет и много морей. В них говорится о жиз-ни и смерти многих акул. И, что самое главное, в них описывается множество приключений человека, кото-рый был единственным в своем роде. Вот выдержки из его дневника.

«...Когда мы слышим слово «акула», перед нашим мысленным взором встает грозный образ пирата мор-ских глубин с огромной пастью, вооруженной острыми

как бритва зубами, который безостановочно, днем и ночью, рыщет в поисках добычи, чтобы утолить гложущий его голод. Существо, которое во всех вселяет страх, само же никого и ничего не боится. Дикая ярость, с которой оно нападает, неистовство, с которым пытается освободиться, попав в плен, полное безразличие к ранам и боли вполне оправдывают данное ей имя африт — злой дух, демон — символ самого страшного, что есть в арабской мифологии.

Все это так, но я обнаружил кое-что еще: акула полна парадоксов. То она нападает на человека, то, словно в страхе, бежит от него, то крадет у рыбака добычу, то сама запутывается у него в сетях; нельзя не чувствовать к ней омерзения, но нельзя и не любоваться ею. Акула — это словесная загадка.

Я сталкивался с акулами многих морей, однако я не знаю, что такое акула. И кто это знает? Никто. Но после

того как я охотился за ними в морях всего мира, убивал их и нашел им практическое применение, я все же чувствую себя вправе о них говорить.

Я вспоминаю прошлое, и в памяти моей встают тысячи акул (многие из них обладали чрезвычайно яркой индивидуальностью, какую не всегда встретишь и среди людей). Большинство этих акул мертвы, некоторые, возможно, до сих пор плавают в морях. Другие живут особой, второй жизнью... в туфлях из акульей кожи, которые сейчас у меня на ногах, в сувенирах, которые меня окружают,— все эти разинутые пасти,— в фильме, который я сделал, в книге «Акула! Акула!», опубликованной много лет назад, и вот теперь — в этих страницах моего дневника.

Гонолулу

Здесь это все началось. Здесь я впервые вступил в единоборство с акулой. В те времена жизнь на островах текла спокойно и безмятежно. Это был 1900 год, и имя Пирл-Харбор еще не было покрыто позором. В гавани теснились парусные суда, и среди них, тарыхтя, сновала всего одна моторная лодка. Эта лодка «Билли», длиной в 7 метров, с мотором в 4 лошадиные силы, первая моторная лодка в Пирл-Харбор, принадлежала нам с братом. Вскоре мы с ним стали преуспевать. Мы прикупили еще несколько лодок для разных работ: подъема затонувших судов, перевозки пассажиров с кораблей на берег, перевозки лоцманов и таможенных чиновников на входящие в гавань суда. Давно миновали те дни, когда компания «Братья Янг» занималась только тем, что вывозила в море падаль и мусор с городских свалок.

И всегда рядом были акулы.

— Мано! Мано! Акула! Акула! — кричали канаки, заметив акул, описывающих круги вокруг стоящих на якоре судов в ожидании отбросов — дарового акульего угощения. Часто прозрачная вода так и кишела голодными акулами.

Однажды, когда я, стоя на палубе моторки, глядел на бурлящую воду, меня внезапно охватило непреодолимое желание убить акулу.

Я сказал одному из канаков-матросов, который понимал по-английски, что хочу поймать акулу.

— Мано? — переспросил он с любопытством.

— Да, мано, — ответил я.

Канак скрылся в камбузе и скоро вернулся с большим куском солонины, крепкой веревкой и огромным крючком. От возбуждения он болтал не переставая:

— Хано раа мано — мы поймаем акулу! Она очень вики вики кау кау хаоле — она сожрет белого человека, быстро, быстро сожрет! Пилау — от нее никакой пользы.

Вместе с другим матросом он закинул за борт крючок с надетой на него приманкой. Она была схвачена в ту же секунду. Мано попалась на крючок! Один из матросов взял у кока крюк, на который подвешивали мясо, и, подплыв в ялик к акуле, зацепил ее крюком за пасть. Мы пропустили веревку через шлюпбалку и принялись подтягивать ее наверх. Акула так металась на другом конце веревки, что лодка ходила ходуном. Мы быстро закрепили вторую веревку у нее на хвосте и подняли акулу до фальшборта.

Ж-жик! Перед глазами сверкнул большой нож, и хвост акулы упал в воду. Матросы плясали на палубе, осыпая проклятиями поверженного врага. Затем фалы были ослаблены, матрос в лодке вырвал из пасти акулы крюк, и она получила свободу — свободу умереть жесто-

кой смертью. Если ее тут же не сожрут другие акулы, она все равно скоро ослабеет и умрет от потери крови. Эта акула нашла свой конец в пасти своих сородичей. Ее убили акулы и человек, голод и мщение.

Уже в то время я задумывался над тем, нельзя ли найти акулам какое-нибудь практическое применение. Но тогда проверить этого я не мог, у меня была масса неотложных дел. Однако мысль об этом и горячее желание ловить акул никогда не оставляли меня.

Как-то раз по пути в Гонолулу я увидел самую большую из всех акул — китовую. Она была десятиметровой длины и, казалось, неподвижно висела в воде по правому борту нашей лодчонки на глубине двух саженей. Я так ясно видел ее черно-белую, как шахматная доска, спину, что казалось, стоит только перегнуться слегка через борт, и я до нее дотронусь.

Наше присутствие нимало не беспокоило эту огромную медлительную рыбу. Мы с братом, буквально затаив дыхание, принялись обсуждать, как нам ее поймать. Мы твердо были намерены сделать это. И тут нам обоим одновременно пришло в голову, что мы не взяли с собой гарпуна! На борту не было даже жалкой свайки. Нам ничего не оставалось, как, выключив мотор, болтаться на волнах, и вскоре самая большая рыба, которую мне довелось видеть, медленно скрылась с глаз. Старая поговорка: «Большая рыба всегда уходит» — оказалась справедливой.

Мой интерес к акулам и мой опыт — я часто бил гарпуном акул, которые набрасывались на падаль,— послужили источником еще одного побочного промысла фирмы «Братья Янг» — спортивной ловли акул.

Обычно все начиналось с телефонного звонка в сарай, где у нас стояли лодки.

— Братья Янг? Привет! Билл здесь? Акулий Билл? Скажите ему, что тут в гостинице собралась компания. Хотят поохотиться на акул.

После этого я обычно звонил в Общество охраны животных и предлагал избавить их от какой-нибудь обреченной на смерть старой клячи.

И вот начинается охота. Несчастную клячу ведут в конец пристани и освобождают от земных страданий. Затем, привязав к ней крепкую веревку, сталкивают в воду. Из гостиницы прибывают «охотники» и усаживаются в моторку, с беспокойством глядя на матроса, который точит на оселке гарпун.

Когда мы выходим из гавани, лошади вспарывают брюхо. Вода окрашивается свежей кровью. Мы останавливаемся. «Охотники» застыли, не зная, что будет дальше. Мы предупреждаем их, чтобы они не шумели. Они сидят не раскрывая рта. Слышен лишь плеск волн, бьющих о борта лодки. Море спокойно, только труп лошади пляшет на волнах.

Далеко-далеко я вижу в воде тень, которая движется зигзагами вперед и вверх, и черный плавник, рассекающий воду. Вот уже плавник показался над водой. Он описывает вокруг лошади круг, второй. Впереди плавника из воды показывается голова, видны холодные, ничего не выражающие глаза. Это глаза акулы.

Неожиданно она исчезает. Нет плавника. Нет тени. Море пустынно. Только мертвая лошадь колыхается вверх и вниз, покорно ожидая своей участи.

Минут через двадцать акула возвращается. Но теперь она не одна — с ней еще четыре или пять акул. Они снуют взад и вперед, все суживая и суживая круги. Иногда та или иная даже тычет в лошадь носом. Но они еще колеблются, еще выжидают.

Если бы это была белая лошадь, они бы давным-давно напали на нее. Но гнедая лошадь не так быстро пробуждает у акул аппетит.

Внезапно они налетают! Одна отхватывает огромный кусок мяса с шеи лошади, за своей долей кидается другая, затем третья. Вода бурлит от голодных акул, купающихся в крови своей жертвы. Там, где только что был виден силуэт лошади, начинает просвечивать белый скелет. Медленно, но неуклонно я подтягиваю его веревкой ближе к лодке. Не видя лодки и «охотников», раскрывших от ужаса рты, акулы следуют за лошадьёю, продолжая рвать ее на куски.

Я передаю веревку кому-нибудь из матросов и переключаю внимание на «охотников».

— Нате,— говорю я одному из них, протягивая ему гарпун,— держите вот здесь. И бейте самую большую. Старайтесь попасть в жаберные щели. Да не упадите в воду.

«Охотник» одной рукой берет гарпун, другой изо всех сил вцепляется в борт лодки. Он дрожит всем телом, кажется, еще минута — и его вывернет наизнанку. Его выпученные глаза прикованы к кипящей воде. Кровавое пиршество настолько близко, что нас то и дело окатывает розовыми брызгами.

— Порядок! — кричу я ему.— Бейте ту, большую. Ту, что сейчас кусает.

«Охотник» еще сильнее бледнеет и... окаменеваает.

— Лучше... лучше вы, капитан,— говорит он прерывающимся голосом.— Я не думаю, что... Я боюсь промахнуться...

Я беру гарпун и с силой бросаю его. Он попадает туда, куда я метил,— в голову самой большой акулы. Немедленно она изрыгает все, что съела. Это тут же пожирается другими акулами. Такая же участь ожидает и ее

саму, поэтому, ударив несколько раз по воде хвостом, она идет на глубину.

Через пять минут лодка, влекомая раненой акулой, оставляет далеко позади кровавую оргию. Проходит еще пять минут. Акула по-прежнему тянет. «Охотники» начинают тревожиться. «Когда же конец?» — думают они.

Я кладу руку на веревку. Она то и дело дергается — сигнал того, что акула переворачивается вокруг своей оси, — и сама себе роет могилу: стараясь освободиться, она лишь наматывает на себя веревку.

Я начинаю выбирать, натягивая веревку до предела. Сажень за саженью она выходит из воды. Наконец появляется четырехметровая акула, побежденная, но не покорившаяся. Челюсти ее все еще щелкают, глаза яростно сверкают.

Мы подтягиваем ее к борту лодки и быстро продеваем через пасть огромный крючок. Теперь ей некуда податься, но она все еще бьется, обдавая нас брызгами. Мы обвязываем ей вокруг хвоста веревку и закрепляем ее на корме. Сильный удар по голове приканчивает акулу. Мы вытаскиваем гарпун и крюк и, приторочив свою первую добычу к поясу — я хочу сказать, к корме моторки, — отправляемся за ее товарами!

Они все еще раздирают труп лошади, вернее, то, что от него осталось.

Мы снова кидаем гарпун. На этот раз дело обходится без битвы: гарпун попал в жаберную щель — жизненно важный орган. Мы быстро подводим акулу к борту и тем же способом отправляем на тот свет.

Мы возвращаемся домой, ведя свои трофеи на буксире. Когда мы приближаемся к пристани, «охотники» принимают беспечный вид. Один из них небрежно вытирает кровь с гарпуна. Они стараются быть скромными. Но, когда выходят из лодки, невольно выпячивают

грудь. В конце концов, они убили целых две акулы! Не так разве?

Так оно и шло день за днем. Мы убивали акул, и за исключением китайских купцов, которые словно из-под земли появлялись на пристани, когда мы приводили акул, и отрубали у них плавники для плавникового супа, никто, казалось, не мог найти для акул хоть какое-нибудь применение. Я по природе бережливый человек, мне было неприятно, что столько добра пропадает даром. Неужели нельзя никак использовать акул? У них такая прочная кожа! А их огромная печень! Не окажется ли их печеночный жир таким же ценным для медицины, как жир из печени трески?

Никто на островах не мог мне на это ответить. Люди много болтали об акулах, но мало кто хоть что-нибудь знал о них.

Помню, как-то я поймал самку тигровой акулы, которая вот-вот должна была родить. Я поместил ее и детенышей — их было 42 штуки — в обложенное льдом корыто и выставил всю семейку на обозрение на ярмарке в Вайкики. Я брал за вход 10 центов (за неделю это принесло мне 1500 долларов) и, в то время как посетители проходили мимо меня, отвечал на их вопросы. Один из посетителей оказался врачом. Он очень внимательно осмотрел акулу и детенышей и отозвал меня в сторону.

— Я скажу вам об этой акуле кое-что такое, что будет для вас новостью,— заявил он.

— Прекрасно, доктор,— отвечал я.— Я знаю, где находить акул и как ловить их, но, возможно, вы расскажете мне что-нибудь новенькое.

— Посмотрите,— сказал он, тыча пальцем в пасть акулы,— видите эту тонкую перепонку над зубами? Вы знаете, для чего она?

— Нет,— честно признался я.

— Вы хороший рыбак, верно, но рыбаки не очень-то сведущи в анатомии. Я случайно знаю, что именно здесь тигровые акулы выкармливают детенышей.

— Выкармливают детенышей! — воскликнул я.— Вы думаете...

— Не думаю,— прервал он,— а знаю. Тигровые акулы — живородящие, это и вам известно. Ну так вот, когда детеныши еще находятся внутри матери и им хочется есть, они поднимаются через глотку к этой перепонке и кормятся здесь. Это единственно возможное объяснение, капитан. Ведь у акулы нет плаценты, соединяющей детенышей с матерью. Так что, по всей очевидности, они свободно перемещаются внутри нее и...

Он еще долго излагал свою бредовую теорию, но я больше не слушал его. Удивительно, думал я, как мало мы знаем об акулах, все мы, даже так называемые ученые люди.

Однако возможность удовлетворить свое любопытство и выяснить, могут ли акулы иметь какое-нибудь практическое применение, мне представилась только после 1920 года. И на это у меня ушла вся жизнь.

В 1920 году я уехал с островов в Соединенные Штаты. Мне хотелось переменить обстановку и найти работу себе по плечу. Я остановился в Нью-Йорке. Как-то раз я шел по Бродвею и, случайно взглянув на витрину обувного магазина, увидел пару туфель с носками из акульей кожи. Я буквально ворвался в магазин, чтобы поскорее узнать, откуда эти туфли.

Расспросы привели меня из обувного магазина в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где помещалось главное управление «Оушн лезер компани» — компании по обработке кожи морских животных. Они первыми попытались наладить обработку акульей кожи. Во Флориде и

Северной Каролине были организованы промысловые пункты, и я немедленно отправился на один из них.

С этого дня начались мои скитания по всему свету в погоне за акулами. Это было моей работой, моим призванием, определило мой образ жизни.

И всюду, где я останавливался во время этих скитаний, меня ждали приключения, и я все лучше и лучше узнавал своего коварного врага.

На страницах, которые вы прочтете следом за этой, я запечатлел некоторые свои приключения среди манго.

Бич-Пайн-Ки, Флорида

Я твердо верю, верю уже многие годы, что акулы едят людей. Мои друзья здесь, во Флориде, как и туземцы, живущие на островах Тихого океана, и мореплаватели всех времен, тоже верят в это. Но скептики, большинство из которых никогда не видело моря, не то что акулу, требуют доказательств. Сегодня я получил одно такое доказательство и могу представить его им.

Мы с Уолтером Джонстоном — он зовет себя Пит-Акула — занимаемся тем, что ловим акул, а затем снимаем с них кожу. Дела у нас идут отлично. Утром мы выходим в море, ловим свою добычу, а вечером обрабатываем ее.

Сегодня, когда мы снимали кожу с четырехметровой коричневой акулы, я заметил какую-то странную выпуклость у нее на животе. Поэтому я немного надрезал желудок. В разрезе показался круглый конец кости. Я схватил его одной рукой и увеличил разрез, чтобы вытащить кость наружу.

Это были остатки человеческой руки. Рука вполне сохранилась, видимо, она недолго пробыла в желудке аку-

лы. Кожа на ладони и пальцах сморщилась, как бывает, когда мы долго подержим руки в воде. Я пришел к заключению, что рука принадлежала человеку, не занимавшемуся физическим трудом. На ней не было ни колец, ни татуировки. До локтя рука была цела, но от локтя до плечевого сустава все мясо было содрано с кости. Я знал, что нам следует осмотреть содержимое желудка более тщательно, чтобы найти еще что-нибудь для опознания. Я осторожно прозондировал желудок и нашел шесть кусков мяса и кусок синего драпа, 30 на 40 сантиметров, по-видимому оторванный от пальто.

Я сфотографировал свою ужасную находку, а Пит ампутировал кисть и положил ее в банку со спиртом.

Я позвонил следователю в Ки-Уэст. Пока он добирался до Бич-Пайн-Ки, я навел справки и выяснил, что накануне примерно в 30 километрах от Ки-Уэста над океаном потерпел крушение самолет. Среди погибших был человек по имени Аткинс. Когда его видели в последний раз, на нем было синее драповое пальто.

Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

Два года назад я нашел в желудке акулы человеческую руку. Вчера рука эта протянулась из прошлого и снова напомнила о себе.

Я приехал в Сан-Хуан немного отдохнуть. На пароходе я разговорился за обедом со своим соседом и его женой, и, как это обычно со мной бывает, разговор скоро перешел на акул. Я показал супругам несколько акулиных зубов, которые я держу при себе, в качестве иллюстраций к моим рассказам. Был задан неизбежный вопрос: неужто акулы на самом деле нападают на человека? Я отвечал утвердительно, с уверенностью, которую после случая, происшедшего за два года до того, ничто

не могло поколебать. Но мой попутчик продолжал расспросы.

— Откуда вы это знаете? — настаивал он. — Откуда у вас такая уверенность?

Я ответил, что у меня есть доказательство, которое неуместно показывать за обеденным столом.

— Это фотография, — сказал я, — и вряд ли она доставит вам удовольствие.

Но он настойчиво просил меня показать эту фотографию. Наконец, раздраженный его неумеренным любопытством, я вынул фотографию и показал ему. Он кинул на нее один только взгляд.

— Так это вы? — воскликнул он. — Вы — человек, который его нашел?

— Кого нашел? — спросил я. Имя несчастного, руку которого я обнаружил в желудке акулы, выскользнуло у меня из памяти.

— Эдвина Аткинса, — ответил мой собеседник. — Вдова этого бедняги выходит замуж за моего лучшего друга.

Позднее я узнал подробности всей этой трагической истории. Эдвин Аткинс, его жена и двое их сыновей, Эдвин пяти лет и Дэвид — трех, их няня и гувернантка сели в Ки-Уэсте на двухмоторный гидросамолет «Колумб». Они направлялись в Гавану. Туда же ехал еще один пассажир, нью-йоркский банкир и биржевой маклер Отто Абрахэмс. На борту самолета, естественно, были также пилот и механик.

Примерно в 35 километрах от Ки-Уэста начались перебои в правом моторе. Пилот, С. В. Миллер, заметил внизу паром и решил сделать попытку посадить самолет рядом с ним. Ветра не было, но море волновалось довольно сильно. В тот момент, когда поплавки самолета коснулись воды, на него налетела огромная волна, высотой не менее 6 — 7 метров, и с силой подбросила его

нирх. Самолет нырнул носом в волны. В этот миг на него обрушилась вторая гигантская волна и завертела его, как волчок.

От удара пассажиры слетели со своих мест. Детей — мистер и миссис Аткинс держали их на коленях — вырвало из рук родителей, и они тут же исчезли в волнах. Аткинс хотел кинуться им на помощь, но Абрахамс, понимая, что дети наверняка погибли, не дал Аткинсу этого сделать и умудрился вытащить его из наполовину затонувшего самолета на отчаянно качающееся крыло. Туда же выбралась гувернантка, Грейс Мак-Дональд.

Тем временем паром на всей скорости шел к месту катастрофы. Несмотря на сильное волнение, капитану Джеку Элбери удалось спустить спасательную шлюпку, которая тут же, борясь с волнами, поспешила к тонущему самолету.

И тут на крыло обрушилась еще одна волна и смыла мисс Мак-Дональд в море. Пассажиры, столпившиеся у борта парома, свидетели этой драмы, разом вскрикнули, увидев, как она скрылась под водой.

Наконец, буквально в последний момент, спасательная шлюпка подошла к обломкам самолета. Удалось спасти миссис Аткинс, пилота, механика, няню и Абрахамса. Но Аткинс, двое его сыновей и мисс Мак-Дональд навсегда исчезли в волнах.

Был ли Аткинс жив, когда акула напала на него, я не знаю. Но поскольку в желудке той акулы, которую я поймал, мы ничего больше не нашли, я убежден, что, на живого или мертвого, на него напало несколько акул. Я предполагаю также, что остальные жертвы разделили его ужасную участь.

Между прочим, многие так называемые специалисты считают коричневую акулу безобидной.

Тринидад

Опять рука.

Это произошло в курительной комнате парохода, совершающего рейсы между Сент-Томасом и Тринидадом. Как и тогда, я разговаривал с попутчиком. Опять разговор пошел об акулах. Как и тогда, вопрос: неужто акулы едят людей? Как и тогда, настойчивая просьба показать фотографию.

И тут выясняется, что мой попутчик знает Эдвина Аткинса с детства.

Я чуть было не разорвал фотографию. Казалось, на ней лежит проклятие. Но по зрелом размышлении я решил сохранить ее. Я буду показывать ее всякий раз, как скептик потребует доказательств того, что акулы едят людей. Может быть, это послужит кому-нибудь предостережением.

Фернандина, Флорида

Пит-Акула говорит, что он носом чует акул, и мне порой кажется, что так оно и есть. Я иногда спрашиваю себя: а может, он и впрямь с ними в родстве?

Я придумал новый способ лова. Вместо того чтобы закреплять нижний конец сети на дне якорями, надо поставить сеть вертикально и дать ей возможность двигаться вместе с приливом. Сегодня мы вышли в море, чтобы испытать этот способ, так как Пит сказал, что он учуял акул.

Мы закинули сеть. Нам не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в успехе. Уже через несколько минут исчез первый буй.

Мы вытащили большую тигровую акулу. Не успели мы убить ее и поднять на борт, как исчез второй

буй. Мы подняли сеть — в ней билась вторая тигровая акула.

Вновь и вновь в течение четырех изнурительных часов мы закидывали сеть и вытягивали ее наверх, и каждый раз в ней была акула.

Иногда там оказывались скаты. Мы полосовали их ножом и опускали сеть вместе с ними. Нет лучшей приманки для акулы, чем запах свежей крови.

Акулы беспрерывно попадали в сеть, и мы неутомимо вытаскивали их наверх. Когда в 6-метровую лодку положили 36 акул, на палубе не оставалось и 10 сантиметров свободного пространства. Первая же большая волна могла перевернуть лодку, и мы с Питом очутились бы в кишасей акулами воде.

Мы окликнули проходившее мимо судно для ловли креветок, и они взяли нас на буксир. Но под тяжестью груза лодка осела так низко, что через два небольших отверстия в бортах начала просачиваться вода. Мне не из чего было сделать затычки. Не мог же я позволить, чтобы вся наша добыча пошла на дно. Поэтому я поступил, как тот голландский мальчик, который спас Нидерланды. Я засунул в отверстия свои пальцы, и мы благополучно добрались до берега.

Наша добыча весила около четырех с половиной тонн.

Нантакет, Массачусетс

Мы с капитаном Эрни Шутцем вылавливаем примерно по 350 акул в месяц прямо тут, у берегов этого лачного поселка, где плавают тысячи людей, не думая о том, что рядом с ними плавают тысячи акул. К счастью, люди их не интересуют. Во всяком случае, до тех пор, пока здесь полно сельди-менхаден.

Большая часть здешних акул не опасна. Вот почему я поступил позавчера так легкомысленно. А когда имеешь дело с акулами, даже с самыми «безобидными», легкомыслие недопустимо.

Мы поймали песчаную акулу, метра в два с половиной длиной, поймали на леску. Песчаную акулу не назовешь безобидной, но и свирепой ее тоже нельзя назвать. Просто, когда имеешь с ней дело, надо быть начеку. А я не был.

Когда мы подвели ее к борту, я изо всех сил ударил ее по рылу и при помощи подъемного блока опустил на палубу. Судя по всему, акула была мертва (удар по рылу, как правило, приканчивает их... но нет правила без исключений). Я хотел немного подвинуть ее вперед, так как она мешала подойти к румпелю. Я принялся тащить ее за голову, а Эрни толкал ее сзади. Внезапно тело акулы передернуло конвульсия. Пасть ее раскрылась, и мне показалось, что она прыгнула вперед. Я отскочил, потерял равновесие и упал. Небо завертелось у меня над головой: я лежал навзничь, оглушенный падением, и уже чувствовал, как зубы акулы медленно смыкаются вокруг моей левой ноги.

Я сел. Словно замороженный, я смотрел, как верхняя челюсть акулы опускается на мою ногу, точно занавес с бахромой.

В этот момент акула издохла. Только самые кончики ее зубов вонзились мне в кожу. Эрни раздвинул ей челюсти и осторожно вынул мою ногу из пасти.

Морхед-Сити, Северная Каролина

Мы снабжаем акулами расположенный здесь промысловый пункт компании «Оушн лезер компани», на котором происходит комплексная переработка акул.

Мы вылавливаем в среднем по 50 акул за день. Как только мы пришвартовываемся у причала, акул выгру-

жают и тут же на пристани на разделочной площадке снимают с них кожу. Опытный кожедер — акулий «скорняк» — может сделать это за четверть часа, конечно, если нож его наточен, как бритва, и он знаком с акульей анатомией. Прежде всего отрубают спинные плавники. Затем вдоль хребта делается длинный разрез, и кожедер начинает снимать кожу. Одной рукой он тащит ее вниз, а другой держит нож, которым срезает кожу с мяса. После этого кожу промывают морской водой и кладут часа на 3—4 в бочку с соляным раствором, рапой, чтобы легче было ее потом мездрить.

Вынув кожу из рапы, ее растягивают на специальном станке «кобылине» — горбыльной плахе в 1 метр шириной и около 1,5 метра длиной. Лишнее мясо удаляют при помощи особого серповидного ножа типа наструта с ручками по обоим концам. Теперь кожа готова к консервации. Внутренняя ее сторона обильно посыпается солью. Это делают в специальном помещении в конце пристани. Там же кожу сворачивают в тюки для отправки на кожевенный завод.

Тем временем туша акулы тоже подвергается обработке. Хотя у большей части акул на редкость вкусное мясо (я ставлю их в один ряд с самой лучшей рыбой, которую мне приходилось есть), из-за предубеждения, которое существует против акул, нам пришлось найти другое применение этому питательному продукту. Из него стали делать удобрение.

С разделочной площадки туши отправляли по узкимейке в особые цеха. Здесь в нескольких огромных каркасных зданиях стояли установки, где делалось удобрение. Каждую тушу пропускали через специальный аппарат, где мясо измельчалось в муку. Затем в особых сушилках ее высушивали горячим воздухом и расфасовывали в мешки. В результате получалось прекрасное

удобрение, настолько насыщенное витаминами и минеральными солями, что его только подмешивали к другим, менее интенсивным удобрениям.

При комплексной обработке из акулы добывали и еще кое-какие побочные продукты. Из огромной, насыщенной витаминами печени вытапливали жир. Спинные плавники высушивали и отправляли морем в Китай, где из них варят суп. Зубы и высушенные челюсти шли к торговцам редкостями.

Благодаря сухому закону мы получили и еще один неожиданный побочный продукт. Как-то один из работающих на нашем промысловом пункте (большинство из нас жило здесь же, у самой пристани) пригласил меня зайти к нему выпить. Я очень удивился, когда он угостил меня настоящим джином, причем не отечественного производства.

Оказалось, что за несколько ночей до того пароход, на котором контрабандой везли спиртные напитки, сел на мель неподалеку от берега. Если бы он не ушел оттуда до рассвета, его захватила бы береговая охрана. Чтобы сняться с мели, с парохода сбросили за борт запрещенный груз.

Каким-то образом — как, я так и не узнал, — мой хозяин проведал про это. Он вышел в море, захватив с собой «кошку», и выудил несколько ящиков со спиртным. Но он был рыбак, а не бутлегер. Он не продал ни единой бутылки. Зато прославился своим гостеприимством и прослыл знатоком хороших вин.

Бутлегеры скоро догадались, что наш акулый промысел может быть прекрасной ширмой для их «спиртного» промысла. Ко мне как-то подошел один из местных бутлегеров и сделал мне «заманчивое» предложение. Его блестящий план заключался в следующем: после того как я кончаю свой дневной лов, я встречаюсь в

море с судном, на борту которого находятся спиртные напитки. Я запикиваю бутылки со спиртным в пасть акул и таким образом доставляю их на берег. Там один из их людей незаметно переправляет бутылки туда, откуда отгружается удобрение, и отправляет их в качестве «особого груза». Все это звучало великолепно. Но я отверг предложение. Я предпочитаю иметь дело с настоящими акулами, а не с их человеческой разновидностью.

Ловить акул сетями не так эффективно, как бить их гарпуном, но зато куда более продуктивно.

Мы забрасываем сети под вечер, так как акулы охотятся главным образом ночью. Перед заходом солнца мы садимся на наши три небольшие лодки и отправляемся на акульи пастбища у Вэстерн-Шоулз или Кейп-Лукаут. В лодке — 10 сетей, каждая оснащена двумя якорями и четырьмя буйами. Якоря удерживают сеть на месте, а буй отмечают на поверхности, где она находится. К нижнему краю сети привязаны свинцовые грузила, которые оттягивают сеть вниз, а нанизанные на верхний край небольшие пробковые буйки поддерживают ее в вертикальном положении.

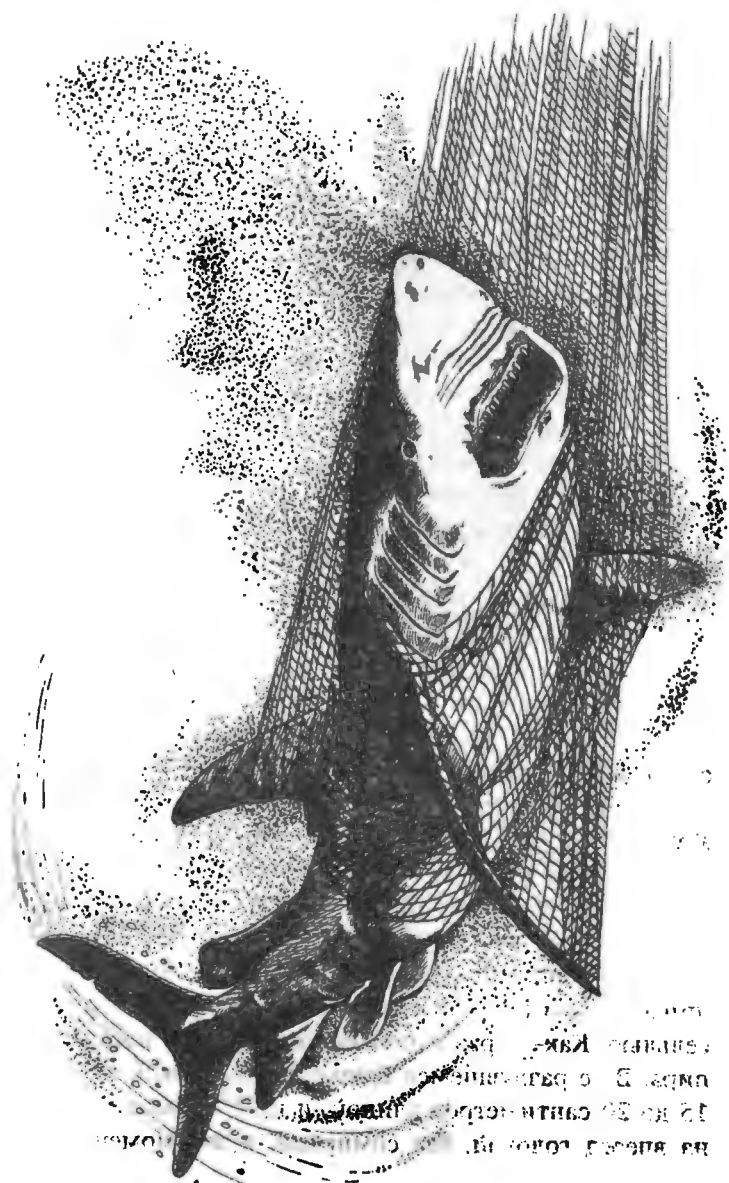
Сети висят в воде, как занавес. Они идут одна за другой параллельно берегу, примерно в километре от него, так что акул, которые направляются за добычей на мелководье, встречает сплошная загородка из сетей. Это так называемые «жаберные» сети. Ромбовидные ячейки позволяют акуле просунуть в них голову, но цепляются за спинной плавник. Попавшая в ловушку акула не может дать задний ход. Она просто физически не в состоянии этого сделать. Она висит, подвешенная за плавник, и пытается освободиться, крутясь вокруг своей оси. От этого она запутывается еще сильнее. Нередко она обматывает сеть вокруг жаберных щелей и умирает от удушья.

Перед рассветом мы идем за своей добычей. Мы вытаскиваем сеть. Ведя лодку вдоль «полотна», мы перебираем руками верхний край с буйками. Как только на поверхности появляется голова акулы, ее цепляют крюком за пасть. Затем бьют колотушкой по голове и, надеясь, что она мертва, закидывают на борт.

Иногда мы ставим яруса. К длинному канату — хребтине, — закрепленному с двух сторон якорями и буйами, прицеплены поводки — веревки около 2 метров длиной, сращенные с цепью, на конце которой находится стальной крюк с насаженной на него приманкой. Таких ярусов ставится от 25 до 50 штук. Когда наутро мы вытаскиваем добычу, нам часто достаются одни лишь акульи головы. Все остальное съедено их сородичами-каннибалами. Иногда акулы продолжают свое пиршество даже в то время, как мы выбираем яруса.

Но, как правило, нам везет. Этого нельзя сказать о рыбаках, ведущих промысловый лов сельди-менхаден. То, что для нас удача, для них смерть. Возле Кейп-Лукаут всегда много сельди. Ловят ее кошельковыми неводами в 300 метров длиной. Огромные косяки рыбы окружают неводом, затем стягивают его вниз, и тысячи сельдей оказываются в ловушке.

Вид такого невероятного количества сельди сводит акул с ума. Они прокусывают в неводе дыру, и сельдь устремляется наружу... прямо акулам в пасть. К неводу спешат другие акулы. Каждая вырывает из невода один, а то и несколько кусков, чтобы набить себе брюхо рыбой, скоротечная свобода которой кончается там, где начинается акулья глотка. Акулы до отвала наедаются сельдью. Как-то раз я поймал акулу сразу после такого пира. В ее раздувшемся брюхе было 57 рыб, каждая от 15 до 20 сантиметров длиной, и каждая была проглочена вперед головой, без сомнения, в тот момент, когда

она выплывала из сети, которую вспорола эта или какая-нибудь другая акула.

Ловить акул несложно, гораздо труднее их найти. Вчера вы вытаскивали акулу за акулкой. Сегодня их нет и в помине. Но одна из привлекательных сторон лова акул состоит в том, что, ища акул, вы находите множество интересных людей. Когда я разведывал в Мексиканском заливе места, где должны были бы водиться акулы, я встретил двух ловцов акул, от которых услышал множество преинтересных историй.

Капитан Чарльз Томпсон рассказал мне о китовой акуле, которой не удалось уйти. Передаю этот рассказ без всяких изменений.

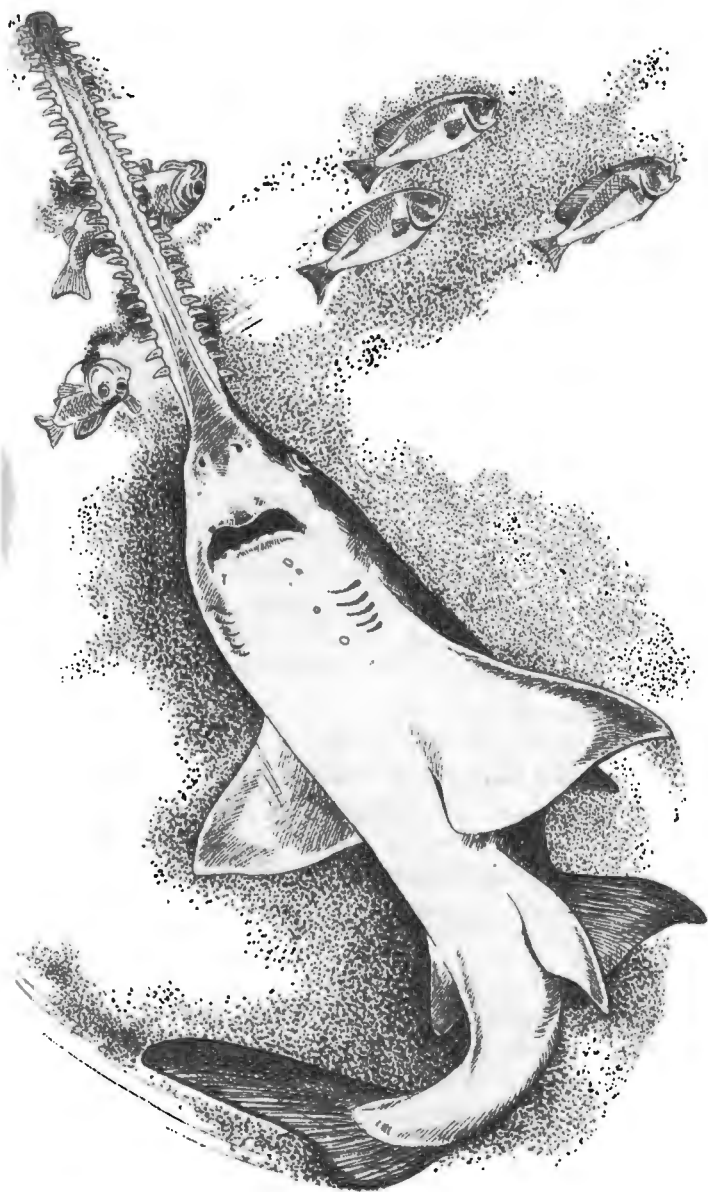
«Мы стояли на якоре ниже Найтс-Ки в километре от старого пирса. Однажды утром, часов в девять, я взглянул на пирс и увидел буквально в нескольких шагах от эстакады колоссальную рыбу. Мы тут же спустили баркас и помчались за ней.

Мы подходили все ближе и ближе, пока не очутились прямо над рыбой — ее пятнистая спина была всего в метре под нами. Я метнул в нее гарпун. Он вонзился недалеко от жаберных щелей.

Мы окликнули рыбаков, которые были неподалеку, и попросили их помочь нам. Чего мы только не делали, чтобы прикончить ее, даже стреляли из ружья, но пули отскакивали от нее, оставляя лишь легкие вмятины на коже.

Игнорируя эти небольшие знаки внимания, рыбина кружила вокруг эстакады, и когда после полудня начался отлив, мы решили, что она вообще уйдет из залива.

Но она не уходила. Я не мог понять, почему она не кидается в бой и вообще относится ко всему так безразлично. Она продолжала плавать, медленно и равномерно помахивая своим огромным хвостом, без малейшего усилия увлекая за собой наши лодки. К этому времени в

ее теле было уже несколько гарпунов, один канат был закреплен у нее на хвосте, другой привязан к спинному плавнику.

Около половины шестого она в последний раз проплыла под эстакадой, и тут мы стали гнать ее к песчаной отмели, тыкая ей в голову лодочными баграми. В конце концов акула оказалась на песке, и, обмотав ее канатами, мы привязали ее к воткнутым в песок веслам.

Убить ее удалось только после того, как, насадив на багор острый нож, мы добрались до ее мозга, для чего пришлось разрубить ей голову. К своему удивлению, мы обнаружили, что череп состоит из хряща толщиной не меньше 10 сантиметров».

Позднее я видел эту акулу в Майами, где она была выставлена для всеобщего обозрения. Она весила 13,5 тонны и достигала 13 метров в длину и 6 в ширину. Тщательный осмотр показал, что это молодая акула, еще не достигшая половой зрелости.

Второй рассказ я услышал от капитана В. Б. Кэсуэлла, всю жизнь рыбачившего в Мексиканском заливе.

«Однажды ночью, часа в два, мы разложили костер на берегу среди пальм,— начал он,— и стали варить кофе. Ночь была холодная и сырая, и команда три раза закидывала сеть среди коралловых рифов. Сразу после полуночи на наш невод, полный скумбрии, налетела большая акула и разорвала его почти пополам. Так что нам оставалось только ждать рассвета — чинить невод было еще темно.

Внезапно я услышал пофыркивание моторки и по звуку сразу определил, чья она. Когда она поравнялась с нашим костром, я увидел, что не ошибся. Мой друг остановил мотор и крикнул:

— Это вы, капитан Кэсуэлл?

— Я! — крикнул я в ответ.

Не успел я пригласить его на кофе, как он сам, видимо почувствовав запах, спросил:

— Как насчет чашечки кофе?

— Милости просим,— ответил я.— Высаживайтесь и составьте нам компанию.

Рыбаки вышли на берег, и, еще до того как они подошли к нам, мне стало ясно, что у них что-то неладно. Не так выглядят рыбаки после хорошего лова.

— В чем дело, капитан? — спросил я.— Акулы и у вас сожрали невод?

— Невод, будь они неладны! — отвечал он.— Взгляните на меня!

Он повернулся спиной, и я увидел, что у него начисто оторваны половина куртки и вся задняя часть штанов.

— Что случилось? — спросил я.

— Что? — сказал он, все еще сердито.— Мы ловили на мелководье возле Белл-Шоулз и набрали вместо скумбрии полный невод акул. И одна из них тяпнула меня. Я заплатил за куртку шесть долларов, а за штаны — один доллар девяносто центов... самая лучшая парусина, а фланелевые исподние тоже обошлись в три доллара за пару. В заднем кармане у меня был платок, так она и его сожрала.

Даже кофе не мог исправить его настроения. Он все еще ворчал, когда брел по воде обратно к себе на лодку».

Капитан Кэсуэлл, прорыбачивший в заливе 42 года, нашел способ уберечь невод от акул. Но я никому его не рекомендую.

— Рыбак часто проводит в море четыре — пять дней подряд, какая бы ни была погода, рискуя жизнью, здоровьем и деньгами, вложенными в снасть,— начал капитан Кэсуэлл в виде предисловия к рассказу о том, как он сражается с акулами.— Поэтому, когда он обнаруживает у себя в неводе тонны четыре рыбы, а рядом акулу, которая вырывает из него трехметровые куски, он, естест-

венно, старается применить самые эффективные и надежные меры, чтобы избавиться от нее.

Мой метод заключается в том, что я подплываю в лодке к акуле и, прыгнув в воду, хватаю ее за спинной плавник. Это нетрудно, так как плавник не скользкий. Для того чтобы держаться крепче, я сажусь верхом сзади плавника и обхватываю акулу ногами. Акула делает бросок вперед и одновременно начинает поворачиваться вокруг своей оси. Держась за плавник левой рукой, правой я вытаскиваю из ножен нож и, наклонившись как можно дальше вперед, с плеча полосую ей шею. Один хороший удар — лезвие должно быть не меньше двадцати сантиметров длиной и как следует наточено — перерезает мышцы и связки, которые направляют движения акулы. Голова наклоняется вниз, рана открывается, и акула скоро ослабевает от потери крови. Я выбираюсь из воды, акула бесцельно кидается из стороны в сторону, вертится и бьет по воде хвостом. Через несколько минут она опускается на дно, и мой улов спасен.

Капитан Кэсуэлл научил ездить верхом на акулах и своего сына Уоллеса. Но если для старого капитана это было средством спасти улов, то для его сына это послужило средством заработать себе на жизнь. Под именем Морского Тарзана Уоллес выступал на многих курортах страны. Он входил в специальный резервуар, где была акула, и сражался с ней на глазах у зрителей. И всегда побеждал.

Остров Уоримос, Сомали

Когда мои хозяева в «Оушн лезер компани» однажды спросили меня, готов ли я поехать в погоне за акулами в дальние края, я ответил: хоть на край света. И вот я на

краю света. Остров Уоримос до того жаркий и до того душный, что этому трудно поверить: здесь не увидишь и травинки, не говоря уж о дереве. Плоский, выжженный солнцем, он расположен в 13 километрах к югу от Джибути — единственного места в Сомали, которое с грехом пополам можно назвать городом. Джибути считается самым жарким местом на земном шаре. Здесь, на Уоримосе, еще жарче.

Джибути стоит на берегу Аденского залива, возле узкого пролива, который соединяет южный конец Красно-

го моря с самим Аденским заливом. Здесь предполагают открыть экспериментальный промысловый пункт ловли акул. Если дело пойдет на лад, будет организован второй пункт — у Мадагаскара.

По пути в Джибути я встретил своего старого друга Раса Тафари, величавого маленького африканца. Я пригласил его на ловлю акул, он меня — на львиную охоту. Ни один из нас не мог принять приглашения. Меня ждала работа, а Тафари — императорский трон в Эфиопии, куда он сейчас и направлялся.

В последующие месяцы я не раз с завистью думал о его дворце. Представьте себе, что вы высадились на Луне и пытаетесь что-то там построить, и вы поймете, как было нам на Уоримосе. Строительный лес привозили из Триеста. Воды, которой не хватало и в Джибути, на Уоримосе вообще не было. Воду для питья нам доставляли на ослах из оазиса, лежащего в пустыне в 16 километрах от острова. Нам доставляли даже лед — на спине туземца-сорохода, который прибегал из Джибути два раза в день: попасть на остров можно было лишь в отлив.

Ночью по острову рыскали гиены, привлеченные запахом разлагающихся акул. Жуткий вой гиен будил нас по ночам, пугал туземцев и даже собак заставлял забиваться под кровать.

Земля трескалась от зноя. Без передышки дул сухой юго-восточный ветер, засыпая глаза песком и пылью. Он дул так уже многие столетия, и дно моря вокруг острова было покрыто слоем ила. Вода всегда была мутной — нанесенные ветром песчинки медленно оседали на дно. Ил налипал на сети и кили лодок. Но ил был хорошим знаком — где есть ил, там есть и акулы.

Кого только не было среди наших ловцов акул: высокие царственные абиссинцы, жилистые низкорослые

арабы, донкалийцы — уроженцы Северного Сомали — и их вечные соперники — сомалийцы с юга страны.

За мной все время тенью ходил большой мускулистый сомалиец в драных парусиновых штанах и жилетке, сообразительный и ловкий. Он очень привязался ко мне и стал называть себя Али Янг. Он так неотступно следовал за мной, будь то на суше или на воде, что час-тенько действовал мне на нервы. Но если бы его не оказалось со мной рядом однажды...

Мы находились километрах в восьми от острова. Это место славилось огромными акулами, кабир локхом, как их называли туземцы. На рассвете мы стали вытягивать первую сеть. Мы вытащили несколько огромных скатов, двух акул-молот и несколько тигровых акул. Где бы я ни был — помогал ли вытаскивать сеть или волок бьющихся акул и скатов в трюм, — Али не отходил от меня ни на шаг.

Сети были скользкими от ила, и когда мы сложили их на палубе, она покрылась слоем слизи. Лодку кидало из стороны в сторону, и удержаться на ногах было нелегко. Внезапно нас подняло на большой волне, и я свалился в сеть, где уже было полно акул. В ту же секунду я услышал, как кто-то крикнул:

— Локхом! Кабир локхом! Акула! Большая акула!

Я знал, что первые две-три минуты мне ничего не грозит. На мне не было крови, так что, скорее всего, сразу акулы не нападут. К счастью, падая, я ни одну из них не задел и не подал сигнала к нападению. И кроме *кабир локхом*, которая только сейчас попала в сеть, остальные акулы были измучены долгими часами борьбы с ловушкой, которую я сейчас с ними разделил.

Другое дело кабир локхом — большая тигровая акула. Она свободно плавала внутри сети, выискивая себе добычу. Я подумал было хоть на минуту задержать ее

приближение, хлопая по воде руками, но оказалось, что я не в силах шевельнуться. Сеть — коварная штука, сейчас я почувствовал это на своей шкуре. Стоит запутаться в ней рукой или ногой, как почти наверняка попадешь в западню, освободить из которой может только смерть.

Когда я теперь читаю: «вырван из пасти смерти», я знаю, что это значит, потому что именно это сделал Али Янг. Он перегнулся через борт и, уцепившись одной рукой за планшир пляшущей лодки, другой крепко схватил меня за запястье и буквально выдернул из моря.

В ту ночь Али был героем лагеря. В его передаче события не стали менее драматичными. Слушатели были ошеломлены как самим происшествием, так и количеством табака, полученного Али от меня в награду.

Одна из самых любопытных историй, случившихся во время лова акул у берегов Уоримоса, произошла с двумя туземцами, вышедшими в море на самой маленькой из наших лодок. Когда они стали выбирать сеть, они почувствовали, что ее тянет вниз огромная тяжесть. Сантиметр за сантиметром они подтягивали сеть наверх и вскоре увидели, что в ней запутался и яростно бьется огромный скат — манта. Они продели конец сети через блок на мачте и продолжали тащить. Но мачта, не выдержав нагрузки, сломалась у основания и тоже упала в сеть. Все еще не теряя присутствия духа, туземцы продолжали выбирать сеть, в то же время пытаясь добраться до берега, который, к счастью, был недалеко. И тут они увидели в сети еще одну чудовищную манту.

Таща на буксире сеть с двумя огромными мантами и мачтой, они умудрились подойти к берегу. У причала стояла подъемная стрела, но ей было не под силу поднять манта. Пришлось нам воспользоваться приливом,

чтобы вытащить их на берег. Когда вода спала, мы обвязали мант веревками и велели туземцам отнести их на разделочную площадку. Понадобилось собрать больше двадцати человек, чтобы сдвинуть с места каждую из мант и стащить ее на разделку. В одной из мант был детеныш. Я его вынул, он весил 23 килограмма. Он был сложен в виде латинской буквы S, один грудной плавник закрывал верх его тела, другой — низ. Я отнес его к морю и пустил в воду. Плавники его расправились, и он поплыл, легкий и изящный, как птица.

Воды Французского Сомали кишат акулами и их ближайшими родственниками. Мы вылавливали здесь не только акул и мант, но и хвостоколов, пил-рыб и электрических скатов. Мы высушивали и консервировали челюсти акул и хвосты хвостоколов и отправляли их нашему уполномоченному в Париже. Он передал немало этих экспонатов в Кенсингтонский музей в Лондоне и в Музей естественной истории в Нью-Йорке. Много лет спустя я узнал от своего друга доктора Гаджера из Музея естественной истории, что я сделал несколько ценных вкладов в ихтиологию.

Сколько раз случалось, что, когда я, сидя в его кабинете, рассказывал о своих приключениях, он вдруг прерывал меня:

— Одну минутку, капитан Билл,— и вызывал свою стенографистку.— А вот теперь, капитан, выкладывайте нам свои секреты.

Среди сувениров, привезенных мной с Уоримоса, есть 2-метровая «пила» 6-метровой пилы-рыбы. Когда пилу-рыбу подняли на борт, она все еще размахивала своим грозным оружием, и я чуть не силой удержал Али, который готов был схватить ее, не дождавшись, пока несколько взмахов топора отрубят злобное рыло с торчащей вперед пилой.

На берегу, когда пила-рыба была переправлена на разделочную площадку, Али плясал вокруг с воплями:

— Les oeufs! Les oeufs!

И первый — но не единственный — протянул руку к вспоротому брюху акулы и вытащил «les oeufs». Это не были яйца в прямом смысле этого слова. Пила-рыба относится к живородящим акулам. Но в утробе матери зародыш соединен с желточным мешком, который в начале развития зародыша равен по размеру яйцу страуса. В процессе роста зародыш питается желтком, и при рождении пустой мешок, так же как детеныш, исторгается из чрева акулы.

Али и прочие эпикурейцы, произведшие налет на кладовую пила-рыбы, не знали всех этих анатомических подробностей. Для них желточные мешки были «les oeufs» — яйца. Эти «яйца» — их оказалось там 10 штук — испекли на горячих углях. Когда повара решили, что они готовы, их сняли с углей, пробили тонкую «скорлупу» и съели дымящуюся клейкую массу, употребляя вместо ложки пальцы, которые были после окончания пира тщательно облизаны один за другим.

Вскоре после этого наша работа на Уоримосе кончилась. Мы получили более чем достаточно доказательств того, что здесь можно открыть промысловый пункт и снабдить туземцев работой, в которой они очень нуждались. Предполагалось, что мы поедем в Париж, где было главное управление европейского филиала «Оушн лезер компани», отчитаемся в том, что сделано, и отправимся на Мадагаскар.

В день отъезда я с грустью распрощался с Али и побрел прямо по воде к старенькому «форду», который во время отлива приезжал к нам из Джибути. «Форд» не мог ждать ни минуты, ему надо было с этим же отливом вернуться.

Моя верная тень, Али бросился следом за мной. Чтобы утешить его, я сказал, что, когда поеду на Мадагаскар, возьму его с собой.

Лицо Али расплылось в широчайшей улыбке. И хотя он почти совсем не знал английского языка, он все же умудрился сказать:

— Я ждал.

Я никогда не узнаю, сколько он меня ждал. В Париже выяснилось, что планы компании изменились и было решено не открывать промыслового пункта на Мадагаскаре. Моими охотничьими полями должны были стать воды Австралии.

По пути в Австралию

После короткого отпуска, проведенного на Гавайях, во время которого я несколько раз ходил на ловлю по старинке с гарпуном, я отправился в Австралию. По пути наш корабль останавливался у многих островов Тихого океана, и на каждом острове я обязательно расспрашивал, как там обстоит дело с акулами. Типичный отдых акульего охотника!

Я говорил с миссионерами, которые чуть ли не всю жизнь провели на островах, через переводчиков задавал вопросы местным рыбакам; на англо-китайском жаргоне беседовал с почтенными вождями племен, которые на опыте изучили повадки акул.

Я скоро выяснил, что в этих краях никто не сомневается в людоедских наклонностях акулы. На каждом острове мне рассказывали новую историю о нападении акул на человека. И почти на каждом острове я встречал живые иллюстрации к этим рассказам — одноногих или одноруких мужчин и мальчиков, которые объясняли свое увечье хотя и по-разному звучащим, но одним по смыслу словом — акула.

Жители островов знают, что с акулой шутки плохи, но не впадают в панику при виде ее или даже при мысли о ней. Судя по всему, они относятся к акулам так же, как африканские охотники относятся к львам, и точно так же не боятся охотиться на них, если обстоятельства им благоприятствуют.

На Самоа туземцы ловят акул и употребляют их в пищу. Они заворачивают акул в широкие листья ти и жарят их на углях в вырытых в земле ямах. Возле некоторых островов акул такое множество, что туземцы с незапамятных времен продают плавники китайцам.

Один из распространенных на островах способов ловли рыбы состоит в следующем: человек десять берут большую сеть и, став полукругом, так что сеть образует мешок, идут по мелководью к берегу, загребая по пути мелкую рыбешку. Почти сразу же в воде появляются акулы, но эти незваные гости, по-видимому, не смущают рыбаков.

Другое дело ночью, когда большинство акул рыщет в поисках добычи. Тогда туземец ни за что не войдет в воду. Ночью акула — это агрессивный хищник, нападающий на все, что может послужить ему пищей. Ночью акулы преследуют даже лодки и каноэ, хватаясь зубами за весла, гребки и даже кили лодок.

Мне рассказывали о яростных нападениях на лодки, совершаемых большими акулами, которые с такой силой выдирают весла из рук гребцов и хватают зубами утлегари, что нередко переворачивают лодки, и сидящие в них рыбаки падают в воду, где их ждет верная смерть.

На островах Эллис, к северо-востоку от Самоа, на пироги туземцев, переезжавших ночью с одного острова на другой, в нескольких километрах от первого, неожидан-

но налетел шквал. Одно из каноэ залило водой. И через секунду море кишело акулами. Акулы сожрали людей, бывших в первом каноэ, и стали преследовать остальные.

Два безжалостных врага туземцев — шторм и акула — объединили свои злобные усилия. Каноэ за каноэ исчезало в вспененных волнах, человек за человеком исчезал в пасти акул. Когда с наступлением рассвета шторм утих, а акулы исчезли, только два человека из сорока остались в живых и принесли ужасную весть на родной остров.

По всей Полинезии прошла молва об этой кровавой бойне, и на самых разных островах мне вновь и вновь рассказывали о гибели туземцев с островов Эллис.

Подобную же историю рассказывали мне на островах Фиджи, где недалеко от берега перевернулось двойное парусное каноэ. На туземцев — их было там более 20 человек, — цеплявшихся за перевернутое каноэ, напали акулы. Только немногим удалось спастись.

Туземцы одного крошечного атолла утверждали, что их атолл принадлежит огромной старой акуле, которая сторожит вход в лагуну. Они без страха плавают и ныряют в лагуне, но не осмеливаются подплывать ко входу, где ходит дозором грозный страж.

Жители Соломоновых островов убеждены, что их акулы — более кровожадные и дерзкие, чем акулы, обитающие возле других островов. И в этом есть доля правды, так как на Соломоновых островах существует обычай бросать мертвецов в море, — а что может быть лучшей приманкой для акул?

Говорят, что на островах Тихого океана акулы и зубы служат разменной монетой. Это не так. Зубы используются там для украшения и в качестве талисманов.

Слово «зуб» и «акула» нередко синонимичны в полинезийских диалектах. Слово «мано» чаще всего имеет оба эти значения. Слова мао, мано, маго — местные названия разных видов акул.

Пиндимар, Австралия

Еще когда мы только начали организовывать здесь промысловый пункт — первый пункт промышленного лова акул в Австралии, я как-то отправился в Сидней, чтобы померяться силами с австралийской акулой. Приключения Зейна Грея, известного писателя и не менее известного рыболова-спортсмена, получили к тому времени в Австралии широкую популярность. А теперь у них появился еще один американец, который собирался не только ловить акул, но и зарабатывать на этом деньги. Австралийцы отнеслись к нашему начинанию несколько скептически, и, когда я впервые отправился на ловлю, об этом напечатали в газетах в разделе происшествий. Вот что писала выходящая в Сиднее «Дейли гардиан»:

«Капитан В. Е. Янг, хорошо известный во всем мире коммерческий охотник на акул, впервые вышел на охоту в наших водах — в гавани Сиднея. Его сопровождали двое коллег.

Самая разная снасть была спущена в воду за борт их бота, и самые разные морские твари проделывали путь из моря в кокпит, но капитан Янг не разбрасывается по мелочам. Его леса — из крепкой манильской веревки, его крючок — устрашающее приспособление, похожее на гарпун, его наживка — огромный лобан. В то время как другие развлекались, вытаскивая ширококрылых акул и прочих рыбешек, попадающихся на каждом шагу, он задумчиво смотрел на свою лесу.

— Мне не нужно особенно большой рыбины,— сказал капитан Билл,— но и мелочи мне тоже не надо. Мне нужна славная штучка, килограммов этак на двести. И она у меня будет.

Так оно и вышло. Внезапно раздалась его громовая команда: «Убрать всю снасть!» — и в мгновение ока бот был готов к состязанию.

Капитан Янг стоял возле битенга, вокруг которого была обмотана его леса, и пристально вглядывался в клубящуюся воду, к которой были прикованы все глаза. Затем взял лесу в руки и со сноровкой, достичь которой можно только долгим опытом, стал проверять, достаточно ли прочно его жертва сидит на крючке.

У попавшей в его руки миссис Акулы не было никаких шансов на спасение. Стоило ей нырнуть, как ее выдергивали на поверхность, стоило свернуть в бок, как ее начинали гонять по кругу; когда она пыталась уйти, ее останавливали рывком, для чего мучитель резким движением обводил лесу вокруг битенга.

Капитан Янг усмехнулся и изрек:

— Пожалуй, как раз двести килограммов.

Леса ослабла и тут же была подтянута. В фонтанах воды на секунду мелькнула огромная рыба.

— А, тигровая акула.

Снова фонтаны воды.

— Метра три с небольшим.

Проходит еще пять минут; капитан Янг, не отрывая глаз от воды, искусно «водит» рыбу на лесу. И вот на миг на поверхности появляется гладкая серая голова и горящий мстительным огнем глаз.

Крак! Словно по мановению волшебной палочки, откуда-то возникает автоматический пистолет Янга, выпускает пулю в точно намеченное место и снова исчезает. Через 20 секунд победитель довольно смотрел на мерт-

вого врага, оскалившего в злобной усмешке пасть, украшенную многими рядами смертоносных зубов.

— Это почтенная замужняя дама. Переправим ее на берег и посчитаем потомство. Наверно, дюжины две будет.

И вот миссис Тигровая Акула отправляется в свой последний путь — позорный путь на конце буксирного каната, который проволоок ее через всю гавань.

Может быть, на свете есть и другие люди, которые вылавливают акул заранее заданного веса и по дерганию лески определяют ее вид и размер. Но когда капитан Янг кончил вскрытие акулы, он поднялся на недостижимую для простых смертных высоту. Три пары глаз задали ему один и тот же немой вопрос, и, улыбаясь своей обаятельной улыбкой, он ответил:

— Ровно двадцать четыре штуки!»

Вы не представляете, какие чудеса совершило это небольшое представление в гавани Сиднея. Теперь уже никто не говорил, что мы — кучка любителей, которые затеяли пустое дело. И все, к кому мы обращались, старались всячески нам помочь.

Мы разместились в помещении бывшего холодильного завода, построенного правительством, но так и не пущенного в ход. Нам говорили, что в здешних водах очень много акул. Пиндимарские ловцы устриц, для которых акулы — настоящее бедствие, с готовностью показали нам, где их можно найти — как раз там, где было больше всего устриц.

В первый день охоты мы вышли в море, нацепив в качестве наживки лобанов. Я решил пустить в ход свой лучший крючок, сделанный в Лондоне по специальному заказу из гальванизированной стали. Он был почти 2 сантиметра толщиной, с острыми как бритва зубцами и предназначался для ловли самых крупных, самых сви-

репых акул. Сверкающий крючок висел на медной цепочке с вертлюжком на конце, чтобы акула не могла сорвать его.

Пока мы ехали, я думал о чудовище, которое наверняка поймаю на этот крючок. К тому времени, как мы подошли к устричным банкам, погода переменилась. Я закрепил лесу с крючком и пошел в каюту — гордость нашего 15-метрового баркаса. Здесь, укрывшись от непогоды, я мог с удобством следить за своей лесой.

Не пробыл я в каюте и нескольких минут, как по всему баркасу пробежала дрожь. Леса натянулась, как тетина. Ясно, что на другом ее конце была рыба колоссальных размеров.

Я кинулся на палубу, чтобы начать битву по всем правилам. Но когда я схватил лесу, она вяло повисла у меня в руках — акула умудрилась уйти с крючка. Ругаясь про себя, я как можно быстрее вытащил лесу, чтобы тут же надеть наживку и опять забросить крючок в море. Чудовище не могло уйти далеко. Однако, вытащив крючок, я увидел, что он разломан надвое. Я тщательно его осмотрел. В стали не было никаких изъянов. Я не мог поверить своим глазам, но факт оставался фактом: акула так сильно дернула стальной крючок, что разломала его пополам с такой же легкостью, с какой бы я сломал сучок.

Мы решили пустить в ход сети, подобных которым в Австралии еще никто не видел. Они были более 300 метров длиной, около 6 метров в ширину, с ячейками в 20 сантиметров диаметром. Мы поставили их «занавесом». Наш опыт лова в других местах показал, что это самый эффективный способ.

До тех пор мне ни разу не представлялось возможности проверить теорию о том, что акулы идут на белый цвет. Я решил, что теперь самая пора это сделать. Наш

«занавес» состоял из чередующихся голубых, зеленых белых сетей. И неизменно мы находили акул только белом секторе.

Нам говорили, что в здешних водах полно самых разных акул: австралийских песчаных, акул-молот, боратых, китовых, тигровых, мако, разнозубых, морских ангелов, кунных акул. Но мы все же не представляли, какое мы напали «золотое дно».

Из Сиднея прибыли специально построенные для нас суда: аккуратные 10-метровые баркасы, снабженные дизельными моторами в 12 лошадиных сил. В первый раз мы забросили сети в 5 километрах от промыслового пункта. На следующее утро мы начали перебор сетей.

К своему изумлению, мы прежде всего заметили, что буйки, идущие по верху сети, погрузились глубоко в воду. Это означало, что сеть оттянута вниз, на глубину менее 40 метров, невероятным грузом.

Груз этот целиком состоял из акул. Сеть просто кишела акулами, одна больше другой!

Как только акула оказывалась у борта баркаса, хвост ей тотчас накидывалась петля, над сетью нависала стрела подъемного крана, поворачивалась лебедка и акула, все еще опутанная сетью, взлетала кверху в ряд хвостом. Конечно, ее можно было бы вынимать, вырезая кусок сети. Но сети стоят денег, и если вы будете осторожны, выпрастывая голову акулы, дело это не чуть не опаснее, чем, скажем, работа с электричеством.

Мы стукали акулу по голове огромной бейсбольной битой, иногда выпускали в нее пулю, но полностью уверенными в том, что она мертва, мы не могли.

Во всяком случае, в тот раз, когда мы впервые перебрали здесь сети, единственное, что мы успевали

лать, это кидать акул в баркас. Мы вытащили из сети 22 штуки. И хорошо, что их не оказалось там 23, потому что, когда мы направлялись к берегу, планшир баркаса всего на 10 сантиметров поднимался над водой.

Мы ни разу не перекрыли тот первый улов. Это было рекордной цифрой для одной сети. Видно, туда попала целая стая. Но жаловаться на плохой улов нам не приходилось.

Конечно, свойственный акулам каннибализм лишал нас многих прекрасных кож. Особенно свирепствовали тигровые акулы. Если в сеть попадали разнозубые¹, бородатые и тигровые акулы, то лишь тигровые оставались целы и невредимы.

Правда, однажды маленькая разнозубая акула одержала верх над большой четырехметровой тигровой акулой.

Разнозубая — это безвредная акула, обычно не больше метра, которая питается устрицами и крабами и вооружена лишь тупыми, «дробящими» зубами. Поместите в одну сеть разнозубую и тигровую акулу, и продолжительность жизни разнозубой, как правило, не превышает полминуты.

Но не стоит недооценивать акулу. Любую акулу, даже если это всего лишь маленькая разнозубая акула. Потому что я знаю одну из них, которая напала на тигровую и осталась жива. Мы нашли их обеих в нашей сети. Мысленно воссоздавая события, мы решили, что хитрая разнозубая первой попала в сеть. Затем там появилась 4-метровая тигровая акула и тут же кинулась на разно-

¹ Разнозубые акулы — небольшая (несколько видов) архаичная группа. Они ведут придонно-прибрежный образ жизни. Своё название они получили за то, что на средних и задних частях их продолговатых челюстей сидят подушкообразные дробящие зубы, перемалывающие раковины и панцири беспозвоночных животных, а на передних участках челюстей располагаются конусовидные зубы, которыми они подбирают свою добычу.

зубую, но той каким-то образом удалось ускользнуть от нее. Тигровая снова кинулась на разнозубую, и хотя движения разнозубой были скованы сетью, она все же умудрилась в тот момент, когда тигровая проплывала мимо, вцепиться ей в нежное, легко уязвимое место возле жаберных щелей. Ее тупые зубы сомкнулись на жабрах тигровой акулы мертвой хваткой.

Так мы их и нашли, когда выбирали утром сеть. Сколько времени разнозубая провисела, прицепившись к тигровой, мы не знали. Но даже когда мы вытащили все еще живую тигровую акулу на палубу, мужественная маленькая разнозубая акула не разжала зубов. Тигровая акула была прикончена и брошена в трюм. Еле живая разнозубая упала обратно в сеть. Ни у кого не поднялась рука ее убить. Мы пустили ее в море, и она поплыла прочь с гордым, как казалось нам, видом. Между прочим, в животе тигровой акулы мы нашли двух менее удачливых родичей нашей героини.

Часто мы находили в желудках акул бурых дельфинов. До тех пор мне еще не доводилось встречать акул, включивших дельфинов в свое ежедневное меню. Обычно дельфины преследуют акул. Когда самка дельфина должна дать потомство, остальные дельфины окружают ее стеной, чтобы оградить от акул, и если акула подходит близко, дельфины набрасываются на нее и ударами головы отшвыривают в сторону. (Первая афалина — один из видов дельфинов, — рожденная в неволе, появилась на свет в Мэриленде, Флорида, в 1947 году. В океанариуме находились в то время также несколько коричневых акул, и ихтиологи, наблюдавшие за рождением дельфина, видели, как взрослые дельфины головами отгоняли акул от самки.)

Судя по всему, дельфины не боятся акул. Я знаю, что, например, в Мексиканском заливе дельфины часто

прогоняют акул с их «охотничьих угодий». А когда их держат вместе в неволе, дельфины нередко, собравшись скопом, убивают акулу. По всей видимости, они бьют головами по нежным жаберным щелям, а затем, прижав акулу к стене резервуара, не дают ей плавать, а следовательно, и дышать.

В то время как мы налаживали работу нашего промыслового пункта, на побережье возле Сиднея несколько купающихся подверглись нападению акул. На следующий день после нападения на Бонди-Бич, самом популярном сиднейском пляже, — нападения, окончившегося смертью жертвы, — мы отправили туда баркас, чтобы очистить прибрежные воды от всех имевшихся там акул. Многие люди, услышав об акуле-людоеде, лишь недоверчиво пожимали плечами. Редкий, почти невероятный случай, говорили они. Мы не считали, что акулы встречаются здесь так уж редко. У того же Бонди-Бич мы вылавливали в день по 29 штук, и большинство из них были людоеды. Одну тигровую акулу мы поймали у первой полосы прибоя — там, где обычно развлекаются любители катанья на волнах. Когда я наладил работу на пиндимарском пункте, моя миссия была выполнена. Конечно, я мог бы там остаться, но меня снова охватила жажда странствий.

После короткого отпуска, проведенного в Гонолулу, где я ловил акул не ради денег, а просто из спортивного интереса, я получил новое назначение: на Карибское море.

Тортола, Британская Вест-Индия

Тортола значит Страна горлиц, и хотя горлицы давно уже здесь исчезли, этот прекрасный мирный остров как раз подходящее для них место. Тортола тянется

на 22 километра в длину и имеет около 6 километров в самом широком месте. Единственное здесь поселение — это Роудтаун, чистенький спокойный городок, овеянный очарованием, свойственным английским деревушкам.

В водах Тортолы водятся акулы, а в воздухе носятся обса — духи, вера в которых пришла сюда из Африки и до сих пор держится здесь.

Как-то, в первые дни лова, я вывел в море на буксире дохлую лошадь. Но того, что всегда случалось в Гонулулу, здесь не произошло. «Возможно, тут не обойдешься без помощи обса», — размышлял я, когда, обрезав канат с привязанной к нему лошастью, я с пустыми руками возвращался домой.

В этот самый момент появилась стая дельфинов. Я загарпунил одного из них, разрезал его на наживку и выцедил кровь в ведро. Со мной в лодке был Джон Невилл, один из лучших местных охотников на акул. От него за версту разило акульим жиром. Он ел сырым акулью печеньку. Он мазал тело акульим жиром. Даже мыло, которым он мылся, было сделано из акульего жира, щелочи и золы.

Мы с Джоном закинули небольшой ярус с несколькими крючками. На каждый крючок была насажена наживка из дельфиньего мяса, и в море вылита дельфинья кровь.

Не успел третий крюк скрыться в воде, как пустая бочка, отмечавшая конец яруса, начала погружаться. Акула! Пока мы вытаскивали ее, еще две акулы оказались на крючке.

Три акулы были пределом того, что могло поместиться на нашей лодчонке, поэтому мы направились в порт. На следующее утро мы вернулись к ярусу. На пяти

крючках висело пять больших акул. Остальные крючки были содраны с хребтины сети.

Никогда раньше я не видел, чтобы акулы с такой жадностью кидались на приманку. «В чем дело? — недоумевал я. — Что их так привлекает — дельфинья кровь или запах Джона Невилла?»

Другой примечательной фигурой среди наших ловцов акул был старый Джон Смит. Белый как лунь, с седой взлохмаченной бородой, без единого зуба во рту, он плавал на самой маленькой лодке нашей «акульей» флотилии и вылавливал самых больших акул.

Джон на 100 километров в окружности знал каждую скалу и каждую мель как свои пять пальцев и никогда не возвращался с лова с пустыми руками. И вот однажды он подвел свою 6-метровую лодку к нашему причалу и, держась, как всегда, прямо, большими шагами направился ко мне.

— Босс, — сказал он, — у меня там большая рыба, но мне одному не поднять ее в лодку. Вы не поможете мне?

Странно было слышать просьбу о помощи из его уст. Я тут же вскочил на борт самой большой нашей лодки — 12-метрового баркаса «Венера», — и мы отправились к сети, закинутой недалеко от берега. В ней металась огромная акула. Но насколько она огромна, я осознал только тогда, когда мы стали вытягивать сеть.

Один в своей 6-метровой лодчонке, Джон Смит сражался с 6-метровой акулой в полтонны весом.

С подветренной стороны Тортолы находился узкий пролив (мы звали его «Кишка»), отделяющий Тортолу от Биф-Айленда. Стоя как-то на крутом берегу над «Кишкой», я с удивлением увидел, что с наветренной стороны острова плывет большая стая акул и устремляется в «Кишку». За ней еще одна стая, за той — еще одна.

Пролив прямо кишел акулами, которых обычно можно было найти только в открытом море.

Я начал было строить планы грандиозного лова, который мы устроим в «Кишке», но один из местных ловцов акул охладил мои восторги, сказав, что сейчас уместнее думать о том, как уберечься от урагана. Потому что, объяснил он мне, искать убежища в проливе акул заставили *обеа* (духи) урагана. Эти же духи прогнали от берега мелкую рыбу, поставленные ночью сети оказались утром почти пусты — еще один признак надвигающегося урагана.

Называйте это как хотите — инстинкт, интуиция, *обеа*, — но жители Тортолы знали заранее, что к ним приближается ураган, знали даже, что он будет очень сильный. (Позднее мне говорили, что туземцы с близлежащих Виргинских островов предупредили о нем губернатора задолго до того, как прибыли официальные сводки погоды. Губернатор передал тревожную весть по всем островам, и население успело подготовиться к удару урагана.)

Никакие посулы не могли заставить моих людей выйти в море. Они вытаскивали на берег лодки, забивали гвоздями ставни домов, закатывали в дома бочки с драгоценной дождевой водой.

После того как мы закрепили на якорях наши два самых больших баркаса «Венера» и «С. Смит», я пошел к своему дому, стоящему на холме, и очень скоро убедился, насколько своевременны были наши приготовления. Не успел я пройти и половины пути, как сильный порыв ветра прижал меня к земле. Вторую половину я прополз на четвереньках. Я изнутри забил гвоздями ставни и двери и стал пережидать ураган. Время от времени сквозь вой ветра прорывалось блеяние коз, прячущихся под домом. (Дом был построен на сваях в метр

высотой, чтобы несколько умалить удары ветра.) Ураган бушевал целые сутки, но мой дом остался цел. А хижина с соломенной крышей, стоявшая рядом, еще в начале урагана была сорвана с земли и унесена прочь.

Как только ураган окончился, я чуть не бегом кинулся на берег, чтобы посмотреть, какой нам нанесен урон. Оказалось, что все в порядке. Оба баркаса спокойно стояли на якорях.

Но прежде чем рыба вернулась к берегам и снова стала попадать в сети, прошла не одна неделя. А до тех пор и акулы, несмотря на голод, не покидали убежища, в котором они укрылись от урагана.

Когда лов акул на Тортоле вошел в норму, я поставил во главе промысла Джона Невилла и поехал налаживать новый промысловый пункт на острове Анегада, в 70 километрах от Тортолы. Когда и это дело было благополучно закончено, меня снова охватило желание взяться за что-нибудь новенькое.

Гавана

Я давно знал, что в кубинских водах много акул, и считал, что здесь вполне можно организовать промысловый лов. Но вскоре выяснилось, что правительство отдало исключительное право на лов акул таинственному кубинцу по имени Доминго. В его обязанности входило уничтожать акул, особенно в прибрежных водах Гаваны, чтобы лишить оппозицию удобного способа избавляться от своих политических врагов. Как мне сообщили, существовала особая корпорация, которая специализировалась на ликвидации политических деятелей, и акулы служили ей если не для самого убийства или устранения *corpus delicti* (вещественных доказательств), то, во

всяком случае, в качестве ширмы. Любое исчезновение политического деятеля приписывалось акулам. И никто не пытался выяснить, не являются ли эти акулы двуногими.

Мне рассказывали, что в старые времена акул использовали в качестве стражей Морро-Касл — старой мрачной крепости, охраняющей вход в гавань Гаваны. В сопровождении старого смотрителя гаванского маяка я отправился как-то на развалины крепости, чтобы поискать подтверждение этим рассказам.

Побродив некоторое время по обломкам, мы добрались до длинной темной лестницы, которая привела нас в маленькую комнату. Посреди пола мы увидели круглый люк; внизу, метрах в шестидесяти, плескалась вода. От люка вниз шел спускной желоб, оканчивающийся высоко над морем. Когда много лет назад замок был переделан в тюрьму, по этому желобу спускали в море отходы. Ничего удивительного, что внизу собиралось множество акул, чтобы угоститься на даровщинку.

— Амиго,— спросил я старика,— правда ли, что узники Морро-Касл могли бежать отсюда через этот люк?

Он раскуривал трубку и ответил мне не сразу. Затем, глядя в люк, сказал:

— *Quien sabe?* Кто знает? У нас много чего болтают.

Насколько я мог видеть, прыжок в море с такой высоты должен был неминуемо привести к смерти. Даже если бы человек остался в живых при падении, он бы погиб при встрече с акулами.

Несколько раз в день специальные лодки-«мусорщики» вывозят из Гаваны мусор и сбрасывают его в 8—10 километрах от берега. Немедленно появляются акулы, а также охотники на акул, браконьерствующие в частных владениях Доминго.

Несколько раз я отправлялся на охоту вместе с ними. Как-то я спросил пригласившего меня рыбака, как он умудряется выходить сухим из воды, ведь все права на лов у Доминго.

— Ха-ха,— засмеялся он.— Доминго не может быть сразу в ста местах, а акулы водятся повсюду.

Акулы, и правда, повсюду водятся в кубинских водах; впрочем, и браконьеры тоже.

Браконьер заводит свою лодчонку в самую гущу только что скинутых в воду отбросов и сидит в засаде, пока возле него не появится акула. Сверкает гарпун, акулу подтягивают к борту лодки, и рыбак полосует ее по спине длинным острым ножом. Если ему везет, он умудряется перебить ей спинной хребет и парализовать ее. Затем он отрезает у нее плавники. Саму акулу он оставляет на съедение ее сородичам. Рыбак получает от китайских купцов по доллару за связку плавников, и ничто другое его не интересует. (Нужно сказать, что Доминго использовал как акулью кожу, так и жир.)

Куба — единственное место, где я поймал акулу на кусок тряпки в качестве наживки. Рыбак, с которым я ехал на морскую «свалку», взял для наживки большой кусок белой материи.

— Ничего другого и не надо,— сказал он.

Мало веря в успех, я опустил в воду лесу с нацепленным на крючок белым лоскутом. И, представьте, не прошло и нескольких минут, как на крючке уже была акула.

Мы втащили ее в лодку и тут же обнаружили, что это «дама», причем «на сносках». Поэтому, используя дно нашей лодчонки в качестве операционного стола, я сделал ей кесарево сечение и извлек двух хорошеньких акулят, каждый сантиметров по сорок. Один из них

выскочил у меня из рук, шлепнулся в море и тут же уплыл. Это было идеальное кесарево сечение, которое могло бы сделать честь любому акушеру.

В годы, последовавшие за пребыванием на Кубе, все меньше и меньше записей появлялось в моем путевом дневнике. Ко мне приближалась старость, счастливая старость без сожалений о прошлом. Но мой глаз и моя рука уже не могли померяться быстротой с акулой, и я знал: рано или поздно я сделаю ту единственную ошибку, которая будет моей последней ошибкой. Скрепя сердце я решил отказаться от охоты на акул. Вместо этого я стал читать о них лекции. Это слабо заменяло мне охоту, но по мере того как шли годы и я приближался к семидесяти, мне становилось все яснее, что другого выхода нет.

Я уже почти совсем убедил себя, что мне больше не видеть акул нигде, кроме океанариумов, как разразилась Вторая мировая война и меня снова призвали на помощь.

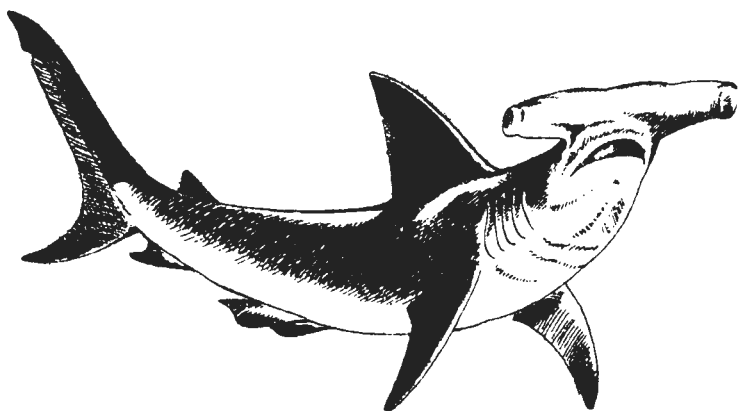
Передо мною стояли две задачи. Я должен был помочь флоту в поисках химиката, отпугивающего акул, чтобы уберечь от них летчиков, потерпевших аварию над морем. И я возглавил поиски акул в Мексиканском заливе. Во время войны печень акулы стала жизненно важным сырьем — из нее добывали витамин А. Так что даже такой старик, как я, мог еще пригодиться.

Как-то во время наших поисков в Мексиканском заливе я был на борту моторки, доставлявшей лед судам, которые ловли креветок. Я кинул за борт взятые в камбузе отбросы и спустил пару лес. Вскоре на одной из них была акула. Она мгновенно проглотила приманку, и крючок крепко засел у нее в пасти. Я был то, что назы-

вается «старой перечницей», и молодежь кинулась, чтобы мне помочь. Но я хотел поймать эту акулу собственными руками. Я тащил ее, делая вид, что мне это совсем не трудно. В какой-то момент я чуть ее не выпустил. Но я тащил и тащил и наконец вытащил ее.

Шестьдесят лет прошло с того дня, когда в Ла-Холья я взглянул за борт лодки и увидел свою первую акулу. И вот теперь, глядя на эту большую серую красавицу, я знал, что гляжу на последнюю акулу в своей жизни».

Глава третья **АКУЛЫ НА КРЮЧКЕ**

Однажды в незапамятные времена в доисторическом море встретились человек и акула и, как это ни странно, человек одержал победу. С того дня человек вновь и вновь ищет встречи с акулой, и не для того только, чтобы употребить ее в пищу,— для этого ему хватает другой рыбы. Человек преследует акулу, так как ничто не может сравниться с охотой на нее по опасности и остроте ощущений.

Нам нетрудно сейчас представить в своем воображении схватки между человеком и акулой, происходившие в Тихом океане. Сохранились образцы первобытных орудий лова, переживших тех, кто пускал их в ход; древние сказания, которые переходят от одного поколения

рыбаков к другому в Японии, Восточной Индии, Полинезии и Микронезии; мы до сих пор находим на островах Тихого океана следы диких обычаев, связанных с охотой на акул.

Одно из древнейших приспособлений, с помощью которых ловят акул в Микронезии, это акулья ловушка. Она представляет собой веревочную петлю из древесного волокна. Петля опускается с каноэ в воду. Чтобы привлечь акул, рыбаки применяют трещотки — обычно это пустые кокосовые орехи или большие морские раковины, нанизанные на палку. Когда, привлеченные шумом, появляются акулы, в воду бросают мелкую рыбу или кусочки мяса, чтобы подманить их поближе. Медленно, с необычайным терпением рыбак заманивает акулу в ловушку. Когда голова акулы оказывается в петле, веревку резким рывком затягивают позади жаберных щелей. Затем акулу бьют дубинкой по голове, пока она не издохнет. Говорят, что жители Новой Зеландии предпочитают ловить акул петлей, потому что при ловле на крючок можно испортить передний зуб мако, который используется ими в качестве подвесок для ушей и весьма ценится.

Некоторые рыбаки, пользующиеся таким способом ловли, считают, что лучшей приманкой служат их собственные ладони. Один из сидящих в каноэ опускает в воду руку, а другой — петлю, сразу позади нее.

Стремясь схватить приманку, акула сует голову в петлю, рука отдергивается, а петля затягивается. Шевелить рукой в воде надо медленно и плавно. Если неосторожный «человек-приманка» делает резкое движение, акула кидается вперед... и отхватывает у него руку.

К некоторым ловушкам приделано нечто вроде поплавка — кусок дерева, напоминающий по форме киль лодки. Поплавки покрыты выжженным или нанесенным

краской орнаментом, отражающим полузабытые обряды охотничьей магии.

Охота на акул с давних пор была связана с магией и религиозными верованиями. Связь эта очень сложна и многообразна. Даже на соседних островах Тихого океана мы сталкиваемся с совершенно различным отношением к акулам. На Таборских островах, входящих в архипелаг Бисмарка в Новой Гвинее, акул ловят, а на соседних островах Танга уже много лет существует табу на ловлю акул, поскольку туземцы считают их злыми духами. И этот предрассудок имеет под собой почву, потому что не раз и не два пойманные в петлю-ловушку акулы уводили за собой каноэ, и ни каноэ, ни находившихся в нем рыбаков никогда и никто больше не видел.

Опасная разновидность ловли петлей применялась первобытными рыбаками, храбрость которых осталась невоспетой. Они прыгали с каноэ в воду, туда, где, засунув голову в расщелины подводных скал, отдыхали акулы. Закрепив на хвосте акулы петлю, ныряльщик дергал перевку, и, получив этот сигнал, его товарищи на каноэ вытягивали застигнутую врасплох акулу вверх и забивали до смерти. Эта техника до сих пор применяется туземцами островов Папуа и Новой Гвинеи. Они также перят в помощь трескоток, так как считают, что треск напоминает акуле, особенно голодной, крик морских птиц, охотящихся за мелкой рыбешкой, и акула спешит разделить с ними трапезу. Туземцы с острова Четверга (Австралия) боятся нырять за лангустами в глубоких местах, потому что, как они утверждают, лангусты, защищаясь, с треском щелкают хвостами и этот звук привлекает акул, как подводный гонг, возвещающий, что обед подан.

Существует ряд свидетельств того, что еще до применения ловушки акул ловили на крючок. Крючки эти ча-

сто делались из человеческих костей, и в стародавние времена где-нибудь на Гавайях вождь племени нередко завещал свои кости друзьям или верным слугам, чтобы они выточили из них крючки. В некоторых местах особенно ценились кости умелых рыбаков. Чтобы сделать крючок, в изогнутой части кости просверливали дырочки и отбивали нужный кусок, который затем затачивался.

Делали крючки и из дерева. Молодой побег железного дерева сгибался полукольцом и привязывался к ветке на год или два, пока он не достигал полутора — двух сантиметров в диаметре. Тогда изогнутая часть ветки отрубалась и из нее делали крючок. Иногда к концу крючка прикреплялось острие из кости. В качестве наживки брали мелкую рыбу или даже кусок коры белого цвета, который волочили за каноэ на веревке, скрученной из древесного волокна.

В Новой Зеландии, у маори, охота на акул раньше носила характер религиозной церемонии, в которой участвовало иной раз не менее тысячи человек. Церемонии эти — под руководством главного жреца, который во время охоты стоял обычно на берегу на верху скалы, — происходили дважды в год, в определенные дни, и ловили во время них только один определенный вид акул — капета (по всей видимости, акула, известная нам под именем катран). Другие разновидности акул разрешалось ловить круглый год.

Но бывает, что табу на ловлю акул накладывается и в наши дни. Так, совсем недавно, в 1961 году, акул, так же как барракуд и хвостоколов, было запрещено ловить возле такого вполне цивилизованного места, как Лодердейл во Флориде, и вызвала этот запрет не черная магия, а гораздо более могущественный талисман — доллар туристов. Как сказал мэр Лодердейла: «Когда туристы ви-

дят, как ловят акул, это их пугает и заставляет думать, что наши воды кишат опасной рыбой». Но факты — упорная вещь. Воды Флориды действительно кишат акулами. Члены клуба любителей акульей охоты в Палм-Бич — курорте, пользующемся мировой известностью, — как-то поймали за шесть месяцев двадцать одну акулу прямо с полнореза на пляже.

В течение многих лет один энтузиаст акульей охоты, Херб Гудман, каждое воскресенье ловит акул в волнах прибоя на пляже в Бойнтон-Бич, используя для этого единственную в своем роде снасть — спиннинг повышенной прочности из стеклопластика. К трем огромным крючкам, прикрепленным к нейлоновой лесе и наживленным обычно мясом дельфинов, он привязывает воздушные шары, которые относят крючки метров на триста — четыреста в море. Когда акула хватается наживку, рыболов начинает ее «водить», и сражение это привлекает, как правило, массу народа. Однажды, решив пощекотать нервы зрителей, Херб вздумал прокатиться верхом на трехметровой акуле-молот, которую он подцепил на крючок и подвел на лесе к самому берегу.

— Я передал спиннинг одному из стоящих на берегу, — рассказывал потом Гудман, — и вскочил на спину акуле. Неожиданно на нас обрушилась волна, и, стараясь восстановить равновесие, акула махнула хвостом и попала мне по ногам. Почти две недели после этого я ходил с забинтованными ногами.

Больше Гудман не делал попыток кататься верхом на акулах.

Другим рыболовом, который необычным способом ловил акул на глазах у ошеломленных зрителей, был Ричард Лоуренс. Его «охотничьими полями» были воды Форт-Уивер на Гавайях. Его снасть состояла из привязанной к сваям причала автомобильной камеры, к кото-

рой была прикреплена сорокапятиметровая леса из толстой манильской веревки. На другом конце веревки, сращенном с метровой металлической цепочкой, был крюк в десять сантиметров длиной. Лоуренс закидывал крючок примерно в шести метрах от причала и ждал. Не прошло и нескольких минут, как на крючке уже была акула. Начиналось сражение: на одном конце лесы — камера и Лоуренс, на другом — акула. Этой снастью Лоуренс поймал около сорока акул, в том числе девятьсоткилограммовую тигровую акулу в пять с половиной метров длиной.

Рыболовы часто вытаскивают акул из волн прибоя у Лонг-Айленда в самом Нью-Йорке прямо на глазах у перепуганных купальщиков. Пользуясь обыкновенным спиннингом с двухсотметровой лесой, можно выловить пятьдесят- и даже стокилограммовых акул, а изредка и семидесятипятикилограммовых хвостокотов неподалеку от одного из самых больших американских пляжей — Джоунс-Бич.

Нельзя сказать, чтобы все рыболовы-спортсмены Лонг-Айленда очень любили акул. Для тех из них, кто выезжает на ловлю «спортивной» рыбы, акулы часто досаждают, так как они собираются стаями вокруг лодок, хватают наживку и отгоняют рыбу. Более крупные акулы грабят рыболовов, сжирая их улов. Нередко случается, что мако хватают свою добычу прямо с крючка рыболова.

Те из рыболовов-спортсменов, кто игнорирует акулу в качестве «спортивной» рыбы и не считает ее достойной себя добычей, лишаются встречи с самым опасным противником... и самой многочисленной крупной рыбой, какая водится в море. На западном побережье Штатов уже много лет существуют клубы любителей акульей охоты. Одно из наиболее часто посещаемых ими мест —

залив Монтерей в Калифорнии, в ста километрах к югу от Сан-Франциско. Там два раза в год устраиваются акульи дерби. Ловля начинается в семь утра и кончается в час пополудни. За эти шесть часов рыболовы вылавливают около ста пятидесяти акул и скатов общим весом около тонны.

Часто акулы настолько велики, что их невозможно взвесить на обычных весах и тогда их вес приходится высчитывать по специальной таблице. И они очень быстры. Говорят, что голубая акула может развивать скорость до тридцати семи километров в час. Как-то раз неподалеку от Кейп-Код подводный охотник загарпунил акулу неизвестного вида. Когда пустившаяся в погоню лодка наконец догнала совершенно измученного рыболова и его добычу — судя по всему, абсолютно бодрюю, — засекли скорость акулы и человека, которого она тянула на буксире. Они делали четырнадцать узлов.

Одной из самых больших акул, пойманных подводным охотником, была шестисоткилограммовая гигантская акула. Это произошло в 1955 году, неподалеку от Санта-Моники. Подводный охотник Боб Лоренц заметил в двадцати пяти метрах от берега огромную акулу. У него было с собой ружье, стреляющее стальными стрелами, прикрепленными к металлическому тросу.

— Я попал ей в спину, впереди спинного плавника, — рассказывал Лоренц. — Акула повернула в открытое море и опустилась примерно на семиметровую глубину. Я снова выстрелил в нее, но на этот раз менее удачно: она так била хвостом, что взбаламутила воду, и я почти ничего не видел. Стрела попала ей в хвост.

Лоренц продолжал битву в лодке. Тросы от стрел, сидевших в теле акулы, были накрепко привязаны к корме, и акула полтора часа тянула лодку на буксире, пока наконец Лоренцу и его трем товарищам удалось поднять

ее наверх и привязать по борту лодки. Она имела 4 метра в длину.

Ни гигантская, ни китовая акула не считаются «спортивной» рыбой, но для рыболовов, которым хочется вытащить на берег такую огромную рыбу, какую до них не вытаскивал ни один человек, их величина служит приманкой. Рыбаки, живущие по берегам Персидского залива, рассказывают, что они ловят китовых акул следующим образом: они подплывают к ним на лодке, взбираются им на спину, продевают в огромную пасть рыбы крючок и, снова сев в лодку, тянут акулу к берегу на канате.

И все же китовая акула может вступить в грандиозную битву — не с самим рыболовом, а с его судном. Однажды во время ежегодного рыболовного турнира на Багамских островах пятнадцатиметровый баркас «Альберта» вышел на лов марлина. Самая крупная снасть, имевшаяся на борту, представляла собой легкий спиннинг с крученой капроновой лесой. Но когда капитан судна Джон Кэсс увидел огромную двенадцатиметровую тушу китовой акулы, он решил попытаться счастья.

С другого судна уже метнули в акулу гарпун, но она не обратила на него никакого внимания. Кэсс решил пустить в ход, кроме лесы, железную цепь и якорь. Когда «Альберта» оказалась прямо над огромной рыбой, якорь спустили на цепи перед ее рылом, затем резким рывком дернули наверх, так что он зацепил рыбу за шею. Три часа Кэсс «водил» акулу — девятнадцатитонное судно против десятитонной акулы. Акула была относительно спокойна, но даже от небольшого рывка на «Альберте» все валились с ног.

Два человека подплыли на ялике к хвосту акулы и обвязали вокруг него толстые канаты. Сделать это было не очень трудно, хотя один раз их лодчонка чуть не пе-

ревернула́сь от удара хвоста о воду. Привязав таким образом акулу с двух сторон к судну, ее отвели на буксире к берегу. Во время пути, занявшего три с половиной часа, она время от времени неуклюже барахталась, пытаясь высвободиться из оков.

Кэсс привел ее в порт, поставив необычный рекорд: самая большая китовая акула, пойманная без помощи взрывчатки, гарпунов и целого отряда «ассистентов».

В другой раз с китовой акулой, примерно такого же размера, встретился у берегов Флориды, неподалеку от Санкт-Петербурга, капитан шхуны «Кэптен Стриклэнд» Мэтьюз. Зацепив акулу за пасть крючком, Мэтьюз сделал иной ход. На якорный трос своей двадцатиметровой шхуны он нарастил стопятидесятиметровый канат и прикрепил канат к крючку, уже находившемуся в пасти акулы. Затем, используя якорную лебедку в качестве катушки, он попробовал «водить» акулу на «лесе». Но акула не желала включаться в эту игру. Она направилась в открытое море со скоростью локомотива и тридцать километров вела «Стриклэнд» на буксире. Затем одним мощным рывком перервала канат и продолжала свой путь, даже не оглянувшись.

Загарпунить китовую акулу еще не значит обеспечить себе увлекательную прогулку или сражение с мощным противником. Вялость и инертность китовых акул так же велики, как они сами. Почему-то, однако, рассказы о волнующих встречах с китовыми акулами получили весьма большое распространение.

Зейн Грей, например, подцепил однажды на крючок китовую акулу у берегов Калифорнии. Позднее он рассказывал во всех подробностях, как она в течение пяти часов старалась вернуть себе свободу и много километров тащила на буксире его лодку. Наконец она ушла на глубину, отмотав 500 метров лесы, пока не сорвалась с

крючка. Во время преследования, точнее сказать, буксировки ее осыпали градом гарпунов. Грей говорил, что все они, как мячики, отскакивали от ее толстой шкуры.

В своей статье о китовых акулах Е. В. Гаджер, крупный ихтиолог, занимающийся изучением этого вида акул, пишет об их «абсолютно безобидных повадках и вялости» и сухо замечает в скобках, что «рыба, с которой встречался мистер Грей, обладала, судя по всему, самым бурным темпераментом из всех известных нам китовых акул».

Нужно сказать в защиту Зейна Грея, что он не боялся встречи и с самыми опасными видами акул. Нельзя отрицать, что он сделал, как никто, много, чтобы ввести акулу в число рыб, охота на которых считается спортом.

В течение многих лет поймать акулу весом в полтонны было для рыболовов-спортсменов такой же недостижимой мечтой, как для легкоатлетов пробежать километр за четыре минуты или прыгнуть в высоту на два метра. Постепенно, по мере того как совершенствовалась снасть и техника ловли, рекорды все ближе подходили к этой цифре: 300 килограммов... 400. Затем 11 марта 1936 года в водах Австралии была поймана тигровая акула, которой до полутонны не хватало пятидесяти четырех килограммов. А через месяц и этот рекорд был побит — Зейн Грей, прибывший в Австралию, чтобы поймать акулу весом в полтонны, добился своей цели.

С того времени цифры все возрастали, особенно в Австралии.

Один австралийский рыболов, Элф Дин, побил мировой рекорд, поймав на спиннинг четырех самых крупных акул, какие были выловлены этой снастью. Все четыре — большие белые акулы, каждая более тонны весом.

Дин, веселый крепкий мужчина, занимается выращиванием винограда — конечно, когда он не занят ловлей акул. Свою первую акулу он поймал в 1939 году. Она весила 390 килограммов. Шли годы, мастерство Дина росло, рос и вес пойманных им акул. Охотился он, как правило, в Большом Австралийском заливе, на южном побережье континента. В залив заходят многочисленные косяки рыбы и шныряет, оспаривая друг у друга добычу, множество акул, в их числе самые огромные из тех, что водятся в морях и океанах земного шара.

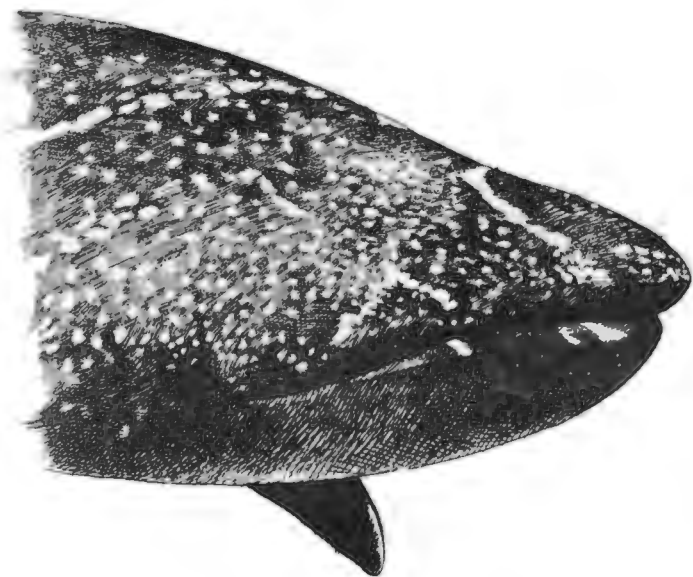
В 1951 году сэр Уиллоби Норри, губернатор Южной Австралии, поймал большую белую акулу весом в 1009 килограммов — в то время это была самая большая акула, пойманная на спиннинг. Дин твердо решил побить рекорд Норри. И в 1952 году он это сделал.

Встреча Дина с его первой рекордной акулой произошла в два часа ночи, когда после целого дня, проведенного в тщетных поисках акулы, достаточно большой, чтобы удовлетворить его вкус, он кинул якорь и лег спать. Его разбудили удары по дну лодки. Он спрыгнул с койки, вышел на палубу, и луч его фонарика осветил спинной и хвостовой плавники самой большой акулы, какую ему доводилось видеть. Акула яростно «бодала» лодку, опьяненная запахом китового жира, капающего из резервуара на корме: при помощи китового жира и тюленьей крови, ведро которой он изредка выливал в воду, Дин оставлял за своей лодкой след, необычайно привлекательный для акул. Акулы чуяли его за много километров и шли за его лодкой, стремясь дорваться до угощения, которое им сулил этот аппетитный запах.

Всю ночь огромная акула с шумом била о корму лодки Дина. Запах пищи доводил ее до неистовства. Один раз она даже схватила зубами гребной винт, так что лодка заходила ходуном: казалось, акула хочет раз-

будить спящих, чтобы получить обещанный ей завтрак. Вскоре после рассвета Дин бросил за борт лесу, и акула тут же схватила приманку и кинулась вперед. Она билась хвостом и вертелась вокруг своей оси. Один раз она целиком выпрыгнула из воды. Если бы она ушла на глубину, она бы спаслась, а так она скоро устала. Через сорок пять минут все было кончено. Акула — она принадлежала к виду большой белой — весила 1058 килограм-

мов и была длиной в 4 метра. Элф Дин побил мировой рекорд. А менее чем через год он побил свой собственный рекорд, поймав большую белую акулу весом в 1076 килограммов.

10 апреля 1955 года Дин поймал акулу в 700 килограммов, привязал ее к борту лодки и отправился дальше в поисках чего-нибудь более интересного. Внезапно на его добычу кинулась другая акула, огромной величи-

ны. Не обращая внимания на Дина, который дубасил ее по голове ручкой остроги, она продолжала отрывать огромные куски от тела мертвой акулы. Наконец напарник Дина забросил крючок с наживкой. Акула кинулась на нее, но каким-то образом умудрилась зацепиться за крючок хвостом. Дин попытался вытащить акулу, но это оказалось невозможным. Тогда он перерезал лесу. Снова кинули крючки с наживкой, и на этот раз акула проглотила крючок. В течение получаса Дин сражался с акулой, но акула сорвалась с крючка и ушла.

За это время лодку унесло чуть не на километр от того места, где они встретили акулу. Дин решил вернуться обратно и бросить якорь. Как только они стали на якорь, из воды вновь показалась та же акула — кусок лесы все еще болтался у нее на хвосте. Дин решил снова попытать счастья, и на этот раз, после полуторачасовой борьбы, ему удалось взять упрямую акулу. Она весила 1141 килограмм. Дин в третий раз побил свой собственный рекорд.

Четвертый раз он побил мировой рекорд в 1959 году, когда поймал акулу весом в 1199 килограммов. Но его самая большая рыба, как это бывает со всеми рыболовами, ушла от него.

В Австралии эту акулу прозвали Неприступная Лил, потому что она — особа женского пола и разбила сердце не одного рыболова-спортсмена. Дин встретил ее однажды лунной ночью, там, где он всегда охотился, в Австралийском заливе. Она ударила лодку рылом и сорвала с кормы тюленью тушу, которую Дин часто вывешивал за борт, чтобы пикантный запах привлекал акул. В то время как она расправлялась с тюленем в нескольких шагах от лодки, Дину удалось ее разглядеть. У него прямо слюнки потекли. Акула была в 6 метров длиной и около 2 тонн весом.

Он спустил за борт свежую приманку — еще одного тюленя. Возле нее он забросил лесу со своей излюбленной наживкой — тюленьей печенью, насаженной на два больших крючка. Неприступная Лил кинулась в атаку на крючки, приманку, наживку — все, что там было. Сквозь брызги, поднятые ее отчаянным прыжком, Дин разглядел, что она проглотила наживку. Он пустил в ход катушку, чтобы крючки крепче вонзились в пасть. Снова и снова она пыталась уйти с крючка, взмывая из глубины на поверхность, так что ее огромное грациозное тело целиком показывалось из воды. Потом пошла на глубину — 2000 килограммов концентрированной ярости против дрожащих от непосильного напряжения рук Дина и лесы, натянутой как тетива. Она боролась два часа без передышки. Затем медленно, сантиметр за сантиметром, оборот за оборотом, он начал сматывать лесу.

Он подвел Лил к борту лодки. Его подручный перегнулся через борт и схватил одетыми в брезентовые рукавицы руками проволочный поводок, прикрепленный к концу лесы. Но Неприступная Лил и не думала признавать себя побежденной. Она собралась с силами и снова бросилась на глубину.

Руки Дина превратились в кровавое месиво. На ладонях вздувались и лопались пузыри, пальцы, изрезанные до кости непрерывно дергающейся удочкой, онемели от боли. Ноги свела судорога. Мышцы на спине чуть не лопались от напряжения. А битва продолжалась. Третий час... четвертый час... Три раза Дин подводил акулу к лодке, три раза сверкающий поводок показывался из воды, и три раза Неприступная Лил с новой силой устремлялась в открытое море.

...Шел шестой час сражения, и Дин почувствовал, что силы его на исходе. Но подрагивание лесы, а вернее, собственная интуиция подсказала ему, что и Лил начала

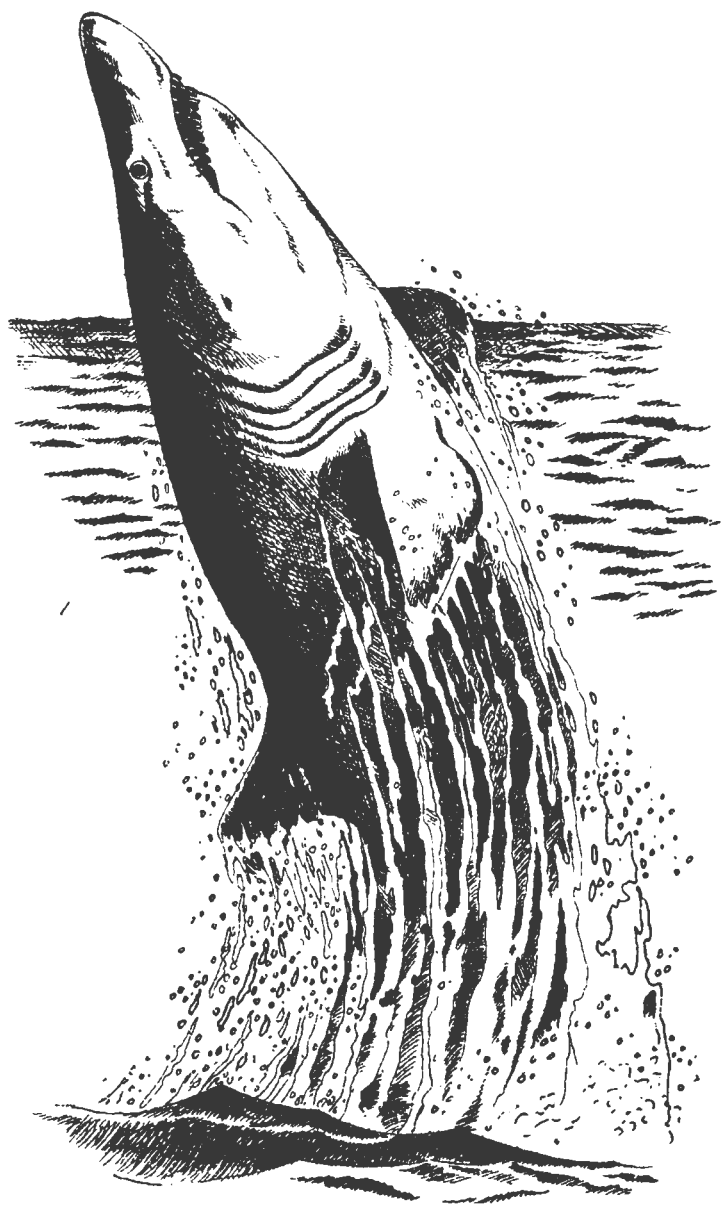
уставать. И снова, сжав зубы от боли, он стал сматывать лесу. Он подвел акулу к борту, и его подручный принялся выбирать поводок. Уже три метра десятиметрового поводка были в лодке, когда Неприступная Лил сделала последнюю попытку освободиться. Она нырнула и камнем пошла на дно. От резкого рывка леса лопнула — неукротимая Лил была на свободе.

Несколько рыболовов-спортсменов видели и преследовали Неприступную Лил еще до встречи с ней Дина, другие пытались ее поймать после того, но это не удалось сделать и по сей день.

Австралия не единственное место в мире, где вес пойманных акул достигает рекордных цифр. За последние годы семнадцать рекордов было побито в водах Лонг-Айленда. Там в изобилии водятся голубые акулы, сельдевые акулы и мако, и многие из них являются потенциальными рекордсменами.

«Мако не уступает по высоте прыжков никакой другой рыбе, «ход» у нее быстрее, чем у большинства из рыб, а рывок сильнее,— писал Эрнест Хемингуэй.— Это грозный противник. Она может напасть на сидящего в лодке человека, который подцепил ее на крючок... Я видел, как мако, которую несколько раз ударили колотушкой по голове и связали, снова ожила и лежала, спокойно выжидая, пока кто-нибудь не окажется поблизости от ее пасти».

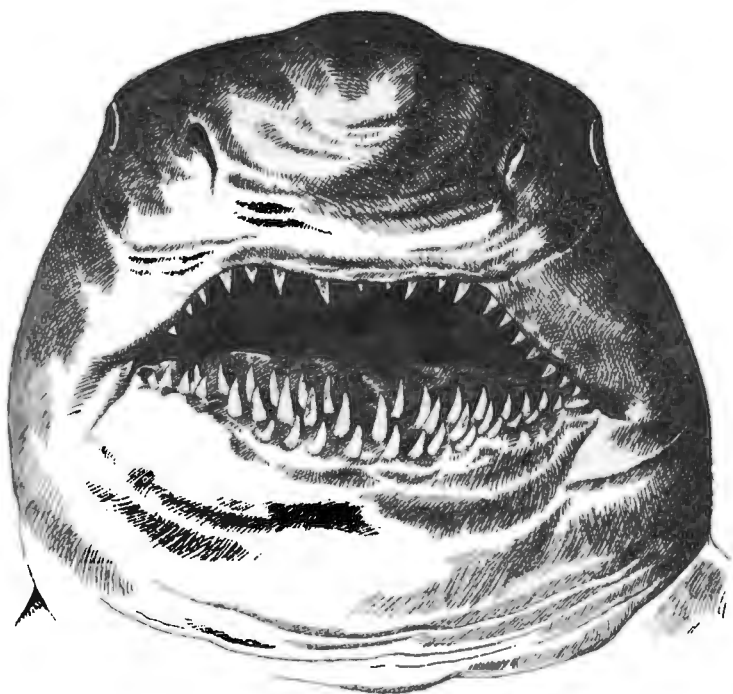
Мако, обитающие в западной части Атлантического океана,— близкие родственники мако (которую называют также серо-голубой акулой), живущей в Индийском и Тихом океанах. Но как бы ее ни называли и где бы она ни жила, одно несомненно — с мако стоит помериться силами. И сражения с ней внесли в анналы спортивной ловли много волнующих страниц.

Одно из мест, где происходят эти сражения,— южный мол Дурбана, выступающий в море на 670 метров. Ширина мола, сделанного из больших бетонных блоков, около 12 метров. По обе стороны мола и у самого его конца в воду беспорядочно свалены отдельные блоки. Они покрыты водорослями и раковинами и дают рыболовам весьма ненадежную точку опоры. Закинув наживку, они должны одновременно сражаться с акулой и балансировать на скользкой поверхности, не то они упадут в воду. А чтобы вывести акулу на берег, им придется перескакивать с блока на блок вдоль всего мола. Стоит им оступиться — и они окажутся во власти быстрых течений и ненасытных акул. В Дурбан приходят китобойные суда с тушами китов на буксире, и гавань кишит акулами, привлеченными их соблазнительным запахом.

...Брайан Бернстейн в пятнадцать лет был уже опытным рыболовом. В семь лет он поймал свою первую рыбу, лосося в семь килограммов весом. В одиннадцать лет он поймал свою первую акулу, девятикилограммового детеныша акулы-молот. К четырнадцати годам на его счету было несколько небольших акул-молот, несколько малых черноперых акул, которых в Дурбане зовут серыми акулами, и несколько акул Вальбеми, длина которых редко превышает метр. Одна из его серых акул весила 200 килограммов. Внушительный вес, особенно если учесть, что сам Брайан весил 60 килограммов.

Большая белая, обитающая в гавани Дурбана,— противник, достойный любого рыболова. Это свирепый борец, и хотя местные клички скрывают ее истинное имя и заслуженную ею печальную славу, на самом деле это та самая *Carcharodon carcharias*, которая получила такие вселяющие ужас имена, как «акула-людоед», «белая смерть» и «убийца». Первая большая белая, пойманная

Брайаном, весила 200 килограммов. По мерилам южного мола это была мелочь. Ему удалось сравнительно легко выиграть сражение... опять же по мерилам южного мола. Но его все же, в качестве поощрения, приняли в неофициальное братство охотников на Белую смерть. Ему было тогда пятнадцать лет.

Через несколько дней после того, как он поймал первую большую белую, Брайан снова был на южном молу, на самом дальнем его краю. В девять тридцать утра акула схватила его приманку и кинулась в открытое море, отмотав четыреста пятьдесят метров лесы. На катушке

мальчика оставалось всего двести метров леса. Ему удалось приостановить бег акулы, но битва была далеко не закончена. Шесть часов подряд сражался мальчик с акулой (это опять была большая белая, весом в 350 килограммов), пока ему удалось вытащить ее на берег. Он пустил в ход все приемы, какие только были известны рыболовам южного мола. Он бегал по молу взад и вперед, чтобы не дать акуле уйти в море. Он делал «лебедку» — садился на корточки, обхватывал правой ногой рукоятку удилица, а само удилице клал на левую ногу. Затем обеими руками изо всех сил крутил катушку. Был во время этой битвы момент, когда мальчик положил удочку на плечо, как ружье, и, повернувшись к воде спиной, тянул акулу, как лошадь тянет плуг. Вот это настоящая спортивная ловля!

Полковник Хью Уайз, много и неустанно охотившийся на самых разных акул вдоль всего Атлантического побережья США, говорит, что одни акулы, схватив приманку, тут же кидаются в открытое море, другие борются тут же, на месте, но все они с такой силой тянут лесу, что им трудно противостоять. Заинтересовавшись, какова сила натяжения, он поставил оригинальный опыт. Выйдя на шлюпке в море, он поймал одну за другой несколько акул на крючок, прикрепленный к толстой веревке, которую он присоединил к поставленным в шлюпку пружинным весам. Уайз обнаружил, что песчаная акула в 2,5 метра длиной и 100 килограммов весом дает тягу в 50 килограммов, то есть на 1 килограмм веса полкилограмма тяги. Когда акула уставала, натяжение резко падало до каких-нибудь 8 килограммов. Уайз писал, что акулы скупно расходуют свою силу и, сделав несколько очень мощных рывков, отдыхают.

— Интересно сравнить их в этом отношении с меч-рыбой, которая ни на секунду не прекращает своей яро-

стной борьбы,— замечает Уайз.— Но не следует забывать: именно то, что акула часто отдыхает и набирается свежих сил, и делает ее таким трудным противником.

Семь видов акул: пила-рыба, голубая, мако, большая белая, сельдевая, морская лисица и тигровая¹ — признаны в качестве «спортивной» рыбы Международной ассоциацией спортивного рыболовства, которая следит за всеми мировыми рекордами рыболовов-спортсменов. Понемногу акула завоевывает среди них широкую популярность.

На акулу охотятся также и подводные охотники, которые ищут и преследуют ее в точности так же, как охотники на крупного зверя отслеживают и убивают львов и тигров.

Два австралийских подводных охотника, Бен Кропп и Рон Тейлор, охотятся на акул с приспособлением, которое они называют «смертоносная игла». Они говорят, что убивали за один день по пятьдесят акул.

— Мы охотимся на всевозможных акул: мако, песчаную, акулу-молот, тигровую и китовую,— сказал Кропп во время интервью.— Стоит «игле» попасть в акулу — и акуле крышка.

«Игла», наполненная стрихнином, прикреплена к концу стрелы гарпунного ружья таким образом, что, когда стрела вонзается в тело акулы, яд сразу проникает в кровь. Кропп и Тейлор утверждают, что стрихнин убивает акулу за полминуты.

Другой известный подводный охотник на акул — Скотт Слотер, водолаз ВМС США. Его карьера охотника на акул началась в Ки-Уэсте, во Флориде. Как-то раз, с большой рыбиной на конце остроги, Слотер поднимался на поверхность, когда мимо него стрелой промчалась

¹ Известны два вида мако и несколько видов морских лисиц.

акула и проглотила его добычу, оставив на копье лишь голову рыбы. Затем, видимо не утолив своего голода, кинулась на Слотера.

Это произошло в тот момент, когда Слотер уже вынырнул на поверхность возле своей лодки. Слотер ударил акулу копьем и, пока она доедала рыбу, взобрался в лодку. Через несколько минут он снова прыгнул в воду. В одной руке у него было копье, на которое он насадил пойманного ранее десятикилограммового тропического окуня. В другой — двухметровая металлическая трубка. Используя окуня в качестве приманки, Слотер подманил акулу и в тот момент, когда она вонзила в рыбу свои зубы, прикоснулся металлической трубкой к ее голове, как раз в том месте, где помещается ее крошечный мозг. Раздался приглушенный взрыв, и во лбу акулы появилось отверстие с кулак величиной. Акула была мертва.

Оружием Слотера была «боевая головка». Она состоит из стальной трубки, в которой помещается патронник для пули двенадцатого калибра и стреляющий механизм. Чтобы убить акулу, нужно приложить «боевую головку» к голове рыбы. Слотер говорил, что убил этим оружием более ста акул, в том числе акул-молот и белых акул.

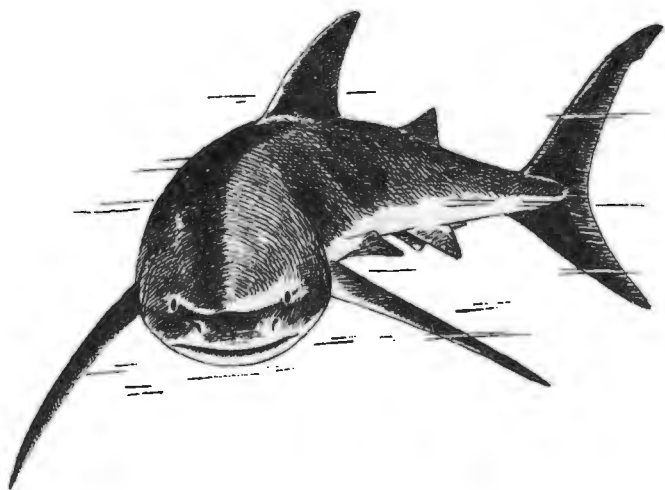
Вооружившись «боевыми головками», все большее и большее число подводных охотников преследует акул — эту самую опасную «дичь» — и подвергает себя весьма большому риску. Однако как во время выслеживания акул, так и во время нападения на них акулы редко кидаются на своих преследователей. Поэтому среди подводных охотников распространилось мнение, будто акула — беззлобное существо, свирепость и кровожадность которого сильно преувеличены.

Однако кто может предугадать, что сделает акула при встрече с человеком? Майкл Лернер, президент Международной ассоциации спортивного рыболовства, обращается к рыболовам со следующим предупреждением: «Мы чувствуем, что рыболовы, пловцы и ныряльщики-аквалангисты стали пренебрегать опасностью, которую представляют собой акулы. Объясняется это частично тем, что в выпущенных в последнее время официальных отчетах преуменьшается кровожадность акул. Действительно, некоторые виды акул, обитающие в определенных районах, никогда не нападали на человека. Но эти же «безвредные» акулы, обитающие в других местах, нападали на людей, ранили их и даже убивали».

От Флориды до Новой Зеландии все больше рыболовов-спортсменов вступает в рыболовные клубы, члены которых занимаются только охотой на акул.

Вдоль обоих побережий США, в водах, омывающих Гавайские острова, и в прибрежных водах Аляски обитают акулы, которые ждут, чтобы их поймали рыболовы-спортсмены — люди с сильными руками, крепкими спинами и желанием изведать неизведанное.

Глава четвертая **ВОЙНА ПРОТИВ АКУЛ**

«Никогда не следует забывать,— предупреждает нас доктор Перри Джилберт, председатель КИА,— что пока еще акулы для нас загадка. Мы знаем сравнительно мало о повадках акул, об условиях, вызывающих их нападения, о том, что именно в поведении человека может спровоцировать нападение акулы».

Давайте же, помня об этих словах, посмотрим, какое оружие применяет человек в своей многовековой войне с акулой. Пытаясь обезопасить пляжи и отдельных пловцов, применяли самые различные средства. Некоторые из них кажутся эффективными, хотя, возможно, это просто дело случая. Ни одно из них нельзя назвать совершенным, но все же они дают кое-какую защиту.

В 1934 году после целого ряда нападений акул на человека в прибрежных водах Австралии, возле Сиднея, нападений, кончавшихся смертью людей, был создан Комитет по борьбе с акулами, обязанностью которого являлось изыскание способов защиты пляжей и предупреждение несчастных случаев. Комитет предложил ставить на ночь сети перпендикулярно берегу, а утром вытаскивать их. Предполагалось, что акулы, курсирующие по ночам вдоль берега, будут попадать в эти сети. Критики этого проекта — а их было множество — называли его «бессмысленной тратой денег». Из-за таких высказываний, а главное, из-за того, что правительство не спешило отпустить деньги на его осуществление, он был проведен в жизнь лишь через три года — в 1937 году.

И с того времени в огражденных сетями водах Сиднея не было зафиксировано ни одного случая нападения акулы.

В течение нескольких лет велся учет акул, попавших в сети. С 1 декабря 1939 года по 1 декабря 1940 года была поймана 751 акула. На следующий год — 705. Во время мировой войны сети не ставились, но даже в 1948 году число пойманных акул не превышало 260. И с тех пор число это все время уменьшается. Существует мнение, что уменьшается общее число акул в морях. Было время, когда в одну сеть за ночь попадало более десятка акул. А теперь сети остаются пустыми много дней подряд. Однако в каком-нибудь километре от берега рыболовы-спортсмены ловят акул в 4—5 метров длиной.

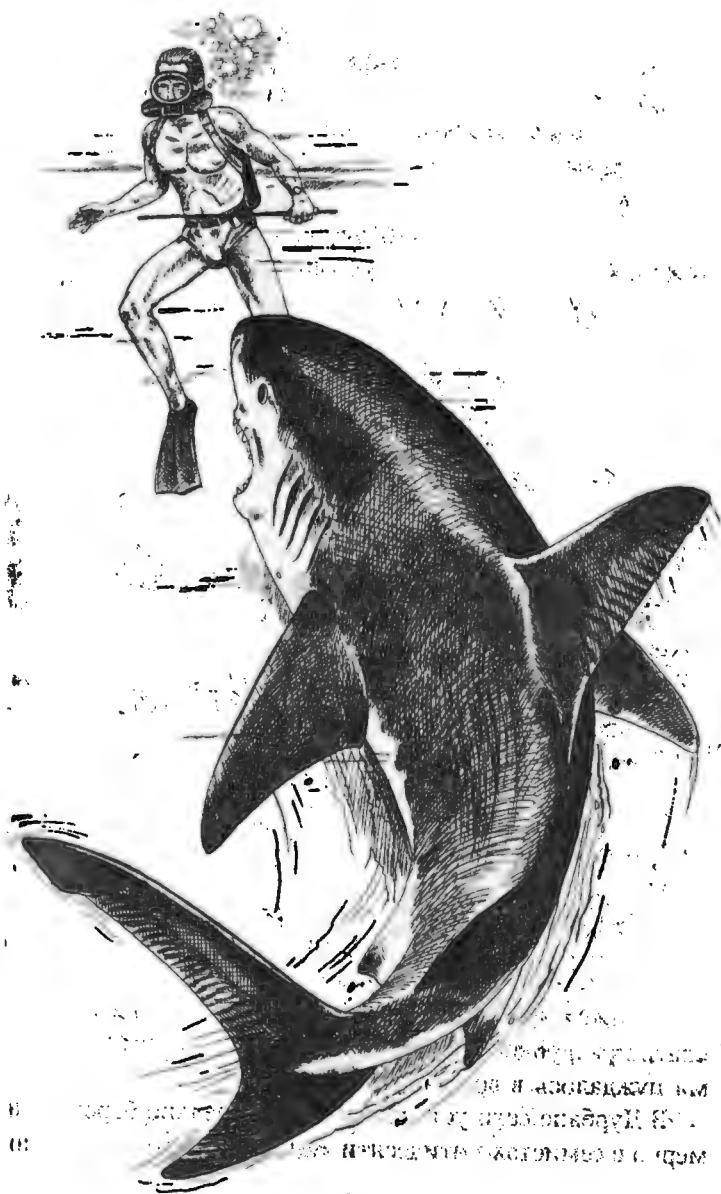
Сети, которые сейчас используют в водах Сиднея, сделаны из нейлоновой нити. Они достигают 150 метров в длину и 6 в ширину. Сети эти не сплошняком прикрывают берег: они ставятся на якорях за волнорезами перпендикулярно путям, по которым, как предполагается, идут акулы. Грузила, прикрепленные к низу сети,

и стеклянные буйки по ее верху удерживают сеть в вертикальном положении. Рыбаки, нанятые правительством для того, чтобы следить за безопасностью прибрежных вод, не имеют права использовать приманки. Они получают за свою работу определенную плату, не зависящую от того, сколько поймано акул, и, когда они ездят осматривать сети, их часто сопровождают правительственные инспекторы, которые следят, чтобы рыбаки точно выполняли все пункты контракта. Часто акулы «тонут» в сетях, так как они могут дышать только тогда, когда движутся. Тех из них, кто еще жив, убивают и топят.

К северу от Сиднея, в устьях рек и гаванях восточного побережья Австралии, акулы по-прежнему нападают на людей. В водах, не защищенных сетями, за год от зубов акулы погибает в среднем один человек. Но заграждение из сетей не может быть одинаково эффективным при всех условиях. Сильное волнение сносит сети. Необходимо знать пути, по которым обычно идут акулы, и соответственно этому устанавливать сети, иначе от них не будет никакой пользы. Иногда сети препятствуют уходу акул из прибрежных вод — печальный, но абсолютно достоверный факт.

В 1952 году, после тридцати пяти нападений акулы на человека за истекшие десять лет, власти Дурбана (Южная Африка) также решили применить заграждение из сетей. В предыдущие годы, начиная с 1907 года, они использовали буквально все, что могли придумать для защиты от акул, начиная со сторожевых башен и кончая постройкой постоянного заграждения, которое неоднократно разрушалось во время штормов и почти все время нуждалось в восстановлении.

В Дурбане сети установлены параллельно берегу примерно в семистах пятидесяти метрах от него. С того дня,

как их установили, не было ни одного нападения акулы на человека. Ведется тщательный подсчет пойманных акул. За 1952 год поймали 602 акулы. На следующий год число это сократилось до 158. С 1952-го в год в среднем вылавливают по 170 акул.

Доктор Дэвид Дэвис¹, морской биолог, специалист по акулам, подверг систему дурбанских ставных сетей пристрастной проверке. Он был крайне удивлен, убедившись, что сети действительно служат препятствием для подхода акул к берегам.

«Ни одно объяснение успеха этой системы,— писал доктор Дэвис,— не может считаться удовлетворительным. Хотя сети и тянутся на довольно большом расстоянии вдоль пляжей, они не образуют сплошной стены, и акулы могут свободно проникнуть в пространство между сетями и берегом, проплыв между отдельными сетями. Как выяснилось, акулы попадают в сети как по пути к берегу, так и на обратном пути в открытое море.

Единственное разумное объяснение успеха системы ставных сетей кроется, видимо, в том, что при помощи лова сетями возможно вообще уменьшить количество акул. Этот факт был установлен во время промыслового лова акул в самых разных точках земного шара».

Повторяя слова Джилберта, Дэвис предупреждал, что «мы до сих пор еще не знаем, как полностью обеспечить защиту человека от акул».

Морским биологам уже давно известно, что на рыб удивительное воздействие оказывает электричество. Еще тридцать лет назад в Австралии производился следую-

¹ Доктор Дэвид Дэвис провел широкий комплекс исследований по изучению опасных видов акул, обитающих в африканских водах. Он регистрировал случаи нападения акул на человека и изучал их повадки в Дурбанском океанариуме. Результатом его исследований явилась опубликованная в 1964 году книга «Акулы и их атаки».

ний опыт: в резервуаре, где находилась трехметровая акула, через воду пропускали электрический ток. Как только ток включали, акула переставала двигаться, как только ток выключали, она вновь начинала плавать.

С костистыми рыбами проводились еще более сложные опыты. Рыбу помещали между двумя электродами. Когда между ними пропускали ток, рыба плыла по направлению к положительному полюсу. В морях промысловый лов рыбы при помощи электрического тока пока не имеет практического применения, так как требует слишком большого количества электрической энергии. Но при лове в пресных водах этот метод имел успех, особенно в России¹.

В последние годы ученые провели ряд экспериментов с так называемой «электрической оградой», проверяя ее воздействие на акул. Хотя в отчете ученых указывается, что опыты носят предварительный характер, все же они позволяют установить, что ток, пропущенный между двумя электродами, служит для акул преградой. Выяснили также, что электрический заряд, достаточно сильный для того, чтобы заставить акулу повернуть обратно от невидимого барьера, почти не ощутим для человека.

В ноябре 1961 года Джон Хикс, ныряльщик-изобретатель, демонстрировал в океанариуме в Майами свой «электрический акулий пугач». Свидетели его опыта подтверждают, что, как только Хикс включил свое при-

¹ Отлов рыбы в пресных водоемах с помощью электрического тока был впервые применен в СССР. Государственным научно-исследовательским институтом озерного и речного хозяйства созданы электризованные аппараты, принцип действия которых основан на различной электрической проводимости воды и тела рыбы. Когда рыба попадает в поле постоянного тока, она направляется к аноду и ее парализует, после чего она всплывает на поверхность, где ее подбирают насосной сетью или сачком. В реках электрический ток применяется также для лова парализованной рыбы с помощью рыбонасоса, который и втягивает ее.

способление, сорок или пятьдесят акул, бывших в океанариуме, тут же поплыли прочь от спущенной в воду приманки.

Химический репеллент («отпугиватель» акул) появился во время войны. Появился он как оружие не столько против акул, сколько против страха перед акулами. Солдат, которых должно было волновать только одно — как победить в сражении, — сковывал страх перед врагом, куда более ужасным, чем человек с автоматом.

Страх погибнуть от пули или бомбы не особенно подрывал моральный дух войск, но страх перед гибелью в пасти акулы нельзя было погасить одними красивыми фразами. «Сообщения о нападениях акул на солдат наших экспедиционных войск поставили перед нами вопрос о том, как обеспечить безопасность тех, кто терпит аварию в море и над морем, и найти ответ на него необходимо как можно скорее, — говорилось в Бюллетене ВВС США. — Страх подвергнуться нападению акул разлагает моральный дух армии».

Доктор Гарольд Д. Кулидж, занимавшийся проблемами информации широких кругов общественности по вопросам, возникающим во время войны, также считал, что беспокойство относительно нападений акул подрывает моральный дух как экспедиционных войск, так и народа в целом. Кулидж поставил вопрос об этом в Белом доме и предложил провести научные исследования с целью найти действенный химический репеллент. Президент Рузвельт отдал распоряжение о том, чтобы немедленно начались изыскания.

Это вызвало недовольство военной верхушки США. Генералы, по-видимому, считали, что использовать на эксперименты людские и денежные ресурсы, жизненно необходимые для успешного ведения войны, — значит, впустую тратить и людей, и деньги. Высшие чиновники

из морского министерства доказывали, что, поскольку случаев нападений акул сравнительно немного, обращать слишком большое внимание на них психологически неверно, так как это лишь усилит страх перед акулами. Но сторонники поисков репеллента одержали верх в этом споре, выдвинув тот аргумент, что страх парализует волю к жизни и если человек, потерпевший аварию в море, будет знать, что у него есть какая-то защита против акул, он сможет все свои силы направить на то, чтобы выжить.

Найти способ воспрепятствовать нападению акул было поручено В. Дугласу Бурдену, президенту Морской студии во Флориде. Первые эксперименты производились в Вудс-Холском океанографическом институте в Массачусетсе. В резервуар были помещены три акулы, каждая около метра длиной. Все три сдохли от отравленной пищи. Но это ничего не дало. Нужно было найти средство, которое отпугивало бы акул от пищи. На акулах, следовавших за первыми тремя, проверялось воздействие ультразвука, бомб с отравляющими веществами, химических раздражителей и целого ряда красителей. Ни одно из этих средств не действовало на них.

Было перепробовано семьдесят восемь различных веществ — в том числе несколько отравляющих газов, — прежде чем ученые натолкнулись на то, что лежало буквально у них под рукой. Это был «экстракт дохлой акулы». Ловцы акул, в том числе и один из авторов этой книги, уже давно обнаружили, что если они оставляли акул на крючке долгое время и те начинали разлагаться, другие акулы старались держаться подальше от своих «ароматных» сородичей. И теперь, во время экспериментов в Вудс-Холе, когда акулам было предложено полуразложившееся акулье мясо, они также стали воротить от него нос.

Но метровая колючая акула в лабораторном танке — это не шестиметровая большая белая, преследующая человека в открытом море. Поэтому опыты были перенесены во Флориду, где ученые надеялись проверить свой потенциальный репеллент на настоящих людоедах.

Они нашли место возле устья реки Гваякиль и там в течение шестнадцати дней проверяли репеллент. Он представлял собой химический эквивалент того ингредиента разлагающегося мяса акулы, который, судя по всему, больше всего отталкивал акул. Этот химический препарат — ацетат меди — давал поразительные результаты. Акулы яростно набрасывались на приманки, не защищенные репеллентом, но не желали и близко подходить к приманкам, над которыми был подвешен в мешочке ацетат меди.

Убедившись, что репеллент действует на отдельных акул, ученые решили выяснить, каково его действие на стаю акул, охваченную голодным безумием. Пакеты с репеллентом были переправлены в Сан-Августин. Рыбаки, ловившие там креветок, обычно выбрасывали за борт мелкую рыбешку, попадавшую в сети, и за судном, как правило, следовали стаи акул, сплывавшихся на даровое угощение.

В отчете о воздействии репеллента на стаю акул один из ученых сообщал: «Акулы появились за бортом судна для ловли креветок, привлеченные выбрасываемой за борт рыбой. Вода так и бурлила от ударов их хвостов. Мы приготовили кадку свежей рыбы и кадку рыбы, смешанной с порошком ацетата меди. В течение 30 секунд я бросал лопатами за борт чистую рыбу, и акулы тут же жадно ее пожирали. Затем после перерыва в полчаса я в течение 30 секунд кидал рыбу, смешанную с репеллентом. Немедленно после этого — снова чистую рыбу. Эту процедуру я повторил три раза.

В первый раз акулы, яростно пожиравшие рыбу у самого борта судна, перестали есть примерно через пять минут после того, как в воду попал репеллент. Когда я снова кинул чистую рыбу, только несколько акул показалось за бортом. Во второй раз — через полчаса — акулы с прежней жадностью пожирали чистую рыбу, но исчезли в тот же момент, как в воду попал репеллент. И пока он был в воде, к рыбе не приблизилась ни одна акула. В третий раз мы вообще не смогли привлечь акул к борту судна ближе чем на 20 метров».

Репеллент имел невероятный успех. Согласно правительственной программе, его должны были выпускать брикетами и прикреплять к спасательным поясам. Ацетат меди смешивали с нигрозином, который, растворяясь в воде, окрашивал ее в темно-синий цвет. Солдаты получили инструкцию в случае аварии на воде и угрозы нападения со стороны акул вынуть брикет репеллента из конверта, прикрепленного к спасательному поясу, и опустить его в воду. Репеллент растворится и окружит человека защитной стеной ацетата меди и краски.

Репеллент считался военным секретом, и гражданское население, удивлявшееся тому, какая ужасная вонь разносится от завода Бордена в Салерно, где занимались экстракцией витамина А из печени акул, не подозревало, что там варят акулье мясо, чтобы извлечь из него экстракт репеллента. (Вскоре экстракт, добываемый таким образом, был заменен химикатом.)

Репеллент, получивший имя «Истребитель акул», входил в один комплект со спасательным поясом и надувным резиновым плотиком. Насколько он оказался эффективен, видимо, никогда не станет известно. Во время войны тысячи людей терпели крушение во всех морях земного шара, и репеллент, конечно, давал им в руки психологическое оружие против акул. «Вне сомне-

ния, главное значение «Истребителя акул» было в той моральной поддержке, которую он оказывал людям», — замечал доктор Лланоу, который, как мы уже упоминали, занимался вопросами спасения летчиков при авариях над океаном.

После войны репеллент был пущен на общий рынок, но успеха не имел. Авторы этой книги предпринимали многочисленные попытки получить сведения об эффективности репеллента, как для защиты людей, так и для защиты рыбачьих сетей. Но им так и не удалось найти хоть сколько-нибудь достоверные доказательства того, что «Истребитель акул» действительно служит защитой от них.

Насколько эффективен «Истребитель акул»? На этот вопрос, как на любой вопрос, касающийся акул, можно дать самые разные ответы.

Производство его началось во время войны в сверхсрочном порядке, и понятно, что опыты, проведенные в то время, никак не могут удовлетворить ученых; воздействие репеллента проверялось на недостаточно большом количестве акул и далеко не во всех возможных условиях.

С момента изобретения репеллента состав его остается все тем же: 20 процентов ацетата меди и 80 процентов нигрозина. Многие биологи полагают, что состав этот нуждается в изменении. Они основываются на сообщениях о сомнительной эффективности репеллента. Например, он был испробован в Австралии Бобом Дайером, чемпионом по ловле акул. Он кинул пакеты репеллента в воду, окрашенную кровью китов, убитых китобоями. Некоторых акул он как будто отпугнул, другие же в неистовстве заглатывали сами пакеты с «Истребителем акул».

Обеспокоенные растущим скептицизмом по отношению к репелленту, Американский институт биологиче-

ских наук, Туланский университет и Ведомство морских исследований созвали в 1958 году конференцию по вопросу о репелленте, на которой присутствовали ученые Соединенных Штатов, Австралии, Японии и Южной Африки. Участники конференции пришли к следующему единодушному выводу: «Согласно сообщениям, репеллент в ряде случаев оказывается неэффективным и многие из тех, чья личная безопасность зависит от него, не питают к нему должного доверия».

Ученые даже высказали мнение, что, поскольку сильные стимуляторы отпугивают, а слабые привлекают, разбавленный раствор репеллента может оказывать обратное действие и служить не «отпугивателем», а приманкой. Это и многое другое заставило ученых понять, что недостаточно искать какие-то частные средства против акул. Нужно изучать саму акулу и случаи ее нападения на человека; тогда только можно будет найти разгадку поведения акул. Так возникла Комиссия изучения акул (КИА).

Сейчас ученые пытаются найти лучший репеллент. Они проводят опыты с самыми различными веществами, например с ядом, выделяемым морским огурцом. До тех пор пока не создано лучшего средства, самое большее, что можно сказать о комбинации ацетата меди и пигрозина, это то, что иногда эта комбинация при определенных условиях отпугивает некоторых акул.

Капитан Кусто, который справедливо заметил, что никогда нельзя заранее предугадать, как поступит акула в том или ином случае, имел однажды возможность проверить действенность всех советов относительно того, как надо себя вести, когда к тебе приближается акула. Кусто и его товарищ Фредерик Дюма ныряли как-то возле островов Зеленого Мыса; там они повстречались с

тремя акулами, одна из которых, видимо, твердо решила напасть на них.

Кусто и Дюма размахивали руками, выпускали пузырьки воздуха из «легочного автомата» акваланга, громко кричали и наконец кинули в воду репеллент. Акула подошла к ним еще ближе. Не зная, что делать, Кусто ударил акулу кинокамерой по рылу. Акула отплыла на несколько шагов и снова принялась кружить возле них. Приблизились и ее товарки. Спасло ныряльщиков только появление лодки, которая, пр-видимому, испугнула акул.

С тех пор Кусто и Дюма брали с собой под воду «акульи дубинки» — толстые палки более метра длиной, утыканные с одного конца гвоздями. Почему они решили пользоваться дубинками, становится ясно из следующей фразы в книге Кусто «Мир безмолвия»: «Мы видели акул, в голове которых торчали гарпуны, на теле зияли глубокие раны от копья, перед носом которых взрывали заряд взрывчатки, а они продолжали спокойно плыть дальше. Так что теперь мы не полагаемся на нож или пулю как на средство защиты». Правда, когда писались эти слова, Кусто еще не пришлось пустить в ход дубинку и проверить ее эффективность. «Возможно,— писал он,— это окажется еще одним лишь теоретически действенным средством защиты против существа, понять которое нам до сих пор не удалось».

Все средства защиты против акул хороши лишь в теории. Но некоторые из них, предлагаемые самозваными экспертами, можно применять лишь в одном случае: если хочешь покончить жизнь самоубийством.

Цитата из журнала любителей подводной охоты: «Вы можете подплыть вплотную к акуле и ударить ее ногой, и она не причинит вам вреда. Попробуйте как-нибудь сделать это».

Цитата из книги о подводной охоте: «Если акула подплывает близко к вам, суньте голову под воду и орите как можно громче: «Убирайся прочь, скотина! Чтобы духу твоего здесь не было!» Слышать вас она не может, зато ощущает вибрацию воды. Если она будет продолжать приставать к вам, стукните ее по носу...»

Цитата из журнала любителей подводного спорта: «Если вам придется сражаться с акулой «врукопашную» (что очень и очень маловероятно), старайтесь избежать зубов чудовища, а для этого крепко, обхватите рукой его пасть. Колите ее ножом в жаберные щели или полосуйте ее по спине... Если у вас нет при себе ножа, давите изо всех сил пальцами на ноздри или жаберные щели и, если можете, уцепитесь за спинной или грудной плавник и не отпускайте, пока у вас хватит дыхания».

Если бы спасение пловцов, подвергшихся преследованию акулы, зависело от подобных легкомысленных, мягко выражаясь, советов, вряд ли многие из них остались бы в живых. Человек, дразнящий акулу, ставит на карту свою жизнь или, по меньшей мере, руки и ноги. Да, люди дразнили акул, ездили на них верхом, кололи острыми предметами, били... и оставались живы. Что же, люди оставались живы, выбросившись из окна, кинувшись под колеса грузовика или пустив себе пулю в лоб.

Бить или колоть акулу можно только в том случае, если это последнее средство, к которому осталось прибегнуть во время поединка с акулой. Когда человеку грозит смерть. Таким человеком был капитан Джонатан Браун, командир «глобмастера С-124», который потерпел аварию над Атлантическим океаном в 1958 году.

Из девяти человек команды в живых после крушения осталось трое — он и еще два члена экипажа. Они соорудили плот из деревянных обломков и, чтобы придать

сму большую плавучесть, прикрепили к нему почтовые мешки. Так они продержались всю ночь. А наутро появились акулы. Был пущен в ход репеллент, и вначале казалось, что он подействовал: акулы некоторое время не подходили к ним. Затем они стали приближаться.

— Мы принимались кричать, и акулы отплывали на несколько шагов, словно размышляя, что делать дальше,— рассказывал впоследствии Браун.— Мы не знали, сколько там акул. Я не могу сказать, большие они были или нет. Казалось, что их привлекают предметы белого цвета. К счастью, на нас были летные комбинезоны и черные носки.

Одна из акул, по-видимому, остановила свой выбор на Брауне и напала на него.

— Акула схватила меня зубами за плечо и стала трясти,— рассказывал Браун.— Мы кричали, били руками и ногами по воде, чтобы избавиться от нее. Ничего не помогало. Наконец я ударил ее кулаком по голове, и она отпустила меня.

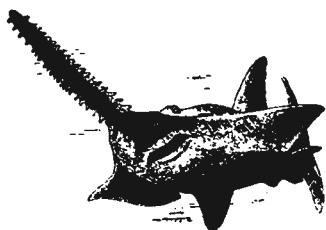
Это был последний акт самозащиты, и он подействовал. Акула отплыла в сторону, хотя и не уплыла совсем. Все двенадцать часов, которые им пришлось ждать спасения, она, в числе прочих акул, оставалась поблизости.

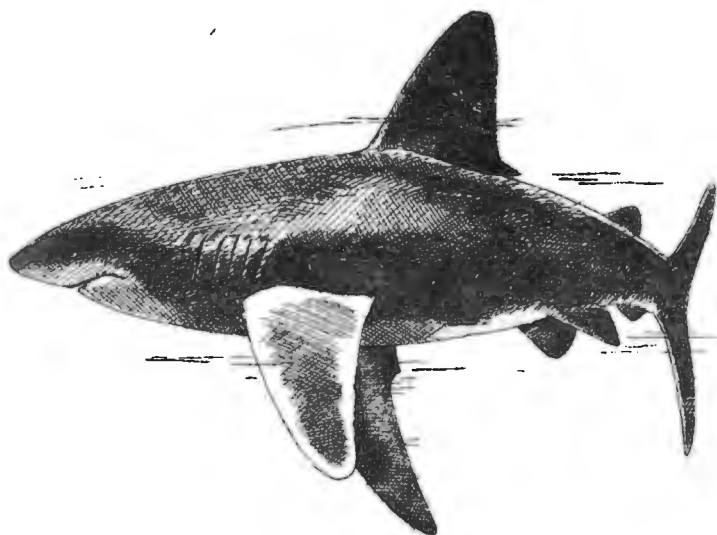
Отчаянная, но вместе с тем целеустремленная самозащита капитана Брауна и его товарищей является примером того, как можно противостоять нападающей акуле. Но ничто не дает твердой гарантии спасения, так как в поединке акула — человек все преимущества на стороне акулы.

Тени, скользящие в воде,— вот что мы чаще всего видим, если нам вообще удастся вовремя заметить акулу или ската. Когда вы заметили спинной плавник, разрезающий волны, будьте начеку! Это охотится акула, и вполне возможно, что своей добычей она избрала вас.

Хорошо, если это гигантская акула, греющаяся на солнышке и лениво цедящая планктон. Это может быть и одна из тех акул, которые завоевали печальную славу людоедов. Иногда они приближаются к вам осторожно, иногда нападают сразу. Не воображайте, что все спокойно, если вы не видите плавника. Очень часто акулу можно увидеть только во время, а то и после нападения.

Авторы этой книги присоединяются ко многим видным исследователям подводного мира, которые в течение долгого времени изучали акул в их родной среде, и считают, что каждую акулу надо рассматривать как индивидуальность. Это не противоречит наблюдениям, согласно которым одни виды акул ведут более мирный образ жизни, а другие — более агрессивны. Это значит только, что к любой акуле, независимо от ее вида, нужно относиться с опаской и уважением.

Глава пятая

АКУЛЫ — БОЖЕСТВА И АКУЛЫ — ЗЛЫЕ ДУХИ

Вот уже много веков, как могучий охотник Орион все не может догнать огромного Тельца и настороженно поднявшего голову Льва, рассказывается в греческих мифах о созвездиях и звездах. Но задолго до того как греки взглянули на небо и стали создавать свои мифы, первобытные люди рассмотрели в мерцающих звездных узорах сцены страшных сражений, которые они вели со своим злым духом — и божеством — акулой.

В том, что для греков было Поясом Ориона, индейцы Южной Америки видели оторванную ногу Ноуи-Абасси, человека, который решил избавиться от жены и уговорил кровожадную акулу сожрать ее. Как узнали

бессчетные поколения его соплеменников в грядущие века, Ноуи-Абасси убедился, что не стоит дразнить акулу... и родичей. Сестра его жены, выступившая, видимо, в роли акулы, оторвала ему ногу, и Ноуи-Абасси умер. И теперь сам он находится в одной части небосвода, а его нога — в другой.

Для одних первобытных племен акула была пусть мстительным, но божеством, для других — исполненным коварства злым духом. Часто поклонение акуле приобретало очень сложные формы: акула играла несколько ролей, человек превращался в акулу, акула — в человека. На многих островах Тихого океана это вселяющее ужас божество не удовлетворялось тем, что изредка уносило в море мужчину, женщину или ребенка во время своих таинственных набегов. Оно требовало высшей дани — человеческих жертвоприношений. И вот в определенный день вождь или верховный жрец племени выходил к людям в сопровождении прислужника, несшего петлю, похожую на акулью ловушку. По знаку вождя он с силой метал ее в толпу. Человека, на которого падала эта петля, тут же на месте душили. Затем тело его, согласно определенному ритуалу, резали на части и бросали в море ненасытным божествам.

На Соломоновых островах обожествленные акулы жили в священных пещерах недалеко от берега. Перед этими пещерами были воздвигнуты большие каменные алтари, на которые помещали тела жертв. После обрядовых церемоний тела бросали акулам. Некоторых акул жители Соломоновых островов считали своими перевоплотившимися в рыб предками. Это были «хорошие» акулы, которые, как полагали, помогали своим родичам. Туземцы верили, что черных акул, заплывавших к островам, можно прогнать, размахивая перед

ними маленькими деревянными фигурками «своих» акул.

Вьетнамские рыбаки до сих пор называют китовую акулу Ка Онг, что значит Госпожа Рыба. На песчаных берегах Центрального и Южного Вьетнама поныне можно видеть небольшие алтари, где кладут приношения Ка Онг.

В богатый ковер гавайских легенд воткана не одна нить сказаний об акулах, сказаний, которые и сейчас передают со слов отцов и дедов, живших в те времена, когда мифы обволакивали Гавайи, как обволакивает их туман на рассвете.

— Я поведаю вам,— так начинает рассказчик,— о Камо-боа-лии, повелителе всех акул...

Камо-боа-лии, гласит предание, влюбился в девушку по имени Калеи, которую он увидел купающейся в море. Камо-боа-лии превратился в человека, женился на Калеи, и она родила ему сына. После этого он снова вернулся в море и стал акулой. Ребенок, которого звали Нанауе, был похож на любого другого ребенка, за одним исключением: на спине у него была метка его отца — пасть акулы. Камо-боа-лии предупреждал, чтобы ребенку никогда не давали мяса, но табу это было нарушено, и Нанауе открылась тайна, как превращаться в акулу. В образе акулы он пожрал многих жителей островов. Наконец его поймали, и тело его — в виде огромной акулы — было отнесено на холм возле Каиналу.

— И даже сейчас,— закончит предание рассказчик,— этот холм зовется Пуумано — Акулий холм...

Когда в начале этого века в Пирл-Харборе стали строить американскую морскую базу, дноуглубительные работы разрушили то, что еще оставалось от древнего акульего «цирка». Там в незапамятные времена власти Гавайев бросали акулам живых людей и разыгры-

вались кровавые бои между голодными акулами и местными гладиаторами.

В точности так же, как в другом полушарии и в другие времена римские гладиаторы вступали на арену цирка, чтобы сражаться со львами для развлечения императора, гавайские воины вступали в единоборство с акулами. Единственным оружием воина был кинжал — короткий кусок дерева, из которого торчал акулий зуб. Матадор может сделать неверный выпад и остаться в живых, у противника акулы был один шанс выжить — убить акулу с первого удара. Он должен был ждать, пока акула кинется на него, и в последний момент поднырнуть под нее и распороть ей брюхо своим примитивным оружием. Возможно, и существовал эдикт властителей Гавайских островов, позволяющий воину, ранившему акулу, покинуть арену боя... конечно, если он в состоянии это сделать. Но вряд ли единоборство кончалось в пользу человека: ведь, в конце концов, у него был всего лишь один зуб против целой пасти.

Акулий «цирк» представлял собой круглый коралловый садок, площадью примерно в полтора гектара, в пределах нынешней гавани Пирл-Харбор. Со стороны моря в скалах был проход, так что вода из моря могла свободно поступать на «арену». Для того чтобы привлечь туда из моря акул, в воду кидали мелкую рыбешку и приманку из человеческого мяса. Перед состязанием «ворота» в «цирк» закрывались, чтобы ни один из соперников не мог улизнуть. Недалеко от «цирка» на дне гавани обитала королева акул, которую охраняли ее верные подданные — по две акулы с каждого из островов архипелага. Королева милостиво разрешала устраивать бои гладиаторов рядом со своим королевским логовом. Но за это она требовала жертвоприношений, которые, несомненно, были человеческими, так как в

старые времена на Гавайях человек стоил куда дешевле свиньи.

Как уже упоминалось, в начале нашего века стали углублять дно Пирл-Харбора для постройки морской базы. Был построен сухой док, который обошелся в четыре миллиона долларов. И вдруг вода прорвала фундамент сооружения и разрушила док. Инженеры и флотские инспектора тщетно пытались найти причину катастрофы, но туземцы прекрасно знали, что произошло. «Королева акул сердится и подняла спину горбом», — говорили они.

Вера в мифы об акулах почти не ослабевала с годами. Меньше чем сто лет назад гавайские женщины татуиро-

вали лодыжки в память о жене одного древнего вождя — ее ухватила за лодыжку акула. Так как ей удалось спастись, то, по-видимому, считалось, что эта татуировка помогает избежать зубов акулы.

В 1956 году в музей Береники Бишоп в Гонолулу, где находится уникальная коллекция примитивных орудий охоты и образцов примитивного искусства, поступил еще один экспонат, известный под именем Капаахео — Акулий камень.

Давным-давно, рассказывается в предании, девушки с Большого Острова (остров Гавайи) купались в бухте, где им было не страшно море. Однако нередко случалось, что во время купания одна из девушек исчезала и больше ее никогда не видели. И всякий раз неподалеку оказывался таинственный незнакомец. Рыбаки смотрели на него с подозрением, но они ничем не могли доказать, что он повинен в исчезновении девушки.

И вот однажды, вооружившись копьями, они пошли купаться вместе с девушками. На них напала акула, но рыбаки нанесли ей несколько ударов, и она скрылась. А вскоре на берегу был найден таинственный незнакомец — он умирал от ран, нанесенных копьем. Когда же он умер, тело его превратилось в Капаахео — большой камень, напоминающий по форме акулу.

Мифологические акулы не всегда причиняли зло людям. Часто они помогали рыбакам, потерявшим родной остров, добраться до берега и спасали пловцов от других, менее доброжелательных акул. Согласно старым легендам, береговую охрану у Таити несла Неи де Туахине — богиня в образе гигантского ската. Ее специальностью было спасать пропавших в море людей. Она сажала их на свою широкую спину и везла на берег.

На островах Кука существует легенда о Хине, капризной молодой девице, которая пожелала попасть на

священный остров Моту-Тапу. У нее не было каноэ, но это ее не смутило. Она отправилась через море на рыбах, сменяя их одну за другой и на каждой оставляя следы своей жестокой руки. Одну она исхлестала так сильно, что ее тело покрылось полосами. У другой на теле от ее побоев выступили синяки. Третью она дубасила так немилосердно, что та на веки вечные осталась черной. Она с такой силой наступила на камбалу, вежливо подставившую ей спину, что та расплющилась в лепешку.

К тому времени как Хина оседлала акулу, она проголодалась. Она разбила об голову акулы кокосовый орех, так что у акулы вздулась на лбу шишка, до сих пор известная под названием «шишка Хины». Однако акула оказалась менее кроткой, чем все прочие рыбы. Когда Хина ударила акулу орехом по лбу, та нырнула, оставив Хину одну посреди океана, и теперь трудно с уверенностью сказать, добралась ли Хина до Моту-Тапу.

Тихий океан не единственное место на Земле, где акул обожествляют и превращают в героев мифов. Со священным ужасом и почтением взирали на акулу и индейские племена, населявшие некогда Северную Америку. Лоренс М. Клобер, выдающийся ученый, занимающийся пресмыкающимися, с удивлением обнаружил, что в некоторых индейских племенах, почти не связанных с морем, гремучих змей называют «маленькие акулы лесов». Индейцы племени тлингит, живущие на Южной Аляске, делят племена на тус, или «акулы» вигвамы. Вождя одного из племен звали Ха-еак — индейское слово, обозначающее след, который идет в мелкой воде за быстро плывущей акулой. Те же индейцы племени тлингит называли скатов «каноэ сухопутной выдры».

В Центральной и Южной Америке изображения акул можно увидеть на древних гончарных изделиях, а во

время раскопок были найдены статуэтки — акулы, заглатывающие человека. Археологи нашли также шипы хвосткола, которые, возможно, использовались индейцами в качестве ритуальных ножей во время человеческих жертвоприношений. Даже сейчас индейские ребятишки играют в древнюю-предревнюю игру, во время которой тот из них, кому выпадает водить, ныряет в воду и «пятнает» других детей, щипая или кусая их. Это называется «играть в акулу».

В одной из древнейших японских книг — «Кодзики» — тоже есть сказание об акуле. Однажды, в давние времена, говорится в ней, белый заяц, живущий на острове Оки, окликнул плавающую подле берега акулу. «А правда интересно сравнить,— сказал он,— сколько у тебя родичей и сколько у меня? Если ты попросишь своих родичей лечь бок о бок от этого острова до мыса Кета, я пройду по их спинам и всех их пересчитаю». Акула согласилась, и заяц принялся прыгать с акулы на акулу по направлению к тому острову, который сейчас является главным островом Японии. Когда он достиг суши, он закричал с издевкой: «Ах вы, глупые акулы! Хорошо я вас провел! Я просто хотел перебраться с Оки на этот остров». Акула, которая была ближе всех остальных к зайцу, схватила его и содрала с него шкуру.

Голый заяц лежал на берегу, плача от боли, и тут мимо прошел бог Ясоками. Ясоками посоветовал зайцу искупаться в море и лечь на вершине холма, чтобы его обсушило ветром. Так заяц и сделал, но от соли и ветра боль стала еще сильнее. Когда он лежал там, плача от боли еще горше, другой бог, Окунинуши, брат Ясоками, прошел мимо него. Он тащил вещи своего брата. Оба они направлялись к богине Яками, живущей в Инаба, в которую они были влюблены. Добрый Окунинуши посоветовал зайцу омыться речной водой и лечь

на лугу с целебными травами. Заяц поправился и в благодарность предсказал, что Окунинуши, а не его брат Ясоками завоюет любовь богини. И предсказание сбылось: богиня Яками действительно вышла замуж за (Окунинуши).

Для акул-богов не новость войны. На некоторых островах Тихого океана, таких, например, как Маршалловы острова, уже много веков назад племена из-за акул шли друг на друга священной войной. Войны эти были вызваны тем, что члены одного племени не желали признавать табу другого племени. Начиналось обычно с того, что кто-либо из племени, не поклоняющегося определенному виду акул или скатов, убивал одно из этих божеств. Когда о кощунстве узнавали в том племени, в котором обожествляли эту акулу или ската, провинившееся племя отправлялась делегация. Если просьба отказаться от осквернения святыни встречала отказ, между племенами начиналась священная война.

Приход христианства на острова Тихого океана несколько изменил положение, но все же религия белого человека не смогла полностью вытеснить акул-богов с их алтарей. На Самоа, например, на большую белую акулу смотрели как на посланницу Мосо — главного божества острова. Чтобы уберечь от воров свои хлебные деревья и кокосовые пальмы, житель Самоа вырезал из дерева фигурки акул и вешал их на ветки. Тому, кто воровал с деревьев, на которых висел идол, грозила смерть от зубов большой белой акулы, как только он выходил в море. На Самоа рассказывают об одном туземце, который перешел в христианство и в знак своего презрения к предрассудкам соплеменников сунул руку в пасть акулы-идола. Вскоре после того он вышел в море, его схватила акула и откусила ему обе руки.

Точно так же, как в Индии есть заклинатели змей, на островах Тихого океана есть заклинатели акул. Если верить тому, что сообщалось в газетах, один католический священник, падре Лапланте, был свидетелем церемонии заклинания акул на островах Фиджи, где он провел десять лет, с 1928 по 1938 год, в качестве миссионера. Падре Лапланте утверждал, что туземцы усмиряют акул... поцелуем.

— Видимо, они обладают какой-то оккультной силой, сущность которой для меня неясна,— рассказывал он после возвращения с островов.— Но стоит туземцу поцеловать акулу — и она становится недвижимая.

Цейлонские ловцы жемчуга в Индийском океане уже с давних пор полагались на помощь заклинателей акул.

Корабли европейцев, побывавшие в экзотических странах, на неведомых ранее островах, где акула считалась божеством или орудием божества, привозили легенды об акулах и связанные с ними суеверия. А случилось, что белые люди использовали это жестокое божество в своих целях. Когда в начале прошлого века англичане построили в Тасмании колонии для преступников, они охранялись стражей и свирепыми собаками. И все же из одной колонии, расположенной в конце узкого полуострова, закаленные невзгодами узники умудрялись убежать. Они кидались в море, проплывали охраняемый участок и затем выходили на берег навстречу желанной свободе. Тогда губернатор приказал, чтобы в море вдоль всего полуострова каждый день вывозили отбросы. Привлеченные даровым угощением, там собрались сотни акул. После того как узники услышали доносившиеся с моря крики и узнали о своих новых стражах, прекратились всякие попытки бегства. Подобным же образом «сторожили» акулы узников, пытавшихся спастись на

утлых плотах с Чертова острова, неподалеку от Французской Гвианы.

Еще и сейчас можно видеть на Иль-Ройяль — острове, соседнем с Чертовым островом, — ветхий гроб, куда клали тела узников, гильотинированных за убийство своих товарищей или стражей. Для всех них хватало одного гроба, потому что их не хоронили в земле. Гроб ставили в лодку и отплывали недалеко от берега. Там тело предавали не земле и даже не морю, а отдавали на растерзание акулам, которыми так и кишела окрашенная кровью вода.

А сколько мертвых и умирающих рабов было кинуто акулам!

«Владелец судна, идущего из Гвинеи, сообщил мне, — писал в 1776 году английский натуралист Томас Пеннант, — что среди его только что купленных рабов вспыхнула эпидемия самоубийств, вызванная тем, что эти несчастные воображали, будто после смерти они вновь окажутся на родине, со своими родными и друзьями. Чтобы убедить их в том, что если души их и возродятся, то тела во всяком случае не вернут свой облик, он приказал обвязать один из трупов за ноги веревкой и опустить в море, и хотя его тут же вытащили обратно, акулы обглодали его целиком, оставив только обвязанные веревкой ступни».

В своей книге «Акул ловят ночью», вышедшей в Чикаго в 1959 году, Франсуа Поли приводит историю, которую и по сей день рассказывают на озере Никарагуа. Это история о жадном голландце, ловившем акул, которые пожирали тела кинутых в воду индейцев. По обычаям тех мест, после торжественной погребальной церемонии трупы, украшенные золотом и драгоценными камнями, отдавали акулам, видимо, чтобы умиловить их, так как их людоедские привычки издавна пользова-

лись печальной славой. Голландец, рассказывали туземцы Поли, ловил этих акул, вспарывал им брюхо и забирал священные золотые украшения, принесенные в жертву акулам. К тому времени как туземцы узнали об этом святотатстве, он успел сколотить кругленькое состояние. Его убили, но, конечно, не кинули в озеро, он этого не заслужил. Они просто «перерезали ему глотку,— цитирует Поли рассказчика,— и подожгли его дом».

Во времена парусного флота многие гавани прославились тем, что служили пристанищем злобных акул, чьи кровавые подвиги были темой бесконечных рассказов, которыми матерые морские волки, фамильярно называвшие этих акул по имени, пугали зеленых новичков.

Две из этих акул, пользовавшиеся самой незавидной репутацией, были Порт-Ройял Джек, охранявший вход в Кингстонскую гавань на Ямайке, и Шангай Билл, который нес дозор в водах Бриджтаунской гавани на Барбадосе, в Вест-Индии. Шангай Билл в свое время проглотил не одного славного моряка, а сам погиб из-за какой-то паршивой собаки. Однажды он схватил упавшую в воду овчарку. Ее длинная лохматая шерсть запуталась у него в зубах, и он задохнулся.

А еще рассказывали о двух акулах, превратившихся в остров. Имена их нам неизвестны, но это были две самые ленивые акулы, существовавшие на свете... вернее, в рассказах моряков. Моряк, от которого узнали эту историю, в прошлом плавал в Красном море. По его словам, эти две акулы, будучи еще совсем маленькими, обнаружили посредине Красного моря местечко, где всегда можно было сытно пообедать. Там водилось такое количество рыбы, что им просто надо было оставаться на одном месте, раскрыв пасть, и не мешать рыбам заплывать туда. Мало-помалу их опутали водоросли, и им ста-

ло трудно сдвинуться с места, и они становились все больше и толще и все сильнее обрастали ракушками. Когда капитан видел их в последний раз — это произошло в 1916 году, и именно тогда он рассказал свою басню репортеру «Нью-Йорк таймс», — они были каждая около шестнадцати метров в длину и до того обросли водорослями и ракушками, что совсем перестали быть похожими на акул. Возможно, наступит день, когда они так разрастутся, что помешают судоходству, и их утопят. А может быть, на них поселится какой-нибудь предприимчивый рыбак и сколотит себе капитал ловлей рыбы в этом столь богатом морскими дарами месте.

Но многие акулы, следовавшие за кораблями, не были ни шуткой, ни басней. Из камбузов ежедневно кидали за борт отбросы, и учуявшие их акулы неделями плыли за кораблем, чтобы получить это даровое угощение. Они даже хватали зубами лаги, которые спускали за борт для измерения скорости корабля.

Одно из самых ранних упоминаний о нападении акулы мы находим в номере «Фэггер ньюс-леттер» за 1580 год, где приводится рассказ очевидца о том, как матрос упал буквально в пасть акулы где-то между Португалией и Индией.

«Когда во время сильного ветра с корабля за борт упал человек, мы не могли остановиться и как-нибудь помочь ему, поэтому мы кинули ему конец каната, который был обвязан вокруг деревянного чурбана, припасенного специально для таких случаев. Ему удалось поймать канат, и он уже мнил, что спасен. Но когда наша команда стала подтягивать канат с человеком к кораблю и он был от нас на расстоянии выстрела из мушкета, а может, и того меньше, из глубины моря появилось ужасное чудовище по имени Тибурон; оно кинулось на

человека и разорвало его в клочья на наших глазах. Поистине это была ужасная смерть».

В судовых журналах можно прочитать не об одной такой трагедии, но известен случай, когда в схватке с акулой победили моряки. В 1850 году за борт шхуны «Эйршир», находившейся в открытом море, упал ее капитан. Его верный ньюфаундленд прыгнул вслед за хозяином. На них кинулась акула, но, согласно вахтенному журналу, обоим удалось спасти. Капитан не получил ни единой царапины, собака лишилась хвоста.

Многие моряки, умершие в пути, нашли свою могилу в чреве акулы. Среди моряков возникло поверье, будто акулы каким-то сверхъестественным образом знают, когда на корабле кто-нибудь должен умереть, и их появление за кормой корабля считалось дурным предзнаменованием. Когда на корабле вспыхивала холера или желтая лихорадка, матросы считали, что акулы только тогда оставят в покое проклятый Богом корабль, когда получат свою последнюю жертву. Один капитан, который плавал между Сан-Франциско и Китаем, добавил свои подробности к этой сказке. Ему часто приходилось перевозить необычный груз — трупы китайцев, умерших в США, которых, по древнему обычаю, должны были похоронить на родине. Капитан клялся, что, когда он вез трупы, за его кораблем следовала целая стая акул, каким-то образом проведавших, какой у него груз, хотя трупы лежали в цинковых гробах глубоко в трюме.

Еще одна легенда связана с акулой, оказавшейся далеко на суше. В Австрии, в городке Брегенц, расположенном на берегу озера Констанс (Боденского озера), под аркой моста висит «русалка». Никто не знает, как она попала туда. В предании говорится, что она висит там с XIII столетия, когда Брегенц подвергался постоян-

ным нашествиям германцев и не менее постоянным эпидемиям холеры и чумы.

Однажды рыбак забросил сеть в озеро и вытащил русалку. Только он собрался кинуть ее обратно в воду, как услышал голос, доносившийся из озера: «Возьми мою дочь и повесь ее под аркой Мартинстера. Она рождена женщиной и не нужна нам здесь».

Боясь послушаться Духа озера, рыбак исполнил это приказание. На следующее утро люди увидели, что русалка мертва. Стараясь освободиться от пут, она изогнулась самым невероятным образом. После ее смерти целых сто лет в Брегенце царили мир и благоденствие.

Русалка, умершая в жестоких муках, до сих пор висит под аркой. Это акула. Доктор Денис Такер, в прошлом работник Британского музея, с которым переписывался один из авторов этой книги, опознал в ней по фотографии сельдевую акулу. Могли ли ее поймать в озере Констанс? Это так же неправдоподобно, как и вся легенда о русалке. Но и по сей день никто не знает, как попала акула, причем акула-мумия, в австрийский город, расположенный так далеко от моря.

По-видимому, нет такого места на Земле, куда не может попасть акула... или рассказы о ней.

Столетие за столетием моряки, воображение которых подогревалось суевериями, страхом и тщеславным желанием рассказать то, что никому и не снилось, создавали об акулах одну небылицу за другой. Некоторые из этих небылиц оказались очень живучи, поэтому следует специально сказать, что акулы не нянчат своих акулят, не дают серой амбры, не забивают китов до смерти своими хвостами. И, как это ни печально, нет никаких оснований для замечательной истории, рассказанной нам Марком Твеном, истории о том, как, поймав в Австралии акулу, которая за десять дней до того проглотила в

Лондоне газету, Сесил Родс раньше всех узнал о положении с шерстью на мировом рынке, и это дало начало его огромному богатству.

Но куда более удивительны и неправдоподобны, чем все рассказы об акулах, которые можно услышать на баке корабля, истинные истории, прославившие некоторых акул. Благодаря привычке акул глотать все без выбора, были раскрыты преступления и на дне моря найдены ключи к тайнам.

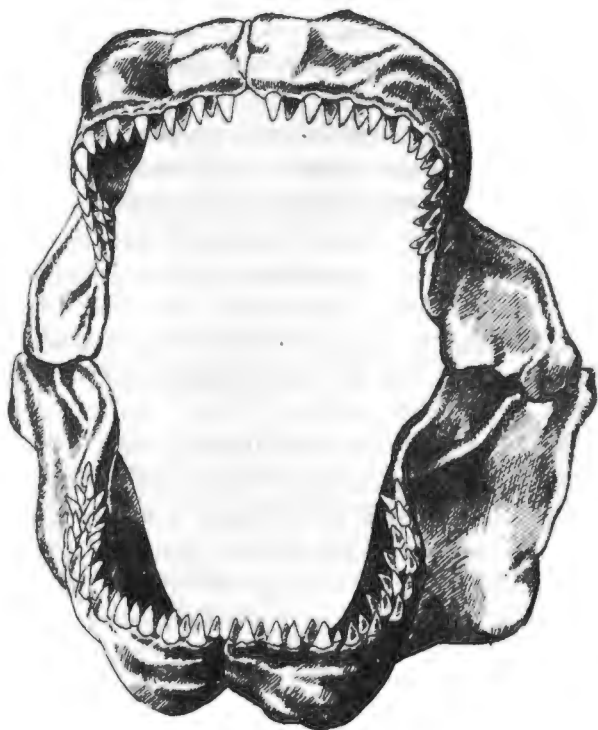
В 1952 году итальянские рыбаки сообщили о грустном послании, доставленном акулкой. В желудке пойманной ими акулы оказалась бутылка, а в бутылке — письмо французского рыбака, который, умирая один в море, послал своей жене и детям прощальный привет.

Три раза благодаря акулам были раскрыты преступления, которые без их помощи навсегда остались бы покрытыми мраком. Каждый из этих случаев подтверждается документами, каждый основан не на рассказах и досужих вымыслах, а на судебных хрониках и исторических летописях.

Правда из пасти акулы

3 июля 1799 года «Нэнси», двухмачтовое судно водоизмещением в 125 тонн, выскользнуло из Балтимора в Чесапикский залив и направилось в запретные воды. «Нэнси» была американским кораблем и не имела права идти туда, куда она сейчас направлялась, — в Британскую Вест-Индию. Но ее владельцы придумали, как замаскировать ее истинное лицо.

Сперва она направилась на остров Кюрасао — голландскую колонию в Вест-Индии, и там ее капитан достал фальшивые судовые документы, согласно которым вла-

дельцем «Нэнси» был голландец. С этими документами судно направилось дальше. Но 28 августа его перехватил английский тендер «Х. М. С. Спэрроу». Капитану тендера лейтенанту Хью Уайли показались подозрительными голландские судовые документы. Он посадил свою команду на борт захваченного судна и велел отвести его в Порт-Ройал на Ямайке, где дело должно было быть рассмотрено в вице-адмиральском суде.

Тем временем команда другого английского судна — «Феррет» — поймала акулу, в брюхе которой были найде-

ны документы с американского судна «Нэнси». Случайно в то самое время, когда поймали эту акулу, на борту «Феррета» находился лейтенант Уайли, приглашенный капитаном «Феррета» на завтрак. Уайли осмотрел найденные документы и окончательно убедился в том, что запечатанные им бумаги «голландского» судна, которое он направил в Порт-Ройал,— несомненная подделка.

«Акульи бумаги», как их впоследствии прозвали, были тут же направлены в суд, чтобы установить, кто является истинным владельцем «Нэнси», и 25 ноября 1799 года и корабль, и его груз были конфискованы в качестве военной добычи.

Когда судебное разбирательство было окончено, акульи челюсти, достигавшие пятидесяти пяти сантиметров, были выставлены на берегу в гавани Кингстона как грозное предостережение всем лжесвидетелям: истина, мол, всегда выйдет наружу, даже если ее похоронить на дне моря. А рядом с челюстями висело объявление: «Лейтенант Фиттон рекомендует всем гражданам нейтральных государств присягать в этом «воротнике». «Акульи бумаги» до сих пор экспонируются в Кингстоне.

Акула-свидетель

В ноябре 1915 года правительство Соединенных Штатов возбудило судебное дело против четырех служащих пароходной компании «Гамбург — Америка». Им было предъявлено обвинение в нарушении таможенных законов. Но на самом деле их осудили за то, что они хотели воспользоваться портами нейтральной Америки для стоянки предъявивших поддельные документы немецких грузовых судов, которые везли снабжение немецким подводным лодкам и рейдерам.

В своей обвинительной речи помощник прокурора Роберт Вуд сообщил, что норвежский корабль «Гладстон» был зарегистрирован в порту Ньюпорт-Ньюз в Вирджинии как корабль из Коста-Рики «Марина Квесадо» и в декабре 1914 года вышел оттуда под этим именем. Было указано, что корабль направляется в порт Вальпараисо в Чили. На самом деле целью его была встреча с германскими рейдерами.

— В начале января тысяча девятьсот пятнадцатого года,— сказал Вуд,— на корабле спустили флаг Коста-Рики и подняли норвежский. Имя «Марина Квесадо», красовавшееся на носу и бортах корабля, было вновь заменено на первоначальное имя «Гладстон». И после ряда удачных и неудачных приключений корабль под именем «Гладстон» бросил якорь в бразильском порту Пернамбуко¹.

— Здесь,— продолжал Вуд,— таможенные чиновники потребовали предъявить судовые документы. И капитан, после долгих отговорок, положил наконец документы в кожаный мешок и сел в шлюпку, чтобы ехать на берег, но по пути уронил мешок за борт шлюпки.

— Я не могу, джентльмены, поручиться за то, что я вам сейчас сообщу,— сказал здесь Вуд,— но один из свидетелей утверждает, что моряки с бразильского корабля, стоящего на якоре рядом с «Мариной Квесадо», убили акулу и в желудке нашли судовые документы. Но нам не удалось заполучить эти бумаги.

Свидетеля, о котором упомянул Вуд, звали Джон Олсон, он был главным механиком корабля. Давая показания, он рассказал под присягой о том, в каком маскараде участвовал «Гладстон» и как этот корабль прибыл в Бразилию, а также о том, как, садясь в шлюпку, которая должна была отвезти его на берег, капитан уронил в во-

¹ Ныне Ресифи.

ду документы. Олсон утверждал, что он слышал, как капитан рассказал об этом первому помощнику и добавил: «А неплохо я их провел, да?»

— Вы видели после этого судовые документы? — спросили Олсона.

— Я видел мешок, в котором они были, сэр.

— Где?

— В Пернамбуко.

— А бумаги вы видели?

— Нет, сэр.

— Вы ушли с корабля в Пернамбуко?

— Да, сэр.

Согласно отчету корреспондента «Нью-Йорк таймс», Олсон хотел было еще что-то добавить, но, «к его явному разочарованию, ему не позволили рассказать о том, что бумаги были найдены в животе акулы».

Так что тайна акулы из Ресифи так и не была раскрыта, во всяком случае публично. Авторы не смогли разыскать упоминание о ней в газетных подшивках Ресифи. Единственное, что осталось, — это те скудные сведения, которые можно почерпнуть из стенограммы речи Вуда. Но даже в качестве незримого свидетеля акула сделала свое дело. История «Гладстона» — «Марины Квесадо» была еще одним вопиющим примером того, что германское правительство не считалось с нейтралитетом США, и четверем чиновникам из компании «Гамбург — Америка» был вынесен приговор: виновны.

«Карающая десница»

17 апреля 1953 года живущий в Сиднее рыбак по имени Альберт Хобсон, вытащив из воды свою лесу, приподнял занавес над одним из самых жутких убийств,

какие были известны в Австралии. Хобсон забросил приманку в двух километрах от Куджи-Бич, одного из самых популярных пляжей Сиднея, и когда он на следующее утро вытащил лесу, то увидел, что поймал не одну, а целых две акулы.

По-видимому, ночью приманку схватила небольшая акула, а незадолго до того, как там появился на своей шлюпке Хобсон, ее в свою очередь проглотила четырехметровая тигровая акула, но сама запуталась в лесе. Хобсон и его брат Чарльз ухитрились вытащить акулу на берег и там с помощью всех, кто был на пляже, проволокли ее по песку до находившегося в Куджи-Бич аквариума. К тому времени как акула очутилась в аквариуме, она выглядела полудохлой. Целые сутки она лежала, не подавая признаков жизни. В аквариум пустили кислород, и это помогло. Через два дня после того как ее поймали, акула пожирала всю рыбу, которую ей кидали.

Даже в Сиднее, где акулы — самое обычное явление, тигровая акула в аквариуме Куджи-Бич вызвала некоторую сенсацию, и возле аквариума все время толпились зрители. Словно тигр в клетке, металась акула по аквариуму, ни на секунду не прекращая поисков выхода из своей темницы. Но вдруг — это было 24 апреля — акула перестала принимать пищу. Она чахла на глазах, она едва двигалась.

25 апреля, в то время как возле аквариума было четырнадцать человек, она неожиданно вернулась к жизни. Она стала бить по воде хвостом и бросалась на стенки. Затем метнулась к тому краю аквариума, где было мельче, и стала описывать причудливые круги. Ее покрыла коричневая зловонная пена. Один из зрителей стоял в пяти шагах от акулы. Он видел, как вокруг акулы распространилось темное облако, а из этого облака возникли, медленно поднявшись на поверхность, остат-

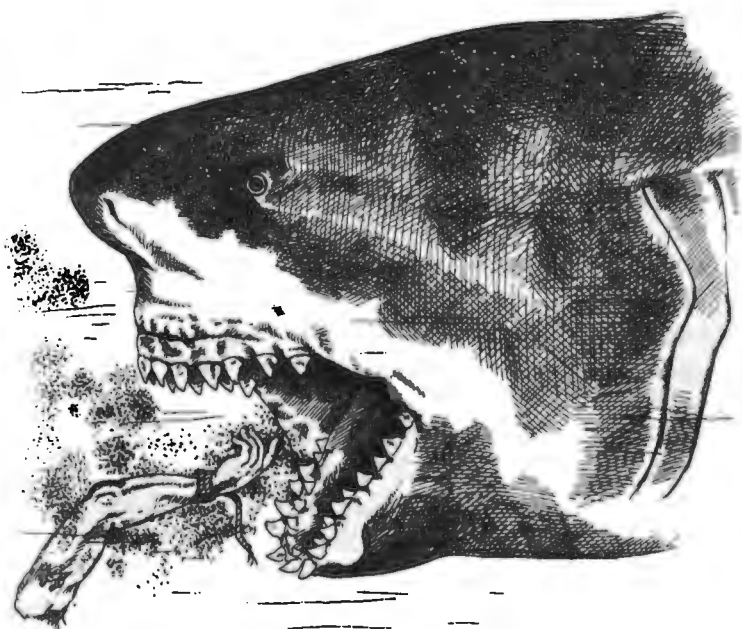
ки крысы... тело морской птицы, парившей на безжизненных крыльях, и отделенная от тела, словно помахивающая остолбеневшим зрителям... человеческая рука с обрывком веревки вокруг запястья.

Руку перенесли в городской морг, где ее осмотрел доктор Артур Палмер, правительственный санитарный инспектор. Рука — левая рука мужчины — не была повреждена и очень хорошо сохранилась. На мускулистом предплечье красовалась татуировка — два боксера, друг против друга, один в синих, другой в красных трусах. Запястье туго обвивала двухсантиметровая веревка, связанная морским узлом.

Доктор Палмер вызвал на консультацию доктора В. М. Копплсона, хирурга, живущего в Сиднее. Доктор Копплсон, много лет занимавшийся детальным изучением различных ран, нанесенных акулами, увидел с первого взгляда, что рука была отделена от тела не зубами акулы. Ее аккуратно отрезал у плеча нож, находившийся в руках искусного мясника. Это не было делом хирурга, так как при хирургической ампутации соблюдаются определенные правила.

Руку мог отрезать у трупа студент-медик, а затем (кто знает, по какой причине) бросить в море или, в виде шутки, кинуть в аквариум. Обе возможности почти сразу же были исключены. Опросили свидетелей, видевших, как акула изрыгнула руку, выяснили, что в медицинских учебных заведениях не исчезали за это время ни трупы, ни части трупов.

Акулу убили. В ее желудке нашли некоторое количество рыбных костей и остатки небольшой акулы, но ни частей человеческого тела, ни даже клочка одежды там не оказалось. Рука была единственной уликой, по которой можно было попытаться установить личность погибшего человека.

Это было поручено эксперту по отпечаткам пальцев, находящемуся на службе в полиции Сиднея. Задача оказалась очень трудной. Съездившиеся кончики пальцев не давали никаких отпечатков. Тогда с руки сняли кожу, обработали ее химическим способом, так что восстановились все узоры и, сделав из нее нечто вроде перчатки, взяли отпечатки пальцев.

Эти отпечатки совпали с отпечатками пальцев некоего Джеймса Смита, в прошлом любителя-боксера, содержавшего бильярдную в Розелле, пригороде Сиднея. Отпечатки его имелись в картотеке полиции, потому что года за три до того Смит был арестован за нелегальную игру на скачках — преступление, довольно распростра-

ненное в Австралии. Полиции было известно, что он водится со всякими темными личностями, но сам он, как считалось, ни в чем замешан не был. Брат Смита, Эдвард, признал руку по татуировке.

Уильям Прайор, младший инспектор отдела уголовных преступлений полиции Нового Южного Уэльса, знал, что его цель — найти преступника, хотя у него не было доказательств того, что вообще совершено преступление. Акула проглотила руку человека по имени Смит. Смит пропал без вести. Этого было мало, чтобы начать следствие. Следователь не мог признать Смита мертвым, пока не были найдены остальные части его тела. Не афишируя своих намерений, Прайор (репортеры прозвали его Уильям Молчальник) заручился помощью Джильберта Перси Уитли, специалиста по акулам и, возможно, первого ихтиолога, которому пришлось участвовать в расследовании убийства. Прайор попросил Уитли собрать все данные, касающиеся пищи и физиологии пищеварения акул, главным образом тигровых акул. Он знал, что, если дело дойдет до суда, обвинителю придется рассказывать присяжным невероятную историю. Только научные данные, собранные Уитли, помогут ему убедить присяжных.

Тем временем агенты сыскной полиции занимались поисками убийцы. Вскоре они раскопали кучу любопытных фактов. Смит, владелец миллиардной, был замешан в каких-то темных махинациях вместе с неким Реджинальдом Уильямом Холмсом — богатым сиднейским судовладельцем. На вопросы, заданные ему в полиции, Холмс ответил, что действительно знал Смита и давал ему деньги, нужные для ведения некоторых дел. Больше ничего узнать у него не удалось.

В последний раз, когда видели Смита, он был в обществе некоего Патрика Брэиди. Они прожили некото-

рое время в рыбацьем поселке Кронулла. Хозяин дома, в котором они жили, сообщил, что после их отъезда он обнаружил пропажу сундука, матраса и нескольких метров веревки (эти предметы так и не были обнаружены). Он показал также, что нашел в доме жестяную банку с дурнопахнущей жидкостью, которая показалась ему похожей на кровь.

Стали разыскивать Патрика Брэйдя. Допросив его, полиция предъявила ему обвинение в убийстве Джеймса Смита. Через четыре дня в полиции тревожно зазвонил телефон; сообщали, что Реджинальд Холмс носится по гавани в потерявшей управление моторке с пулей в голове. Когда удалось добраться до него, он еле внятно пробормотал: «Джимми Смит мертв, я — умираю, остался еще один».

Но он не умер... Рентгеновский снимок показал, что пуля тридцать второго калибра расплющилась о необычайно толстую лобную кость. Через несколько дней его уже выписали из больницы. И в ту же самую ночь он был убит в своей собственной машине.

Теперь полиции надо было распутывать два убийства. Позиции обвинения были очень шаткими. Против Брэйдя фактически не было никаких улик: не было найдено тело, неизвестна дата смерти, не удалось найти никаких ключей к тому, как был убит Смит. Отпечатки пальцев, обнаруженные в машине Холмса, были оставлены его компаньоном, который часто пользовался его машиной. Того и другого судили и... оправдали.

Для того чтобы яснее понять, что произошло со Смитом и Холмсом, мы должны вернуться к «карающей деснице», изрыгнутой акулой. Ее свидетельство было расшифровано следующим образом.

Смит был убит. От его тела каким-то образом избавились... от всего, кроме руки. То ли она случайно избег-

ла уничтожения, которому было подвергнуто тело Смита (оно так никогда и не было найдено), то ли была специально оставлена в качестве доказательства совершенного преступления, которое требовалось предъявить тому, кто был заинтересован в смерти Смита. Затем запястье было обвязано веревкой, к другому концу которой прикрепили груз, и рука была брошена в море, возможно, с лодки.

Рука плавала на конце привязи недалеко от дна, куда упал груз, и привлекла внимание небольшой акулы, почуявшей запах крови. Акула кинулась на руку так, как она кинулась бы на рыбу — одним стремительным броском. Если бы рука плавала на поверхности, акула, скорее всего, стала бы ее кусать и разорвала в клочки, уничтожив пальцы (то есть возможность получить отпечатки) и предательскую татуировку, которая позволила опознать, кому принадлежала рука. Теперь же рука была проглочена целиком и сомкнувшиеся челюсти только перервали веревку, державшую руку на привязи.

Вскоре после того акула обнаружила приманку Альберта Хобсона, кинулась на нее и попалась на крючок. Попытки освободиться привлекли к ней четырехметровую тигровую акулу, увидевшую, что перед ней легкая добыча. Опять быстрый бросок, опять огромная пасть не кусает, а заглатывает целиком. Но на этот раз проглотить добычу оказалось труднее, так как ее удерживал крючок. Зубы тигровой акулы начинают рвать маленькую акулу. Возможно, тигровая акула и сама зацепилась за тот же крючок, такие случаи бывали. Она принялась биться и запуталась в ослабевшей леске. Выбраться она уже не смогла. К счастью, прежде чем ее попытки освободиться привлекли к ней других

акул, появился Хобсон, вытащил ее и препроводил на берег.

Почему же желудочные соки первой акулы — как известно, очень сильно действующие, не разложили руку на составные элементы? Почему она так превосходно сохранилась? Для объяснения этого возникло множество теорий. Возможно, внезапная смерть маленькой акулы остановила работу ее желудочной секреции, а когда ее в свою очередь проглотила тигровая акула, тело первой акулы послужило как бы футляром для руки, защитив ее от действия пищеварительных соков тигровой акулы. Смита, судя по всему, убили где-то в середине апреля. (Он появился в Кронулле 7 апреля, хозяин дома, где он жил, видел его «через пару дней».) Акулу поймали 18 апреля. Она изрыгнула руку 25 апреля.

Австралийской полиции и врачам известны случаи, когда человеческие останки сохранялись в чреве акулы в течение более долгого времени.

Так расшифровывали удивительную одиссею «карающей десницы» Смита. Но рука, раскрывшая преступление, не смогла указать преступника. Вместо этого она завела полицию в лабиринт.

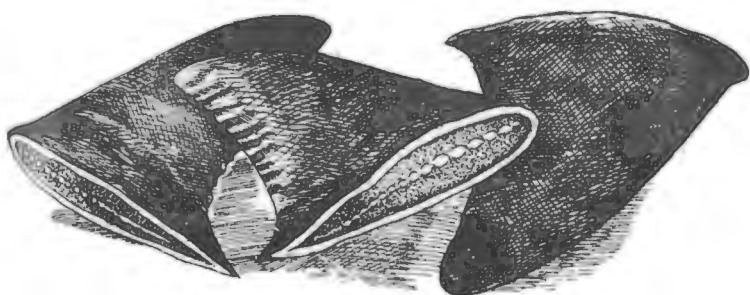
Были люди, говорившие, что напрасно рука обнаружила убийство Джеймса Смита, ведь никто не был признан виновным, так и не выяснилось, как и почему он был убит.

Но те, кто занимались расследованием этого невероятного дела, задавали себе вопрос, не стоял ли за убийством Реджинальд Холмс. И когда, взывая о справедливости, появилась в роковой час эта рука, не сыграла ли она роль духа, являющегося человеку незадолго до смерти (как верят австралийцы)? Холмс хотел утихомирить бурю, поднявшуюся в его душе, убив самого себя. Но ему не удалось так легко отделаться. И, возможно,

когда Холмс последний раз перед смертью вышел из дома, он знал, что его убьют, и хотел этого, чтобы искупить свою вину. Возможно, он шел на свидание с убийством.

Не важно, кто на самом деле убил терзаемого утрызениями совести Холмса: курок револьвера спустила рука Смита, принесенная акулой.

Глава шестая

МОЖНО ЛИ ЕСТЬ АКУЛ?

Неужели акул можно употреблять в пищу?

Да! Соленое, копченое, а также приготовленное особым способом свежее мясо многих видов акул удивительно вкусно. Правда, свежее акулье мясо обладает неприятным запахом, так как в нем содержится много мочевины. Но это можно устранить, вымочив мясо в соляном растворе. Акулье мясо портится быстрее, чем мясо других рыб. Но, зная, как надо его готовить, этого можно избежать.

У скатов также вкусное мясо, и во многих странах они считаются деликатесом. Обыкновенные скаты употребляются в пищу вдоль всего Атлантического побе-

режья Соединенных Штатов. Европейский обыкновенный скат представляет собой одну из важных статей европейского рыбного рынка. Калифорнийского обыкновенного ската едят в Америке, на побережье Тихого океана.

В 1961 году в Соединенных Штатах поступил в продажу в переводе на английский язык «*Larousse gastronomique*» — эпос французского поваренного искусства. Эта кулинарная энциклопедия, в которой содержится 8500 рецептов, в том числе такие блюда, как лапы медведя или яйца чибиса, не устаивает своим вниманием акулу. Зато довольно много места отводится блюдам из скатов; мы встречаем здесь заливное из ската, рагу из ската и печень ската.

Сравнительно с другими рыбами, акулы не очень популярны у американских хозяек. Например, в 1959 году на рыбном рынке Соединенных Штатов было продано около трех миллионов килограммов акульего мяса стоимостью в 162 тысячи долларов. Эта цифра сразу перестает быть внушительной, если сравнить ее, скажем, с цифрами прибылей от продажи трески. В том же 1959 году трески было продано около тридцати миллионов килограммов стоимостью 3976 тысяч долларов. А это всего один процент всей рыбы, пойманной в том году в Соединенных Штатах.

Статистика показывает нам только часть картины. Многие акулы, мясо которых едят в Америке, появляются на тарелках под чужим именем. Когда торговцу рыбой предлагают, скажем, сельдевую акулу, у него может возникнуть искушение преподнести своим покупателям акулу в замаскированном виде. Для этого нужно только отрубить ей голову, плавники и хвост и разрезать ее на куски. В таком виде ее мясо вполне сойдет за мясо меч-рыбы, и мало кто почувствует разницу.

С той же целью из мягкого мясистого плавника ската вырезают специальным приспособлением, вроде формочки для печенья, диски, которые неискушенному глазу кажутся похожими на морской гребешок¹. Конечно, истинный знаток заметит подделку, хотя на вкус плавники ската очень хороши. (Иногда они идут в продажу под этикеткой «глубинный морской гребешок», чтобы можно было продавать их легально.)

На некоторых рыбных рынках Америки колючая акула, или катран, продается под именем «грейфиш», а скаты под именем «райяфиш». В некоторых местах мако и, возможно, другие виды акул продаются под этикеткой «меч-рыба».

Как-то летом 1944 года некий посетитель ресторана в Лонг-Бич, Калифорния, неодобрительно рассматривал рыбу, подававшуюся в качестве белого морского окуня, калифорнийского палтуса, барракуды и семги. Семга выглядела особенно подозрительно, но посетитель знал, что и вся остальная рыба не что иное, как нарезанная ломтиками суповая акула. Этот посетитель был Уильям Эллис Рипли из Калифорнийского управления морского промыслового рыболовства. Хозяин заведения был вынужден признать, докладывал позднее Рипли, что мясо рыбы, которую он выдавал за семгу, подверглось специальной обработке для придания ему розового цвета. И во многих других городах штата акулье мясо продают под чужим именем... Даже в таком рыбацьем порту, как Санта-Барбара, морская лисица и суповая акула сходили за палтуса, треску и т. п.

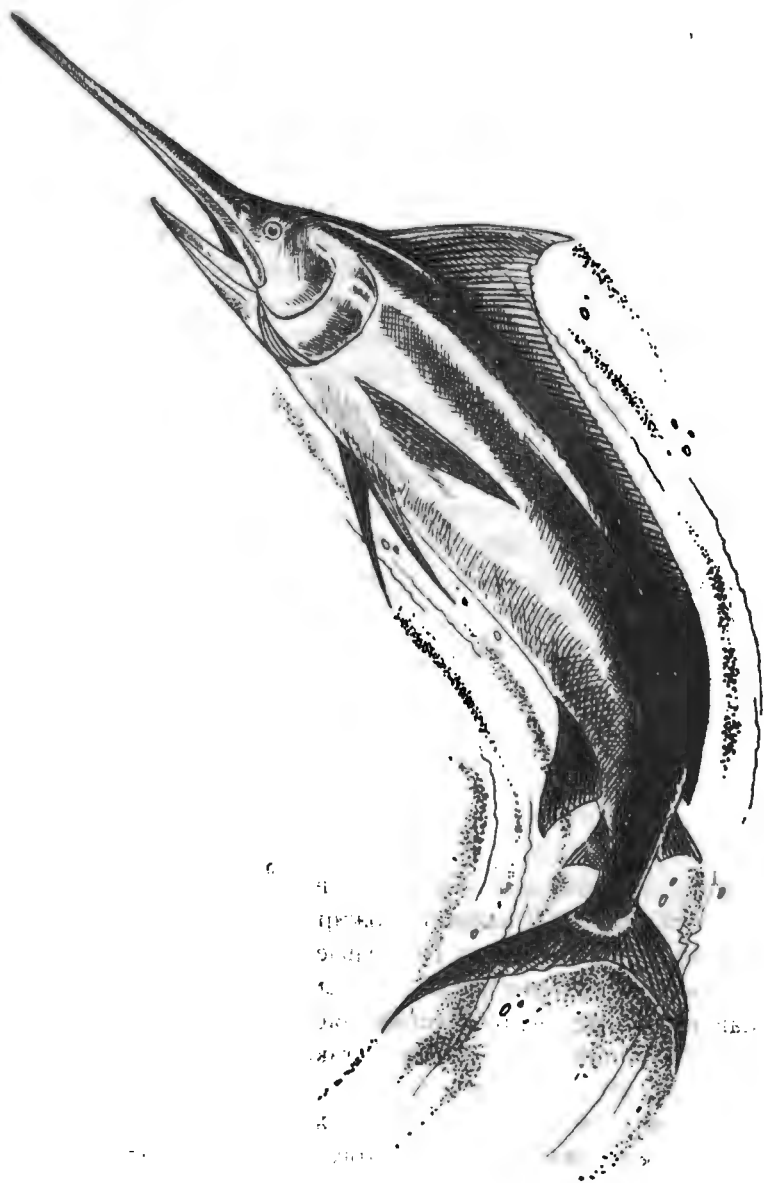
¹ Морской гребешок — широко распространенный съедобный двусторчатый моллюск. У нас из мяса дальневосточных гребешков готовят консервы. Широкие и уплощенные створки морских гребешков часто используются в качестве пепельниц.

Говоря о том, что акула идет в продажу под чужим именем, Рипли основной упор делал на то, что «нет ни научного, ни этического основания для того отвращения, с которым у нас относятся к мясу акул». Однако он указал, что любители другой рыбы, хотя и могут не догадаться о подлоге, будут считать, что, скажем, палтус, за которого им выдали акулу, не совсем на высоте. «Если это повторится несколько раз, покупатель палтуса будет потерян для рынка», — сказал Рипли. Поэтому в интересах всего рыбного рынка добиться того, чтобы таких случаев было как можно меньше.

В течение многих лет торговля акульим мясом в США велась только благодаря итальянским и китайским иммигрантам и их потомкам. Каждый год на нью-йоркском рыбном рынке Фултона, самом большом оптовом рыбном рынке на Атлантическом побережье США, продается от тридцати до сорока тысяч килограммов катрана, и почти все покупатели — американцы итальянского происхождения. Как на побережье Атлантического, так и на побережье Тихого океана выходцы из Китая обеспечивают спрос на акульи плавники для их любимого супа.

Малая популярность акульего мяса в Соединенных Штатах объясняется главным образом тем, что акула пользуется репутацией людоеда. Коровы, бараны, свиньи... а также скаты и катран на людей не нападают (хотя и свиньи, и катраны пожирают трупы). Поэтому их едят без отвращения. По правде сказать, как раз у тех видов акул, которые время от времени нападают на купающихся, не очень вкусное мясо. Говорят даже, что мясо большой белой акулы, а также некоторых других акул ядовито.

Рассказы о ядовитых акулах ходили во Франции в XVIII веке, а на островах Тихого океана — в еще более

далекие времена. Но часто рассказы эти лишены основания. На Сайпане, например, существует табу на черную и красную рыбу и не едят черноперую акулу, а на Гуаме, где такого табу нет, ее едят. Мясо шестижаберной акулы в Калифорнии идет в пищу, а в Германии — используется в качестве слабительного. Во многих южно-американских приморских городах манту едят, а на некоторых островах Тихого океана верят, что тот, кто ест манту, разделяет трапезу с дьяволом, и не притрагиваются к ней даже пальцем.

Мы можем со снисходительной улыбкой взирать на эти нелепые суеверия, но ведь предубеждение, не пускающее мясо акулы на обеденный стол американцев, ничуть не более разумно. Все попытки заставить американцев употреблять в пищу мясо акул терпели фиаско. Таковую кампанию, под лозунгом «Акулы для вас полезны», начало, например, подготавливать Управление рыбных промыслов США в 1916 году. И тут как раз произошли те нападения акул в Нью-Джерси, о которых мы писали. Стоит ли удивляться, что после того как четыре человека было убито акулами и один тяжело ранен, никто не захотел включить акулу в свое меню.

Когда Америка вступила в Первую мировую войну, была начата новая кампания. По просьбе министерства пищевой промышленности и по-прежнему поддерживающего это начинание Управления морского промыслового рыболовства известная фабрика рыбных консервов Гортон в Глостере стала выпускать консервы из катрана. По словам Ф. М. Банди, президента фирмы, «консервированный продукт по вкусу и виду был вполне хорошего качества, но когда банки вскрывали, рыба издавала резкий запах аммиака. Поэтому все, что мы отправили, пришлось к нам обратно. Естественно, что мы прекратили производство акульих консервов».

Теодор Рузвельт считал, что у акульего мяса великолепный вкус, и заявлял об этом публично, чтобы побудить людей есть акул. Во время Первой мировой войны Рузвельт обратился за поддержкой к своему другу Расселу Коулзу, который уже много лет подряд изучал и ловил акул на Каролинских островах. Коулз хвастал, что он пробовал не меньше восемнадцати разных видов акул и скатов. По просьбе Рузвельта, Коулз дал на неизбежный вопрос: «Что напоминает на вкус акула?» — следующий восторженный ответ:

— Акула-нянька имеет приличный вкус, хотя мясо ее несколько жестче, чем у других видов; гладкая кунья акула — одна из самых вкусных рыб на свете; у мяса бычьей серой довольно сильный запах, но, если приготовить ее как подобает, она вполне годится в пищу; акула-молот — украшение любого обеда; коричневая акула не оставляет желать ничего лучшего; обыкновенные скаты восхитительны на вкус, некоторые из них весьма напоминают креветок; малый электрический скат — одно объединение; большой хвосток — вполне приемлем; песчаный скат, или скат-бабочка, — хорош; пятнистый хвосток — превосходен, по вкусу напоминает тунца; тупоносый скат ближе всего по вкусу к морскому гребешку; орляки — очень хороши; малые морские дьяволы — вкусны необыкновенно.

Но и совместные усилия Коулза и Рузвельта — и даже патриотизм американцев — не могли заставить их употреблять акул в пищу.

Понадобилось такое грандиозное событие, как война, чтобы заставить американцев хотя бы подумать об этом. Во время Второй мировой войны Управление морского промыслового рыболовства снова обратилось к населению с призывом восполнить недостаток мяса, которое было на рынке в ограниченном количестве, употребляя

в пищу больше рыбы, в том числе и акул. Одному из авторов этой книги, капитану Янгу, было поручено организовать лов акул, чтобы начать вторую кампанию под лозунгом «Акулы для вас полезны». Вот что рассказывает капитан Янг:

«Я получил приказ послать полтонны свежего акульего мяса в одну нью-Йоркскую компанию, занимавшуюся оптовой торговлей рыбой. Я поехал на Мексиканский залив, в Билохи, где водятся сумеречные акулы, чернопегие акулы и остроносые скаты, и ловил их на спиннинг с борта судов, занимавшихся ловлей креветок. Когда рыбаки осматривают сети, они выбирают только креветок, а мелкую рыбешку кидают обратно в море. Так что акул было более чем достаточно.

Поймав акулу, я сразу же отрубал ей хвост и выпускал кровь. От этого мясо ее становилось белее. Как только мы подходили к берегу, я отправлял акул в Нью-Йорк в ящиках с сухим льдом. Они прибывали в прекрасном виде, и, как мне говорили впоследствии, большинство покупателей не имело никаких претензий».

Зная, что люди предубеждены против слова «акула», компания решила продавать ее под именем «грейфиш». Но правительство предложило продавать акул под их собственным именем, и на этом весь бизнес кончился.

Эта уловка — маскировка акулы под другую рыбу — применялась и до сих пор применяется во многих странах. Англичане испокон веку едят акул и скатов, часто под вымышленным именем. Неизвестный поэт елизаветинской эпохи, запечатлевший в своих стихах рыбу, которую ели в те времена, упоминает, помимо сельди, трески, палтуса, морского языка и мерлана, также морскую лисицу и ската. Может быть, имена эти не очень поэ-

тичны, но, во всяком случае, автор откровенен и показывает нам, что в елизаветинскую эпоху англичане называли вещи своими именами. Шекспир также упоминает об акулах, но в таком контексте, что это вряд ли служит для них хорошей рекомендацией: в том снадобье, что варят три ведьмы в «Макбете», в числе прочих ингредиентов есть и пасть акулы.

В елизаветинскую эпоху мясо акул и скатов пользовалось большой популярностью, и, когда экспорт рыбы на континент взвинтил цены на английском рыбном рынке, любители рыбы в Англии были очень недовольны. В 1578 году ими была составлена петиция, которая начиналась так: «Поелику различная рыба, как-то: морской угорь, мерлуза, сардины, скаты и колючая акула есть пища, повсеместно необходимая в нашем королевстве... а в настоящее время рыбу стали заготавливать впрок, засушивая ее без соли, или добывать из нее жир, все — на потребу чужим странам, то от этого проистекает большая нехватка и удорожание рыбы и нужда в нашем королевстве...»

Способы приготовления скатов и катрана — колючей акулы на Британских островах в старое время ужаснули бы современного гурмана. На Шетландских островах, например, скатов для сохранения зарывали в землю и считалось, что это придает им особый аромат. В Хайленде существовало блюдо под названием «квашеный скат», которое готовилось очень просто: ската вывешивали на несколько дней на открытом воздухе, чтобы он высох. С катрана снимали кожу, чтобы в нем нельзя было признать акулу, затем потрошили, сушили на солнце и продавали за лосося.

Возможно, именно из-за «квашеных скатов» и фальшивых лососей акулы мало-помалу перестали пользоваться успехом в Англии. В наши времена акулье мясо

снова стали есть в Англии в 1904 году, во время экономической депрессии. В поисках такой рыбы, которую можно было бы дешево продавать бедным и все же извлекать из этого какую-то прибыль, мелкие лавочники, торгующие жареной рыбой, обнаружили, что могут покупать колючую акулу по шиллингу за тридцать килограммов. Они называли колючую акулу «горный лосось» и продавали ее вместе с жареным картофелем по полтора пенса за порцию — дешевле некуда.

Но колючая акула — псевдоним ее мало кого одурачил — не завоевала популярности; как только времена стали получше и люди могли потратить на еду больше, чем полтора пенса, ее перестали покупать. Накануне Первой мировой войны колючая акула оказалась жертвой благосостояния англичан. Рыбаки, которым «посчастливилось» поймать ее в свои сети, выкидывали ее обратно в море.

Но как соседский кусок всегда слаще, так и акулы, пойманные в чужих водах, кажутся вкуснее. Около 1922 года англичане начали импортировать катрана из Норвегии, хотя их собственные воды буквально кишат этими акулами. Норвежская колючая акула, хорошо упакованная, всегда идеально свежая, снова нашла сбыт среди английских торговцев жареной рыбой с картофелем.

Сейчас в Англии ежегодно вылавливается катранов более восьми тысяч килограммов и скатов общим весом десять тысяч килограммов; большая часть этого улова идет на Биллинсгейт-Маркет, огромный рыбный рынок, который уже много веков подряд снабжает англичан рыбой.

В течение многих лет Италия ввозила из Скандинавских стран сельдевую акулу. Когда к власти пришел Бенито Муссолини, он запретил ввоз акул, не желая, види-

мо, чтобы итальянцев презирали за то, что они употребляли акул в пищу. Несмотря на этот запрет, норвежских и датских акул ввозили в Италию контрабандным путем. Сейчас Италия снова импортирует акул из Скандинавии, хотя в итальянских водах живет не менее шестидесяти видов акул и скатов. Огромная доля улова сельдевой акулы в Норвегии и Дании — около 500 тысяч килограммов в год — замораживается и отправляется в Италию.

Норвегия, решившая проблему сохранения свежего акульего мяса, имеет огромное число покупателей и продает миллионы килограммов мяса акул и скатов. Например, за полгода — с января по июнь 1961 года — в норвежский экспорт рыбы входило около 2 миллионов килограммов мяса колючих акул, экспортируемого в Англию и Северную Ирландию, и около 1 миллиона килограммов мяса, идущего в Швецию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию, Италию и Западную Германию. В эти страны плюс Восточная Германия, Австрия и Чехословакия было продано за тот же срок еще 2,5 миллиона килограммов мяса колючих акул в замороженном виде и 250 тысяч килограммов мяса скатов.

В Норвегии был разработан способ длительного хранения акульего мяса в свежем виде. Акул потрошат, отрезают тушку, затем кладут в ящики с желе и помещают в холодильные установки при температуре минус пятнадцать градусов на срок от двадцати четырех до тридцати шести часов. Рыба накрепко замерзает, а желе нет; оно образует защитный слой, под которым рыба сохраняется, по сути дела, вечно. При продаже рыбу по одной вынимают из упаковки.

Помимо мяса, в Норвегии употребляют яйца колючей акулы и скатов, добавляя их в тесто вместо куриных

яиц. В яйцах колючей акулы желтка даже больше, чем в куриных яйцах.

В Дании и Швеции нежное мясо черноморских обыкновенных скатов считают прекрасным заменителем омаров. В одной Дании их ежегодно вылавливают общим весом до 200 тысяч килограммов. Обыкновенных скатов, которые также ценятся там наравне с омарами, датские рыбаки вылавливают по 100 тысяч килограммов в год.

Однако все эти цифры не могут идти в сравнение с данными лова рыбы, на которую не смотрят с таким предубеждением, как на акул и скатов. В отчетах Организации Объединенных Наций о «ловле съедобной рыбы за 1956 год» говорится, что на них приходится всего один процент урожая, собираемого в соленых и пресных водах всего мира. (А на сельдь, сардины и хамсу, например, приходится 24 процента.)

Однако полностью полагаться на эти цифры нельзя. Некоторые страны не сообщили ООН о том, что у них ловят акул и скатов. Один из авторов этой книги своими глазами видел всевозможных акул и скатов на рынках тех стран, в отчетах которых даже не упоминалось слово «акула».

В странах, где здравый смысл оказался сильнее предубеждений, акулы стали одним из главных продуктов питания, причем очень полезным продуктом. Анализ мяса скромной колючей акулы показал, что в нем содержится больше протеина, чем в яйцах, молоке, крабах, скумбрии, омарах или семге, и калорийность его куда выше. Однако и в Соединенных Штатах, и в Канаде эта самая колючая акула считается хищником, подлежащим истреблению, а не употреблению в пищу. С 1956 года канадское правительство объявило награду за уничтожение колючих акул — этого бича прибрежных вод. В 1958

году президент Эйзенхауэр подписал законопроект, по которому министерство внутренних дел США уполномочивалось тратить до девяносто пяти тысяч долларов в год на изыскание действенных способов избавиться от акул или найти для них какое-нибудь применение. Тот факт, что в ряде стран для них уже давно нашли применение, в Америке проглядели. Одержимые идеей истреблять акул, вместо того чтобы извлекать из них пользу, американские рыбаки ежегодно уничтожают тысячи тонн акульего мяса.

Теперь, когда все растущее население Земли истощает традиционные пищевые ресурсы, такое безответственное уничтожение дешевой, обильной, питательной пищи, которую дает нам море, по меньшей мере нелепо. За последние семьдесят лет население земного шара возросло почти в два раза и, по подсчетам специалистов, будет теперь удваиваться каждые сорок два года, если рост пойдет теми же феноменальными темпами, что и сейчас. Ученые, занимающиеся вопросами народонаселения, считают, что новые рты удастся накормить только в том случае, если гораздо эффективнее использовать богатства морей и океанов.

Анализ улова акул, пойманных ярусами, проведенный в 1956 году, показал, что основная масса выловленных акул относится к шести наиболее широко распространенным видам.

Из них длинноперые и коричневые акулы встречаются только в экваториальных водах, сельдевая акула — правда, ее сравнительно не очень много — водится во всех морях и океанах; голубую в огромных количествах можно найти во всех морях умеренного пояса, мако встречается сравнительно редко, а морская лисица, хотя и водится в изобилии, подвержена воздействию каких-то неизвестных нам факторов, благодаря которым ее

можно найти только в определенных долготах и больше нигде¹. Все это указывает на два факта: 1) в Мировом океане очень много акул; 2) мы почти ничего о них не знаем.

Обильный урожай, который можно было бы снять с тридцати шести биллионов гектаров океанских пастбищ, покрывающих нашу планету, очень часто остается не снятым. Этот урожай — рыба, богатая белком пища, содержащая, в отличие от некоторых форм белка на Земле, абсолютно все аминокислоты, нужные человеку. И все же, несмотря на то что две трети человечества не получает необходимого для жизни белка, самый лучший и легкодоступный источник белка, по сути дела, совсем не используется. Ежегодно можно было бы вылавливать 1 биллион тонн рыбы — в тридцать раз больше того, что вылавливается сейчас во всем мире, причем не в таких истощенных районах, как, например, Северное море. К сожалению, технология промыслового лова рыбы до сих пор в основном находится на самом низком уровне. Однако мы постепенно начинаем понимать, что только рыба может помочь нам накормить голодающий мир. В кампании под лозунгом «Свобода от голода», начатой Организацией Объединенных Наций, один из основных вопросов такой: как увеличить улов и улучшить утилизацию рыбы, в том числе акул?

К счастью, в некоторых странах, где население растет особенно быстро, акул ловят и употребляют в пищу. Много веков назад арабские рыбаки научили жителей

¹ Действительно, лишь весьма ограниченное число видов акул имеет массовое и повсеместное распространение. Однако видовой состав пойманных акул заметно различается в разных океанах и в разных широтах; он также меняется в зависимости от удаленности места лова от берегов, способа лова, глубины, на которой он производится в то или иное время года и суток. Голубая акула широко распространена не только в умеренных, но и в тропических водах.

побережья Восточной Африки ловить акул. Однако до последнего времени лов акул производился там самым кустарным и примитивным способом. И всего несколько лет назад рыбный отдел ведомства охоты и рыболовства в Кении стал внедрять среди местных рыбаков современную технику промыслового лова. Сделанные вручную сети из низкопробного хлопка были заменены крепкими, не поддающимися гниению нейлоновыми сетями.

Теперь местные рыбаки гордо входят на своих лодках в такой, скажем, порт, как Малинди, с тремя или четырьмя десятками акул и парой мант на борту. Часть мяса нарубается на мелкие куски, которые продаются по дайму за штуку. И каждую пятницу, после полуденной молитвы, в Малинди начинается рыбный аукцион. Среди вавилонского столпотворения на десятках африканских и арабских наречий торговцы выкрикивают цены на соленое акулье мясо. Спрос так велик, что местные рыбаки не могут его полностью удовлетворить, и акулье мясо привозится сюда из других мест.

Но жители Кении берут в обширной акульей «кладовой» не только мясо. Они научились извлекать оттуда и другие продукты. Из печени добывают жир, который идет на выделку кож и обработку дерева для *дау* — одномачтовых арабских кораблей; плавники экспортируются для любителей плавникового супа, а также используются для приготовления мыла; кожа отправляется в Европу, где ее обрабатывают и превращают в шагрень; зубы идут на сувениры, а из всего, что после этого еще остается, делается удобрение.

Благодаря акулам маленькая рыбацья деревушка Гансбааи в Южной Африке, в ста восьмидесяти пяти километрах к востоку от Кейптауна, буквально в мгновение ока превратилась в процветающий город. Мно-

гие поколения рыбаков Гансбааи не замечали акул, кишевших в прибрежных водах, и Гансбааи оставалась маленькой сонной деревушкой. Но вот в 1950 году там началось промышленное использование акул. И теперь нередко рыбный кооператив Гансбааи получает от рыбаков более двух тысяч акул в день. Это по большей части суповые акулы. Так же как некогда в Калифорнии, их ловят ради жира, содержащегося в их печени.

Кооператив продает печень акул фармацевтической компании, построившей в деревне небольшую фабрику по экстракции жира из печени. В сезон лова, тянувшийся с апреля по сентябрь, в день добывается около 1300 килограммов жира. Мясо акул, к которому многие африканцы очень привержены, экспортируется в Конго, Гану и на остров Маврикий. Сушеные плавники отправляют прямо в Китай. Некоторые рыбаки зарабатывают на акулах до пятидесяти шести долларов в день, а ловят их самым примитивным способом — на уду! Акулы принесли Гансбааи благосостояние. Крошечные хижины рыбаков уступили место более просторным и комфортабельным домам. Большие моторные лодки пришли на смену «скорлупкам», в которых раньше рыбаки выходили в море. В домах появилось электричество и телефон. И все благодаря акулам.

Тихий океан кишит акулами. Американские рыбаки, ловящие ярусами тихоокеанского тунца, проклинают акул, которые пожирают приманку, рассчитанную на тунца, и оказываются вместо него на крючке. В Австралии ярусами ловят самих акул.

Из гавани Мельбурна в Бассов пролив, который разделяет Австралию и Тасманию, регулярно выходит пятнадцатиметровый баркас, предназначенный для ловли акул. Когда баркас подходит к местам, изобилующим

акулами, лебедка разматывает ярус, на котором находится от трехсот до пятисот крючков. Концы каждого яруса отмечаются буями. Один этот баркас может «посещать» две тысячи крючков, чтобы снять урожай акул. Когда лебедка начинает вытаскивать яруса, команда, состоящая всего из трех человек, должна работать слаженно и быстро. Как только метровая или полуметровая акула поднята на борт, один человек подцепляет ее багром, снимает с крючка и отрубает голову. Второй стоит у лебедки; третий потрошит обезглавленных акул, которых передает ему первый. Это не очень приятная работа, так как свежее мясо акул пахнет аммиаком, и в жаркие дни запах настолько силен, что у рыбаков разбаливается голова, сводит челюсти и начинается рвота.

Но мучения эти окупаются с лихвой. Нередко за раз вылавливают по 160 акул. Каждая акула в разделанном виде весит в среднем 10 килограммов, так что в общей сложности это дает 160 килограммов рыбы за один улов, и в Мельбурне, где акулы пользуются большим спросом, чем любая другая рыба, за нее можно выручить долларов триста.

Было время, когда акулу в Австралии осторожно называли «флейк», но в последние годы как в Австралии, так и в Новой Зеландии ее продают под собственным именем, и спрос на нее настолько велик, что вызвал к жизни коммерческий лов в самом широком масштабе. Мало того, лов акул принял такие размеры, что ведомство промыслового рыболовства Содружества Наций начало кампанию защиты некоторых видов акул от полного уничтожения... и это в стране, где купающиеся уже многие годы пытаются найти защиту от акул! Акулы-людоеды не продаются на австралийских рынках, но и только; все остальные виды акул не пользуются от этого меньшей популярностью.

Ведомство промыслового рыболовства решило воздействовать на рыбаков, хищнически истребляющих акул, при помощи фильма, название которого — «Эти акулы нуждаются в защите», — должно быть, показалось довольно забавным австралийским купальщикам. Был принят даже ряд законов по охране акул, хотя это и встретило сопротивление рыбаков. Два вида акул, употребляемых в Австралии в пищу и особенно нуждающихся в защите, — это австралийская суповая акула, достигающая полутора метров в длину, и кунья акула, длина которой редко бывает больше метра. Так как мясо куньей акулы быстро портится и вскоре после того, как ее вылавливают, начинает распространять зловоние, ее называют также именем, данным ей в Англии: «душистый Вильям».

Субсидируемые правительством исследования показали, что, если австралийцы хотят еще какое-то время есть мясо суповой акулы, нужно принимать крутые меры по ее защите. Хотя самки обычно вынашивают по 28 детенышей, первый помет бывает не раньше, чем самке исполнится двенадцать лет. А самец суповой акулы достигает половой зрелости самое раннее в десять лет. По неизвестным причинам только около половины самок дают приплод каждый год. Все это, вместе взятое, создает ситуацию, редко встречающуюся в море, — поголовье суповых акул не растет, а уменьшается.

Многие поколения австралийцев ненавидели акул и, конечно, имели для этого куда больше оснований, чем жители других стран. Но когда было выяснено, что некоторые виды акул обладают вкусным и питательным мясом, австралийцы стали употреблять их в пищу. Австралийские матери обнаружили еще одно выгодное свойство акульего мяса: оно без костей и его можно без риска давать маленьким детям. Однако Австралия, ка-

жется, единственная из так называемых цивилизованных стран, где акулу употребляют в пищу под ее собственным именем.

В Латинской Америке отношение к акульему мясу меняется от страны к стране и даже от деревни к деревне. В Перу таких, например, скатов, как рохли, едят представители всех слоев общества, а на обыкновенных скатов, которые во многих странах считаются деликатесом, смотрят как на еду бедняков. В Мексике акула — одна из основных промысловых рыб и ее улов ежегодно исчисляется миллионами килограммов. В Венесуэле едят как пилу-рыбу, так и акул. Акулы, виды которых не определены, называются там просто *казон*. Обзор рыбной промышленности Бразилии в 1948 году показал, что в число вылавливаемых там промысловых рыб входит шестнадцать видов акул и скатов, среди них морская лисица, акула-нянька, акула-молот и хвостолы.

Жители Кореи, Китая и Японии едят акулье мясо с незапамятных времен. Согласно обзору Объединенных Наций, в 1956 году в Южной Корее было поймано акул и скатов общим весом 15 тысяч тонн. И примерно столько же — рыбаками Тайваня.

Возможно, нигде на свете акул не потребляют в таком количестве, как в Японии; ежегодный улов акул и скатов исчисляется там миллионами тонн. Из акульего мяса более низкого качества делают рыбные хлебцы под названием *камабоко*. Каждый год в Японии поступает в продажу 420 тонн камабоко. Кроме того, акулье мясо продается в свежем и консервированном виде. Одни из самых распространенных консервов — копченое акулье мясо в соевом соусе.

ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) считает, что

рыбные ресурсы Индийского океана, этой богатейшей сокровищницы пищи на Земле, фактически неистощимы. В тропиках и субтропиках вокруг этого океана живет 726 миллионов человек, и единственное, что может помочь миллионам из них выжить, говорится в докладе ЮНЕСКО, это рыба Индийского океана; только благодаря ей они избавятся от многих болезней, возникающих в результате «белкового голодания» и распространенных в Индии, Индонезии, Малайе, на Цейлоне и восточном побережье Африки.

И среди множества рыб самых разных пород, которые водятся в Индийском океане, одно из первых мест занимают акулы¹.

Большинство народностей, живущих на побережьях Индийского океана, едят акул и скатов. На западном побережье Индии акулы являются излюбленной пищей всех слоев населения. Но на восточном побережье, в районе Мадраса, акул и скатов едят только бедняки. По разработанной и финансируемой правительством программе улучшения условий питания, добываемый из печени акулы жир распределяется по больницам и продается по низким ценам населению, чтобы повысить в пище процент витамина А.

Исследования, проводимые комиссией Организации Объединенных Наций, показали, что из акульего мяса можно получать еще один полезный продукт: муку. Эта мука куда питательнее, чем мука из пшеницы. В рыбной муке (для ее производства может быть использована любая рыба) содержится 85 процентов животного белка, а в свежем мясе и рыбе всего 15 процентов. Рыбная му-

¹ Преувеличение. Акулы питаются по преимуществу рыбой, и, естественно, хищников всегда значительно меньше, чем их жертв, т. е. хотя акулы — очень заметный элемент фауны моря, они куда более малочисленны, чем многие, например, промысловые рыбы.

ка стоит на первом месте по содержанию животного белка среди продуктов, созданных человеком.

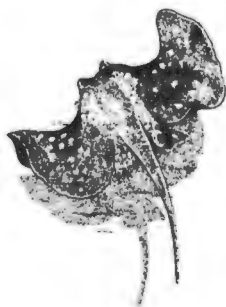
Ученые, входящие в комиссию ООН, считают, что появление рыбной муки является крупной вехой на пути борьбы по обеспечению человека необходимым ему количеством животного белка. В настоящее время стоимость рыбной муки чуть выше стоимости муки из пшеницы или кукурузы. Но усовершенствование ее производства, несомненно, еще понизит стоимость. Использовать ее можно так же, как и пшеничную муку,— от выпечки хлеба до выделки макарон.

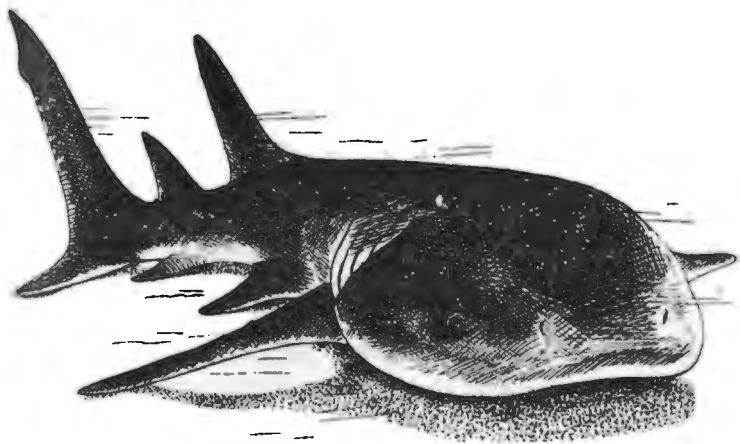
В книге Роберта Моргана «Мировая рыбная промышленность», где дается сравнительный обзор промыслового лова рыбы в разных странах мира, акулы и скаты стоят в ряду важнейших пищевых рыб. Рыбаки самых различных стран ежегодно вылавливают тысячи тонн акул и скатов.

Люди стали употреблять акул в пищу с тех самых пор, как начали ловить океанскую рыбу. Самые первые жители Америки — индейцы, населявшие юго-восточную Флориду,— ели акул. Упоминание об акулах и скатах мы находим в произведениях искусства и литературы древних греков и римлян. Нередко в своих ученых трактатах древние авторы обсуждают, как надо готовить и есть акул и скатов. Эпихарм говорит, что скаты хороши с приправой из сыра. Линкей из Родоса, насмехаясь над гордыми афинянами, утверждает, что ни одна из их рыб не может сравниться по вкусу с лучшей родосской рыбой — морской лисицей.

Вскоре после того как в Греции прославилась «Республика» Платона, Аристофан написал на нее сатиру-комедию «Женщины в народном собрании», в которой высмеивал платоновскую идею идеальной республики. В своей комедии Аристофан описывает коммуну, в кото-

рой правят женщины. Поскольку не существует частной собственности, все граждане питаются в общественных залах за счет коммуны. Трудно угодить на все вкусы, но женщины героически пытаются это сделать, готовя на всех одно-единственное блюдо, включающее все, что только есть в греческой кухне. Это блюдо названо самым длинным из всех существующих на свете слов (в греческом варианте в нем 77 слогов, а в римском — 179 букв). И как раз посередине этого слова, рядом с луком-пореем, устрицами, винным соусом и куриными крылышками, стоят акула и скат.

Глава седьмая

АКУЛЬИ СОКРОВИЩА

Моря и океаны кишат акулами. Остается только ловить их. Но лов акул — занятие опасное и не всегда прибыльное, оно нередко превращается в поединок между человеком в утлой лодчонке и мечущейся от ярости акулой, подчас превосходящей своими размерами и чело-иска, и лодку.

Иногда методы лова акул кажутся нам просто невероятными. В Индийском океане, в районе Сейшельских островов, был организован промысловый лов акул. И хотя он велся самыми примитивными способами, за полтора месяца было выловлено акул общим весом 170 тонн.

На борту некоторых лодок находились «акульи зазывалы» — так называют здесь местных «морских колдунов». «Колдовство» их заключается в том, что «акулий зазывала» выбивает ногами по дну пироги отчаянную дробь, затем хлопает одной рукой по корпусу пироги, другой — по воде и, наконец, издает душераздирающий вопль, от которого по телу ползут мурашки. Рыбаки утверждают, что все эти чудачества «акульих зазывал» на самом деле привлекают акул.

Возможно, рыбаки Сейшельских островов нашли наконец применение трубадурам рок-н-ролла. Но они не нашли пока способа сделать лов акул коммерчески выгодным. Для этого нужно время, терпение и правительственные дотации, предоставляемые в той или иной форме. Только в том случае, если используются все побочные продукты, которые можно получить из акулы, если все эти продукты имеют рынки сбыта, если применяются современные методы лова, сохранения мяса и побочных продуктов и утилизации их, промысловый лов может быть прибыльным. Во всяком случае, теоретически подсчитано, что на акуле средних размеров можно заработать от пятнадцати до двадцати долларов, но, конечно, только в том случае, если она будет утилизирована так же основательно, как в мясной промышленности утилизируют свиней и крупный рогатый скот. Например, тигровая акула в 200 килограммов весом может дать 50 килограммов съедобного мяса, 9 килограммов кормовой муки, 38 литров печеночного жира, 1,5 килограмма годных для продажи плавников, на полтора доллара зубов, которые пойдут на сувениры, и кожу, за которую можно выручить самое меньшее три доллара.

Главное — поймать побольше акул и подготовить их к продаже. Но это не так просто. Поймаете вы только те

виды, которые случайно окажутся в том месте, где вы закинули сеть или лесу.

Акулье мясо очень нестойко. Печень начинает портиться с первой же минуты. Кожа может «прокиснуть», если ее не снять в ближайшие шесть часов после того, как убита акула. А после целого дня лова — в случае, если лов ведется на ночных акул, после целой ночи — рыбаки слишком устают, чтобы тут же заниматься обработкой туши. Поэтому они нанимают для этого специальных людей и тем повышают издержки.

Однажды, хотя чаще всего акула — враг человека, она может щедро вознаградить вас за ваши труды. Акула — очень ценная рыба. В печени некоторых видов акул содержатся жиры, более богатые витаминами, чем жир из тресковой печени, а извлекаемый из печени акулы химический препарат сквален (от латинского *qualus* — акула) открывает многообещающие перспективы в борьбе с двумя врагами человека, куда более опасными, чем акула, — раком и пороком сердца. Покрытая плакоидными чешуями кожа акулы гораздо крепче, чем воловья кожа. Из нее выделяется великолепная шагрень.

Однако многие попытки прибрать к рукам сокровища, которые сыплются из морского рога изобилия, оканчивались неудачей. Когда ставки в игре были достаточно высоки, человек все ставил на карту и иногда выигрывал — акулы многих сделали богатыми. Но даже в том случае, если в единоборство с акулой вступает человеческая алчность, преимущества на стороне акулы.

До 1938 года на акул, которые случайно попадали в сети американских рыбаков, смотрели как на морских разбойников, пожирающих промысловую рыбу и наносящих урон, который не может быть компенсирован их продажей. Самая высокая цена акульего мяса была 10

долларов за тонну. По большей части акульи туши перемалывались и шли на удобрение.

Затем в Европе началась война. Немецкие войска заняли Норвегию, и сразу же от Соединенных Штатов и Великобритании был отрезан основной источник жизненно важного продукта — жира из тресковой печени, который уже многие годы ввозился из Норвегии миллионами килограммов. Из этого жира экстрагировался витамин А, который входил не только в рацион людей, но и в рацион крупного и мелкого рогатого скота и домашней птицы. В обеих странах стали искать новые источники рыбьего жира.

В Сан-Франциско Тано Гварагнелло, комиссионер по оптовой продаже рыбы, прослышал об этой погоне за витамином А. Словно по наитию свыше, он отдал на химический анализ пробы из печени акулы. Это была печень колючей акулы, или, как ее иначе называют, катрана. Анализ дал удивительные результаты. В печени катрана оказалось в десять раз больше витамина А, чем в печени трески.

Гварагнелло отправился на рыбачью пристань и, не поднимая особого шума, сказал кое-кому из рыбаков, что он будет платить 25 долларов за тонну катрана. Рыбаки решили, что он свихнулся, но принялись ловить «никчемную» колючую акулу, которая в изобилии водилась в прибрежных водах.

Вскоре после того Гварагнелло случайно довелось присутствовать при разделке суповой акулы. Он обратил внимание на то, что печень этой акулы колоссальных размеров. Он снова решил попытать счастья.

На этот раз результаты химического анализа были фантастичны. В печени суповой акулы оказалось в десять раз больше витамина А, чем в печени катрана, и, следовательно, в сто раз больше, чем в печени трески.

Гварагнелло объявил, что он покупает всех суповых акул, которых выловят рыбаки. И будет платить по 40 долларов за тонну. Слухи об этом распространились по всему западному побережью, от Сан-Франциско до Аляски. Вскоре и другие оптовые торговцы узнали секрет своего соперника, и спрос на акулю печень стал возрастать с каждым днем.

В Калифорнии началась новая «золотая лихорадка». Акуля печень была названа «серым золотом». Рыбаки, начавшие разрабатывать морскую «золотую жилу», были одержимы жаждой золота ничуть не меньше, чем их предшественники, промывавшие золотоносный песок. Цены подскочили от 40 долларов за тонну — первоначальная цена, предложенная Гварагнелло, — до 60... 80... 100 долларов.

От Аляски до Мексики рыбаки бросали привычные промыслы и уходили на поиски суповой акулы, боясь упустить свою долю пирога. Цены продолжали расти с невероятной быстротой. К сентябрю 1941 года цена дошла до 1200 долларов за тонну. А к тому времени, когда Америка вступила в войну, — до 1500 долларов. Никогда еще рыбаки не зарабатывали так много за такое короткое время. Одно рыбацкое судно вышло из Сан-Франциско и через четыре дня охоты на суповых акул вернулось в гавань, имея на борту груз стоимостью 17 500 долларов. Один рыбак за пять месяцев заработал 40 тысяч долларов. Но на акулах зарабатывали не только профессиональные рыбаки. Студенты Вашингтонского университета пропускали занятия, чтобы охотиться на акул. Работники с ферм, никогда не видевшие моря, шли в подручные к рыбакам и зарабатывали по 800 долларов в неделю.

Ловили акул в основном жаберными сетями, которые ставили, как огромные занавеси в километр и более

длиной, или от самой поверхности моря, или на дно; грузила вдоль нижнего края сети и буи вдоль верхнего удерживали сеть в перпендикулярном положении. Акулы, преследуя мелкую рыбу, утыкались рылом в ромбовидные ячейки и зацеплялись жабрами или плавниками. Стремясь выбраться, акулы часто рвали сети. А бывало, что, воспользовавшись редким случаем превратиться из добычи в хищника, на них нападала родственница миноги — миксия¹. Подобно рыбакам, она интересовалась печенью акулы, и частенько в сетях оказывались акулы, уже лишенные печени. Однако уловы были так велики — иногда в сети бывало по двести акул, — а цены на них так высоки, что рыбаки легко покрывали нанесенный им урон.

В то время как на западном побережье США и Канады продолжалась «акулья лихорадка», где каждый сражался за себя, на восточном побережье, во Флориде, возникла компания, известная под названием «Шарк индустриз», которая организовала более систематический и упорядоченный лов акул. Было выяснено, что и у некоторых других видов акул печень богата витамином А. В 1944 году эта компания вошла в одну из известных фирм страны, «Борден компани», крупнейшую компанию по производству молочных продуктов, на чьей фабричной марке красовалась симпатичная морда представительной коровы по имени Элси. Возможно, потому, что заправила этой компании не хотели, чтобы в сознании покупателей морда кроткой Элси ассоциировалась со свирепой мордой акулы, слияние фирм произошло без особого шума. Несомненно, многие любители молока с большим удивлением узнают, что богатое витами-

¹ Миксии, так же как и миноги, относятся к классу круглоротых животных, близкому к классу рыб. В отличие от миног, миксии ведут паразитический образ жизни.

нами молоко, которое они пили, было обязано своими питательными свойствами не только коровам, но и акулам.

Считается, что «Борден компани» вложила в дело не меньше миллиона долларов. Принадлежащая компании рыбачья флотилия насчитывала сорок судов, многие из которых были снабжены холодильными установками и могли находиться в море по шесть месяцев. Вместо сетей они применяли яруса. С самых больших судов спускался стальной трос почти в четыре километра длиной. С троса, на расстоянии двенадцати метров друг от друга, свисали крючки с приманкой. На обоих концах троса были буй. Яруса ставились в море на сутки, затем выбирались. В то время как мощная лебедка выбирала трос... и акул, человек, стоящий на носу с большой деревянной колотушкой, оглушал акулу, если она была еще жива, ударом колотушки по рылу, а подъемный кран подцеплял ее и скидывал в трюм, где она могла биться, пока не издохнет.

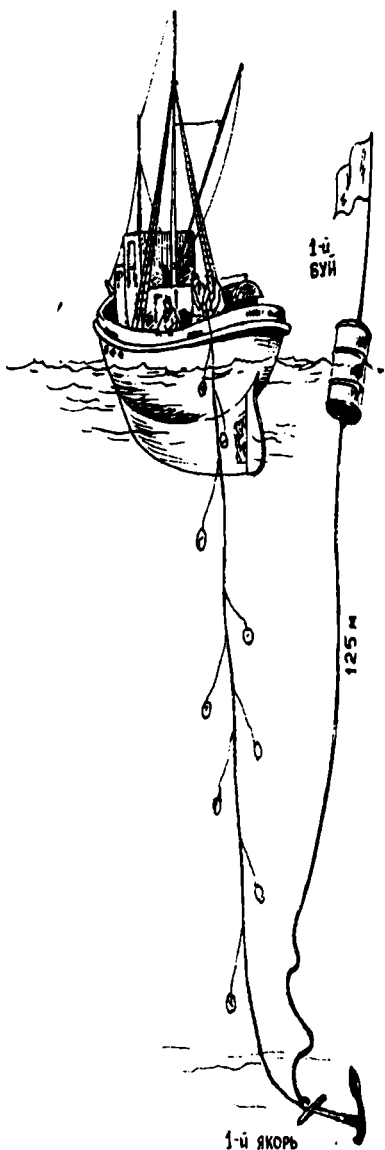
Это было трудное, но выгодное дело. Обычно лов шел недалеко от Солерно, во Флориде, и был случай, когда четыре судна выловили за один день 341 акулу. Вес отдельных акул доходил до 700 килограммов. Как-то за один месяц было выловлено 1972 акулы. Одно судно привезло за раз 182 акулы.

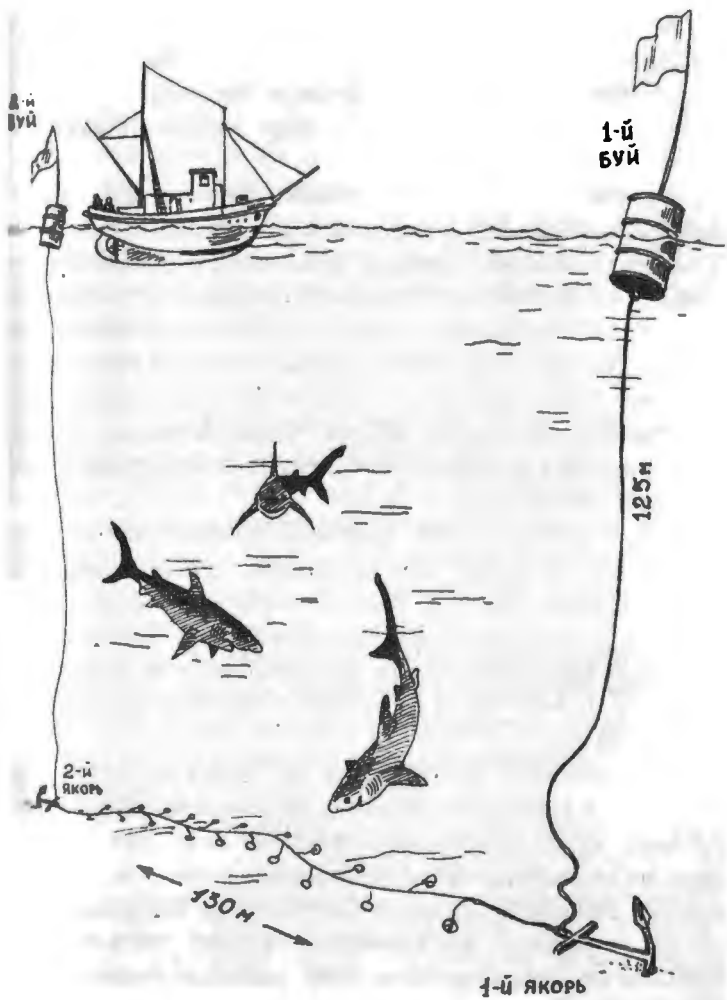
«Борден компани» также включилась в акулий бум на западном побережье континента. Но безжалостное истребление суповых акул в этих водах привело к тому, что число их резко сократилось. В 1944 году было выловлено акул общим весом на 2 миллиона килограммов. Это было вершиной бума. Суповые акулы стали попадаться все реже и реже. А цена на их печень продолжала возрастать, дойдя наконец до сумасшедшей цифры — 29 долларов за килограмм.

Борден построил в Провинстауне, Массачусетс, завод по добыче из акульей печени витамина А, который добавлялся в молочные продукты. К 1946 году три цента на каждый доллар, получаемый «Борден компани», шли в карманы акционеров благодаря кроважной акуле, а не кроткой Элси.

Во время войны 75 процентов витамина А, добываемого в Америке, производилось из акульей печени. Хотя был правительственный приказ строить на верфях только военные корабли, из этого правила было сделано исключение: разрешалось также строить рыболовецкие суда для промыслового лова акул. Война и страсть к наживе дали толчок массовому лову акул, и чем больше вылавливалось акул, тем больше мы узнавали не только о витамине А, но и о самих акулах.

Витамин А считали панацеей чуть ли не от всех болезней. Обнаружили, что

он способствует росту, увеличивает сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям, помогает пре-
возможть простуду и лихорадки. Процент содержания ви-
тамина А в печени акул был различен и колебался от 35
единиц до 43 миллионов единиц (по единицам, приня-
тым в фармакологии Соединенных Штатов). Количест-
во единиц менялось от вида к виду и даже от акулы к
акуле.

На восточном побережье рыбаки, как правило, прода-
вали только печень, а все остальное выбрасывали. Но и
«Борден компани» прибыль извлекалась буквально из
каждой унции акулы. Плавники отрубали и продавали
китайским торговцам по шесть долларов за комплект.
Только на одних плавниках компания выручала от трех
до пяти тысяч долларов в месяц. Зубы некоторых акул
продавались на отделку платья. Челюсти больших акул
высушивались и сбывались в качестве «трофеев» сухо-
путным «охотникам» на акул.

Кожа, снятая с акул, дубилась. Лучшие части мяса
нарезались на куски, замораживались и отправлялись в
другие страны, главным образом в Южную Америку, где
не было и нет предубеждения против него. Более жест-
кое мясо перерабатывалось на корм скоту и домашней
птице, а то, что после всего этого еще оставалось, шло
на удобрение.

От Кетчикана до Монтерея на западном побережье
Америки, в маленьких городках на побережье Карибско-
го моря, во всех рыбацких портах, где акула для многих
поколений рыбаков была вселяющим страх и ненависть
врагом, она вдруг оказалась источником обогащения.

Но усиленные исследования природы витамина А
привели к нежелательным для рыбаков результатам.
Благодаря обилию витамина А, извлекаемого из печени
акулы, он был хорошо исследован и ученые нашли спо-

соб получения его искусственным путем. Витамин А был синтезирован.

К 1950 году акулий бум закончился. Конечно, потребовалось какое-то время, чтобы заменить витамин, добываемый из акульей печени, синтезированным витамином, но все же акульи промыслы сворачивались один за другим. В Калифорнии, где за один год во время бума вылавливалось до 25 тысяч тонн акул, улов упал до 450 тонн и наконец дошел до тех же незначительных цифр, которыми он измерялся до бума. В штате Вашингтон, где во время бума за год вылавливалось акул на три миллиона долларов, за печень катрана стали давать по двадцать пять центов за килограмм, и за весь 1953 год было продано акульей печени всего на три тысячи долларов. Элси больше не имела соперника в лице акулы. В 1952 году «Борден компани» вышла из акульего бизнеса. Акула вновь стала помехой и врагом.

В 1956 году обследование калифорнийских вод показало, что суповая акула, ряды которой поредели во время витаминного бума, снова водится там в изобилии. При культурном лове всех видов акул, находящихся в пределах досягаемости калифорнийских рыбаков, каждый год можно вылавливать акул общим весом до биллиона килограммов. Единственное, что требуется,— это рынок. Но рынка для акул больше нет.

Обследование рыбных ресурсов показывает, что акул не меньше, а в некоторых местах даже больше, чем всей прочей рыбы, имеющей коммерческую ценность¹.

Однако основную массу акул, которые попадают в сети, предназначенные для другой рыбы, выкидывают прочь, словно из нее нельзя извлечь никакой пользы, а ведь это совсем не так. В большинстве своем, как мы

¹ См. примечание к с. 214.

видели, мясо акул вкусно и питательно и идет в пищу во многих странах. Помимо мяса, акула является источником множества полезных и удивительных продуктов.

Еще в далекой древности из акул делали магические снадобья. Греки — современники Аристотеля — верили, что стоит помазать десны младенца золой из пережженных акульих зубов, и у него будут безболезненно резаться зубки; что взрослых от зубной боли избавят акулы мозги на масле; что от грудницы помогает мясо морских ангелов (один из видов акул); что, если болят уши, надо приложить печень ската; что мозг электрического ската способствует удалению с кожи волос, а печень хвосткола может излечить золотуху и помогает при кожных заболеваниях.

Рыбаки, как в далеком прошлом, так и теперь, утверждают, будто акулий жир является панацеей от всех болезней, что его можно употреблять и в качестве наружного — например, натирать суставы от ревматизма, заживлять ожоги и порезы, и внутрь — против кашля, и качестве слабительного и вообще как тонизирующее средство. Сэр Сэмуэль Гарт, врач, живший на рубеже XVII — XVIII веков, издевался над аптекарями того времени за то, что они используют такие экзотические лекарства, как засушенные крокодильи и акулы головы; но и по сей день в фармакологии применяются лекарства, сделанные из акул и скатов. В рекламе «самого дорогого крема для лица», появившейся совсем недавно, говорится, что среди многих других ингредиентов этого бесценного снадобья есть и акулий жир, «жизненно необходимый для сохранения свежести кожи».

У некоторых примитивных народностей считается, что акулы птеригоподии (совокупительные органы самца акулы) — одно из лучших средств, усиливающих половую активность; это же свойство, по словам китай-

цев, является одним из достоинств супа из акульих плавников.

Но акула может найти куда менее фантастическое применение, имеющее большую практическую ценность. Эскимосы Гренландии делают из зубов полярной акулы ножи, которыми обрезают волосы своим детям, так как на железо в этом случае наложено табу. Кожу полярной акулы они нарезают длинными лентами, соединяют их и используют в качестве веревки. Некоторые североамериканские индейцы, которым посчастливилось разбить вигвам неподалеку от мест, где в земле находились ископаемые акулы, использовали их зубы — все еще острые спустя миллионы лет — в качестве бритвы.

На Сандвичевых островах, когда мужчины уходили в море, женщины оставались беззащитными, и мужчины из соседнего селения устраивали на них набеги. Женщинам нужно было иметь оружие, чтобы обороняться в рукопашном бою. И они изобрели гавайский вариант рыцарской рукавицы — рукавицу, утыканную акульими зубами. Пощечина, нанесенная рукой в такой рукавице, на всю жизнь оставляла на лице человека шрамы.

В своем монументальном труде о народных обычаях на островах Тихого океана «Полинезийские изыскания», напечатанном в 1830 году, миссионер Вильям Эллис рассказывает о том, какое удивительное применение нашли акульим зубам туземцы островов Товарищества — островов, самым известным из которых является Таити. Вильям Эллис жил на этих островах в начале XIX века и имел возможность лично изучать обычаи туземцев. Он писал: «Почти все обычаи и обряды, связанные со смертью родственников и друзей, исключительно своеобразны, и в первую очередь это следует сказать об *отохаа*. Когда умирает кто-либо из туземцев, его родные и

друзья предаются самому необузданному горю. Они не только плачут и кричат душераздирающим голосом, но рвут на себе волосы, превращают в клочья одежду и наносят себе ужасные раны акульим ножом. Это короткая чурбашка, около 10 сантиметров длиной, в которую по обоим концам вставлено пять или шесть акульих зубов. Выйдя замуж, каждая женщина обзаводится таким ножом и в случае смерти близких пускает его в ход, не жалея себя. Но некоторым и этого кажется мало; они употребляют другой инструмент — нечто вроде деревянной колотушки, около 12—15 сантиметров длиной, с круглой рукояткой на одном конце и сплошь утыканной акульими зубами на другом. В случае смерти друга или родственника они безжалостно терзают себя этим инструментом, нанося удары по голове, щекам, вискам и груди, пока кровь не хлынет потоком».

Отохаа, сообщает миссионер, служила также и выражением большой радости, а не только горя. «Чтобы отпраздновать возвращение домой или в том случае, когда удавалось уйти от неминуемой опасности или смерти,— писал Эллис,— туземцы издавали громкие вопли и пускали в ход инструмент, вооруженный акульими зубами».

Утыканная зубами акулы дубинка под названием *на-эхо* использовалась также при единоборстве¹ «Чаще всего ею полосовали поперек тела, словно это была пила»,— писал Эллис.

«Другой инструмент подобного рода,— сообщает он далее,— походил своим видом на меч, но вместо одного лезвия имел три, четыре и даже пять. Обычно его делали из ветви *аито*. Центральную и боковые ветви заост-

¹ Боевые палицы и другие орудия, утыканные акульими зубами, а также изделия из акульей кожи, которые применялись в повседневной жизни полинезийцами, можно увидеть в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

ряли, полировали, а затем в наружную их часть густо, один к одному, втыкали акульи зубы, которые крепко застревали в древесине». Еще один вид оружия, называемый *азро фэй*, делался из хвостового шипа хвосткола, «будучи зазубрен по краям, с острием на конце, он являлся грозным оружием в умелых руках».

На островах Эллис туземцы нашли более мирное применение для акульих зубов. Зубом, прикрепляемым к палке, местные «хирурги» орудуют как скальпелем во время своих примитивных операций.

Маори — жители Новой Зеландии — называют семижаберную акулу, населяющую прибрежные воды, *туа-тини*. Из ее зубов они некогда изготовляли похожий на пилу инструмент *мира туатина*, единственным назначением которого, как говорят, было резать человеческое мясо¹. Для маори акулы всегда были связаны с кровью, войной и смертью. Они смешивали акулий жир с красной охрой и раскрашивали этой смесью свои военные каноэ и погребальные камни, воздвигаемые на могилах великих вождей. Они также использовали акулий жир как косметическое средство, мазали им кожу и волосы, а также умащали тела умерших во время похоронных церемоний.

На некоторых островах Тихого океана акулья кожа употреблялась для изготовления барабанов, так как она прочна, не растягивается и дает верный тон при ударе. На Суматре на изготовление барабанов и тамбуринов шла кожа хвосткола Сефена.

На Бермудских островах туземцы используют акулий жир в качестве примитивного, но надежного, по их словам, барометра. Они утверждают, что жир из мозга и

¹ Зубы семижаберных и шестижаберных акул — единственные в своем роде: они напоминают гребенку с лезвиевидными зубцами, постепенно уменьшающимися по величине от переднего к заднему.

печени акулы, помещенный в запечатанную бутылку, мутнеет, когда надвигается шторм.

Эрик Слоун, собиратель фольклора, связанного с погодой, пишет в своем «Календаре погоды» об объявлении, которое он нашел в одной старой коннектикутской газете. В этом объявлении предлагается «идеальный предсказатель погоды ценой всего в 1 доллар... волшебная жидкость, которая мутнеет перед дождем». Слоун предполагает, что эта волшебная жидкость не что иное, как акулий жир. Один из авторов этой книги несколько месяцев подряд держал на окне своего кабинета запечатанную бутылку с акульным жиром. Он не может присягнуть, что акулий жир абсолютно точно предсказывает погоду, но он действительно мутнеет при похолодании и снова делается прозрачным, когда становится тепло. При приближении грозы, когда температура обычно падает, он иногда тоже мутнел. Это было вызвано застыванием жира. После часа в холодильнике жир превращался в полужидкую массу с консистенцией сливочного масла.

Когда в 1788 году началось заселение Австралии, акулий жир помогал прогнать из домов таящий опасность мрак.

Дэвид Коллинз писал об Австралии в 1794 году: «Ничего не пропадало здесь даром, даже из акул сумели извлечь пользу. Жир из печени продавался по шиллингу за кварту; только в очень немногих домах колонисты пользовались приятным свечным освещением».

В наше время акулий жир применяется при закатке высококачественной стали, в производстве маргарина, в фармакологии, при выделке кож, при изготовлении мыла и косметических средств, для разведения масляных красок и в качестве самого высокосортного смазочного материала, например для смазки механизма наручных часов.

Но лучше всего человек научился использовать несокрушимо прочную кожу акулы. Акулья кожа начала свою долгую карьеру в Древней Греции, в руках греческих ремесленников, которые применяли ее для полировки твердых пород дерева. В эпоху парусного флота моряки ловили акул, снимали с них кожу и использовали ее для чистки палубы. Акульей кожей оборачивали часть весел — ту, которая ходит в уключинах, — чтобы уберечь их от быстрого изнашивания. Акулья кожа получила название «шагрень» — слово, связанное, по-видимому, с персидским «сагари» и турецким «сагри», хотя эти слова, как ни странно, не имеют никакого отношения к акулам.

Сагари, или *сагри*, — это кожа с крупа лошади, обработанная особым образом: после удаления шерсти кожа размягчалась, в нее вдавливали зерна и подвергали сушке. Затем зерна удаляли, и на коже оставались отпечатки от них, отчего кожа приобретала зернистую фактуру.

Акулья кожа с ее узором из плакоидных чешуй напоминала сагари, или сагри, с той разницей, что плакоидные чешуи растут из кожи.

Персидская сагари считалась идеальным материалом для рукояток мечей, так как ее шероховатая зернистая поверхность позволяла крепко держать меч в руках. Полагают, что первыми, кто с этой же целью использовал кожу акул и скатов, были японцы. Всем другим японцы предпочитали рукоятки из кожи хвосткола Сефена, того самого ската, кожа которого шла на Суматре на тамбурины. Посредине спины у него растут три больших плакоидных шипа, похожих на жемчужины, поэтому рукоятки, на которые брали кожу со средней части спины, получались на редкость красивыми.

В наше время японцы используют не только кожу акул; из хрящей они делают *шарк-амино* — «эликсир

жизни», из хрящей и кожи, слишком старой, чтобы идти на шагрень, варят желатиновый клей; из печени топят жир; из поджелудочной железы акулы извлекают инсулин и панкреатин, способствующие пищеварению. Но качество современной шагрени было невысоко, и после Второй мировой войны в Японии не осталось ни одной крупной сыромятни, занимающейся выделкой акульей кожи в коммерческих целях. Однако профессор Ватару Шимицу из университета в Киото говорит, что на рукоятки мечей до сих пор идет кожа *аизаме* — плосконосой акулы из семейства колючих, — «чтобы на них не скользила рука».

В XVII столетии, когда путешественники стали привозить из стран Востока предметы, покрытые шагренью, например футляры для драгоценностей, по всей Европе заговорили о прекрасной прочной коже, и европейские ремесленники стали осваивать искусство выделки шагрени, которое сейчас почти совсем забыто. К XVIII столетию искусство это достигло таких высот, что в Голландии возникла даже гильдия *segmywerkers* — мастеров шагрени, а во Франции были увековечены имена двух замечательных мастеров — Жана Клода Галюша и его сына Дени Клода. Великолепная шагрень, выходившая из их рук, называлась *галюша́*; название это до сих пор сохранилось во Франции для шагрени высшего качества.

Письменные приборы, рамки для фотографий, футляры для столового серебра и футляры для часов — все это делалось из галюши. В шагрень переплетали дорогие книги, из нее делали футляры для таких инструментов, как микроскопы и телескопы.

То ли торговцы антикварными изделиями не в состоянии представить, что акуляя кожа может быть так красива и эластична, то ли они просто не знают, что

держат в руках, но в наше время нередко предметы из шагрени выдаются за предметы, сделанные из кожи змеи, ящерицы или тюленя.

Шагрень — кожа акулы или ската с вкрапленными плакоидными чешуями — на редкость красивая вещь. Острые концы чешуй полируются вручную или стачиваются при помощи карборундового точила. Но из шагрени нельзя делать абсолютно все. Она применяется в основном с декоративными целями.

В течение многих лет неразрешимым оставался вопрос: как извлечь из кожи плакоидные чешуи, не повредив естественной структуры акульей кожи? Своими корнями чешуи глубоко уходят в эпидермис кожи. Применявшиеся химикалии или не могли растворить корни, или, если брался раствор слишком большой концентрации, разрушали и кожу. Кожа, получаемая в результате такой обработки, была или слишком грубой, или непрочной, так что ее нельзя было пускать в продажу. Нужно было найти способ «вынуть» чешуи из эпидермиса так, чтобы, во-первых, сохранить естественную фактуру кожи и, во-вторых, сделать ее эластичной и вместе с тем прочной.

Вскоре после Второй мировой войны компания «Оушн лезер компани», занимавшаяся обработкой кожи морских животных, взяла на службу химика Теодора Х. Коулера и поставила перед ним, казалось бы, неосуществимую задачу: найти такой способ удаления с акульей кожи плакоидных чешуй, который позволит наладить коммерческое производство шагрени. Коулер провел много долгих часов за разрешением этой задачи, поставил множество опытов, но все они кончались неудачей. И только через несколько лет был наконец найден способ обработки, отвечающий всем требованиям. Способ этот был тут же запатентован.

Это был колоссальный успех. Из акульей кожи можно было теперь изготавливать практически все те предметы, на которые идет натуральная кожа. Шагренъ стала достойным соперником всевозможных «экзотических» кож. «Оушн лезер компани» дала жизнь новой отрасли промышленности, которая до сих пор остается единственной в своем роде.

В течение многих лет занимаясь поисками способа обработки акульей кожи, «Оушн лезер» оставила далеко позади всех своих конкурентов. Правда, кое-каких успехов в этой области добились в Европе, Мексике и Японии.

Уже несколько десятков лет, как в Ньюарк (Нью-Джерси) прибывают тысячи акульих кож, которые здесь превращают в великолепную шагренъ, идущую на мужские туфли, ремни, бумажники, ремешки для часов и другие превосходные вещи, которые продаются по весьма высоким ценам. Много лет назад обнаружили, что из акульей кожи очень выгодно делать носки детских ботинок, которые больше всего страдают от неаккуратного обращения. И действительно, даже несокрушимая энергия маленького мальчика не в силах нанести урон акульей коже — башмаки могут развалиться на части, но носки остаются целы.

Толстый эпидермис акульей кожи состоит из переплетения прочных волокон, образующих густую сеть, которая выдерживает большое напряжение и вместе с тем остается эластичной. Опыты показали, что предел прочности акульей кожи на разрыв равен пятистам килограммам на один квадратный сантиметр. Предел прочности воловьей кожи — немного более трехсот килограммов на один квадратный сантиметр.

Промысловый лов акул ведется главным образом вдоль побережий Флориды, в Мексиканском заливе, Ка-

рибском море и вдоль западного побережья Мексики. Поступление кож зависит от ураганов и революций, от капризов акул и рыбаков, но все же каждый месяц в течение круглого года на сыромятни «Оушн лезер компани» поступают новые кожи, каждая из которых рассказывает о победе человека над акулой.

Многие кожи из тех пятидесяти тысяч штук, которые приходят за год в «Оушн лезер», поступают от отдельных рыбаков, ловящих акул на лесу, но в основном компанию снабжают кожами специальные промысловые суда, прикрепленные к оборудованным по последнему слову техники промысловым пунктам лова во Флориде и других местах. Акул ловят на двухкилометровые яруса; с хребтины яруса через каждые семь с половиной метров на двухметровых поводках свисают шестисантиметровые крючки. На каждый ярус приходится по триста крючков. Яруса забрасываются на глубину от сорока до трехсот шестидесяти метров.

Кожи прибывают в сыромятни «Оушн лезер» аккуратными кипами, запакованными в холстину. В результате сложного процесса дубления, длящегося около месяца, во время которого кожи бесконечно вымачивают в огромных чанах и отбивают в специальных барабанах, они превращаются в великолепную шагреню. Ее красота и прочность вызвали спрос, который никак не может быть удовлетворен предложением.

Опытный кожедер — акулий «скорняк» (одна из редчайших профессий на свете) — снимает с акулы кожу за пятнадцать минут. Это работа, от которой быстро устает самый сильный человек и тупится самый острый нож; хорошо еще, что его можно тут же наточить на жесткой, как наждачная шкурка, акульей коже.

После того как акула освежевана, кожу очищают от мяса и держат в соляном растворе четыре или пять

дней. Свежая кожа легко может испортиться как от сырости, так и от высокой температуры, поэтому ее надо предохранять и от дождя, и от солнца. После того как кожи вынимают из соляного раствора, их связывают в тюки или складывают в бочки и отправляют на сыромятню.

Рыбакам платят в зависимости от размера и состояния кожи и вида акулы. Когда акулу свежуют, ей отрубают хвост, часть головы и участок возле жаберных щелей, так что размер кожи всегда меньше размера акулы. Оплата основывается на длине кожи. Цена за первоклассную кожу колеблется от 1 доллара за кожу длиной от 90 сантиметров до 1 метра до 9 долларов за кожу в 2,5 метра и более в длину. За кожу тигровой акулы платят больше, чем за кожу прочих видов акул,— от 2 долларов за самую маленькую до 14 долларов за большую.

Кожа считается первосортной, если на ней нет пятен, образовавшихся в результате гниения, порезов, нанесенных ножом «скорняка», дыр от гарпуна и «боевых шрамов», которые, как полагают, являются результатом битв между акулами. (Однако, поскольку шрамы эти, как правило, находят на коже взрослых самок, некоторые ихтиологи считают, что это — результат столкновения самок с чересчур пылкими самцами.) Кожи второго и третьего сорта оплачиваются, соответственно своему качеству, ниже.

Предприимчивые рыбаки зарабатывают деньги даже на таких странных, однако пользующихся большим спросом предметах, как акульи трости и мумии акульих детенышей. Трости делаются очень просто — на железный стержень нанизываются позвонки акулы; их продают по 20 долларов за штуку. Мумии изготавливаются путем бальзамирования зародыша акулы при помощи формальдегида. В результате получается маленькая

акулка, которую можно поставить среди безделушек на каминную полку. (Подобным же образом из глазного яблока акул изготавливаются серьги — да поможет нам Бог!)

На коже некоторых мелких акул плакоидные чешуи оставляются нетронутыми, лишь подвергаются полировке. Эта кожа — ее называют *боразо* — самая дорогая кожа на свете: 5 квадратных сантиметров боразо стоят 1 доллар. Она идет на такие предметы туалета, как, например, ночные туфли.

Плакоидные чешуи оставляются в коже и в тех случаях, когда она идет на промышленные нужды, например для того, чтобы начесать ворс на фетре, из которого изготавливают мужские шляпы. В Италии такой кожей полируют мрамор. Другой вид промышленной акульей кожи применяется для трансмиссий на ткацких станках.

Говоря о том, что мы извлекаем из акулы, нельзя обойти молчанием добываемый из ее печени редкий химический продукт, который еще в древности считался сильнодействующим лекарством. Продукт этот под названием сквален используется пока что только в клинических лабораториях, где ведутся медицинские изыскания.

Несколько лет назад одна химическая компания купила большой запас сквалена, добытого из печени гигантских акул, поскольку ученые, работавшие в этой фирме, заинтересовались его применением.

Среди этих ученых был доктор Джон Хеллер, один из ведущих исследователей в области органической химии. Убеденный, что сквален может послужить ценным подспорьем при изучении порока сердца, Хеллер хотел применить «меченый» сквален при наблюдении над химической деятельностью животных организмов. Эксперименты окончились неудачей, но еще и сейчас

некоторые ученые пытаются найти пути использования этого продукта при изучении порока сердца и рака.

Гораздо успешнее, чем ученые, скваленом, добываемым из печени акул, воспользовались члены шайки гангстеров. Они выпустили в продажу растительное масло со следующей надписью на этикетке: «20 процентов оливкового масла». Но пищевики заявили, что, судя по вкусу и запаху этого масла, оно не отвечает своему названию. Они заподозрили, что это дело рук гангстерского синдиката, еще раньше занимавшегося продажей ненастоящего оливкового масла. Это было вскоре после окончания Второй мировой войны, и оливковое масло все еще поступало из Европы в небольших количествах и было дорого.

Образцы ввухившего подозрение масла были отправлены в управление по контролю за качеством пищевых продуктов, медикаментов и косметических средств при министерстве торговли. В лаборатории управления, этой Немезиды жуликов, был разработан способ проверки количества оливкового масла в смесях выпускаемых в продажу растительных масел. Способ этот предложил доктор Джекоб Фитлсон, главный химик-пищевик нью-йоркских лабораторий управления. Фитлсон знал, что, помимо печени акулы, сквален находится в небольших количествах в животных и растительных маслах, в том числе в оливковом масле. Выяснилось, что в оливковом масле его больше, чем во всех остальных растительных маслах, с которыми оливковое масло смешивают для продажи. Поэтому процент сквалена в смеси показывал относительное содержание в ней оливкового масла. Эта проверка помогла разоблачить несколько мошенничеств, и виновные были наказаны по заслугам.

Однако когда теперь в лабораторию управления прислали образцы масла, ни по вкусу, ни по запаху не по-

хожего на оливковое, масло это выдержало проверку. «В точности, как сказано на этикетке,— 20 процентов оливкового масла»,— гласило официальное заключение химиков, а в неофициальной приписке говорилось: «Так, во всяком случае, показывает анализ, но мы этому не верим».

Химики управления, засыпанные жалобами компаний, торгующих доброкачественным маслом, стали в тупик. И тут Фитлсон совершенно случайно попал на след. Разговорившись на научной конференции со своим бывшим коллегой, перешедшим работать в фирму химикатов и лекарственных препаратов, он узнал от него, что при производстве витамина А они в качестве побочного продукта получали сквален, которому никак не могли найти применения. И вдруг на сквален нашелся покупатель. Так вот где была зарыта собака! Фитлсон понял, что мошенники решили обратить проверку на сквален себе на пользу и просто стали добавлять сквален в дешевые растительные масла. Надо было только ввести определенное количество добытого из печени акулы сквалена, и смесь при проверке давала такой же точно показатель, как смесь, в которую на самом деле входит 20 процентов оливкового масла. Различить сквален из оливкового масла и сквален из печени акулы при проверке способом Фитлсона было невозможно.

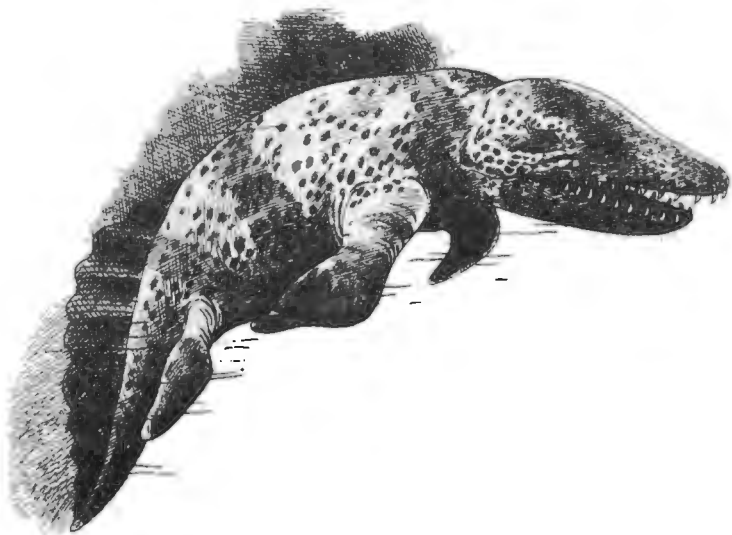
Чтобы разоблачить обман, необходимо было как-то отметить акулый сквален до того, как его добавляют в масло, а затем обнаружить его в масле после поступления в продажу. Для этого было решено воспользоваться антракиновой кислотой — химикалием, который применяется при производстве красителей; кислота эта безвредна, прочна, растворяется в сквалене и не имеет ни вкуса, ни запаха, так что без особых реактивов обнаружить ее невозможно. Фирма, у которой гангстерский синдикат по-

купал сквален, разрешила примешать к нему антраниловую кислоту. Теперь оставалось только ждать.

Вскоре после того как был закуплен большой запас сквалена, на рынке появилось огромное количество растительного масла под самыми различными фабричными марками. Все они прошли проверку, и почти во всех них оказался меченый сквален. Управление по контролю за качеством пищевых продуктов стало искать, откуда пришло это масло. Опросили розничных торговцев, экспортеров, оптового торговца оливковым маслом, который отказался что бы то ни было сообщить. Но его объяснение: «Если я проговорюсь, мне несдобровать», говорит само за себя.

Это было огромное гангстерское предприятие, добывавшее свои доходы запугиванием, шантажом и террором. Прежде чем гангстеров удалось разоблачить, они получили миллион прибыли. Но в ловушку с акулой приманкой попался один из «королей» гангстеров, Джозеф Профаци, считавшийся до тех пор неприкосновенным. Он редко появлялся на людях, не говоря уж о зале суда. Управление по контролю за качеством пищевых продуктов привлекло его к ответственности. Он был признан виновным и приговорен к штрафу в восемь тысяч долларов.

Глава восьмая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АКУЛ И ЧТО ОНИ СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

За много миллионов лет до того, как на нашей планете появился первый человек, властителем первобытных морей была акула. Самые большие горные массивы, такие, как Анды, Альпы, Скалистые горы, Гималаи, поднялись над поверхностью Земли около шестидесяти миллионов лет назад. Человек как *Homo sapiens* существует всего какой-нибудь миллион лет. Силы эволюции сеяли на Земле бесчисленные формы жизни, которые не выдерживали суровых испытаний и исчезали одна за другой, а акула продолжала существовать. Одна доисторическая эра сменяла другую, возникли амфибии, ре-

птилии, птицы и млекопитающие — акула продолжала существовать. Птеродактили — крылатые рептилии, в течение миллионов лет бороздившие небеса, исчезли с лица Земли. Динозавры — трицератопсы, бронтозавры, аллозавры и множество других «завров», важно шествовавших по нашей планете, — вымерли, не оставив следа. А акула продолжала существовать¹.

В огромном спектре жизни каждое живое существо — от простейших одноклеточных организмов до высших позвоночных — имеет свое определенное место. Начинается спектр первым слабым огоньком жизни, который еле мерцает в пустоте, — просто небольшое скопление белка. Затем, почти незаметно, он зажигается в ультрафильтрующих вирусах, бактериях, простейших одноклеточных организмах, затем в многоклеточных губках, медузах и кораллах. Разгорается сильнее в морских звездах и червях. Вот, все ярче и ярче, огонек этот виден в улитках, моллюсках и каракатицах. Затем свет заливает паука, скорпиона, краба и насекомых. И наконец, яркая вспышка — венец спектра жизни — позвоночные животные: рыбы, амфибии, рептилии, птицы и млекопитающие. И тут, среди множества видов современного животного царства, мы находим два, стоящие на противоположных полюсах. Один из них — человек, последним появившийся на Земле, другой — акула, которая существует уже около 500 мил-

¹ Неправильное представление о неизменности акул, якобы не тронутых эволюционным процессом, к сожалению, бытует даже в научных кругах. Акулы появились около 350 миллионов лет назад. Многие крупные группы акул вымерли уже через 150 и даже 100 миллионов лет после своего возникновения; к таким группам относятся кладоселахии, ктенаканты и ксенаканты. Одни группы сменялись другими совершенно аналогично тому, как это было, например, у рептилий, а ныне существующие акулы возникли 60 или максимум 150 миллионов лет назад.

лионов лет, в некоторых случаях почти не изменившись¹.

Первые следы акул мы находим в девонском периоде (палеозойская эра, 320 — 265 миллионов лет назад). Эти предки современных акул обладали уже высокой организацией, и их прародители, несомненно, появились еще раньше — в силурийский период; в некоторых отложениях того периода найдены следы, свидетельствующие о существовании в то время акулopodobных рыб. Поскольку единственным надежным ключом к разгадке доисторической жизни являются ископаемые, вопрос о происхождении и времени появления акулы до сих пор вопрос спорный. Ведь и сами ископаемые — лишь отдельные разрозненные части гигантской головоломки, которая вряд ли будет когда-нибудь полностью решена. Сэр Артур Смит Вудворд, один из крупнейших ученых-палеонтологов, писал в 1898 году о тех трудностях, с которыми мы сталкиваемся при изучении вымерших организмов. С тех пор было сделано много открытий в области палеонтологии, но слова его до сих пор остаются в силе.

«Можно без преувеличения сказать,— писал он,— что все, что мы узнали об ископаемых животных и растениях, зависело от целого ряда случайных обстоятельств... Чтобы сохраниться, организм прежде всего должен попасть в такой водоем, где существуют минеральные породы, которые дают осадки, причем не быть съеденным своими врагами; или же он должен в результате обвала или извержения случайно оказаться замурованным в песке или вулканическом пепле. ...И наконец, человек должен начать земляные работы именно в том месте,

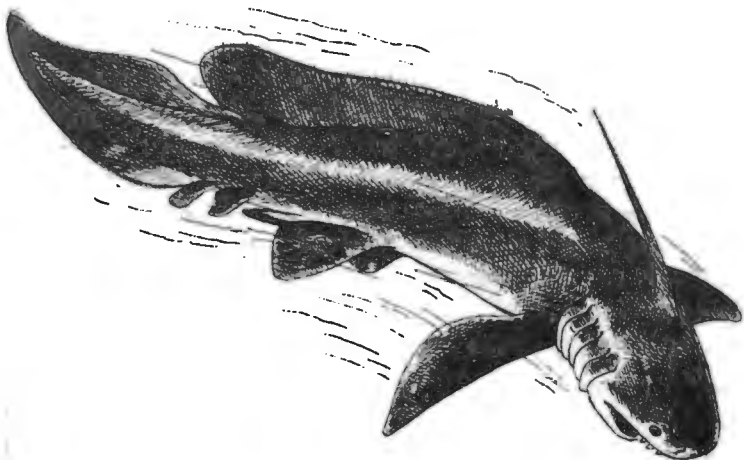
¹ Около 350 миллионов лет. О неизменности акул см. примечание к с. 244.

где погребены эти вымершие организмы, и поблизости должен быть хоть кто-нибудь, кто сумеет понять, что это ископаемые, а не просто камни или осколки камней, и сохранит их в неповрежденном виде для дальнейшего изучения»¹.

Самые первые следы акул мы находим в богатых морскими ископаемыми известняковых залежах в Огайо (США), известных палеонтологам как американские среднедевонские отложения. В этих отложениях было найдено несколько окаменелых зубов, получивших название «кладодус». Эти зубы, удивительно похожие на зубы некоторых видов современных акул, отличаются поразительной остротой. Другое богатое окаменелостями место — Кливлендские сланцевые холмы — сохранило для человечества самый интересный рассказ о доисторической акуле. В сланцевых позднедевонских отложениях сохранился отпечаток не только всего тела акулы кладоселахии, но и ее мышц и даже почек. Благодаря этим смутным отпечаткам, «возраст» которых более двухсот шестидесяти пяти миллионов лет, палеонтологи смогли реконструировать первобытную акулу, которая, видимо, была от сорока пяти до ста двадцати сантиметров длиной. Кладоселахия и другая первобытная акула — ктенакантус, как полагают ученые, очень близки к первым прародителям акул.

Пользуясь куда менее ясными данными, чем те, которые давал скелет кладоселахии, ученые реконструиро-

¹ Приведенная выдержка из сочинений А. С. Вудворда верна, но только в отношении крупных скелетов позвоночных животных, а также беспозвоночных, имеющих хрупкие скелеты (например, насекомых). Однако организмы, широко распространенные и оставляющие после себя различные остатки скелета (раковины микроорганизмов и моллюсков, панцири морских ежей, зубы акул и т. д.), встречаются почти повсеместно во многих геологических слоях, образованных за последние 300 миллионов лет и более, местами буквально переполняя пласты, в которых они заключены.

вали доисторическую акулу необыкновенных размеров. В девонских отложениях и в солях, относящихся к следующему геологическому периоду — каменноугольному (265 — 210 миллионов лет назад), были найдены так называемые ихтиодорулиты. Это похожие на стрелы острые колючки, или плавниковые шипы, встречающиеся в спинных плавниках различных рыб. Найденные ископаемые колючки ближе всего к плавниковым шипам, которые мы находим у некоторых современных акул, таких, например, как колючая акула (*Squalus acanthias*¹), одна из самых плодовитых акул наших морей. Современная колючая акула невелика, чуть больше метра, и ее

¹ Чтобы избежать путаницы в названиях различных растений и животных, которые часто именуются по-разному даже на одном языке, ученые используют для их обозначения латинские названия. Каждый вид имеет двойное название, из них первое обозначает принадлежность организма к тому или иному роду, т. е. группе близкородственных видов. Второе название указывает на принадлежность организма к конкретному виду.

плавниковые, или, как их иначе называют, спинные, шипы не превышают 5 сантиметров в длину. А некоторые ихтиодорулиты достигают в длину 90 сантиметров. И возможно, уколы их были ядовиты.

Скелеты акул почти не сохранились, поскольку у них нет настоящих костей. Акулий скелет состоит из хрящей, причем этот сравнительно мягкий хрящ легко растворим. Поэтому удивительные ихтиодорулиты, образованные из твердого дентина, чуть ли не единственное, что осталось нам от гигантских акулopodobных¹.

Кладоселахия вымерла в пермский период (210—185 миллионов лет назад), предоставив продолжать драму эволюционного развития гибодонту, непосредственному предку современной акулы. Типичный гибодонт в основных чертах своего строения походил на современную акулу. Интереснее всего у гибодонта были зубы; в передней части челюстей у него росли острые зубы, которыми он, видимо, хватал плывущую добычу, а в глубине — плоские и широкие, чтобы перемалывать раковины моллюсков. Эта способность переходить с одного вида пищи на другой — с рыбы на обитателей морского дна, — несомненно, способствовала тому, что к триасовому периоду (185 — 155 миллионов лет назад) гибодонт, судя по всему, остался единственной хрящевой рыбой.

В эту решающую для династии акул эпоху маленьких стойких гибодонтов в доисторических морях было сравнительно мало. Они сражались как с предками современных костистых рыб, так и со своими основными врагами или, по меньшей мере, соперниками — плотоядными рептилиями, похожими формой тела на рыб.

¹ Наиболее часто в ископаемом состоянии находят зубы селакхий, реже позвонки, ихтиодорулиты и остатки кожи. Обыкновенный хрящ акул — достаточно твердое образование. Поэтому далеко не редки находки даже полных скелетов вымерших акул.

Эти вооруженные острыми зубами рептилии — некоторые из них бывали до девяти метров длиной — бороздили моря в поисках той же добычи, что и гиבודонты. Но хотя моря кишели рептилиями, акулы устояли в борьбе с ними.

Постепенно гиבודонт уступил место новым видам акул, но один из его прямых потомков живет и здравствует и по сей день. Это — разнозубая акула (*Heterodontus portus-jacksoni*), до сих пор сохранившая то же строение пасти, что было у гиבודонтов. Даже по внешнему виду этой небольшой австралийской акулы с ее тупо срезанной головой и гибким телом заметно, что она принадлежит далекому прошлому¹.

Гиבודонты триасового периода были предтечами современных акул, которые эволюционировали в следующий геологический период — юрский. В этот же период на Земле появились летающие ящеры — птерозавры — и огромные пресмыкающиеся — динозавры, но они не сумели приспособиться к изменяющимся условиям, и в конце концов природа отказалась от них. Акула же — испытанная и проверенная биологическая форма — достигла, по всей видимости, к тому времени почти абсолютной адаптации². В течение юрского периода акулы бурно развивались, образовав множество семейств, в том числе и предков современных скатов. К концу миоцена (примерно 26 — 12 миллионов лет назад) акулы были в числе самых распространенных животных, населявших моря. Тогда можно было встретить все ныне вымершие семейства акул в полном их составе, начиная

¹ Здесь авторы допускают неточность. В эпоху процветания гиבודонтов гиבודонт был далеко не единственной акулой. Описано очень много родов, принадлежащих не только гиבודонтам, но и другим группам. Что касается разнозубых акул, то их родство с гиבודонтами некоторыми учеными в настоящее время оспаривается.

² См. примечание к с. 244.

от предков обыкновенной колючей акулы до колоссальных прародителей большой белой.

Ископаемые остатки этих доисторических акул сохранились до наших дней. Они лежат в иле на морском дне, они похоронены в земле, там, где некогда были моря и где теперь сеют хлеб и строят города. Сотни акульих зубов были найдены в Америке на равнинах Канзаса, в Вайоминге, Нью-Мексико, Айдахо, Нью-Джерси, в Южной Каролине, в штате Нью-Йорк и Мэриленде. На хлопковых плантациях в Алабаме акулы зубы были найдены вместе с окаменелыми костями зеутлодона — доисторического кита, который достигал двадцати метров в длину и, возможно, являлся добычей акул.

Возле одной из ферм в Парк-Каунти в Индиане в земле было обнаружено целое панно из окаменелостей, которое рассказывает нам о далекой эпохе, когда Индиана омывалась морем. Палеонтологам чикагского Музея естественной истории удалось соединить разрозненные части картины. Все началось с того, что необычно высокий прилив загнал нескольких акул в неглубокий водоем с соленой водой, отделенный от моря песчаной грядой. Когда начался отлив, акулы оказались в ловушке. Они были слишком велики, чтобы перебраться через отмель. Мелкая рыба свободно могла приходить туда из моря, и ею-то и питались акулы.

Акулы эти принадлежали к различным видам. Во всяком случае, одна из них, более крупная, чем другие, несомненно, была грозным хищником: челюсти ее, вооруженные острыми зубами, достигали сорока двух сантиметров в длину. Пока вокруг было достаточно рыбы, большая акула не мешала своим более мелким собратьям с тупыми, «дробящими» зубами поедать ракообразных и моллюсков. Однако настал день, когда большая акула принялась охотиться на маленьких акул. Она так жадно

на них накидывалась, что часто отхватывала от своей жертвы только один кусок и кидалась на следующую.

Всю эту историю можно прочесть в залежи окаменелостей, где сохранилось множество разрозненных черепов и хвостовых плавников акул. Обычно такие лакомые кусочки быстро уничтожаются животными, питающимися падалью, и бактериями, и случись так, рассказ о попавших в ловушку акулах был бы стерт со скрижалей палеонтологии. Но, к счастью для палеонтологов, там не было животных, пожирающих падаль, а тина, взбаламученная, возможно, землетрясением, одела все, что попало на дно, защитным покровом, не позволившим проникнуть туда бактериям и сохранившим остатки в течение многих миллионов лет.

Другая драма, также происшедшая миллионы лет назад, была раскрыта в 1853 году, когда впервые нашли несколько акульих зубов в потрескавшейся от зноя Калифорнийской горе, более чем в ста шестидесяти километрах от моря. С тех пор в породах этой горы и гор, окружающих ее, были найдены тысячи акульих зубов. Это место, в одиннадцати километрах от Бейкерсфилд, Калифорния, получило название Шарк-Хилл — Акуляя гора.

Около двадцати миллионов лет назад место это было дном моря — палеонтологи называют его морем Темблор. Там, где находится сейчас Шарк-Хилл, глубина моря не превышала шестидесяти метров, и тысячи окаменелостей, найденных там, показывают, что оно было густо населено. В море водились киты, дельфины, морские коровы, моржи и тюлени. В воздухе и на поверхности воды было множество морских птиц, напоминающих некоторых современных птиц, таких, как олуша, качурка, альбатрос и гуси. И по этим богатым охотничьим угодьям рыскали огромные хвостоколы, весом за 100 кило-

граммов, и более 25 видов различных акул, в том числе акулы, достигавшие 36 метров в длину.

Длина этих чудовищных акул была определена при помощи их огромных зубов. Некоторые из зубов, найденных в Шарк-Хилл, весят 340 граммов каждый и достигают 15 сантиметров в длину, а семи- и десятисантиметровые зубы там вполне обычное явление. Они треугольной формы и ближе всего к зубам современной большой белой акулы, которые не превышают теперь 1,5 — 2,5 сантиметров при длине тела акулы в 9 метров (максимальная длина)¹.

Большие треугольные зубы вроде тех, что были найдены в Шарк-Хилл, обнаруживали главным образом по берегам морей и в других местах, таких, как Нью-Йорк, Венеция, Флорида, западное побережье Чесапикского залива, а также в Вест-Индии и Новой Зеландии.

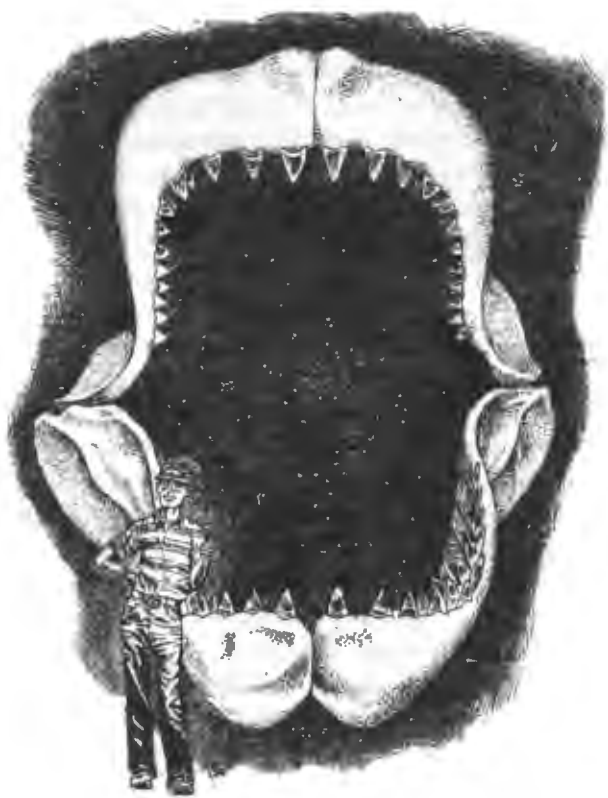
Зубы эти принадлежали предку современной большой белой акулы кархародону, в огромных количествах водившемуся в морях миоцена².

Когда они впервые были найдены в XVII веке, ученые-натуралисты полагали, что это ископаемые птичьи языки или зубы змей. Они не могли представить себе, что это зубы акулы, и приписывали их мифическим животным.

Даже сейчас нам трудно вообразить эту гигантскую акулу. В Американском музее естественной истории была построена модель пасти кархародона в соответствии с

¹ Максимальные размеры большой белой — 12 метров; размеры ее зубов также могут превышать 3 — 4 сантиметра.

² В 1960 году бельгийский ученый Э. Казье доказал, что гигантские зубы из миоцена только внешне похожи на зубы большой белой (род кархародон). В 1964 году по миоценовым зубам был выделен особый род мегалоселакс, который состоит в сравнительно дальнем родстве с большой белой. Зубы акул рода мегалоселакс широко распространены в миоценовых и плиоценовых отложениях всего земного шара, включая и территорию бывшего СССР.

размером найденных зубов. Эта пасть, внутри которой может во весь рост стоять человек, вытянув руки в стороны, соответствует акуле не меньше чем в двадцать пять метров длиной. А это всего лишь средний по размеру представитель данного вида. Его зубы не могли равняться с чудовищными зубами кархародона, найденными в Шарк-Хилл.

Кархародон — самая большая рыба, остатки которой найдены человеком, и, хотя он считается вымер-

шим, твердой уверенности в этом быть не может. В начале нашего века во время дноуглубительных работ со дна Тихого океана были подняты зубы кархародона в десять сантиметров длиной. Они куда больше походили на «свежие» зубы, чем на окаменелости. Тот факт, что машинам, углублявшим дно, удалось захватить их, указывает на то, что они не очень долго пролежали на морском дне; в противном случае они покрылись бы толстым слоем ила и их не удалось бы обнаружить¹.

Можно предположить, что некоторые из считающихся вымершими акул продолжают существовать и поныне. В конце XIX столетия у берегов Японии была поймана акула неизвестного вида. Она была немного более метра длиной, с длинным рылом, похожим на нож для разрезания бумаги. Акула была абсолютной загадкой. Оpoznать ее помогли зубы. Зубы эти — острые, с шиловидными коронками — были в точности такими, как ископаемые зубы, найденные в слоях с окаменелостями в Европе, Северной и Южной Америке, Азии, Африке и Новой Зеландии. Считалось, что акула, которой принадлежали эти зубы, вымерла около 100 миллионов лет тому назад. И вот ее нашли живой.

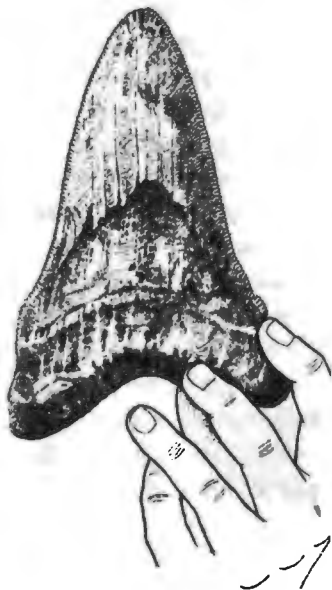
Ей дали имя ее ископаемого предка — скапаноринхус. Но внешний вид акулы — ее странные зубы и безобразное рыло — приводил на память экзотических животных или домового из детских сказок, и среди рыбаков она зовется акула-носорог или акула-домовой.

¹ Зубы различных акул на дне Тихого, Индийского и Атлантического океанов находили неоднократно зарубежные и советские экспедиции. Особенно богатые «уловы» были сделаны с помощью тралов и дночерпателей советским исследовательским судном «Витязь». Собранные материалы позволили сделать вывод о том, что на поверхности дна океанов встречаются зубы не только современных акул, но даже и вымерших: миоценовых и плиоценовых видов. Поверхностное расположение зубов, очевидно, объясняется тем, что накопление осадков происходит неравномерно на различных участках дна океана.

Между прочим, акула эта не так давно подтвердила, что ее не зря прозвали домовым. В телеграфном кабеле, лежащем на дне Индийского океана на глубине 1400 метров, оказался разрыв. Когда кабель подняли на поверхность, выяснилось, что он поврежден рыбой, оставившей в нем свой зуб. Это был зуб акулы-домового¹.

В наших морях плавают и другие акулы, которых можно назвать живыми ископаемыми. Эти акулы, почти совсем не изменившиеся с юрского периода до атомного века, принадлежат к семейству гребнезубых акул, гексанхид, самыми известными представителями которых являются шестижаберная и семижаберная акулы. (У всех других «современных» акул, кроме плиотремы, одной из разновидностей пилоноса, пять жаберных щелей.)

Независимо от того, плавает ли акула сейчас в морях и океанах или навеки замурована вместе с другими

¹ При описании акулы-носорога авторы допускают несколько ошибок. Эта акула была впервые описана известным ихтиологом Д. С. Джорденом под названием митцукурина. Позднее некоторые ихтиологи на основании лишь отдаленного сходства зубов митцукурины, а главное, особенностей строения ее тела и скелета отнесли митцукуру к вымершему около 60 миллионов лет назад роду скапаноринхус (почти полные скелеты этого рода были найдены в Ливане). Однако объединение современного глубоководного рода митцукурина с обитавшим на мелководье и давно вымершим родом скапаноринхус представляется неправомерным, хотя близость этих родов не вызывает сомнения.

ископаемыми на дне доисторических морей, она поражает нас неизменностью своего строения и повадок, своей изумительной адаптацией к жестким требованиям, предъявляемым жизнью на планете Земля. Тысячи лет назад акула приспособилась к своей среде. За миллионы лет до того, как на Земле появился первый человек, акула основала династию, которая до сих пор царит в морях.

Какое же место занимают акулы в животном царстве?

Следующая схема позволит ответить на этот вопрос.

Тип: позвоночные.

Класс: хрящевые рыбы (т. е. имеющие хрящ вместо костей).

Подкласс: эласмобранхии.

Отряды: акулы, скаты.

В подкласс эласмобранхий входят два отряда: акулы и скаты — ближайшие родственники акул. Этот подкласс, включая сюда все виды акул, скатов и промежуточных форм, иногда также называют селажиями, и если мы примем это слово за неофициальное имя эласмобранхий, мы сможем обозначить им все входящие сюда виды¹.

Нам известно около 40 тысяч видов рыб, существующих в водах всего мира. Их можно разделить на три основных подразделения: круглоротые — утребобразные существа, такие, как миноги и миксины, бесчелюстные

¹ В классификации животных самой крупной единицей после царства (все животные объединяются в царство) принято считать тип, который в свою очередь подразделяется на подтипы и т. д. Систематические подразделения призваны объединить близкородственные группы животных, однако часто отнесение к ним тех или иных видов, родов и т. д. является спорным. Это объясняется тем, что ученые испытывают в отдельных случаях значительные затруднения при оценке истинного родства между некоторыми организмами. В частности, деление эласмобранхий на два отряда — акул и скатов — вызывает существенные возражения. Позвоночных животных следует рассматривать не в качестве самостоятельного типа, а как подтип типа хордовых.

бескостные и настолько примитивные по своей организации, что специалисты до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, можно ли их вообще причислять к рыбам; костистые рыбы, обладающие костным скелетом; селахийи.

Подавляющее большинство рыб принадлежит к костистым рыбам. Однако нам известно 250, а некоторые ученые даже считают, что 350 видов акул. После каждой крупной океанографической экспедиции к уже известному списку прибавляются новые названия. Существует от 300 до 340 видов скатов, и, несомненно, еще большее количество будет в свое время открыто и найдет свое место в общей классификации. Как ни многочисленны виды селахий, они не могут по своему разнообразию равняться с костистыми рыбами. Поскольку костистые рыбы превосходят селахий своим количеством и обладают, как и человек, костным скелетом, их часто называют «высшие рыбы» или «истинные рыбы». Некоторые ихтиологи вообще не включают селахий в число настоящих рыб. Но основная масса зоологов все же считает акулу рыбой.

Кем бы мы ее ни считали, в море она себя чувствует превосходно. В подводном мире, где каждое живое существо одновременно и добыча, и хищник, мало кто регулярно охотится на акулу... кроме других акул. Правда, некоторые из обитателей моря, например кит, изредка меч-рыба, могут дать акуле достойный отпор, но, как правило, акула, подобно человеку, оказывается жертвой лишь себе подобных.

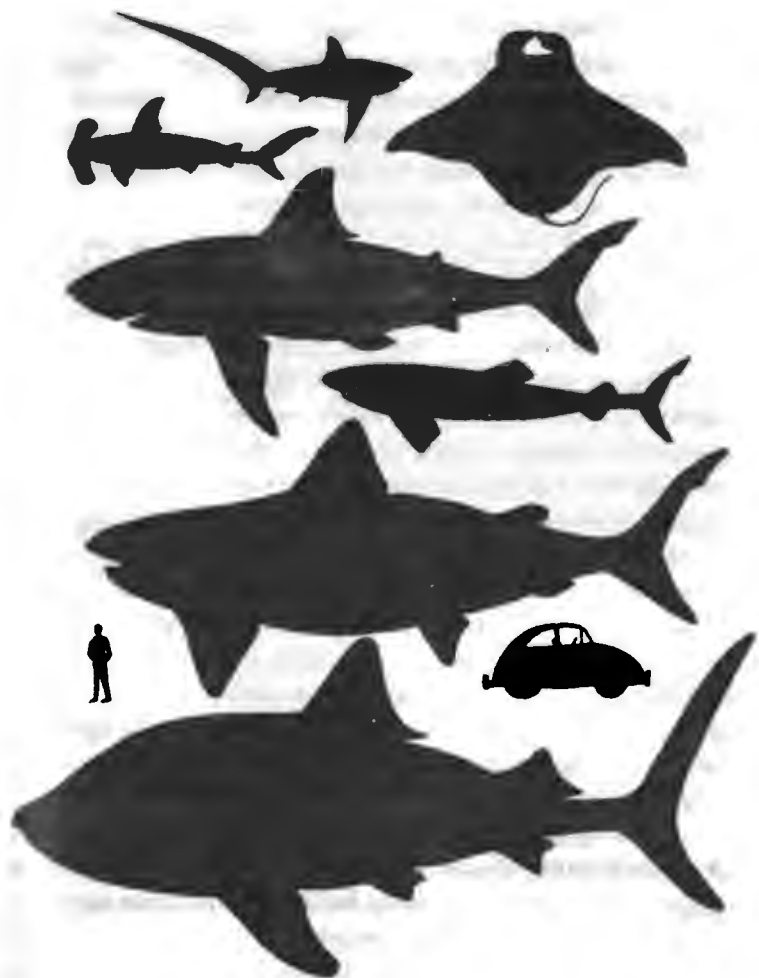
Основное различие между костистыми рыбами и селахиями кроется в строении их скелета. У акул нет настоящих костей, только хрящи, у костистых рыб скелет состоит из настоящих костей. Между ними существует

еще целый ряд крупных различий, но детально разбирать их не входит в компетенцию этой книги.

Пищеварительная система селахий очень примитивна; в мясе их содержится мочеви́на, которая придает ему весьма неприятный запах и служит причиной того, что акулье мясо портится быстрее, чем мясо костистых рыб. Грудные плавники почти не способны делать плавательные движения; к дыхательным органам, помимо жаберных щелей, относятся так называемые брызгальца по бокам или сверху головы. Тело большинства акул по форме напоминает тело истинных рыб, хотя некоторые из них принимают куда более причудливые формы (например, акула-молот). Но ведь акулы — это только половина селахий. Обозначенная коротеньким словом «скаты», перед нами проходит удивительная процессия «расплющенных» акул. Вместе с пограничными формами, которые связывают их с остальными членами акульей семьи, они не меньше поражают наше воображение, чем сами акулы.

Акулы очень разнообразны по размерам. Самая большая рыба (ведь кит — млекопитающее), бороздящая моря, — это китовая акула (*Rhincodon typus*). Средние размеры китовой акулы — 14 метров в длину, средний вес — 13 тонн. Из вполне достоверных источников мы знаем о китовых акулах длиной в 18 метров и более. С другой стороны, есть акулы, не превышающие во взрослом состоянии 45 сантиметров. Один вид — карликовая светящаяся акула (*Squaliolus laticaudus*), которая встречается в наиболее глубоких частях Тихого океана, — достигает всего 7,5 сантиметра в длину¹, хотя во всем остальном это типичная акула.

¹ Размеры явно занижены.

Между огромной китовой акулой и крошечной карликовой светящейся акулой стоит множество акул, репутация которых основывается не столько на их размерах, сколько на подвижности и боевых подвигах. Справедливо или нет, это другой вопрос, но слава таких акул обычно бывает весьма печальной, и люди, будь то моряки, рыбаки или те, кто никогда не видел моря, единодушно считают, что лучшая акула — это мертвая акула.

Однако убить акулу нелегко. Доктора Никольс и Марфи, о которых мы упоминали в главе 1, рассказывают о том, как на их глазах пытались уничтожить акулу: «Ее подцепили на крючок, всадили ей в голову заряд свинца из магазинной винтовки, метнули в нее гарпун, затем вытащили из воды на палубу и выпустили ей кишки, но еще долгое время после этого она казалась полной жизни — била хвостом, открывала и закрывала глаза...»

«Мертвая» акула часто ведет себя совсем как живая. Один рыбак, например, лишился руки, которую откусила выпотрошенная акула. Морской офицер презрительно пнул ногой мертвую, судя по всему, акулу, лежавшую на палубе, — она тут же пробудилась к жизни и содрала ему с ноги все мясо. Живучесть акул просто неправдоподобна. Известен случай, когда рыбак поймал акулу, распорол ей брюхо, выпустил кишки и кинул ее обратно в море. Когда затем он снова забросил крючок с насаженными в качестве приманки внутренностями акулы, он поймал на него... ту же самую акулу! Один рыболов-спортсмен рассказывает, как он однажды поймал акулу, извлек из нее печень и кинул акулу за борт, как пададь. Но акула спокойно поплыла прочь, словно с ней не произошло ничего плохого.

Рассказы о борьбе акул со смертью и их нечувствительности к боли можно приводить без конца. Но когда мы видим, как обезглавленная, выпотрошенная акула бьется в предсмертных конвульсиях, не совсем верно будет сказать, что она борется со смертью. Просто ее примитивное по своему устройству тело передергивает рефлекторная судорога. Скорее уж смерть борется с ней, потому что уничтожить такую упорную жизненную форму очень нелегко.

Все указывает на то, что боль — в том смысле, как мы ее понимаем, — не существует для селахий и вообще для рыб, а если и существует, то у них очень высокий болевой порог. У человека ощущение боли возникает в определенных нервных рецепторах, которые передают болевые импульсы высокоразвитым нервным центрам в мозгу. По-видимому, чем ниже стоит живой организм на лестнице эволюции — а селахии находятся на одной из нижних ступеней, — тем менее он подвержен чувству боли.

То упорство, с которым акула держится за жизнь, проявляется с момента ее рождения, то есть с того момента, как она исторгается из чрева матери или «выклевывается» из покрытого роговой «скорлупой» яйца. Только что родившийся детеныш является миниатюрной копией взрослой акулы; он так же ненасытен, так же неутомим, так же все время находится в движении. Известны случаи, когда на приманку набрасывались акулята, которым было всего одни сутки от роду. Двое из авторов этой книги видели, как родившиеся на борту лодки детеныши пойманной на крючок акулы прыгали по палубе, проскальзывали в шпигаты или перескакивали через планшир, чтобы оказаться в родной стихии, с которой их разлучит только смерть.

Акулы находятся в движении с первого до последнего дня своей жизни и отдыхают только на дне, так как отсутствие плавательного пузыря лишает их той плавучести, которой обладают костистые рыбы. Отсутствие плавательного (или, как его иначе называют, воздушно-го) пузыря не позволяет акуле неподвижно «висеть» на любой глубине. Тело ее плотнее, чем вытесненная им вода, и держаться на плаву акула может, только безостановочно двигаясь. Акуле все время надо прилагать усилия к тому, чтобы не утонуть. Если она хоть на миг прекратит волнообразные движения своего мускулистого хвоста и, в меньшей степени, плавников, она не сможет преодолеть силу тяжести, которая неумолимо тянет ее вниз. В отличие от типичных костистых рыб, которые после смерти всплывают на поверхность моря, акула, когда ее тело больше не в состоянии двигаться, находит свой последний покой на дне.

Лишь один вид акул — песчаная акула (*Carcharias taurus*), как считают, нашла заменитель плавательного пузыря: она заглатывает воздух и держит его у себя в желудке в так называемом «воздушном кармане». Таким образом, желудок ее, как полагают, имеет и вторую функцию — функцию гидростатического органа, сходного с плавательным пузырем костистых рыб.

Акулы никогда не спят, во всяком случае в нашем понимании этого слова. Те из них, которые живут в прибрежных водах, реках и озерах, отдыхают, заплывая в подводные пещеры, расположенные на небольшой глубине, и лежа на дне или на выступах стен. Нырляльщики не раз подплывали к таким «спящим» акулам. Те из акул, кто всю жизнь проводит в открытом море, по-видимому, вообще не отдыхают, так как, если они перестанут двигаться, они опустятся на дно, часто на очень большую глубину. Другое дело, что некоторые акулы

всегда живут на больших глубинах. Как бы то ни было, «сон» любой акулы на любой глубине скорее просто физиологическая пауза в их деятельности.

Акула удивительно хорошо приспособилась к своей среде. Она достигла этой гармонии с морем миллионы лет назад, и, насколько можно судить, именно потому, что ее адаптация уже в доисторические времена была столь совершенна, она почти не изменилась до настоящего времени в своих основных чертах, хотя различия между отдельными видами стали гораздо резче¹.

Жесткая кожа, покрытая рядами плакоидных чешуй, три больших мускула, тянущихся по бокам чуть ли не во всю длину тела, прочный упругий хрящевой скелет, огромная пасть — вот основные элементы, из которых состоит акула. Добавьте к этому крошечный мозг² и нервную систему, идеально приспособленную к деятельности акулы в ее среде.

По внешнему виду акулу нельзя спутать ни с одной другой рыбой. В отличие от большинства костистых рыб, рот акулы изогнут и расположен в нижней части головы. Ее хвостовой плавник почти всегда асимметричен: его верхняя доля гораздо длиннее нижней. Ее плавники куда мягче, чем у костистых рыб, у которых их поддерживает целая сеть лучей и игл. Акулы не могут двигать своими боковыми плавниками, как это делают истинные рыбы. Само расположение плавников у акулы является типичным только для нее. Ее грудные плавники обычно больше, чем у костистых рыб. Брюшной плавник снабжен у самцов придатками, которые назы-

¹ См. примечание к с. 244..

² Мозг слабо развит только у наиболее примитивных акул. У процветающих в настоящее время групп, к которым принадлежат наиболее опасные виды, головной мозг по величине и сложности устройства мало уступает мозгу даже некоторых пресмыкающихся, и организован он намного выше, чем у подавляющего числа рыб и амфибий.

ваются птеригоподиями и являются копулятивными, или половыми, органами. Позади брюшных плавников, между анальным отверстием и хвостом, находится подхвостовой, или анальный, плавник. Стебель хвоста смотрит вверх и заканчивается хвостовым плавником, состоящим из двух долей, на верхней из которых иногда бывает вырез неизвестного нам назначения¹. А на спине большинства акул, резко выступая вперед, чернеет уже знакомый нам спинной плавник — этот стяг, предупреждающий, если его вовремя увидеть, о приближении коварного врага. Скелет акул состоит из хрящей, но у некоторых видов в хрящах откладывается так много кальция, что они становятся почти такими же жесткими, как кости. Однако настоящих костей у акул не было и нет. Но отсутствие костей не означает отсутствия скелета. Структура скелета у них такая же, как и у всех рыб, во всяком случае на первый взгляд. Правда, и здесь проявляется тенденция акул сохранить максимальную простоту своей организации. Не вдаваясь в анатомические детали, следует все же сказать, что костный череп костистых рыб куда сложнее, чем хрящевой череп сельхий.

Кожа акулы, так же как кожа человека и других позвоночных, состоит из эпидермиса — наружного слоя клеток, которые все время изнашиваются и заменяются новыми, и дермы — внутреннего слоя более сложно организованных клеток, среди которых находятся и пигментные клетки, определяющие окраску кожи. Кожа всякой рыбы покрыта чешуей. Как правило, чешуя эта бывает двух типов: циклоидная чешуя, которую мы видим у такой рыбы, как, например, карп и сельдь, и кте-

¹ Хвостовой плавник у разных акул имеет весьма различную форму. Вырез на верхней лопасти хвостового плавника имеет исключительно гидродинамическое значение.

ноидная чешуя, отличающаяся от циклоидной тем, что на свободном конце каждой чешуйки находится крошечный, похожий на шип вырост (такая чешуя, например, у окуней). У акул мы находим чешую третьего типа — плакоидную. Плакоидные чешуи — это не что иное, как кожные зубы, сидящие в коже акулы¹.

Из всех странностей, которыми так богата акула, эту, пожалуй, труднее всего понять, возможно, как раз потому, что она так проста. Плакоидные чешуи на самом деле — настоящие зубы². Каждое такое дентиновое образование обладает двумя признаками зуба: поверхность его покрыта эмалью, а в середине имеется пульпарный канал, куда входит нерв и кровеносные сосуды. У некоторых видов акул эти кожные зубы видны невооруженным глазом, у других — они микроскопической величины. Но, независимо от их размера, это зубы. Именно благодаря им кожа большинства акул напоминает грубую наждачную бумагу и, как уже упоминалось, с давних времен употребляется столярами-краснодеревщиками для полировки самых твердых пород дерева.

Кожные зубы держатся в коже акулы так, как запонки держатся в петлях воротничка. Лежащее в эпидермисе кожи основание зуба больше, чем то отверстие, из которого выглядывает его конец. Направлены они все назад, что легко обнаружить, если провести рукой по коже акулы от хвоста к голове. У некоторых видов, таких, как акула-нянька (*Ginglymostoma cirratum*), плакоидные че-

¹ У циклоидных чешуй задний край гладкий, а у ктеноидных — зубчатый. Разнообразие чешуй рыб не ограничивается только этими типами.

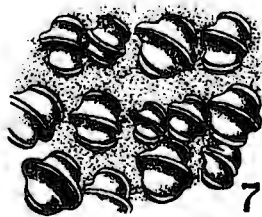
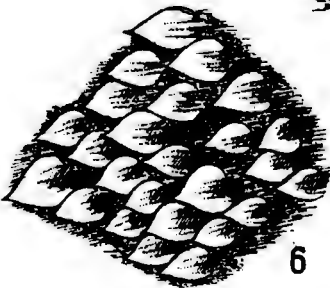
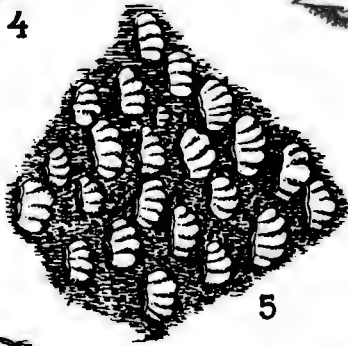
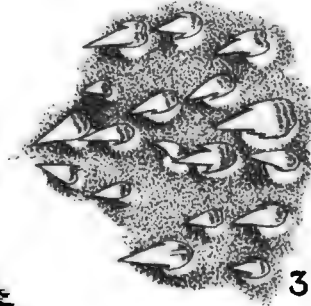
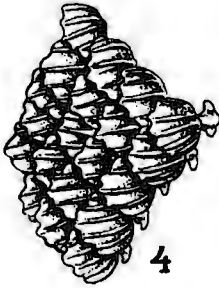
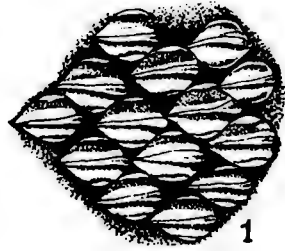
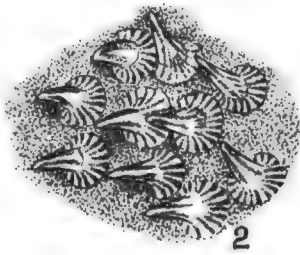
² Наоборот, первично зубы образуются из плакоидных чешуй, заворачивающихся вместе с несущей их кожей в пасть акулы. Здесь, приобретая новую функцию, они часто развиваются в резко отличные от плакоидных чешуй режущие, колющие и дробящие орудия — зубы. Однако в ряде случаев, например у некоторых скатов, зубы практически неотличимы от покрывающих тело чешуй.

шуи такие большие и растут так густо, что в акулу трудно всадить гарпун. У других видов чешуи расположены отдельными скоплениями. Разнообразие их форм столь же велико, как и разнообразие видов акул. Они бывают тупые, зазубренные, похожие на лопату, шипообразные, ромбоидальные и даже сердцевидные.

В результате процесса гипертрофии некоторые чешуи развивались независимо от всех прочих и приобрели сравнительно большие размеры, потеряв всякую видимую связь с мелкими чешуями. Плакоидные чешуи, или кожные зубы,— одна из многих характерных черт, которыми обладают акулы, скаты и организмы, являющиеся промежуточным звеном между ними.

В большинстве работ, посвященных акулам, эти остальные члены клана селахий настолько отделены от собственно акул, что можно подумать, будто связь между ними очень непрочна. Однако это не так. Все селахии находятся в очень близких родственных отношениях.

Это родство можно подтвердить, например, при помощи гипертрофированных плакоидных чешуй. Такие чешуи видоизменялись самым различным образом. Одним из видоизменений является плавниковый шип — колючка, которая торчит на спине таких видов акул, как колючая акула (*Squalus acanthias*) и разнозубая акула (*Heterodontus portus-jacksoni*). Плавниковый, или спинной, шип находится впереди спинного плавника (и очень сходен с ихтиодорулитами — доисторическими плавниковыми шипами, о которых уже шла речь). Другой модификацией плакоидных чешуй являются зубы, украшающие «пилу» пил-рыб (*Pristigaster*). У этих акул — длинное, узкое, плоское рыло, или ростр, напоминающее пилу, потому что вдоль обоих ее краев идут большие острые зубцы. Третьей разновидностью гипертрофированного кожного зуба является шип хвостоклов

(*Dasyatidae* и других семейств), оборонительное оружие, вызывающее к хвостокоту вполне заслуженное уважение как у человека, так и у рыб. Колючка колючей акулы, зубец, украшающий ростр пилы-рыбы, и шип хвостокотла — варианты все того же «зуба», плакодной чешуи, являющейся отличительным признаком селакхий.

Если рассмотреть зародыш колючей акулы, мы не увидим никакого различия между чешуями-зубами во рту и на всем теле. Однако, по мере развития зародыша, чешуи-зубы, покрывающие его челюсти, увеличиваются в размерах и постепенно превращаются в настоящие зубы. Зубы всех рыб, высших позвоночных и самого человека возникли в результате изменений, происшедших в дермальном слое кожи. Ничто не может служить лучшей иллюстрацией этого факта, чем превращение плакодной чешуи акулы в настоящий зуб.

Зубы акул и скатов расположены в их пасти ровными рядами, иногда по тысяче и более зубов в ряду. Разнообразие, которое вообще характеризует селакхий, проявляется и в форме их зубов. Тут и похожие на кинжал зубы песчаной акулы (*Garcharias taurus*), и тупые зубы большинства скатов, расположенные в мозаичном порядке. Треугольные зубы — самые распространенные по форме — также имеют множество вариантов. Одни зазубрены по краям, другие имеют боковые зубчики с двух сторон главного острия. Есть скаты, у которых зубы разнятся в зависимости от того, кто данная особь — самец или самка: у самок зубы тупые, у самцов — острые...

Некоторые акулы могут пустить в ход не менее пяти рядов зубов, устрашающие фаланги которых подчиняются приказу мышц. А позади каждого зуба, находящегося на действительной службе, имеется в резерве еще несколько зубов, лежащих в глубоких выемках. Как

только один из зубов изнашивается или теряется, на его место встает другой.

У некоторых из более крупных акул, таких, как тигровая акула (*Galeocerdo cuvieri*), — огромные мощные челюсти. В желудке одной тигровой акулы всего в три метра длиной был найден лошадиный череп. Акула смогла целиком проглотить голову лошади благодаря особому устройству челюстей и управляющих ими мышц. Ее верхняя и нижняя челюсти имеют сочленение по краям пасти. Сочленение управляется длинной эластичной мышцей, позволяющей акуле растягивать пасть. Обе челюсти, верхняя и нижняя, закреплены посередине так, что в случае нужды нижняя опускается, образуя треугольник углом вниз, а верхняя поднимается, образуя треугольник углом вверх. При помощи этого устройства акула без труда может проглотить взрослого человека, даже если объем его талии равен ста сантиметрам, или перекусить его пополам. Такие случаи бывали...

Если глядеть на черепную коробку акулы сверху, она напоминает песочные часы, верхняя часть которых больше, чем нижняя. В ней содержится основная масса мозга акулы — обонятельные доли и ведающий обонянием передний мозг. Из-за сравнительно большого размера этой части мозг акулы прозвали «обонятельным мозгом».

Любопытно, что полушария головного мозга человека развились как раз из примитивных обонятельных долей — первоначально основных источников информации наших прародителей.

Благодаря «обонятельному мозгу» акулы обладают поразительной способностью распознавать запах пищи. Доктор Джильберт Перси Уитли из Австралии, всю жизнь посвятивший изучению акул, говорит, что акулы

будут неотступно следовать за пловцами, если те поцарапают ноги, идя по мелководью. Видимо, акулы чуют кровь даже в таких небольших количествах. «Я также обнаружил,— писал Уитли,— что стоит на воде разбиться яйцу морской птицы, как там немедленно оказываются акулы, что указывает на их необычайно тонкий нюх».

Опыты показали, что самцы определенных видов бабочек могут найти самку по запаху на расстоянии трех километров. Наблюдения над рыбами, в частности над акулами, говорят, что их способность чувствовать запахи ничуть не меньше, просто нам почти ничего не известно о распространении запахов в воде, и, как заметил зоолог А. Д. Хэзлер, «мы имеем здесь дело с настолько тонко развитым чувством обоняния, что за ним не могут угнаться наиболее чувствительные и точные приборы, при помощи которых в наше время проводится химический анализ».

Все животные, в том числе и человек, и селахии, нуждаются в посредстве жидкой среды для того, чтобы воспринять запах. У сухопутных животных мельчайшие частицы пахучего вещества, пройдя по воздуху, достигают слизистой оболочки ноздрей. Там, в жидкости, выделяемой слизистой оболочкой, они улавливаются обонятельными нервами, которые передают сигнал дальше, в мозг, который уже объясняет, что это за запах. У селахий частицы пахучего вещества, пройдя по воде, достигают обонятельных ямок, или, иначе, ноздрей, расположенных в нижней части рыла. Они не используются для дыхания и имеют только одно-единственное назначение: улавливать запах. Обонятельные ямки выстланы изнутри чувствительной оболочкой, которая собрана в складки. Наружный слой ткани состоит из улавливающих запах клеток. Во время движения акулы или ската обонятельные клетки омываются водой. Поскольку дви-

жуются селахии практически постоянно, то так же постоянен приток обонятельной информации, которая тут же передается в «обонятельный мозг».

Если заткнуть ноздри акулы так, что чувствительная оболочка перестанет омываться водой, акула проплывет мимо пищи, не заметив ее, хотя бы пища была прямо перед ее глазами. Если обонятельные клетки свободно получают сигналы, акула сделает стойку над пищей даже в том случае, если пища спрятана от нее.

Иногда можно видеть акулу, которая на первый взгляд бесцельно рыщет в воде, двигаясь неровными зигзагами. Скорее всего, она идет по следу, меняя курс в зависимости от того, правая или левая ноздря улавливает более сильный запах пищи. Доктор Джордж Паркер из Гарвардского университета подтвердил это предположение следующим опытом: акуле, находившейся в резервуаре, затыкали попеременно сначала одну, затем другую ноздрю. Когда была заткнута левая ноздря, акула плавала по часовой стрелке, полагаясь на сигналы, поступающие в мозг от правой ноздри; когда из строя была выведена правая, она плавала против часовой стрелки.

Селахии смотрят на свой подводный мир глазами, взгляд которых человек не называет иначе как злобещим. Глаза одних акул неподвижны, другие «мигают» при помощи мигательной перепонки, которая не опускается, как обычные веки, а поднимается вверх. У некоторых глубоководных видов, например у скатов, над глазами имеется складка кожи, которая служит навесом, защищающим глаза от идущего сверху света.

Величина глаз акул может быть самой разной: от огромных глаз некоторых глубоководных видов до сравнительно маленьких глаз большой белой акулы. У многих ночных акул глаза находятся в рудиментарном со-

стоянии, а электрические скаты, во всяком случае один их род (*Typhlonarke*), вообще слепы. Некоторых южноафриканских акул (*Haploblepharus edwardsi* и *Holohalaelurus regani*), которых ловят по большей части ночью, туземцы называют скаамоонг — «стыдливый глаз», потому что, как только их вытаскивают из воды, они изгибаются и прячут голову под хвостом, словно хотят защитить глаза от слишком яркого света.

В течение многих лет существовала теория, будто у акул очень слабое зрение. Но опыты, поставленные в последние годы доктором Перри В. Джильбертом, председателем КИА, показали, что зрение играет немалую роль при поисках акулой добычи. Джильберт полагает, что роль глаз возрастает по мере приближения акулы к добыче, выслеженной при помощи обонятельных органов. Примерно в тридцати метрах от добычи акула руководствуется уже одним только зрением. (Расстояние это может меняться в зависимости от прозрачности воды.)

Опыт, позволивший сделать подобное заключение, состоял в том, что акулу попеременно лишали возможности пользоваться зрением и обонянием и смотрели, к каким это приводит результатам. Когда акул лишали возможности пользоваться обоими органами чувств одновременно, затыкая им ноздри и надевая заслонки на глаза, движения акул становились неуверенными, они натывались на стенки океанариума, наносили себе увечья и обычно дней через пять умирали.

Аристотель — первый, кто наблюдал рыб, — утверждал, что рыбы слышат, «так как они уплывают прочь от громкого шума, вроде шума весел галеры». В течение многих лет ихтиологи вовсе не были уверены так же твердо, как Аристотель, в том, что рыбы обладают слухом, но открытия последних лет с несомненностью до-

казывают, что рыбы не только слышат, но и различают высоту звуков. Однако о том, слышат ли и как слышат акулы, нам почти ничего не известно. В том, что селахии могут слышать, во всяком случае могут улавливать вибрации, которые человеком воспринимаются как звук, нет ни малейшего сомнения. Селахии реагируют, например, на колебания, вызванные винтом парохода в открытом море или звонком, помещенным в воду океанариума в лабораторных условиях. И у них есть уши — внутри черепной коробки.

Вопрос о том, как акулы обнаруживают добычу, уже давно интересовал и рыбаков, и морских экологов. Несомненно, сверхчувствительная обонятельная система акулы может зафиксировать присутствие в воде ничтожно малых количеств крови, когда течение несет ее в сторону акулы; ну а как объяснить, что акула обнаруживает добычу и в том случае, когда течение уносит запах крови в сторону, противоположную от нее?

Тут уж акуле не поможет самое тонкое обоняние. Не поможет ей и зрение, если добыча находится позади какого-нибудь препятствия, например скалы, и не видна. Однако акула находит ее и в этом случае, чему не раз были свидетелями ныряльщики.

Тут может быть только одно объяснение: акула воспринимает звуковые колебания среды. И не только звуковые — она обнаруживает и реагирует на колебания низкой частоты, такие, например, которые может вызвать рыба, бьющаяся на крючке. Эти колебания нельзя обнаружить при помощи того, что мы зовем слухом.

Ныряльщики-аквалангисты, наблюдения которых дали ученым очень много ценного материала, рассказывают, что рыба не обязательно обращается в бегство, когда появляется акула. Почему ее иногда не волнует присутствие кровожадного хищника? Можно высказать

предположение, что рыба различает сытую и голодную акулу по характеру колебаний, которые она производит.

По всей видимости, низкочастотные колебания воспринимаются каким-то особым, шестым чувством, свойственным рыбам вообще и ярко выраженным у акул. Органом этого шестого чувства, скорее всего, является боковая линия — сплетение нервных каналов, которые идут вдоль всего тела акулы и разветвляются веером на ее голове и челюстях. От каждого такого канала перпендикулярно поверхности тела акулы идет вверх нечто вроде ствола шахты, оканчивающегося в коже большим отверстием — порой. Боковую линию можно сравнить с линией метрополитена, а стволы — с теми выходами, которые ведут на поверхность земли.

Важность боковой линии была подтверждена опытами. Акула, лишенная возможности пользоваться зрением и слухом, реагировала на колебания воды, вызванные, скажем, тем, что в воду бросили камень. Но когда перерезали нервы, идущие от боковой линии к мозгу, акула перестала реагировать на какие бы то ни было движения воды. Опыты показали также, что боковая линия как-то связана у акул с чувством равновесия.

Хотя функции боковой линии изучены еще далеко не полно, опыты подтверждают гипотезу, что она является органом «дистантного осязания», чем-то вроде приемника сигналов, который переводит приходящую изда- лека информацию на понятный мозгу акулы язык. Незначительное движение где-нибудь далеко от акулы вызывает слабые колебания воды, идущие со скоростью 1500 метров в секунду. Очень может быть, что боковая линия «ловит» эти сигналы и при помощи неизвестных нам пока процесса расшифровывает их то, скажем, при-

сто как плеск волн, то как движение потенциальной добычи.

Помимо боковой линии, большинство акул и скатов обладает еще одной любопытной «улавливающей» системой в виде ряда пор — иногда до нескольких сотен, — находящихся на голове. Каждая такая пора является наружным концом канала, внутренний конец которого состоит из пучка сенсорных (чувствительных) клеток, называемых «ампулы Лоренцини», в честь человека, впервые описавшего этот необычный орган чувств в 1678 году. Ампулами они названы из-за их формы. Каждая такая ампула наполнена студенистым веществом, которое реагирует, судя по всему, на изменение давления и температуры, а возможно, того и другого вместе.

Вооруженная обонянием, зрением, способностью воспринимать малейшие изменения давления и температуры и улавливать далекие и близкие колебательные сигналы, акула подобна вычислительной машине, настроенной на решение одной задачи: Жизнь — Пища. Неверно будет сказать, что акулы едят без передышки, причем едят все, что попадаетеся им на глаза. Аквалангисты видели, как акулы плавали среди косяка рыбы, словно не замечая ее. Но там, где пищи мало, мозг акулы, без сомнения, занят только одной задачей — раздобыть ее. Все акулы плотоядны независимо от того, что является их добычей — микроскопический планктон или гигантская морская черепаха. Гастрономические вкусы акул очень разносторонни. А их на редкость крепкий желудок может переварить абсолютно все, что акуле случится проглотить. Обильно выделяемые желудочные соки, одной из основных частей которых является соляная кислота, с такой быстротой растворяют питательные вещества, что не приходится удивляться тому, какой не-

утолимый голод всегда гложет акул. По мнению некоторых ученых, желудочные соки акул настолько сильны, что они растворяют лак, которым покрывают палубу, могут постепенно растворить даже металлические предметы, проглоченные акулами.

В соответствии со странным меню селахий находится и их не менее странный пищеварительный аппарат. У многих (если не у всех) видов желудок обладает способностью растягиваться и даже выворачиваться наизнанку, так что он выходит из пасти наружу. (Правда, мы наблюдали это только у мертвых акул, подвешенных за хвост вниз головой, и пока не можем с полной уверенностью сказать, способны ли акулы при жизни произвольно выворачивать свой желудок¹.)

Некоторые акулы, по-видимому, обладают способностью изрыгать то, что им не нужно, и в то же время в течение довольно длительного срока сохранять в своем чреве то, что может им пригодиться. В желудке тигровой акулы более четырех метров в длину, умершей в неволе, обнаружили двух прекрасно сохранившихся дельфинов, примерно по метру каждый. Акула эта, пойманная за месяц до того, получала в пищу только конину и все это время, если не больше, держала дельфинов у себя в желудке «про запас». У другой четырехметровой тигровой акулы, также пойманной в Австралии, желудок был набит прекрасно сохранившейся рыбой — 32 рыбыны до сорока сантиметров длиной.

Ответ на то, как акула умудряется переваривать подковы и одновременно устраивать у себя в желудке запасы дельфинов, мы получим, если рассмотрим пищеварительный тракт акулы, имеющий примитивное анато-

¹ Способность живых акул произвольно выворачивать свой желудок наружу — очевидная бессмыслица.

мическое строение. Он состоит из желудка и кишечника со спиральным клапаном. Этот пищеварительный тракт имеет форму латинской буквы Z. Пища попадает в рот, находящийся с левого конца верхней перекладки. С этого места и примерно до левого же конца нижней перекладки идет желудок, где не происходит почти никакого переваривания пищи. Вся эта часть, по-видимому, не что иное, как кладовая для пищевых запасов. И только когда пища попадает в нижнюю перекладку Z — кишечник, — по-настоящему начинается пищеварительный процесс.

У первобытных позвоночных функции пищеварительного тракта делились именно таким образом: в желудке пища только сортировалась, а в кишечнике расщеплялась на простые вещества, которые всасывались стенками кишечника и шли дальше во все клетки тела. В своих основных чертах система эта до сих пор сохранилась у акул. У высших позвоночных, включая человека, эта примитивная форма усложнилась, образовав кишечник, где, при минимуме занятой им площади, пища может войти в соприкосновение с максимумом площади стенок кишечника. Кишечник акулы представляет собой сигарообразную трубку, где единственное, что обеспечивает переваривание пищи, это спиральный клапан.

Больше всего спиральный клапан напоминает штопор. Пища идет вниз по спирали винтообразным движением, и благодаря этому ее соприкосновение со стенками кишки значительно увеличивается. Конечным результатом этого процесса являются закрученные спиралью испражнения. Миллионы лет назад доисторические акулы также роняли в море испражнения такой странной формы. Они превратились в окаменелости, которые палеонтологи называли копролитами; слово, бук-

важно означающее «фекалии, ставшие камнем» и применяемое ко всем окаменевшим испражнениям¹.

Доктор Юджини Кларк, многолетние исследования которой познакомили нас со многими новыми фактами, касающимися акул, доказала, что акулы поддаются дрессировке. До ее последних экспериментов мы почти ничего не знали о способности акул воспринимать дрессировку; общепринятым было мнение, что акулы стоят на слишком низком уровне для этого.

Доктор Кларк дрессировала самца и самку лимонной акулы (*Negaprion brevirostris*), которые пробыли в неволе около четырех месяцев.

Дрессировка началась с того, что акулам бросали пищу рядом с белым фанерным диском; если на диск нажимали, раздавался звонок. На третий день дрессировки пищу привязали к центру диска; для того чтобы ее получить, акулы должны были нажать рылом на диск. Когда они срывали пищу, приходил в действие звонок. Это продолжалось в течение шести недель, пока диск и звонок не стали ассоциироваться у них с приемом пищи.

В начале седьмой недели, в обычное время кормежки, в воду был спущен пустой диск. Акула должна была ткнуть носом в диск, чтобы зазвенел звонок, и затем найти пищу, которая находилась в другом месте. На это ей давалось десять секунд. Если акула не находила пищи, она оставалась голодной.

«Самец быстро научился надавливать диск, чтобы получить в награду пищу,— писала доктор Кларк в своем отчете.— А к концу седьмой недели обе лимонные

¹ Спирально закрученные копролиты широко распространены в различных отложениях, особенно мезозойской эры. В большинстве случаев трудно определить, кому они принадлежали, так как копролиты кистеперых рыб, химер, ихтиозавров и акул весьма сходны друг с другом.

акулы, и самец, и самка, уже выработали рефлекс: диск — звонок — пища».

В том же резервуаре находились также три акулы-няньки (*Ginglymostoma cirratum*). Они не добились таких же успехов, как лимонные акулы. Но и те, и другие научились... воровать. И при составлении сводки о результатах опытов пришлось принять во внимание фактор «кражи». «Кражей считался тот случай, когда одна акула нажимала на звонок, а другая хватала кинутую в воду пищу. Лимонные акулы «заработали» еду 731 раз и «своровали» ее друг у друга 108 раз. Акулы-няньки проявляли больше ловкости в воровстве. Они заработали пищу 106 раз и «украли» ее 118 раз, срывая ее с диска, не позвонив в звонок, или отнимая у других акул.

Когда наступила зима и вода стала холоднее, акулы потеряли всякий интерес к тренировке. Когда опять потеплело и в воду снова спустили диск, они проделали все, что от них требовалось, хотя с того времени, когда они в последний раз видели диск, прошло десять недель. Лимонные акулы ни разу не дрались между собой из-за пищи. Более того, было замечено то, что человек, непричастный к науке, назвал бы рыцарством «наоборот». Доктор Кларк написала по этому поводу следующее: «Мы не располагаем достаточным количеством данных, чтобы объяснить тот факт, что, пока самец не удовлетворит свой голод, самка не нажимает на диск».

Когда рыба плавает, вода проникает ей в пасть, и происходит дыхательный процесс, сходный с дыхательным процессом людей. Дыхание рыб в принципе ничем не отличается от дыхания прочих позвоночных: кровь поглощает кислород и выделяет углекислый газ. Мы извлекаем кислород из атмосферы, рыбы извлекают его из воздуха, находящегося в воде. Мы дышим легкими, ко-

стистые рыбы — жабрами, а селахии — жаберными щелями¹. В жаберных щелях находятся жаберные нити, густо пронизанные кровеносными сосудами.

Когда акула открывает рот, чтобы втянуть воду, щели закрываются. Вода омывает жаберные нити, углекислый газ выпускается из крови, а кислород, находящийся в воде, поглощается ею. Помимо жаберных щелей — обычно их бывает от пяти до семи пар, — акулы имеют еще один дыхательный орган — брызгалец. Считается, что функцией брызгалец, расположенных, как правило, над глазами акулы, является дополнительное насыщение кислородом кровеносных сосудов мозга и зрительного аппарата.

Когда содержащаяся в неволе акула становится апатичной — видимо, из-за недостатка кислорода, — ее берут в мелкий резервуар и «выгуливают» по нему. При такой прогулке вода вливается в рот и омывает жабры так же, как это происходит, когда акула плышет. Как только акула начинает оживать, служители благоразумно покидают резервуар.

Акулы зачинают своих детенышей в крепком объятии самца и самки. Самец обхватывает самку, и тела их переплетаются. Такой брачный союз крайне редок в море, где самки большинства рыб воспроизводят себе подобных даже не касаясь самца.

Аристотель видел, как акулы сплетаются в объятии, и с удивительной интуицией писал об их размножении и внутриутробном развитии молоди. Вторично факт копуляции (спаривания) акул был открыт лишь в XIX веке американским морским биологом Луи Агассисом².

¹ У костистых рыб жаберные щели прикрыты жаберной крышкой, и общий принцип способа дыхания у акул и костистых рыб одинаков.

² Луи Агассис — крупный швейцарский ученый, более известный как палеонтолог; долгое время работал в США.

В наше время ученые неоднократно наблюдали и описывали спаривание акул.

Вот описание копуляции акул-нянек (*Ginglymostoma cirratum*), данное доктором Гаджером из Американского музея естественной истории.

«Для спаривания акулы-няньки приходят на мелкие места, где их нетрудно увидеть. Внешним признаком начала периода спаривания является крайне обтрепанный вид грудных плавников самки. Это следствие того, что самец перед копуляцией хватается их зубами. Поскольку он меньше самки и пасть его вооружена более мелкими зубами, самка часто вырывается от него, но концы ее плавников при этом страдают.

Однако когда самцу удастся наконец крепко схватить ее за плавник, он опрокидывает ее на спину и вводит птеригоподии в боковые «карманы» ее клоаки».

Большинство костистых рыб размножаются иным путем: яйца и сперма извергаются в воду и там происходит оплодотворение.

У селахий оплодотворение происходит при непосредственном половом сношении. Самец осуществляет его при помощи птеригоподиев (миксоптеригий) — придатков, образовавшихся из брюшных плавников. Каждый самец имеет два птеригоподия, почему — до сих пор неизвестно. Существует теория, что в ход они пускаются только поочередно. Внутри птеригоподия находится семенной канал, из которого происходит извержение спермы.

У самки имеются два половых отверстия. Поочередно или одновременно, но во время спаривания используются оба отверстия. У некоторых видов процесс этот может длиться около двадцати минут.

Селахии вынашивают свою молодежь по-разному, в зависимости от вида акул. Одни из них яйцекладущие, они кладут яйца; другие — живородящие, они рожают

детенышей, выношенных в лоне матери; третьи — яйцезакладывающие, они откладывают яйца в собственном чреве, из них «выклеиваются» зародыши и затем уже появляются на свет.

У яйцекладущих акул оплодотворенные яйца проходят по двум яйцеводам к железе, продуцирующей оболочку, или капсулу, яйца вокруг полужидкой массы (схожей с белком куриного яйца).

Капсулы эти, различные по форме — овальные, грушевидные, спиральные — и по цвету — кремовые, желтые, черные, коричневые, — образуются из вещества, сходного с кератином, придающим крепость клешням, копытам и рогам животных. Внешняя поверхность капсулы гладкая или мелкоребристая. Некоторые капсулы имеют длинные усики — отростки, при помощи которых они прикрепляются к камням и другим предметам на дне моря.

Нам известна одна акула — пятнистая кошачья акула (*Chiloscyllium punctatum*), — которая прикрепляет свои яйца к водорослям, подвешивая их на шелковистых нитях, закрепленных на водорослях петлями. Говорят, что акула-мать скручивает петлю своим собственным ртом, но скорее, акула плавает вокруг предмета, к которому хочет прикрепить яйцо. Разнозубая акула (*Heterodontus portus-jacksoni*) кладет спиралевидные яйца, которые оказываются так крепко заклиненными в щелях скал или на дне, что единственный способ вытащить яйца — это «вывинтить» их, как мы вывинчиваем штопор из пробки¹.

¹ С удивительными яйцами селажий можно познакомиться даже в пределах Европейской части нашей страны. В начале лета на Черноморском побережье Кавказа и в Крыму, особенно в местах, где каменистые мелководья заросли водорослями, в береговых прибойных выбросах очень часто попадаются крупные, более 5 сантиметров в длину, черные рогатые подушкообразные чехлики яиц хвостоколов, из которых уже выпупились детеныши.

Большинство акул или живородящи, или яйцеживородящи, то есть в обоих случаях они рожают на свет живых детенышей. Развитие детеныша живородящей акулы, так же как у живородящих млекопитающих, происходит в утробе матери. Почти у всех млекопитающих зародыш и мать соединены пуповиной и плацентой. Между живородящей акулой и зародышем также существует связь, но ее нельзя назвать плацентарной в прямом смысле этого слова. На ранних стадиях развития зародыш питается желтком своей яйцеклетки. Через некоторое время та часть яйцеклетки, где помещался желток, превращается в отдельный желточный мешок, соединенный с зародышем длинной тонкой трубкой. Постепенно желточный мешок прирастает к утробной стенке, и питание зародыша идет за счет материнской крови, поступающей в него через желточный мешок. Это сложное устройство является прелюдией к еще более высокоорганизованной плаценте млекопитающих.

У яйцеживородящих акул нет никакой связи между желточным мешком и утробой матери. Вокруг зародыша образуется временная оболочка. Затем эта оболочка прорывается, и зародыш продолжает свое развитие внутри чрева матери за счет выделяемых ею секретов.

Акулята, даже такие, как детеныши акулы-молот (семейство *Sphyrnidae*) и колючей акулы (*Squalus acanthias*), у которых впереди спинного плавника торчат колючки, рождаются живыми без малейшего вреда для матери. Голова новорожденного детеныша акулы-молот мягка и податлива, и во время акта рождения доли «молота» отклоняются назад. Колючки колючей акулы при рождении покрыты своего рода чехлами из хряща, которые сбрасываются непосредственно после рождения, так что акуленок сразу может пустить в ход свое оружие.

Новорожденный акулёнок вступает в жизнь, полностью вооруженный для борьбы со всеми подстерегающими его опасностями.

Независимо от того, рождается ли детеныш акулы живым или «выклевывается» из яйца, он тут же, как бы мал он ни был, становится в один ряд со взрослыми акулами. Он не знает детства, не знает родительской заботы, не знает гнезда. Это — голодное, не ведающее усталости существо, последний отпрыск древнего, но не стареющего племени.

Глава девятая

АНТОЛОГИЯ АКУЛ — ИХ СЕМЕЙСТВА И ВИДЫ

Никто точно не знает, сколько существует видов **селахий**. За последнее столетие каждая крупная **ихтиологическая** экспедиция в моря умеренного пояса и **тропические** моря открывала новые, до тех пор неизвестные **виды**. Некоторые из них оказывались, при более детальном рассмотрении, подвидами уже существующих и **внесенных** в каталоги видов, другие действительно являлись **открытиями**. В своем энциклопедическом труде об акулах, «Рыбы Северо-Западной Атлантики», Генри Бегелоу и Вильям Шредер писали в 1948 году, что известно от 225 до 250 видов акул и от 300 до 340 видов **скатов** и их сородичей, проживающих в водоемах всего ми-

ра. Десять лет спустя на посвященной акулам конференции, где присутствовали ученые-специалисты США, Австралии, Японии и Южной Африки, называлась уже другая цифра — 350.

По мере того как будут расширяться наши пока что ограниченные знания о море, будет увеличиваться и число до того неведомых видов селахий. Устояв перед всеми катаклизмами, потрясавшими Землю в течение миллионов лет, они имели гораздо больше времени и возможностей размножаться и образовывать новые виды, подвиды и типы, чем любое сухопутное позвоночное.

Классифицировать этот огромный и многообразный клан селахий, найти каждому виду и подвиду четко определенное место — задача трудная и подчас непосильная. Основой всякой классификации является родство отдельных единиц, и первое, с чем мы имеем дело при классификации, это степень родства. Один из способов подчеркнуть степень родства — это собрать особей, сходных между собой в основных биологических чертах своего строения, в отдельные группы. Одной из таких групп является семейство.

Все селахии делятся на ряд семейств¹.

Члены одного семейства имеют общие характерные черты, и каждое семейство имеет большее или меньшее сходство, более близкую или более далекую степень родства с другими семействами.

Внутри биологических границ, которые объединяют всех селахий в одну группу, мы находим огромное множество отдельных видов; каждый из них занимает свое место в обширном морском царстве.

¹ Все селахии делятся на отряды, которые в свою очередь состоят из семейств, семейства — из родов, а роды — из видов.

Те виды, которые мы здесь описываем, выбраны нами, чтобы представить читателю «антологию селахий». Слово «антология» понимается нами в прямом смысле, как собрание самых интересных и типичных экземпляров.

В своем выборе этих примеров мы не принимали во внимание географические или ихтиологические границы и руководствовались только одним принципом: взятый нами вид должен давать общие представления о своем семействе.

Хотя селахии подвергаются наблюдениям уже в течение многих столетий, еще очень многое остается для нас тайной. Мы почти ничего не знаем, например, о формах жизни в полярных морях и в глубинах Мирового океана. Известно лишь, что некоторые селахии именно там, на этих вселяющих в нас страх аванпостах океана, выводят свое потомство.

В арктических водах, где благодаря своей солености вода замерзает при температуре ниже нуля, из яиц маленького полярного ската (*Raja hyperborea*) выводятся детеныши при температуре нуль градусов и ниже. Есть свидетельства того, что колючая акула (*Squalus*, подвид неизвестен) проникала в воды, омывающие Антарктику. В 1912 году тело двухсполовиннометровой акулы было найдено на побережье острова Маккуори, в 1100 километрах от Полярного круга. Акула эта была представителем дотоле неизвестного ученым вида и получила название полярная акула Уитли (*Somniosus antarcticus Whitley*). Все вышеупомянутые случаи показывают, что селахии проникли в холодные моря.

В 1954 году возле Дакара, Западная Африка, где находится одно из самых глубоких мест Мирового океана, была спущена батисфера на глубину четырех километров. И здесь, в абсолютной темноте, где давление воды

равно 413 килограммам на один квадратный сантиметр, в луче прожектора перед окном батисферы мелькнула двухметровая акула с большими выпуклыми глазами. «Каждый раз, когда мы спускались на глубину,— писал руководитель этих исследований,— мы видели по меньшей мере одну акулу. Вряд ли это было чистой случайностью. Скорее уж можно сделать вывод, что в этих пучинах, в самой большой темнице мира, живут тысячи акул».

О селахиях ничего нельзя сказать с полной уверенностью и меньше всего — где их можно найти. Увлеченные погоней за косяками рыбы либо под влиянием блуждающего течения или неожиданного изменения температуры, селахии любого вида могут уйти очень далеко от того места, которое принято считать их «домом».

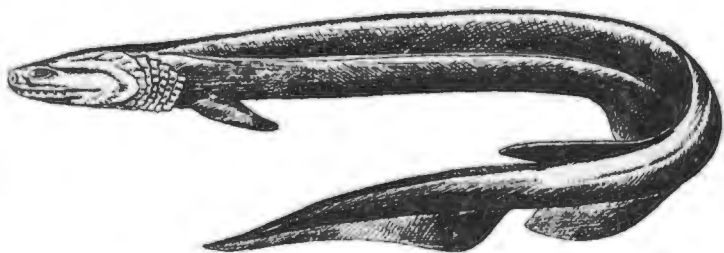
Многие виды селахий известны под несколькими названиями. Так, одну и ту же акулу в одних местах называют песчаная акула, в других — колючая акула. В свою очередь совершенно различные акулы в разных местах имеют одно и то же имя. Полагаться по-настоящему можно только на название, данное тому или иному виду учеными и занесенное в классификацию. Правда, бывали случаи, когда в разные годы один и тот же вид получал от ученых разные названия, и это только усугубляло путаницу. К счастью, это исключение, а не правило. Как правило, каждый вид акулы имеет свое научное — латинское — название, и этим названием мы и руководствовались при рассмотрении отдельных видов.

Однако на практике под латинским названием идут только наименее распространенные и известные виды. Все остальные имеют, так сказать, «бытовое» имя, обычно очень образное, как-то: акула-молот, бородастая, тигровая, пила-рыба, морская лисица, хвостокол, морской

ангел, морской дьявол и т. д., и т. п. Мы даем оба, и научное и «бытовое» (для тех, кто его имеет), названия.

Огромные и крошечные, прибрежные и пелагические¹, типичные по своему виду и самые причудливые, быстроходные и медлительные, редкие и распространенные, все это — акулы, члены огромного клана, насчитывающего 350 и более самых разных видов и населяющего моря всего света.

Но среди этого разнообразия есть виды, более и менее сходные друг с другом, так что мы можем разделить этот клан на отдельные семейства. Некоторые из них многочисленны, в другие входит пока что всего один вид, как это имеет место со следующим семейством.

Семейство *Chlamydoselachidae* — плащеносные акулы.

Доктор Самуэль Гарман, чуть ли не всю жизнь занимавшийся изучением этой акулы², сказал как-то о ней, что она «стоит к костистым рыбам ближе, чем все ис-

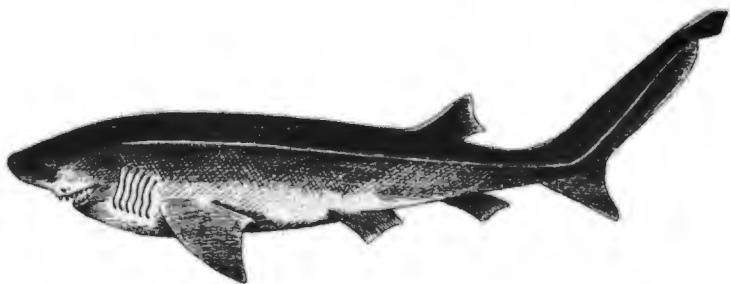
¹ Пелагические организмы — животные и растения, населяющие толщу воды открытого моря.

² Известный ихтиолог С. Гарман, в частности изучавший плащеносную акулу, был крупным специалистом как по акулам, так и по другим рыбам.

тинные акулы». Из-за ее примитивной формы и «древнего» вида Гарман считал ее «живым представителем» доисторического кладодуса, исчезнувшего с лица Земли миллионы лет назад.

Благодаря странному «кружевному воротничку», длинному стройному телу и змееподобной головке, плащеносная акула скорее похожа на морскую рептилию, чем на акулу... во всяком случае на первый взгляд. У нее один, причем очень маленький, спинной плавник, расположенный недалеко от хвоста, состоящего фактически из одной верхней доли.

Единственный вид плащеносной акулы (*Chlamydoselachus anguineus* Garman) был найден в прибрежных водах Японии и Восточной Атлантики. Это глубоководная акула, питающаяся каракатицами и осьминогами. Плащеносная акула яйцеживородящая. Внутриутробное развитие детенышей длится два года. Самый большой известный нам экземпляр плащеносной акулы достигал 2 метров в длину.

Семейство *Hexanchidae* — гребнезубые акулы. Подобно плащеносной акуле, это примитивные творения. Их длинные стройные тела по сей день сохраняют признаки самых древних видов: шесть или семь жаберных щелей

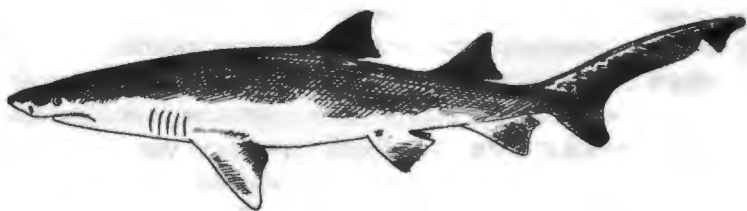
лей и один спинной плавник¹. Из множества известных нам сейчас акул ни одна так не напоминает своих доисторических предков, как *Hexanchidae*. Окаменелые остатки акулы, почти ничем не отличающиеся от семижаберной, были найдены в отложениях юрского периода, то есть, согласно нашим теперешним подсчетам, эти рыбы плавали в доисторических морях 150 миллионов лет назад.

Единственный ныне существующий вид шестижаберной акулы из этого семейства (*Hexanchus griseus Bonnaterra*) водится в морях всего мира: в континентальных водах Восточной и Западной Атлантики, в Средиземном море, в Тихом и Индийском океанах.

Это глубоководная рыба, но иногда ее встречают у поверхности воды. У берегов Корнуэлла, Англия, была поймана шестижаберная акула в 8 метров длиной. У берегов Кубы, где их ловят довольно часто, была выловлена шестижаберная акула весом в 725 килограммов. Ее подняли с глубины 1250 метров. Обычный средний размер шестижаберной акулы — 5 метров.

Семейство *Carchariidae* — песчаные акулы. Никто не знает, почему одни акулы считаются опасными для людей, а другие — нет. Очень мало из зафиксированных нападений можно с полной уверенностью отнести за счет определенного вида акул.

¹ Число жаберных щелей, превышающее пять, считается признаком примитивной организации. Однако отдельно взятый примитивный признак еще не свидетельствует о примитивности группы в целом. Только совокупность примитивных и прогрессивных особенностей организации с перенесением центра тяжести на ведущие системы органов может свидетельствовать о той ступени, на которой стоит та или иная группа. Хотя гребнезубые акулы имеют шесть и даже семь жаберных щелей, их нельзя считать самыми примитивными современными акулами.

К семейству *Carchariidae* принадлежат два вида¹, почти ничем не отличающиеся друг от друга. Однако живут они в разных полушариях, и если про акул одного из этих видов точно известно, что они нападают на человека, то акулы второго из них, вооруженные такими же острыми зубами и кровожадными инстинктами, пока находятся только под подозрением.

Австралийская песчаная акула (*Carcharias arenarius Ogilby*) — одна из самых опасных акул в Мировом океане. Длина ее доходит до 4,5 метра. Зубы ее, многочисленными рядами украшающие пасть, длинные, тонкие и загибаются внутрь.

Ее ближайшая родственница — песчаная акула (*Carcharias taurus Rafinesque*), то с быстротой молнии пускающая в ход свои острые как кинжал зубы, то вялая и медлительная, пользуется репутацией Джекила — Хайда².

Рыбаки знают, что, когда она попадает в сеть, хорошего от нее не жди, но в течение многих лет ее не считали опасной для пловцов. Однако директор нью-йоркского аквариума так отозвался о песчаных акулах: «С ними держи ухо востро. Того и гляди цапнут!»

¹ Семейство включает не менее четырех видов.

² Герой рассказа Р. Стивенсона «Необычайные приключения доктора Джекила и мистера Хайда».

Первое известное нам нападение песчаной акулы на человека произошло в июле 1961 года в проливе у Лонг-Айленда (США). Жертва нападения — Брун Джанкер, ныряльщик-аквалангист с десятилетним стажем. Он нырял неподалеку от Харт-Айленда, когда метровая песчаная акула схватила его за ногу ниже колена. Джанкеру удалось разнять челюсти акулы, ободрав при этом руки о ее зубы. Он был абсолютно уверен в том, что напала на него именно песчаная акула. Он прекрасно был знаком с этим видом и, как все прочие, считал его безвредным.

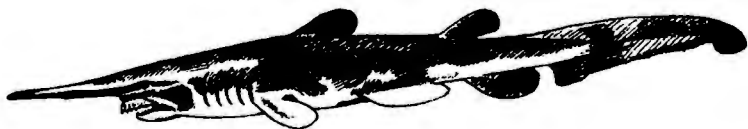
Песчаная акула питается рыбой, производя опустошительные набеги на косяки камбалы, луфарей и сельди-менхаден. Рассел Коулз, много лет наблюдавший песчаных акул у берегов Каролины, писал: «Эта акула обеспечивает себя пропитанием более систематически, чем любая другая из известных мне акул. Мне довелось видеть, как стая в сотню с лишним песчаных акул окружила косяк луфарей и, оттеснив его на мелкое место, дружно бросилась в его гущу и произвела среди луфарей разгром. В другой раз, когда косяк луфарей попал ко мне в сеть, стая песчаных акул накинута на сеть, разорвала ее в клочки и сожрала почти весь улов».

Поскольку в прибрежных водах Атлантического океана водятся главным образом молодые песчаные акулы, длина их не превышает одного метра. Благодаря этому, а также тенденции рыбаков называть всякую небольшую акулу песчаной акулой, довольно трудно было выяснить действительную природу и истинные размеры этих акул. На самом деле взрослая песчаная акула достигает трех метров.

Верхняя часть тела песчаной акулы серо-коричневого цвета, более темного на спине, рыле и брюшных плавниках и более светлого на боках. Брюхо грязно-белого

цвета. На боках круглые или овальные желто-коричневые пятна, по которым песчаную акулу можно отличить от тех видов, на которые она в остальном похожа.

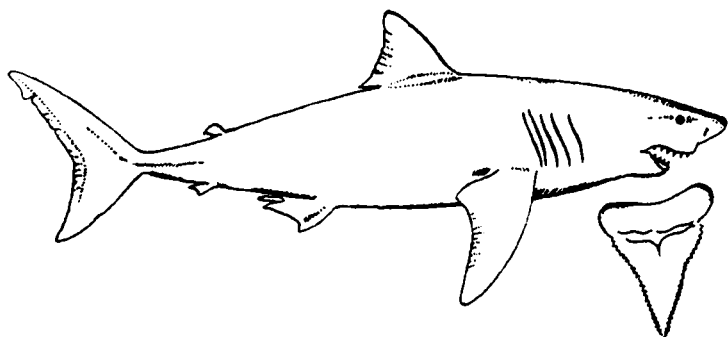
Песчаные акулы встречаются в Атлантическом океане. На востоке Атлантики они известны в Средиземном море, у берегов тропической Западной Африки, у Канарских островов и островов Зеленого Мыса, у берегов Восточной и Южной Африки. В Западной Атлантике они водятся по всему побережью Северной Америки (от залива Мэн до Флориды) и дальше к югу вплоть до Бразилии.

Семейство *Scapanorhynchidae* — акулы-носороги. Когда в японских водах была впервые обнаружена эта удивительная акула и в 1898 году на Западе появилось ее описание, сделанное Дэвидом Старром Джорденом, президентом Станфордского университета, она настолько поразила весь ученый мир, что открытие это приравнивали к поимке доисторического ихтиозавра, вдруг появившегося в современных морях.

Сейчас мы знаем, что акула-носорог, или, как ее еще иначе называют, акула-домовой, — живой представитель того семейства акул, которое считалось вымершим примерно семьдесят миллионов лет назад и чьи ископаемые остатки находят во всем мире. Но это, пожалуй, и все, что мы о ней знаем. Пока был найден всего один

вид акул этого семейства (*Scapanorhynchus owstoni* Jordan), проживающий в самых глубоких местах в районах Японии, Португалии и Индии. Самый большой известный ученым экземпляр достигал в длину 4 метров 25 сантиметров.

Семейство *Isuridae* — сельдевые акулы. Это семейство больших акул с торпедообразным телом обычно делят на три рода: *Lamna*, *Isurus* и *Carcharodon*¹. Самым знаменитым членом этого опасного семейства является большая белая акула (*Carcharodon carcharias* Linnaeus) из рода *Carcharodon*, отличающаяся от своих родственников огромными зазубренными зубами треугольной формы и твердой репутацией людоеда. Во всем мире она известна под именем «акула-людоед» и «белая смерть».

Страшные легенды и рассказы об истинных, но не менее страшных событиях следуют по пятам за этой акулой, разрезающей волны, словно длинный нож. Если акула — царь морей, то большая белая акула — царь ца-

¹ Правильнее относить каждый из этих родов к самостоятельному семейству

рей, не признающий посягательств на свою власть ни со стороны других акул, ни со стороны человека. Это самая кровожадная рыба из всех существующих в море и одна из самых больших — величина ее нередко доходит до 11 — 12 метров, а иногда и более.

Вооруженная рядами острых как бритва зубов, достигающих подчас 5 сантиметров в длину, безошибочно идущая по следу добычи, большая белая акула несет с собой такую же верную и быструю смерть, как гильотина. Большая белая акула, скажем, в 6,5 метра длиной весит 3200 килограммов. Представьте себе, с какой силой она наносит удар. Даже стокилограммовая акула может с легкостью перекусить кости человека, после того как зубы ее разорвут податливую плоть.

Большая белая акула часто заглатывает свою добычу целиком. В ее желудке обнаруживали акул от одного до двух метров длиной. У одной большой белой акулы, пойманной в калифорнийских водах, в животе нашли морского льва весом в сорок пять килограммов; у акулы, пойманной у берегов Австралии, — целую лошадь; у пойманной недалеко от Флориды — двух акул, каждая в два метра длиной. Едят они и морских черепах, без труда разгрызая их панцирь, и тюленей — их находили в желудках акул аккуратно «разрезанными» надвое.

В 1959 году в Кении мучимый жаждой слон вошел в море, направляясь, по-видимому, к островку, где он надеялся найти воду. Но до островка он не доплыл. Его окружили огромные акулы и разодрали буквально на клочки. Рыбаки, бывшие свидетелями этого кровавого пиршества, не могли определить вид акул, но, скорее всего, это были большие белые акулы, не упускающие случая утвердить свое превосходство над любым живым существом, оказавшимся на их пути.

Смертоносная пасть этой акулы была знакома морякам с незапамятных времен. Джонатан Кауч в своей «Истории рыб Британских островов» в одной короткой фразе сформулировал отношение многих поколений рыбаков и моряков к этой акуле: «Для моряков нет ничего страшнее большой белой акулы, потому что ни в одном из обитателей моря желание убивать не сочетается с такой великолепной возможностью осуществить это желание». Ученые, правда, не разделяют веры моряков в то, что большая белая акула сознательно стремится убивать людей, но действительно, гложущий ее голод так неутолим, что она набрасывается на любую добычу — мелкую рыбу, крупную рыбу, других акул, собак, лошадей и... человека — и тут же ее пожирает.

Хотя большая белая акула уже много столетий является героем историй, которые рассказывают моряки, для ихтиологов она до сих пор загадка. Ничего неизвестно, например, о том, как она выводит потомство, а ее блуждания по морям и океанам часто кажутся абсолютно случайными, словно каждая отдельная особь движется по своему индивидуальному маршруту, игнорируя все зональные законы. Чаще всего они встречаются в теплых морях, включая Средиземное, но нередко заходят и в северные воды.

Теоретически большая белая акула считается пелагической рыбой, но ее неоднократно находили в ловушках, поставленных у самого берега в районе Вудс-Хол, Массачусетс, и Кейп-Кода, и гарпунили у самого берега возле Провинстауна, Массачусетс.

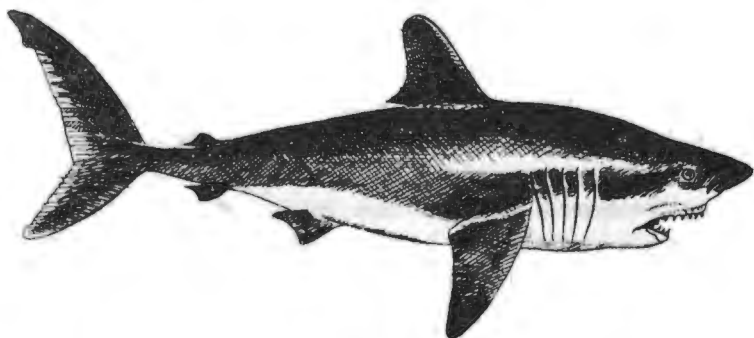
Особенно часто большую белую акулу встречают в морях южного полушария. В Австралии наибольшее число нападений акулы на человека относят за счет большой белой, которую там зовут «белая смерть».

Стоит один раз увидеть злобещий силуэт этой акулы — и ее не спутаешь ни с какой другой. Ее огромное тело — серое на боках, почти черное на спине и ярко-белое на брюхе — увенчивает темный спинной плавник, выступающий из воды, если она плывет у поверхности моря. (На рисунках большая белая акула иногда изображается в момент нападения на спине. Это является результатом весьма распространенного мнения, будто акулы иначе не могут укусить свою жертву. Мнение это неверно, но нужно сделать оговорку: очень крупные акулы, особенно такие не очень гибкие пелагические акулы, как большая белая, не могут очень быстро поворачиваться, так как их тело слишком «жестко». Поэтому в определенных условиях, например находясь в ограниченном пространстве или придя в очень большое возбуждение, они во время атаки действительно поворачиваются на бок и даже иногда на спину.)

Достойным родственником большой белой акулы является мако (*Isurus oxyrinchus Rasinesque* и *I. glauus Müller et Henle*) — представитель рода *Isurus*.

Зейн Грей, известный американский писатель, был также одним из известнейших американских рыболовов-спортсменов. Он назвал мако «первой среди спортивных рыб, настолько же «боевой», насколько красивой, настолько же свирепой в нападении, насколько выносливой в обороне». Это одна из самых сильных и быстроходных акул. При длине в три метра мако в среднем весит 450 килограммов, а ведь нередки четырехметровые экземпляры.

Зейн Грей был не единственным писателем, который мерялся с мако умом и силой. В 1936 году Эрнест Хемингуэй побил рекорд, поймав у берегов Бимини (Багамские острова) на спиннинг мако, которая весила 354 килограмма.

Попав на крючок, мако яростно борется, раз за разом выпрыгивая из воды и ни на секунду не прекращая попыток освободиться. В открытом море мако также часто выпрыгивает в воздух, видимо просто от радости, что она жива и свободна. Ее боевой инстинкт так силен, что она нападает даже на меч-рыбу, а на это не отваживается почти никто из обитателей моря.

Два галифакских рыбака однажды случайно видели битву между меч-рыбой и несколькими акулами. К тому времени, когда они оказались на поле боя, меч-рыба уже лишилась головы, «меча» и хвоста, но ее все еще атаковало около десятка акул. Когда рыбаки втащили остатки меч-рыбы к себе в лодку, одна из акул чуть было не прыгнула следом за ней. Сделать так могла только мако.

Капитан Натаниэль Этвуд, рыбак из Новой Англии и одновременно натуралист-любитель, представил в 1866 году бостонскому Обществу естественной истории челюсти акулы, которую он считал мако. «В животе этой особи,— сказал он,— я нашел почти целую взрослую меч-рыбу; раны на коже акулы свидетельствовали, что победа не далась ей даром».

В наше время пятидесятипятикилограммовая меч-рыба была обнаружена в желудке трехсоттридцатикилограммовой мако, выловленной у берегов Бимини.

Казалось бы, поединок между беззубой меч-рыбой и мако, вооруженной острыми как бритва зубами, всегда должен кончаться победой акулы. Но «меч» меч-рыбы — очень грозное оружие. Зафиксированы случаи, когда меч-рыба протыкала им корпус корабля, сделанный из крепких дубовых досок более тридцати сантиметров толщиной.

Капитан Янг видел результаты одной такой битвы между меч-рыбой и акулой. Вот что он пишет:

«Это произошло в то время, как мы занимались ловом акул у острова Уоримоса, возле Джибути на Красном море. Как-то утром один из туземцев сообщил мне, что на берегу нашли дохлую акулу. Я приказал отнести ее на разделочную площадку и снять с нее кожу, поскольку ничто другое нас не интересовало.

Вскоре мне принесли показать находку — кусок «меча» меч-рыбы не менее 45 сантиметров в длину, который они вытащили из акулы.

Я постарался воссоздать в уме битву, приведшую одного из врагов к смертельному исходу. По всей видимости, меч-рыба таранила акулу и, не в силах вытащить свое оружие из ее жесткой кожи, сломала его и ушла.

«Меч» вошел в тело акулы с правой стороны между последней жаберной щелью и грудным плавником. «Меч» вонзился по самую рукоятку и задел жизненно важные органы акулы».

Мако — акула, имеющая множество названий, как научных, так и бытовых, общераспространенных. Мако, живущие в Атлантическом океане (*I. oxyrinchus*), известны также под названием остроносой сельдевой акулы. Мако из Индийского и Тихого океанов и вод, омываю-

щих Южную Африку, называют бонито, серо-голубая акула и голубая морская свинья. В Австралии и Новой Зеландии *I. glaucus* имеет свое научное название — *Isuropsis* или *Isurus mako Whitley*. Дело в том, что оба — и *I. oxyrinchus*, и *I. glaucus* — очень близкие родичи. И под каким бы именем их ни знали, их считают первоклассной спортивной рыбой. Международная ассоциация спортивного рыболовства и тот, и другой вид объединяет под названием мако.

Кроме того, что оба они являются достойными противниками рыболовов, их подозревают в нападениях на человека, а в Австралии даже обвиняют в нападениях на небольшие лодки. Один такой случай произошел у Беллами-Риф в Новом Южном Уэльсе. На лодку, где находилось четыре рыболова, внезапно напала стая акул. Рыболовы стали отчаянно грести к берегу, но одна из акул с силой ударила лодку и, вырвав кусок из борта, увлекла людей в воду. Один из них успел отплыть на двадцать метров по направлению к берегу, когда был схвачен акулой. Затем исчезли под водой двое других. Тела их так и не были найдены. И лишь один из четверых спасся.

Возможно, подобно тому как это происходит у других яйцеживородящих акул, прожорливость мако проявляется уже в чреве матери. Зародыши «выклеваются» из яиц еще в утробе матери и питаются за счет желточного мешка и питательных соков, окружающих их в яйцеводе. После того как они поглотят весь желток, они, по-видимому, добывают себе пропитание самым фантастическим образом. Находясь в яйцеводах в свободном состоянии, они пожирают имеющиеся там неоплодотворенные яйца. Помет самки мако обычно состоит из десяти хорошо откормленных детенышей.

Детеныши мако, как и все акулята, рождаются на свет полностью сформированными. Благодаря одному

преисполненному самых добрых намерений, но ненаблюдательному человеку, видевшему много веков назад, как самка мако рождает своих детенышей, появилась легенда о том, что акула-мать позволяет акулятам в случае приближения опасности заплывать через пасть себе внутрь. Легенда эта бытует и по сей день. По правде говоря, если бы новорожденные мако знали, что им на пользу, а что во вред, они бы как можно скорее убегали подальше от своей мамы, так как известны случаи, когда самки мако пожирали собственных детей.

I. oxyrinchus — пелагическая акула: она водится в тропических и субтропических водах как Северной, так и Южной Атлантики, а также в Средиземном море. Летом многие из них мигрируют к северу, доходя до Новой Англии и иногда даже до Ньюфаундленда. *I. glaucus* водится у южной оконечности Калифорнии, у Японии, Гавайских островов, Австралии и Новой Зеландии.

Сельдевые акулы *Lamna nasus Bonnaterre* и *Lamna ditropis Hubbs et Tollet* — представители третьего рода *Lamna*, входящего в семейство сельдевых акул, — также вносят свой вклад в море путаницы с названиями акул, в котором плавают многие из них. В заливе Мэн ее зовут голубая акула, возможно, из-за серо-голубой окраски спины, которая на брюхе резко сменяется белым цветом. Часто, и совершенно ошибочно, ее зовут мако, так как они несколько похожи по внешнему виду и одинаково быстро плавают.

Но больше всего этой акуле подходит ее наиболее распространенное название — сельдевая акула, так как ее основная пища — сельдь. Если хочешь найти сельдевую акулу, ищи косяки мигрирующей сельди.

Быстрая, обтекаемой формы, достигающая 3,5 метра в длину, сельдевая акула считается опасной для чело-

века, хотя ей ни разу не был предъявлен обвинительный акт и мы не имеем прямых свидетельств нападения. В Южной Африке полагают, что лучше держаться от нее подальше. Это же мнение разделяют и австралийцы. Ее научное название — *Lamna* — произошло от греческого слова, обозначающего «чудовище-людоед», которым родители в Древней Греции пугали непослушных детей.

L. nasus водится в континентальных водах Северной Атлантики, на востоке — от Северного моря до Южной Африки и на западе — от Ньюфаундленда до Нью-Джерси, а возможно, и до Южной Каролины. Сходный с ней тихоокеанский вид — *L. ditropis* — в изобилии водится в северо-восточной части океана, от Аляски до Северной Калифорнии. На Аляске ее иногда называют лососевая, или семужная, акула, из-за опустошений, которые она производит в косяках этой рыбы. В западной части Тихого океана ее встречают и в умеренном поясе.

Семейство *Cetorhinidae* — гигантские акулы. Однажды зимним днем 1939 года на берегу неподалеку от Провинстауна, Массачусетс, был найден отбеленный морем скелет какого-то огромного животного. Скелет имел около 7,5 метра в длину, и хотя огромный череп походил на череп рыбы, четыре усеченные ноги, вернее, «кости» от них, и длинный позвоночник принадлежали какому-то совсем непонятному существу. Вскоре по всему Кейп-Коду заговорили о «морской змее».

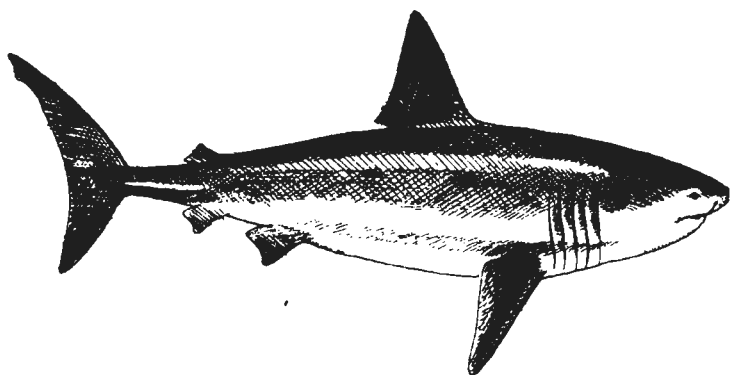
«Морская змея», останки которой нашли в Массачусетсе, была не что иное, как гигантская акула (*Cetorhinus maximus Gunnerus*), огромная рыба, уступающая по размерам только своей дальней родственнице — китовой акуле (*Rhincodon tipus*). Гигантская акула известна также

под названием слоновая акула и «акула, греющаяся на солнце».

Когда тело дохлой гигантской акулы выбрасывает волнами на берег, начинается процесс разложения, приводящий к метаморфозе, в результате которой акула превращается в «морскую змею». После того как мясо акулы разложится, остается только состоящий из хряща продолговатый череп, длинный позвоночник и большие брюшные плавники, а если это самец, то и метровые птеригоподии, которые, в сочетании с плавниками, выглядят как «ноги» морской змеи.

А манера гигантских акул плыть цепочкой друг за другом, так что над поверхностью воды видны их спинные и хвостовые плавники, дала начало рассказам о живых «морских змеях».

Гигантские акулы достигают в длину 12, а иногда 15 метров. Вес их измеряется тоннами. Сравнительно небольшая — девятиметровая — гигантская акула, пойманная в Монтерее, весила 4 тонны. В последние годы вылавливали и взвешивали — по частям, которые тоже достаточно велики, — куда более крупные экземпляры. Говоря о трудностях, возникающих при препарировании таких огромных рыб, доктор Л. Харрисон Мэтьюз, директор лондонского Зоологического общества, и доктор У. Паркер из Британского музея замечают: «Горе анатому, который нечаянно проколет стенку желудка: оттуда вывалится около тонны полупереваренного планктона». Они приводят следующие цифры, показывающие вес отдельных частей девятиметровой гигантской акулы: голова — 1 тонна, печень — 832 килограмма, плавники — 1 тонна, хвост — 0,5 тонны, кожа — 1 тонна, мясо — 1350 килограммов, внутренности — 0,5 тонны, содержимое желудка и кишечника — от 0,5 до 1 тонны. Итого около 7 тонн.

Гигантская акула плавает, широко разинув пасть; вода процеживается через жаберные «тычинки» и выходит наружу, а планктон — пища гигантской акулы — остается в глотке. Гигантская акула отличается крайней медлительностью. Одно из ее имен — «акула, греющаяся на солнце» — обязано своим происхождением привычке этого апатичного чудовища неподвижно лежать на поверхности воды, так что виден первый спинной плавник, а иногда кончик хвостового плавника и, реже, рыло.

Иногда гигантская акула выпрыгивает из воды. Скорее всего, это вызвано желанием избавиться от паразитов, которые целыми колониями поселяются на ее огромном теле. (Известно также, что ее избрала своей добычей морская минога — кровосос.)

В некоторых местах гигантскую акулу боятся, в других радуются, когда она попадает в сеть, и повсюду считают ее загадкой. Боятся гигантской акулы, в частности, рыбаки Британской Колумбии, которых она лишает улова семги, и Ньюфаундленда, которым она ломает ловушки, поставленные для трески.

Гигантская акула не ест ни трески, ни семги, зато она ест то же самое, что едят эти рыбы,— планктон. Попадая в районы промыслового лова, она рвет сети, портит тралы и до смерти пугает рыбаков.

Рыбаки Канады даже обратились за помощью к правительству. На борьбу с гигантской акулой были посланы гарпунеры, но они не смогли прогнать акул. Тогда их стали обстреливать из ружей — благо к ним легко подойти почти вплотную,— но акулы просто не замечали пуль. В конце концов применили совсем новое оружие — корабль, к носу которого был приклепан стальной таран, наточенный как бритва. Корабль врезался в косяк гигантских акул и крошил их на куски. В один день он уничтожил до двух десятков акул.

Ни у одной из многочисленных пойманных гигантских акул не было найдено зародыша. Ученые полагают, что гигантские акулы являются живородящими, что začínают они свое потомство на поверхности моря, а рожают в бездонных глубинах, куда не проникают солнечные лучи, причем период внутриутробного развития длится не менее двух лет.

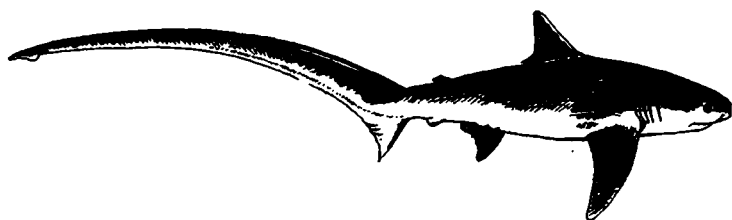
Гигантскую акулу считают безвредной. То же можно сказать и о слоне... если не охотиться на него. Тем, кто охотится на гигантскую акулу, есть что рассказать о ее мощи и о том, какую яростную борьбу с ней приходится выдержать. Даже небольшая — в 6 тонн — гигантская акула весит столько же, сколько два слона или десяток лошадей. Когда она делает прыжок в воздух, а затем низвергается в глубину, на месте ее падения брызги вздымаются на высоту трехэтажного дома.

Однажды в тихий, безветренный день около яхты, стоявшей у западного побережья Шотландии, поднялся фонтан воды, и через минуту на месте происшествия плавали обломки яхты и трупы находившихся в ней

людей. Все это было покрыто густой дурнопахнущей слизью. Морской эколог, взявший на себя задачу распутать это таинственное происшествие, установил, что слизь эта идентична слизи, покрывающей толстую кожу гигантских акул.

Тело гигантских акул сверху серо-коричневого, а иногда черного цвета, брюхо светлее, чем спина. Кожу густо усеивают похожие на шипы плакоидные чешуи.

Встречаются они в умеренных и северных широтах, у западного и восточного побережий Ирландии, у Гебридских островов и у берегов Норвегии. В период между ноябрем и февралем гигантская акула появляется у берегов Калифорнии. Ее находят также у побережья Перу, Эквадора, Австралии, Новой Зеландии, Японии и Китая¹. До настоящего времени известен всего один вид гигантской акулы — *Cetorhinus maximus*.

Семейство *Alopiidae* — морские лисицы. На воде бьет-ся раненая или больная птица. Внезапно из морской глубины поднимается изогнутая «коса» и в одну секунду «скашивает» птицу. Еще мгновение — и птица в желудке той, кому принадлежит эта коса, — в желудке морской лисицы (*Alopias vulpinus Bonnaterra*).

¹ В наших водах — Мурман; попадались и в Белом море у Канда-лакши.

Вышеописанный случай произошел на глазах ученых, занесших его в длинный список тех способов, которыми эта удивительная акула добывает себе пищу. Судя по всему, главным оружием морской лисицы является ее огромный хвост, часто не уступающий по величине всему телу, так как ее челюсти сравнительно слабы, а зубы мелки. Нередко можно видеть, как морская лисица «косит» своим хвостом рыбу, чтобы убить или оглушить ее и затем проглотить без помехи. Морская лисица — единственная акула, пользующаяся хвостом для добывания пищи.

Морская лисица преследует косяки скумбрии, сельди, золотой макрели и другой рыбы. Когда она подходит к косяку на небольшое расстояние, она начинает бить по воде хвостом, сгоняя рыбу в одно место и постепенно суживая свои круги. Наконец, когда перепуганная рыба оказывается сбитой в плотную кучу, акула, разинув пасть, кидается в самую гущу и заглатывает рыбу. Иногда несколько морских лисиц «работают» вместе, загоняя рыбу с разных сторон, а затем дружно делят добычу. Такой оригинальный способ пропитания оказывается очень эффективным: в желудке одной четырехметровой морской лисицы нашли 27 скумбрий.

Говорят, что морские лисицы кооперируются с меч-рыбой, когда та нападает на китов, и до смерти забивают китов своими хвостами. Легенда эта имеет столько же оснований, сколько легенда о том, что змеи будто бы сворачиваются в кольцо и таким образом скатываются с горы. Рассказни эти основаны, возможно, на том, что морских лисиц путают с косаткой, известной также под именем кит-убийца, которая действительно нападает на китов, поднимая при этом такие брызги, что среди них виден только ее высокий спинной плавник.

Морские лисицы достигают в длину 6 метров и более (считая хвост). Вес их доходит до 450 килограммов. Это пелагические акулы, но в погоне за добычей они часто подходят к берегам. Плавают они, по-видимому, недалеко от поверхности и нередко выпрыгивают из воды, что представляет собой весьма эффектное зрелище.

Рыбаки, ведущие промысловый лов, терпеть не могут эту акулу, так как она часто ненароком попадает к ним в сети и, пытаясь высвободиться, рвет их в клочья.

Семейство *Orectolobidae* — акулы-няньки. Тесно прижавшись друг к другу, ярким, чуть колышущимся ковром лежит на дне стая необыкновенно красивых акул, настолько апатичных, что даже приближение пловца не заставляет их сдвинуться с места. Это акулы-няньки (*Ginglymostoma cirratum* Bonnaterre) — единственный вид обширного семейства *Orectolobidae*, который водится в Атлантическом океане. Вся жизнь акулы-няньки проходит на мелководье. Там она зачинает свое потомство, часто на глазах у людей. Там, в прогретой солнцем воде, она рождает своих детенышей — от одного до двадцати шести штук за раз. Живет она стаями, по два и более десятка особей в стае. Кормится моллюсками, креветками, крабами, морскими ежами, омарами и проплывающей мимо мелкой рыбешкой.

Акула-нянька не имеет ничего общего с австралийской песчаной акулой (*Carcharias arenarius*), которую часто называют серая акула-нянька. Это медлительная, живущая на дне акула, как правило, небольшой величины.

Но даже скромная акула-нянька может быть опасной. В 1950 году студент, находившийся на практике в морской лаборатории университета Майами, Уоррен Ратъен, искал образцы водорослей на глубине метра. Он стоял,

склонившись над водой, в пятидесяти шагах от берега, как вдруг кто-то больно укусил его за бедро. Ратьен быстро обернулся и схватил существо, укусившее его. Хотя оно тут же выскользнуло у него из рук, он опознал его: это была семидесятипятисантиметровая акула-нянька. До тех пор даже не подозревали, что эта медлительная акула способна напасть на человека.

Правда и то, что до сих пор в подводное царство не вторгалось такое множество аквалангистов, которые держат «безобидных» акул за хвост и даже пытаются кататься на них верхом. В прибрежных водах Флориды и Западной Индии ныряльщики-аквалангисты чаще всего встречаются именно с акулой-нянькой и, зная о ее репутации «добродушной» акулы, ведут себя с ней слишком фамильярно.

В результате за последние годы акулами-няньками было совершено по крайней мере двенадцать нападений. Все эти нападения были спровоцированы человеком, и хотя ни одно из них не имело смертельного исхода, раны, нанесенные акулой — как правило, страдали ноги и кисти рук, — были очень болезненны, а в ряде случаев дело кончалось серьезными увечьями.

Типичный случай произошел в 1958 году у пляжа в Майами. Ныряльщик Джон Бауэрс схватил за хвост полутораметровую акулу-няньку, надеясь, что она «прокатит» его под водой. Но прогулка не состоялась. Акула кинулась на Бауэрса и мертвой хваткой вцепилась ему в бедро правой ноги. Товарищ Бауэрса выстрелил в нее из гарпунного ружья, но гарпун прошел сквозь тело акулы, по-видимому даже не потревожив ее. Бауэрса вместе с вцепившейся в него акулой втащили в лодку и только через десять минут смогли наконец разжать ей челюсти и освободить его.

По крайней мере семь нападений произошло в водах Флориды. Величина акул, совершивших их, колебалась от 30 сантиметров до 2,7 метра. (Акулы-няньки имеют вполне приличные размеры: нередко встречаются особи от 3 до 3,6 метра. Акула в 2,5 метра весит от 150 до 160 килограммов.)

В Австралии *Orectolobidae* представлены несколькими видами, которые все получили от аборигенов имя бородатой акулы; они на редкость красивой расцветки. Расцветка их преследует чисто практические цели, являясь прекрасным камуфляжем для этих обитателей морского дна. Вокруг пасти у них растет бахрома из мясистых усиков или щупалец — черта, характерная для всех представителей этого семейства. Длина самой большой бородатой акулы достигает 3 метров.

Американская акула-нянька тоже имеет изменчивую окраску — от желтой до серо-коричневой — и покрыта черными пятнами, а иногда и полосами. Водится у берегов в теплых широтах Атлантического океана, у Кубы, Ямайки и Флориды, а также в Тихом океане от Калифорнийского залива до Панамы и Эквадора.

Другой ярко расцвеченный член семейства *Orectolobidae* — зебровая акула (*Stegostoma fasciatum*), величина которой доходит до 3 метров с лишним. В отличие от акулы-няньки, которая является яйцеживородящей и производит на свет живых детенышей, зебровая акула — яйцекладущая. Ее продолговатые яйца снабжены пучком отростков-усиков, которые, как якоря, удерживают яйцо на дне, пока из него не «выклюнется» детеныш.

Семейство *Rhincodontidae* — китовые акулы. До апреля 1828 года, когда несколькими отважным африканским рыбакам удалось загарпунить эту огромную рыбу, кито-

вая акула была призраком, который изредка видели, о котором часто рассказывали всякие небылицы, но которого еще ни разу не удавалось поймать и изучить.

С тех пор прошло много лет, было поймано довольно много китовых акул и многое узнано о них, но и до сих пор они не перестают поражать нас своими размерами. Длина их доходит до 18 метров. В 1912 году у Нантс-Киво Флориде была поймана китовая акула, весившая 13,5 тонны.

Размеры их так велики, что почти невозможно точно определить их вес. Доктор Е. У. Гаджер, посвятивший всю жизнь изучению китовых акул¹, полагает, что 10 метров — только средняя длина этих огромных акул и что некоторые из них достигают в длину 21 — 23 метров. Вес такой акулы, вычисленный по формуле, предложенной доктором Гаджером, должен быть не менее 20 тонн.

Хотя ловят китовых акул не так часто — учеными зафиксировано девять таких случаев, — они хорошо известны рыбакам всего мира, встречающим их стаи в самых разных морях.

В судовых журналах кораблей всех стран описываются случаи столкновений между китовой акулой и кораблем. Вот типичная запись, сделанная капитаном шхуны после такого столкновения, происшедшего возле Кейп-Сан-Лукас, у южной оконечности Калифорнии: «Справа по борту появилась огромная акула и с такой силой ударила судно, что рулевой выпустил из рук штурвал. Хвост акулы поднялся на 2,5 метра над фальшбортом корабля и на 4 метра с лишним над уровнем моря. Был отдан приказ заглушить мотор, так как рыба разбила

¹ Е. У. Гаджер, известный ихтиолог, разумеется, не ограничивал свои научные интересы исследованием одного вида.

гребной винт. Когда рыба дала задний ход, мы смогли как следует ее рассмотреть: у нее была крапчатая расцветка и она достигала не меньше 9 — 10,5 метра в длину. Когда по прибытии в порт судно ввели в сухой док, выяснилось, что корпусу и рулю были нанесены серьезные повреждения».

Судя по многочисленным свидетельствам, китовые акулы чисто случайно оказываются на пути корабля и уж конечно не имеют намерения напасть на него. Возможно, ими движет роковое для них, а иногда для корабля любопытство.

Если бы китовые акулы нападали на судно, а не представляли себя под его удар, мы бы никогда не прочитали одной из лучших книг, написанных о море: «Кон-Тики» Тура Хейердала. Автор рассказывает о том, как однажды, когда он забрался на плот после купания, раздался крик: «Акула!» Прямо за кормой плыла рыбина «с самой огромной и уродливой рожей», какую только видели люди, находившиеся на плоту. Хейердал говорит, что она была такая страшная, что, «поднимись со дна морского сам морской дьявол, он не мог бы напугать нас сильнее».

Но ученым «Кон-Тики» нечего было бояться¹. Китовые акулы настолько апатичны, что люди буквально, а не фигурально разгуливали по их спине. Вот что рассказывает сотрудник Океанографического института Скриппса, который однажды вместе с группой ныряльщиков-аквалангистов натолкнулся на китовую акулу: «Мы взобрались на акулу и как следует ее осмотрели, даже заглянули ей в пасть. Казалось, она нас вообще не замечает. Только когда мы стали трогать ее рыло, она

¹ Это не совсем так. Китовая акула проплывала у самого плота, и достаточно было одного ее «неосторожного» движения, чтобы плот Т. Хейердала разлетелся в щепки.

медленно пошла на глубину. Но скоро снова поднялась наверх, и мы опять взобрались на нее».

Историй о вялости и апатичности китовых акул существует великое множество. Однако не следует забывать, что рыба таких гигантских размеров может быть опасна одной своей величиной. Когда у Файер-Айленда, Нью-Йорк, в сеть случайно попала десятиметровая китовая акула, потребовалось три часа, чтобы ее усмирить. Стараясь высвободиться, она легко может убить человека, и даже двух, ударом своего мощного хвоста. Правда, до сих пор не зарегистрировано ни одного такого случая.

Питается китовая акула ракообразными и мелкой рыбешкой, которых втягивает вместе с водой в свою огромную пасть, где, слегка согнувшись, может поместиться взрослый человек. У китовой акулы огромное количество крошечных зубов (ученые взяли на себя труд пересчитать их у одного экземпляра — их оказалось 15 тысяч). Все эти зубы узкой лентой опоясывают пасть сразу за ротовой щелью акулы. Ими нельзя ни кусать, ни дробить пищу, и их единственное назначение — удерживать в пасти то, что попадает в нее вместе с водой.

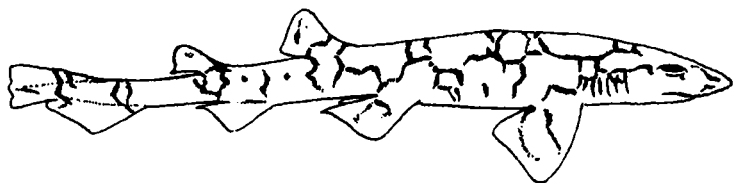
Когда китовая акула находится в движении, она втягивает пастью воду, а затем выпускает ее через жаберные щели. Проходя жаберные щели, вода процеживается сквозь густое жаберное «сито», состоящее из тесно поставленных одна к другой хрящевых перегородок, соединяющих жаберные дуги. Таким образом, мелкие рачки и рыбешки, попавшие с током воды ей в пасть, оказываются в ловушке, единственный путь из которой — в глотку акулы. Горло китовой акулы очень узкое, и пищевод поворачивает к желудку чуть ли не под прямым углом. Ясно, что она не может проглотить крупную рыбу, а уж тем более человека, случайно оказавшегося на ее

пути. В желудке одной огромной акулы, предположительно китовой, было найдено 47 пуговиц, 3 кожаных пояса, 7 гамаш и 9 туфель. Находка эта вызвала самые разные толкования. Одни говорили, что эта акула совсем не китовая, другие — что это китовая акула, проглотившая случайно оказавшиеся в море запасы галантереи, и даже что найденные у нее в животе предметы — единственные следы проглоченных ею людей.

Нам почти ничего не известно о том, как размножается китовая акула, хотя наблюдение за ней ведется более ста лет. Имеются лишь отдельные разрозненные факты, помогающие разгадать эту загадку. В 1910 году у самки китовой акулы, анатомированной на Цейлоне, нашли в яйцеводах 16 яйцевых капсул. В 1955 году в двухстах километрах от Порт-Изабел в Техасе на глубине пятьдесят семь метров была обнаружена подобная же капсула. В ней находился зародыш китовой акулы, с легкостью опознанный благодаря характерной расцветке — белые пятна и полосы на темном фоне. В длину яйцо имело 63 сантиметра, в ширину — 40. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что китовые акулы производят свое потомство при помощи яиц.

Китовая акула — пелагическая рыба. Водится она в тропических зонах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Но попадает она и севернее, на широте Нью-Йорка и даже штата Массачусетс

Семейство *Scyliorhinidae* — кошачьи акулы. Это обширное семейство до сих пор ставит ученых в тупик. Ихтиологи никак не договорятся насчет того, сколько оно насчитывает видов, согласны они лишь в том, что их много и водятся они во всех морях и океанах мира. Даже название их усугубляет путаницу. Некоторых членов этого «кошачьего» семейства в Англии и Америке

зовут собачьей акулой, хотя собачья акула, чаще называемая колючей акулой или катраном, принадлежит к совсем другому семейству (*Squalidae*).

Кошачьи акулы относятся к яйцекладущим акулам. Большинство входящих сюда видов имеют небольшие размеры, как правило меньше метра (от 60 до 90 сантиметров). На первый взгляд они похожи на акул-нянек и бородатых акул (*Orectolobidae*). Но между двумя семействами существует небольшое, но весьма важное различие. Рот и ноздри кошачьей акулы не соединены между собой бороздкой, как это имеет место у акул-нянек. Это означает, что семейство *Scyliorhinidae* поднялось в своем развитии на одну ступеньку выше, подойдя ближе к высокоорганизованным видам акул.

Семейство *Triakidae* — гладкие куньи акулы. Тридцать с лишним видов этого распространившегося по морям всего света семейства являются своего рода звеном между акулами-няньками и кошачьими акулами, с одной стороны, и акулой, иногда называемой серой куньей (*Carcharhinidae*), которая занимает еще более высокое место в иерархии акул, — с другой. Хотя размер акул из семейства *Triakidae* невелик (не превышает 1,5 метра), по очертаниям своего тела это типичные акулы, и только мелкие, тупые, так называемые «дробящие» зубы указывают на их связь с такими семействами, как акулы-

няньки и кошачьи акулы¹. Акулы эти в огромном количестве водятся как на восточном, так и на западном побережье Америки. У южного побережья Новой Англии они уступают в количестве только колючей акуле.

Кто-то однажды подсчитал, что 10 тысяч гладких куньих акул за год могут уничтожить 60 тысяч омаров, 200 тысяч крабов и 70 тысяч рыб. Однако если бы рыбакам приходилось конкурировать с каким-то десятком тысяч гладких куньих акул, это было бы еще полбеды. Беда в том, что, подобно колючим акулам, гладкие куньи исчисляются миллионами особей.

Зародыши гладкой куньей акулы выкармливаются при помощи желточного мешка — плаценты, сложной системы, приближающейся по устройству к плаценте человека. Органы размножения гладкой куньей акулы, ее ни на что не похожая сенсорная система (система органов чувств), ее небольшой размер (максимальная длина — 1,5 метра) и ее изобилие привлекли к ней внимание ученых, и она стала излюбленным подопытным «кроликом» в зоологических и биологических лабораториях. Поэтому каждый год множество этих стройных, грациозных акул вылавливается с единственной целью использовать их в качестве объекта изучения.

Подобно колючей акуле, гладкая кунья очень чувствительна к изменениям температуры, и миграции ее, во всяком случае частично, определяются температурой воды. Внезапное похолодание воды может даже убить гладкую кунью акулу.

Акула эта водится главным образом в прибрежных водах, на глубине не более двадцати метров. В охоте на

¹ Связь между гладкими куньими и кошачьими акулами устанавливается по целому ряду признаков. От акул-нянек гладкие куньи акулы стоят гораздо дальше кошачьих, и прямой связи между ними нет. Зубы у всех этих акул весьма изменчивы и несходны.

омаров и крабов ей помогает способность менять окраску от светло- до темно-серой в зависимости от окружающей среды,— способность, редко в такой ярко выраженной форме встречающаяся у акул.

Семейство *Carcharhinidae* — серые акулы. Это самое большое семейство акул. В числе 60 с лишним видов, входящих в это семейство и объединенных в 15 родов, мы находим акул, пользующихся во всем мире большой и часто печальной известностью. Акул этого семейства также называют траурными акулами, так как встреча с ними нередко кончается смертью. Того же происхождения и французское слово *requin*, что значит «акула».

Физиологические странности, с которыми мы встречались у уже описанных нами акул, отсутствуют у этих видов, так как все они «типичные акулы».

Рассмотрим отдельные виды этого обширного семейства.

Коричневая акула (*Eulamia milberti Müller et Henle*). В то самое время, как летний зной гонит толпы купающихся в прохладные воды Атлантического океана от Новой Англии до Флориды, в эти же воды устремляются стаи коричневых акул. Их европейские родственники заплывают в теплые лагуны Средиземного моря и даже заходят в каналы Венеции, пугая гондольеров и их пассажиров.

Летние блуждания коричневой акулы приводят ее даже в самую большую и шумную гавань мира — Нью-Йоркский порт. Заходит она и в неглубокие заливы и устья рек на Лонг-Айленде.

Объясняется это тем, что коричневая акула предпочитает производить на свет свое потомство не в открытом океане, а в защищенных от волн уголках побережья. Каждое лето в таких акулиных «родильных домах» появ-

ляются стаи коричневых акул, состоящие из одних самок. Молодь — от 8 до 12 штук в каждом помете — рождается с июня по август.

Акулята вырастают во взрослых акул, которые весят 45 килограммов при длине около 2 метров и 90 килограммов при длине 2,5 метра. Они серо-коричневые или грифельно-серые с грязно-белым или песочным брюхом.

Коричневая акула водится в Западной Атлантике от южной оконечности Новой Англии до Флориды и Бразилии. Встречается в Мексиканском заливе.

Ее ближайшие родственники в Тихом океане — один из видов серых акул (*Carcharhinus azureus Gilbert et Starks*), который встречается от Южной Калифорнии до Эквадора.

Бычья серая акула (*Carcharhinus leucas Müller et Henle*). С мая по август, гонимые одним из тех инстинктов, которые управляют животным царством, самки бычьей серой акулы сходятся в ржаво-коричневых водах у устья Миссисипи и рожают там своих акулят. Это место, где смешивается речная и морская вода, является излюбленной детской бычьих серых акул. Они лениво блуждают по мелководью, слоняются возле пристаней, патрулируют проливы между островами и исследуют эстуарий реки. Рыболовы, предпочитающие берег шаткой палубе лодки, чаще всего ловят на крючок именно эту акулу.

Плавают бычья серая медленно, редко показывается на поверхности воды и является морским «мусорщиком», поедая все отбросы, какие только вывозятся в море. Однако когда даровое угощение получить почему-либо трудно, бычья серая преследует живую добычу и расправляется с ней с ловкостью, присущей всем представителям семейства. Манта, которую сожрала одна

находящаяся в неволе бычьей серая акула, была «разрезана» ею на пять совершенно равных частей.

Служители океанариума в Майами, Флорида, считают бычью серую акулу самой опасной из всех акул, выставленных там на обозрение. Имя, под которым она известна в Мексиканском заливе, — траурная акула — является еще одним свидетельством того, что ее подозревают в нападениях на человека. Пресноводная форма серой бычьей акулы — акула озера Никарагуа (*Carcharhinus nicaraguensis*) давно и вполне заслуженно пользуется славой людоеда. Хотя полностью доказать это не удалось, многие из нападений, совершенных в водах Флориды, тоже относили за счет серых бычьих акул. Они вырастают до 3 метров, весят около 180 килограммов, так что сожрать человека не составляет для них никакого труда.

Водятся они в Атлантическом океане, у Вест-Индии и в Мексиканском заливе.

Голубая акула (*Prionace glauca* Linnaeus). В течение многих веков росло подозрение, что этой длинной, стройной акуле темно-голубого цвета следует предъявить обвинение в убийстве людей, но до сих пор ее ни разу не поймали с поличным. И все же, начиная с времен парусного флота до наших дней, моряки утверждают, что у голубой акулы повадки людоеда. Спору нет, голубая акула имеет для этого необходимое снаряжение: острые зубчатые зубы и приличный рост, до 4,5 — 6 метров в длину. А насколько она кровожадна, люди могли убедиться своими собственными глазами.

Вот что пишут участники китобойной экспедиции о том, как голубые акулы нападали на загарпуненных китов: «Стоило нам убить кита, немедленно откуда ни возьмись появлялись акулы, как гиены вокруг убитого льва, стекаясь к нам с такой невероятной быстротой, что к тому времени, как кит бывал подведен к борту судна,

море буквально кишело ими. Затем голодное войско медленно и безмолвно выстраивалось в шеренгу вдоль всего тела кита, предвкушая ожидающий их пир. И вот начиналась свалка — каждая акула стремилась отхватить кусок побольше. Время от времени одна из них взлетала на спину к киту и прямо там пожирала мясо, пока удар по голове не клал этому конец...»

Авторы этого рассказа не матросы-новички или китобои, желающие поразить своих слушателей. Это весьма уважаемые морские экологи, доктора Джон Никольс и Роберт Марфи. Вполне возможно, что голубая акула является анонимным «героем» многих морских историй о кровожадных акулах. Моряки, например, утверждают, что, если на борту корабля умирает человек, за кормой обязательно появится голубая акула и будет, как злой дух, преследовать корабль, пока человек не умрет и тело его не спустят в воду. Те же Никольс и Марфи рассказывают, как на китобойном судне, где они находились, умер в пути один из членов экипажа. В тот же день за кормой судна появились две или три голубые акулы и несколько акул других видов. «Моряки шептались между собой, что эти ненавистные твари явились, чтобы сожрать тело их товарища,— поверье, бытующее среди моряков уже много столетий,— писали впоследствии ученые.— Но... акулы не обратили никакого внимания на труп, когда его спустили в воду, и продолжали следовать за кораблем еще несколько дней».

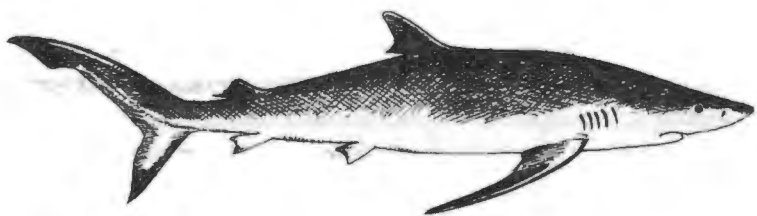
Хотя голубая акула — океаническая рыба, изредка в своей неустанной погоне за пищей она подходит к самым берегам. Из больших океанических рыб, которые водятся в Атлантике, она самая распространенная. Никольс и Марфи рассказывали о том, что видели «стаи из сотен... даже тысяч» голубых акул.

Вдоль Тихоокеанского побережья Северной Америки их встречают как в открытом море, так и у берегов, от Британской Колумбии до Калифорнийского залива. Вместе с теплыми течениями в залив Монтерей — эту калифорнийскую Мекку купальщиков и аквалангистов — приходят и многочисленные голубые акулы. Заметить их нетрудно, так как обычно из воды торчат оба спинных плавника и хвост. Иногда они даже «загорают» на солнце. Голубую акулу не спутаешь ни с какой другой благодаря большим серповидным грудным плавникам, не уступающим по длине ее голове, и поразительному темно-голубому цвету, переходящему в ослепительно белый на животе. Их обтекаемые формы, длинные изящные грудные плавники и особенно расцветка завоевали им одно из первых мест на конкурсе акульей красоты.

Голубая акула находится в числе самых распространенных пелагических акул Тихого океана. Во время одной рыболовецкой экспедиции было поймано 6000 акул, из них 2500 — голубые акулы. На карте Тихого океана, где обозначены районы распространения разных видов акул, царство голубой акулы перекрывает чуть ли не всю ее площадь, протянувшись вдоль побережья Северной Америки и дальше до центральных областей океана.

Она также весьма часто встречается у западного побережья Африки, а в теплые месяцы — у южного и западного побережий Британских островов вплоть до Шотландии. Английские рыболовы-спортсмены тысячами ловят голубую акулу у берегов Лу в Корнуэлле.

Почти все голубые акулы, пойманные у Корнуэлла, — это беременные самки, которые мигрируют туда, чтобы произвести на свет свое потомство. А на западной стороне Северной Атлантики почти все попадающиеся голубые акулы, наоборот, самцы. Такое разделение отцов

и матерей во время рождения детенышей наблюдается и у других видов акул, возможно, потому, что именно у этих видов в ходу каннибализм.

В меню голубой акулы входят весьма экзотические блюда вроде летучей рыбы и морских птиц. Но она не гордая и охотно подбирает отбросы, которые выкидывают с кораблей, чем и объясняется «преследование» ею моряков.

Подобно прочим океаническим акулам, голубая акула живородяща и приносит многочисленное потомство. Самка голубой акулы менее 3 метров в длину может произвести 50 детенышей, каждый длиной до 30 сантиметров.

Тигровая акула (*Galeocerdo cuvieri*) повсеместно считается одной из самых опасных акул.

В Вест-Индии тигровых акул боятся больше всех прочих акул, обитающих там в огромном количестве. В Австралии большинство нападений на человека относят за их счет. В Индии тигровую акулу обвиняют в людоедстве на обоих, восточном и западном, побережьях.

Среди прожорливых тигровых акул так развит каннибализм, что некоторые из тех, кто наблюдал за ними и знаком с их жестокими повадками, уверяют, что мелкие тигровые акулы сознательно стараются держаться подальше от своих более крупных сородичей. Во время охоты на тигровых акул, организованной на Филиппи-

нах управлением рыболовства и звероловства, команда одного из участвовавших в охоте мотоботов была свидетелем случая, ярко иллюстрирующего прожорливость и жестокость тигровых акул. Большая самка тигровой акулы пожирала более мелкую тигровую акулу, попавшуюся на крючок. Затем, все еще не насытившись, схватила приманку и сама попала в плен. У акул, пойманных во время этой охоты, в животах оказались морские черепахи, крабы, морские птицы, ядовитые морские змеи... и незадачливая черная кошка.

У тигровых акул, выловленных в Мексиканском заливе, в желудках находили больших бакланов и мелких перелетных птиц. У четырехметровой акулы, пойманной неподалеку от Дурбана, Южная Африка, в желудке обнаружили голову и переднюю часть туловища крокодила, заднюю ногу овцы, трех чаек, две запечатанные килограммовые банки зеленого горошка и жестянку с сигаретами.

Хватая свою жертву, всеядная тигровая акула делает вращательные движения мощными челюстями, так что ее большие зазубренные зубы разрезают даже крупную добычу на несколько кусков. Благодаря этому трехполовиннометровая тигровая акула может, как это неоднократно бывало, сожрать другую акулу в три метра длиной. Тигровая акула, которую видели у берегов Австралии с торчащим из ее пасти хвостом морской лисицы, возможно, в тот момент как раз занималась тем, что «кроила» морскую лисицу на куски, которые она могла проглотить.

В желудках акул, вид которых не был установлен, находили самые невероятные предметы, как-то: собак (часто в намордниках и с поводком), сапоги, мешки с углем, мешок с картофелем (часть его проросла), пивные бутылки и — в желудке одной из них — три пальто, до-

ждевик и водительские права. А также старые брюки, пару туфель, коровий рог и двенадцать непереваренных омаров, оленьи рога и курятник, внутри которого нашли несколько косточек и немного перьев. Зная, что заглатывают акулы, принадлежность которых к тигровым акулам твердо установлена, можно предположить, что и анонимные обжоры также относятся к их числу.

Не менее длинен и куда более страшен список человеческих останков, найденных в чреве акул. В 1949 году у побережья Западной Австралии акула напала на женщину и оторвала ей левую руку выше локтя. Спустя несколько дней в этом же месте поймали большую тигровую акулу. Когда ей взрезали живот, там обнаружили руку женщины; на одном из пальцев было обручальное кольцо. Рыбаки вернули кольцо владелице, и теперь она носит его на правой руке.

Исследователь Адриан Конан-Дойль рассказывает нам об акуле, которую он видел в Занзибаре. В ее желудке нашли мешок с деньгами и человеческий череп. Обычно опознать жертву акулы почти невозможно. Трудно также сказать, убила акула свою жертву или же полакомилась мертвецом. Но иногда купальный костюм, зубной протез, остатки одежды и даже отпечатки пальцев помогают установить если не то, как и где пострадавший нашел свою смерть, то хотя бы его имя.

Во Флориде в желудке убитой акулы нашли ногу мужчины в новом башмаке. За несколько дней до того без вести пропал ушедший в море рыбак. Незадолго перед тем он купил себе новые башмаки. Башмак на ноге был одним из той пары.

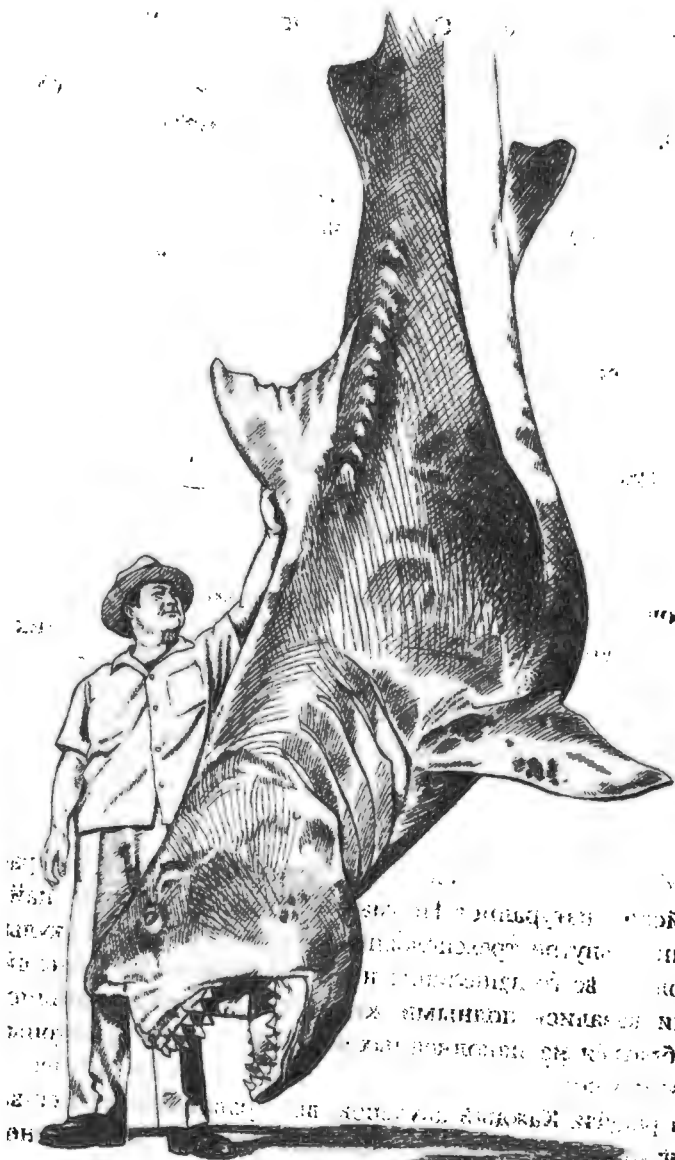
Существуют две абсолютно достоверные истории об акулах, проглотивших взрывчатые вещества. Одну из них рассказывают пуэрториканские рыбаки, поймавшие акулу, в брюхе которой было полно динамита, вскоре

после того, как в водах Сан-Хуана произошло несколько таинственных взрывов. Власти предложили награду в пятьсот долларов тому, кто поможет раскрыть тайну этих взрывов. Рыбаки предъявили свои права на награду, но не получили ее. Выяснилось, что акула проглотила часть взрывчатки, которую использовали за два месяца до того при расширении входа в гавань Сан-Хуан.

Другая акула, которой приглянулась взрывчатка, проглотила глубинную бомбу, выпущенную с корабля при промерах глубин в Тихом океане. Бомба, величиной с кокосовый орех, имела часовой механизм и должна была взорваться через несколько секунд после погружения в воду. Взорвалась она через несколько секунд после того, как ее проглотила акула, доказав, что есть все-таки один верный способ разделаться с акулой раз и навсегда.

Как мы уже говорили, тигровые акулы также пожирают других акул. Доктор Рассел Коулз, рассказывая о тигровых акулах, пойманных им у Кейп-Лукаут в Северной Каролине, говорит, что в желудке одной из них он нашел одиннадцать кусков акульего мяса, от пятисот граммов до двух с половиной килограммов весом, принадлежащих по меньшей мере трем акулам разных видов.

При рождении тело детеныша тигровой акулы покрыто отчетливыми темными полосами. Рождается он в исключительно красивом «одеянии». Вот как описывает австралийский натуралист Норман Колдуэлл зародыши, найденные внутри трехполовиннометровой тигровой акулы: «Больше всего наше внимание привлекли к себе малыши. Они казались полными жизни и энергично пытались выбраться из наполненных водой «мешков», в которых они находились. Мешки эти переливались всеми цветами радуги. Каждый акуленок, выбиравшийся из мешка, был окутан длинным «свивальником» удивительной

красоты. Казалось, он состоит из переплетающихся между собой шелковых лент самой разнообразной раскраски». Помет тигровой акулы обычно велик. Нередки выводки от 30 до 50 детенышей, а у одной акулы в 5,5 метра длиной было найдено 82 зародыша.

Тигровая акула в 4 метра длиной весит в среднем 450 килограммов, но нередко попадаются тигровые акулы в 5,5 и, как говорят, даже в 9 метров. Это одна из самых распространенных акул тропических вод. Встречается она также в субтропических водах и водах умеренного пояса. Особенно часто ее можно найти в Карибском море и Мексиканском заливе. Тигровая акула нередко появляется у самых берегов и даже заходит в узкие проливы. Самые большие тигровые акулы — до 9 метров — водятся в Индийском океане.

Обычно тигровая акула плавает довольно медленно, но когда ее острый нюх докладывает ей, что поблизости есть добыча, она преображается и как молния устремляется вперед. Ее привычка рыскать по мелководью представляет вполне серьезную угрозу для купальщиков.

У молодых тигровых акул от 1,5 до 2 метров на боках видны темно-коричневые пятна или полосы. Но с возрастом эти «тигровые» отметины выцветают; тело взрослой особи серое или серовато-коричневое, более темное на спине, более светлое по бокам и на брюхе.

Суповая акула (*Galeorhinus zyopterus* Jordan et Gilbert). Гурманы так расхваливали суп из плавников этой акулы (национальное китайское блюдо), что и акула получила имя суповой акулы. Правда, когда во время Второй мировой войны в ее печени было обнаружено большое содержание витамина А, ей дали еще одно имя — витаминная акула.

В течение нескольких лет рыбаки извлекали из ее печени такие огромные доходы, что прозвали печень супо-

вой акулы «серое золото». И все же, если подсчитать, сколько в конечном итоге рыбаки заработали на ней и сколько потеряли, выяснится, что потеряли они куда больше. Суповая акула «прочесывает» прибрежные воды от Британской Колумбии и Аляски до Калифорнии, и всюду, где она появляется, она пожирает промысловую рыбу — сардину и хамсу, скумбрию и семгу — как «самостоятельно» охотясь за ней, так и уничтожая улов рыбаков.

Семейство *Sphyrnidae* — акулы-молот. Акула-молот с ее плоской головой, разделенной на две доли, на конце каждой из которых горит зловещим огнем небольшой глаз, кажется воплощением зла; поистине это адское видение, особенно если несущаяся на человека акула-молот — последнее, что он видит в своей жизни. Однажды, в 1805 году, в сети у Риверхед на Лонг-Айленде попали сразу три акулы-молот. В желудке самой большой из них обнаружили туловище человека в изодранной полосатой рубашке. С того дня акула-молот считается потенциальным убийцей.

В отличие от многих опасных видов, акула-молот — одна из самых распространенных акул. Число зародышей акулы-молот доходит до 30, иногда даже до 40 штук. Для выведения своего потомства она выбирает такие популярные у купальщиков места, как Гавайские острова и Лонг-Айленд. Всюду — в Австралии, на Гавайях, в Калифорнии, во Флориде, — где только мелькает ее ни на что не похожий профиль, акулу-молот считают очень опасной. Однако если учесть их изобилие и дурную славу, число нападений на человека, совершенных этими акулами, сравнительно невелико. О нескольких нападениях сообщали из Флориды, Австралии, Британской

Гвианы. В 1963 году акула-молот убила человека у берегов Виргинских островов.

Рассел Коулз, описывая акул-каннибалов, пойманных им у Кейп-Лукаут, Северная Каролина, рассказывает о четырехметровой самке акулы-молот, которая «сожрала четырех акул своего собственного вида, попавших в сеть, причем двух из них она проглотила целиком, если не считать головы...». Акулы-молот часто пожирают и более отдаленных родственников — хвостокотов, не боясь их ядовитых шипов. Видимо, они выработали иммунитет против выделяемого шипами яда. У одной пойманной акулы-молот в желудке нашли почти целый скелет хвостокота, а в ее челюстях было не менее 50 вонзившихся туда шипов.

Плодовитые, широко распространенные акулы-молот насчитывают несколько видов, каждый из которых отличается своими особенностями.

Гигантская акула-молот (*Sphyrna tudes Valenciennes*) — самая большая акула-молот в Атлантике и, возможно, во всем мире. Ее размеры доходят до 4,5 метра. Она водится повсюду, от теплых вод Атлантического океана до Мексиканского залива и западного побережья Центральной Америки, от Гавайских островов до Австралии и Индокитая, у берегов Индии и в Аравийском заливе. В Индии ее зовут рогатой акулой, так как торчащие в стороны доли ее головы воспринимаются местными жителями-скотоводами как рога.

Почему у акул-молот такая странная форма головы? Существует гипотеза, что их голова-«молот» служит им рулем. Голова эта, по сути дела, не что иное, как большой плоский нос, так как вдоль всего ее переднего края идут желобки для улавливания запаха — «ноздри».

Семейство *Squalidae* — колючие акулы. У множества входящих в это семейство видов есть две общие черты. Перед каждым спинным плавником колючей акулы торчит похожий на колючку шип. Ни у одного из этих видов нет анального плавника. Самым распространенным видом — не только среди этого семейства, но и вообще среди акул — является обыкновенная колючая акула, или катран.

Как гигантский колышущийся ковер, сброшенный Немезидой рыбаков, появляется огромная стая акул в местах промыслового лова, пожирая и увеча рыбу, попавшую в сеть, съедая приманку, разрывая в клочья сети и разоряя плантации омаров. Только когда она удовлетворит свой аппетит или оставшаяся рыба расплывется, колючая акула уходит на другое место в поисках добычи, и лишь тогда рыбаки могут снова начинать лов.

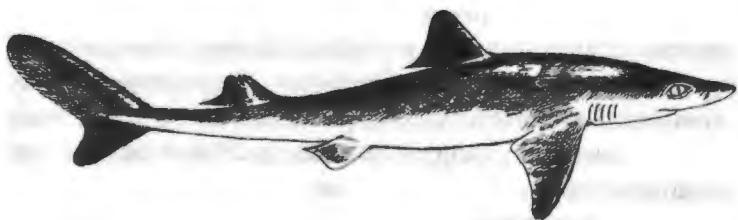
Портя рыболовную снасть и уничтожая уловы, колючие акулы наносят рыбакам убытки, исчисляемые миллионами долларов в год, тем более что, например, в США и Канаде колючую акулу если и используют, так только на удобрение. В 1956 году в Канаде была начата кампания по истреблению колючих акул. Каждый год правительство выделяет 140 тысяч долларов на премиальную оплату из расчета 30 центов за килограмм печени колючей акулы. Печень идет на специальные заводы, где из нее вытапливают жир, чтобы хоть частично покрыть расходы «антиакульей» кампании.

Когда стая этих прожорливых акул попадает в зону промыслового лова, становится практически невозможно поймать какую-либо другую рыбу. Однажды на ярус, спущенный у Кейп-Бретон в Нова-Скотия, поймали 690 колючих акул, а всего на ярусе было 700 крючков с наживкой. Это — самая плодовитая акула. За один сезон у берегов одного только Массачусетса было поймано 27

миллионов колючих акул; за один день во всех сетях и ярусах, спущенных у Корнуэлла, Англия, их оказалось 20 тысяч штук; рыболовы Лонг-Айленда измеряют свой улов колючей акулы товарными вагонами. В сезон пик траулер среднего водоизмещения может выловить 6 — 8 тысяч колючих акул в день. Много лет назад жители полуострова Кейп-Код сушили колючих акул, складывали в штабеля и использовали в качестве топлива. Видимо, колючих акул было там куда больше, чем деревьев.

Сожрав добытый тяжким трудом улов рыбака и порвав самое ценное, что у него есть,— сети, акула добавляет в чашу последнюю каплю, нападая на самого рыбака, если он неосторожно наклонится над порванной сетью, чтобы расправиться с вандалом. Оружием колючей акулы являются ее колючки, или спинные шипы,— помните ихтиодорулиты? Изогнув тело дугой, так что шипы встают торчком, эта небольшая акула стремительно бросается на врага. Раны, нанесенные ядовитыми шипами, очень болезненны. Уколотые ими рыбаки оказывались на несколько дней прикованными к постели. Шип колючей акулы является только оборонительным оружием. Обращается она с ним на редкость искусно. Если вы дотронетесь пальцем до ее головы, она тут же изогнется и уколется в палец спинным шипом.

На втором спинном шипе колючих акул видны чередующиеся темные и светлые кольца, по которым определяют возраст этих акул. Светлые кольца являются результатом быстрого роста в летний период, темные — замедленного роста зимой. Вряд ли рыбаки обрадуются, узнав, что колючие акулы, как показала подсчет колец, могут жить до 30 лет. (Колючая акула — одна из очень немногих акул, возраст которых, хотя бы приблизительно, может быть определен. Вообще же возраст акул и

срок их жизни входят в число тех загадок, которые ставит перед нами акула.)

Колючие акулы невелики, длина их колеблется от 60 до 90 сантиметров. Рождаются они зимой, в открытом море. Колючая акула относится к яйцеживородящим акулам. Период их внутриутробного развития длится от 18 до 22 месяцев. Средний помет состоит из 4—6 детенышей. В то время как «выклюнувшиеся» из яйца зародыши продолжают свое развитие в утробе матери, в яичнике им на смену уже «растет» новая порция яиц.

Колючие акулы появляются у Атлантического побережья весной, когда температура воды достигает плюс шести градусов. Когда температура поднимается до пятнадцати градусов, они или уходят на глубину, в более прохладные воды, или движутся к северу, иногда со скоростью четырнадцать километров в день. Судя по всему, их миграция в первую очередь обусловлена температурой воды, так как стоит температуре упасть ниже плюс шести, они снова устремляются из северных вод к югу. Зимуют они в открытом море. Их температурные границы совпадают с температурными границами макрели, которую они истребляют в огромных количествах, как «на воле», так и в сетях рыбаков.

Колючая акула, идущая в поисках добычи от Карибского моря до субарктических вод, является настоящим стихийным бедствием для американских рыбаков Ат-

лантического океана. Как уже упоминалось, она обитает и в европейских водах, а также в Тихом океане, где она распространена от Сан-Диего до Алеутских островов (западное побережье США), у Гавайских островов, Японии и Северного Китая и доходит до Новой Зеландии и Австралии.

Семейство колючих акул представлено в Австралии и Новой Зеландии несколькими видами, в том числе одной очень своеобразной акулой под названием *Oxynotus bruniensis* Ogilby. Акулу эту, сравнительно редкую, не спутаешь ни с какой другой. Ее первый спинной плавник очень похож на парус, и у нее на редкость жесткая кожа. Размер акулы — 60 сантиметров.

Обычная австралийская колючая акула, как и многие другие акулы, идет в Австралии в пищу.

В темных пучинах моря живет, подобно сказочным карликам, много видов крошечных акул, на которых человеку лишь изредка удастся бросить мимолетный взгляд. Их жизнь в бездонных глубинах проходит в вечном мраке. Некоторые из них обладают характерной чертой жителей пучины — способностью к люминесцентному свечению, другие сливаются с окутывающей их тьмой. Но все те, которых удалось увидеть, имеют классические очертания типичной акулы.

Часть этих глубоководных акул принадлежит к семейству *Squalidae*; другие входят в число *Dalatiidae* — неколючих собачьих акул.

Семейство *Dalatiidae* — неколющие собачьи акулы. В это семейство входит около восьми видов. К нему принадлежит и одна из самых крошечных известных нам акул — всего в 15 сантиметров, и одна из самых больших — более тонны весом. От колючих акул они отлича-

ются тем, что у них нет шипа перед вторым спинным плавником и очень редко есть перед первым.

Один из видов этого семейства — полярная акула (*Somniosus microcephalus Bloch et Schneider*). Несмотря на ее размеры — до 7 с лишним метров в длину — и вес — более тонны, полярная акула — очень легкая добыча, и эскимосы иногда стыдятся признаться в том, что охотятся на нее. Один эскимос в крошечном каяке может поймать полярную акулу на обыкновенную удочку, а бывает, что их вытаскивают с большой глубины, в тысячу и более метров.

Известный исследователь Арктики Петер Фройхен дал нам описание лова полярной акулы в Гренландии. Он говорит, что в Туле туземцы используют в качестве наживки кусок... дерева. Почему? Вот как он это объясняет: «Когда-то давно они загарпунили несколько акул, поднявшихся на поверхность в то время, как они раздвигали моржей. В желудке одной из акул они нашли кусок дерева и, решив, что для акул это лакомство, построили на этом соображении свой способ лова. Привязав к куску дерева несколько камней, чтобы оно не всплывало на поверхность, они спускают его на длинной лесе в прорубь, а затем очень медленно вытягивают обратно. Акулы поднимаются следом за «приманкой» к проруби, где их ожидает гарпун рыбака».

В районе Упернивик подледный лов полярной акулы велся иными способами. Один способ заключался в том, что под лед на цепи в метр длиной спускали большой крюк с насаженным на него куском ворвани. При другом, еще более распространенном, крюки спускали на самое дно.

По словам Фройхена, на один крючок попадались две, а иногда и три акулы, так как первая из них, про-

глотившая наживку, сама оказывалась наживкой для второй.

«Если вы хотите употребить в пищу мясо полярной акулы,— пишет Фройхен,— его надо прокипятить в трех водах, так как оно ядовито. Если первую из этих вод выпьет собака, она тут же издохнет».

Другие гренландские рыбаки говорят, что, наевшись мяса полярной акулы, собаки делаются сонливыми и «пьяными». Почему — этого они не знают. Неизвестно также, каким образом полярная акула, славящаяся апатичностью и всю жизнь проводящая на дне, умудряется ловить свою добычу. Однако в желудке полярных акул находили не только крупную треску и семгу, но даже тюленей, а у одной — северного оленя.

Частичное объяснение этому дает доктор Бьерн Бьерланд из Норвежского управления рыболовства, который обнаружил, что в глазах полярной акулы селятся микроскопические светящиеся ракообразные. Возможно, свечение привлекает рыб. (Но это никак не объясняет появления в брюхе акулы оленя.)

Эта медлительная акула, способная выдержать жизнь подо льдом, считается единственной представительницей крупных селахий в арктических водах. Ее близкий родственник (*Somniosus pacificus* Bigelow et Schroeder) был найден в северных областях Тихого океана и в Беринговом проливе, еще один (*S. rostratus* Risso) — в Средиземном море.

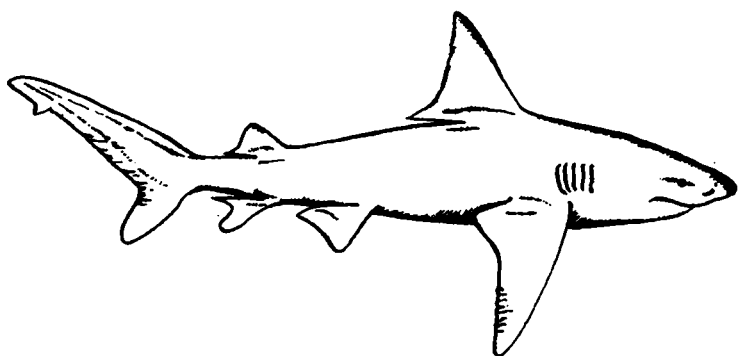
В чреве самок полярной акулы неоднократно находили огромное множество яиц, и хотя ни одно из них ни разу не было обнаружено в море, существовало поверье, что они откладывают свои яйца в ледяном иле, покрывающем дно арктических морей. Тайна эта была наконец раскрыта в 1954 году, когда возле островов Фарое поймали пятиметровую полярную акулу, в чре-

ве которой оказалось 10 детенышей. Таким образом наконец выяснилось, что акула эта из числа живородящих.

В течение многих веков норвежцы вели лов полярной акулы не только в Гренландии, где улов составляет в среднем 30 тысяч штук, и вдоль кромки арктических льдов, но и в самой Норвегии, так как полярная акула нередко заходит во фьорды, часто губя рыболовную снасть, поставленную на палтуса и другую рыбу. Охотятся на полярную акулу в первую очередь ради ее печени.

В своих скитаниях к югу от Ледовитого океана полярная акула спускается к Белому морю (берега России), Северному морю (северное побережье Британских островов) и иногда даже заходит в Ла-Манш (одну из них поймали в устье Сены). В Западной Атлантике она водится от Гренландии до залива Мэн. Ее тихоокеанская родственница, известная под названием спящей акулы, встречается от Аляски до Калифорнии и в азиатской части Тихого океана от Берингова моря до Северной Японии.

К этому же семейству *Dalatiidae* относится и маленькая люминесцентная акула (*Isistius brasiliensis* Quoy et Gaimard), не превышающая 45 сантиметров в длину, которая водится в теплых зонах Тихого, Атлантического и Индийского океанов, как правило, далеко от берегов. Несмотря на свои размеры, она так же прожорлива и кровожадна, как всякая пелагическая акула. В своем отчете о китобойной экспедиции, совершенной в прошлом столетии, доктор Ф. Д. Беннет писал: «Попав в плен, они яростно сражались, пытаясь выбраться на волю, и в нескольких местах порвали сети своими крепкими челюстями... Когда самый крупный из пойманных ночью экземпляров был принесен в темное поме-

щение, нашим глазам предстало удивительное зрелище. Вся наружная поверхность тела и головы акулы испускала яркое зеленоватое свечение, отчего это существо имело вид призрачный и поистине ужасный. Свечение было ровным и постоянным... Когда акула испустила дух (это произошло лишь через три часа после того, как ее вынули из воды), в области брюха свечение сразу же погасло; постепенно оно погасло и в других частях ее тела. Дольше всего светились челюсти и плавники»...

Еще меньших размеров, чем люминесцентная акула, редкий вид *Euprotomicros laticaudus* Smith et Radcliffe, обнаруженный только в нашем веке, когда с трехсотдесятиметровой глубины в заливе у Филиппинских островов были вытащены две акулы этого вида — самец и самка. Длина самца, несколько превышавшего по размерам самку, равнялась 15 сантиметрам. Судя по всему, это были не детеныши, а полностью развившиеся взрослые особи. Их крошечные, черные как смоль тела и белые плавники не могли принадлежать никому, кроме акулы.

Озерные и речные акулы. Единственный известный нам вид пресноводной акулы — акула озера Никарагуа (*Carcharhinus nicaraguensis Gill et Bransford*) — полностью приспособился к новой среде. Эта большая акула (средний размер ее 2,5, изредка 3 метра), которую теперь отождествляют с *C. leucas* — бычьей серой акулой, живет в озере Никарагуа, одном из самых больших озер Центральной Америки. Его единственная связь с Карибским морем — порожистая река Сан-Хуан протяженностью в двести километров.

Известно, что бычьи серые акулы любят заходить в солоноватые и пресные воды. Их встречают, в частности, в Панамском канале, где воды многочисленных озер смешиваются с водами двух океанов. Видели и даже ловили бычью серую акулу в озере Изабел, в Гватемале, а также в реке Атчафалая в Луизиане в двухстах пятидесяти километрах от моря. Говорят даже, что ее видели в глубине материка в каналах, которые перерезают Южную и Центральную Флориду, но это еще требует доказательств.

Акулы — не единственные выходцы из моря, обитающие в протянувшемся на сто шестьдесят километров озере Никарагуа. Там встречается также тарпан — большая морская рыба из семейства сельдевых, ближайшая родственница акул пила-рыба и их неизменные спутники — прилипалы. Акулы озера Никарагуа, известные ученым лишь с 1877 года, судя по всему, на редкость мерзкие твари. Весной 1944 года одна из них напала сразу на трех человек. Произошло это возле города Гранада, расположенного на берегу озера. Двое из подвергшихся нападению умерли. Туземцы утверждают, что по крайней мере один человек в год находит свою смерть в пасти акул. Очень часто жертвами акул оказываются со-

баки. Прожорливость и ненасытность этих акул хорошо известны местным жителям.

Между озером Никарагуа и меньшим по величине озером Манагуа протекает речушка Типитапа. Однако в Манагуа не живут ни акула, ни сельдь, ни пила-рыба.

Оба озера находятся в вулканическом районе Центральной Америки. Геологи выдвинули гипотезу, что в незапамятные времена¹ оба они являлись частью огромного залива, который оказался отрезанным от Тихого океана после многочисленных вулканических извержений и превратился в озера. Жившие там морские животные, таким образом, оказались в ловушке. По мере того как вода в озере становилась благодаря вливающимся в него рекам все более пресной, животные эти — во всяком случае, акула, пила-рыба и сельдь — постепенно приспособились к новым условиям и выжили.

Но почему акулы обитают только в одном из этих двух озер — в озере Никарагуа? Теория геологов не отвечает на этот вопрос. Не объясняет она и утверждения туземцев (так и не проверенного ихтиологами), будто в Никарагуа живут два вида акул: краснобрюхая тинторерос и белобрюхая визитанте, или иммигранте. Туземцы говорят, что визитанте мельче и «живей» тинторерос, так как они приплывают в озеро по реке Сан-Хуан, изобилующей порогами.

И действительно, несмотря на отмели и пороги, делающие реку Сан-Хуан почти непроходимой для судов, акула, хотя и с трудом, может подняться по реке из моря в озеро. Даже в наши дни туземцы не меньше опасаются акул из Сан-Хуан, чем той, что живет в самом озере Никарагуа.

¹ Животные, обитающие в озере Никарагуа, были отрезаны от океана лишь в четвертичное время. Это подтверждается тем, что в озере живут те же виды, что и в океане.

Если считать, что появление акул объясняется их приходом из моря, все же остается непонятным, что именно привлекает их в озеро Никарагуа.

Акулы-самки, пойманные в озере, иногда оказывались с зародышами, но размножаются они там или нет, до сих пор неизвестно. Правда, водятся они в озере в огромных количествах.

Рыбак, занимавшийся промысловым ловом этой акулы, сообщил, что за восемь месяцев он поймал без малого 7 тысяч штук (только две из них были тинторерос). Это похоже на типичное хвостовство рыболова, но нам доподлинно известно, что акул в озере такое множество и репутация их так плоха, что местные власти предложили награду за их истребление. За последнее время акул стало куда меньше, то ли в результате того, что их усиленно вылавливают, чтобы получить награду, то ли потому, что река Сан-Хуан делается все менее и менее проходимой.

Считалось, что акула озера Никарагуа — единственная акула, обитающая в пресных водах. Однако акул видели и в других пресноводных водоемах, от спокойной реки Дервент в Тасмании до оживленной реки Гудзон, протекающей в штате Нью-Йорк. В 1925 году акула неизвестного вида весом в 300 с лишним килограммов была обнаружена на берегу Гудзона возле городка Мальборо, находящегося в восьмидесяти километрах от Нью-Йоркского залива, — самое большое расстояние, на которое акулы заходили в глубь материка. По-видимому, акула погибла от столкновения с пароходом. В 1933 году несколько рыбаков видели акулу в самом Нью-Йорке у пристани, находящейся на 42-й улице, в шести кварталах от Таймс-сквер.

У истоков Амазонки в Перу — примерно в трех тысячах семистах километрах от устья этой великой реки —

была поймана акула неизвестного вида. Встречали акул и в окруженном со всех сторон сушей Парагвае. Путешественники, спускающиеся по рекам не исследованных и не нанесенных на карту районов Южной и Центральной Америки, слышали от туземцев рассказы об акулах.

Маленькая тропическая акула из семейства *Carcharhinidae*, живущая в Индийском океане, так называемая акула Вальбеми (*Scolidon walbeehmi*), отваживается на далекие странствия в пресные воды. В Таиланде, например, ее считают озерной акулой. Она кормится молодыми черепахами, которые водятся в озере Тейл-Сэп, и часто встречается в реке Паталунг, соединяющей это озеро с морем.

Один американский физиолог, изучающий болезни почек, сообщал, что видел акул, в том числе известных людоедов, в трехстах двадцати километрах от океана на реке Перак в Малайе. Он считал, что способность акул приспосабливаться к пресной воде каким-то образом связана с присутствием в их крови мочевины. У человека это является результатом болезни почек и приводит к уремии — отравлению организма продуктами белкового обмена и другими веществами. Этот физиолог полагал, что стоит узнать, как и почему путешествующие по рекам акулы не умирают от уремии, — и будет раскрыт секрет, как спасти от нее человека. Но он не мог ни доказать своей теории, ни обнаружить, почему акулы поднимаются по рекам. По правде говоря, нам почти ничего не известно о тех факторах, которые способствуют появлению этих незваных гостей во многих реках и озерах мира.

Пожалуй, ближе всех к истине индийцы, живущие на реке Ганг; они говорят, что акулы поднимаются по Гангу, так как там им легче найти добычу — человека. В ос-

новном это трупы, но акулы нападают и на пловцов, главным образом на пилигримов во время их ритуальных омовений в священных водах Ганга. Акул в Ганге так много, что они были выделены в особый вид — *Carcharias gangeticus* — гангская акула. Крупный индийский натуралист Фрэнсис Дей говорит, что эта акула редко упустит возможность напасть на человека. Он также отмечал, что покойники, которых, по обычаям тех мест, хоронят в водах Ганга, находят свою могилу, как правило, в желудке акул.

Кровожадная гангская акула ближе всего стоит к известным нам песчаной акуле (*Carcharias taurus*)¹ Атлантики и Средиземного моря и ее куда более опасной родственнице австралийской песчаной акуле (*Carcharias arenarius*). Хотя гангская акула занимается своим кровавым промыслом уже много столетий, мы до сих пор мало что знаем о ней. Жизнь человека дешева в тех местах, где «пасется» эта акула, и о смертных случаях в результате встречи с ней сообщают далеко не всегда. В какие реки заходит эта акула, точно неизвестно; известно только, что она водится в Индийском океане и встречается даже у берегов Японии². Любая река, впадающая в моря, где обитает эта акула, может стать ареной ее опустошительных набегов.

Еще одна акула, названная по имени реки, где она обитает, это акула реки Замбези (*Carcharhinus zambezensis*)³ из Южной Африки, которую впервые встретили в ста девяносто километрах от океана на реке

¹ Близкими родственниками гангской акулы являются серые акулы. Наоборот, песчаные акулы очень далеки от гангской. Ошибка авторов легко объясняется сходством в написании родовых имен.

² Гангская акула встречается в наших водах у Западного Сахалина.

³ Акулу реки Замбези и акулу озера Никарагуа в настоящее время отдельные ихтиологи объединяют в один вид.

Замбези. Эта акула, достигающая в длину 2,5 метра, имеет самую дурную репутацию не только на реке Замбези, но и на многих других реках южного и восточного побережий Африки. В докладе КИА от 1961 года упоминается нападение, совершенное этой акулой на реке Лимпопо в Мозамбике, в двухстах сорока километрах от океана. Эта речная акула также живет не только в пресной воде, ее встречают — и боятся — во всех омывающих Африку морях.

Акул, пилу-рыбу и скатов находили и в некоторых австралийских реках, но доказательств того, что они постоянно живут там, у нас нет. Некоторые из австралийских пресноводных акул — людоеды.

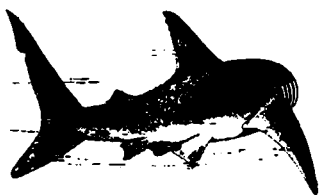
27 ноября 1921 года Герберт Джек шел по воде к своему ялику, стоявшему у причала в десяти метрах от берега Брисбейн-Ривер, в Брисбейне. Он нес на закорках восьмилетнего сына Джорджа. Вдруг кто-то схватил Джека за правое бедро. Это была акула. Отбиваясь от нее, он повернул к берегу. Но акула снова и снова кидалась на него, исполосовав ему зубами руку, которой он пытался ее ударить. Во время этой битвы Джордж соскользнул со спины отца. Как только мальчик исчез в воде, следом за ним исчезла акула. Тело Джорджа так и не нашли.

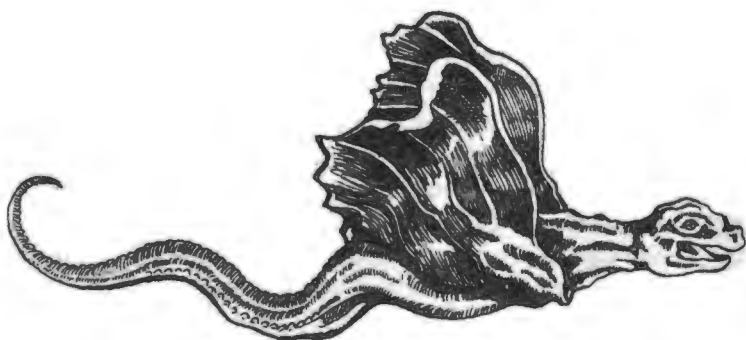
В Новой Гвинее и Папуа акул ловят в нескольких реках и по крайней мере двух озерах: в озере Сентани, расположенном на высоте 76 метров над уровнем моря и связанном с ним шестидесятикилометровой рекой, практически несудоходной, и в озере Джамур, расположенном на высоте 60 метров над уровнем моря. Акулы, обитающие в озере Джамур, считаются близкими родственниками акул озера Никарагуа, хотя вообще нам почти ничего не известно о новогвинейских видах, в частности являются ли они столь же кровожадными, как акулы из Никарагуа.

Злобные акулы, совершающие набеги на реки Австралии, Индии и Среднего Востока, водятся, видимо, в основном в тропических и субтропических районах. Но до тех пор, пока не выяснено, что привлекает акул в пресные воды, устье каждой реки может впустить к нам непрошенных гостей — селахий. Например, летом 1960 года в реке Делавэр (США) появилось столько акул, что полиция штата была вынуждена патрулировать берега реки, чтобы обеспечить безопасность купальщиков.

Акулы посещают, если и не живут там постоянно, и другие многочисленные пресноводные водоемы. Их видели в Японии, на Филиппинских островах, и по мере того как будут осваиваться малоисследованные области Африки, Центральной и Южной Америки, Индии и Северной Австралии, мы, возможно, будем встречаться все с новыми и новыми акулами в реках этих стран.

Большая часть акул, которые населяют и посещают пресные воды, распространены ниже тридцати градусов широты по обе стороны экватора, причем наибольшее их количество приходится на районы с наименьшими сезонными колебаниями температуры воды.

Глава десятая **БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННИКИ АКУЛ**

Непонятное существо, напоминающее формой сигару... еще одно, у которого вместо морды острая пила... еще одно, прикосновение которого пронзает вас электрическим током... еще одно, с шипом на хвосте, которым оно может не только ранить, но и убить вас... еще одно, которое с грохотом вздымается из морских пучин и снова погружает в глубину свое огромное тело, весящее тысячи килограммов и похожее по форме на летучую мышь. Все это скаты — мало известные нам родственники хорошо известной акулы.

В эту младшую ветвь семьи селажий входят собственно скаты и существа, являющиеся связующим звеном между акулами и скатами. Скатов впервые встреча-

ют в более поздние геологические эпохи, чем акул, но и они имеют вполне почтенный возраст. Старейшие члены этой группы ведут свою родословную начиная по крайней мере с верхнеюрского периода; другими словами, они появились примерно 130 миллионов лет назад¹.

Подобно своим ближайшим родственникам — акулам, скаты водятся везде: в тропических и полярных морях, возле берегов и в океанских пучинах. Некоторые из них проникли в пресноводные бассейны. В ходе эволюции возникли сотни отдельных видов скатов, и некоторые из них выработали единственную в своем роде защитную технику, помогающую им уцелеть в борьбе за существование. Но, как бы они ни отличались друг от друга, они остаются селажиями. По существу, это не что иное, как расплюснутые акулы. Они размножаются подобно акулам, плотоядны подобно акулам, и скелет их состоит из хряща — то, что отличает всех селажий от костистых рыб.

Большинство скатов — медленные, апатичные обитатели морского дна. (Но не все. В Индийском и Тихом океанах были обнаружены крупные пелагические виды, о которых мы почти ничего не знаем.) Жизнь на дне обусловила не только форму их тела, как правило, плоского, но и способ дыхания. Если бы, лежа на дне, они вдыхали воду через жаберные щели, которые у них расположены на животе, они бы втягивали вместе с водой песок и ранили нежные жаберные нити. Поэтому они вдыхают воду через брызгальца, расположенные на спине и снабженные клапаном, и выдыхают ее через жаберные щели. Если в брызгальце все же попадает какой-нибудь посторонний предмет — песок или кусочек водорос-

¹ Многие акулы появились одновременно со скатами, а некоторые, как, например, акулы-молот, кошачьи, серые акулы и другие, позже, чем основные семейства скатов.

ли,— скат и тут не теряется: он выбрасывает через брызгальце струю воды, а вместе с ней и посторонний предмет.

Скаты бывают самых различных размеров, от карликовых видов в несколько десятков сантиметров в поперечнике до огромного ската, получившего название гигантского морского дьявола (*Manta birostris*), достигающего 7—8 метров в ширину и весящего около 1500 килограммов.

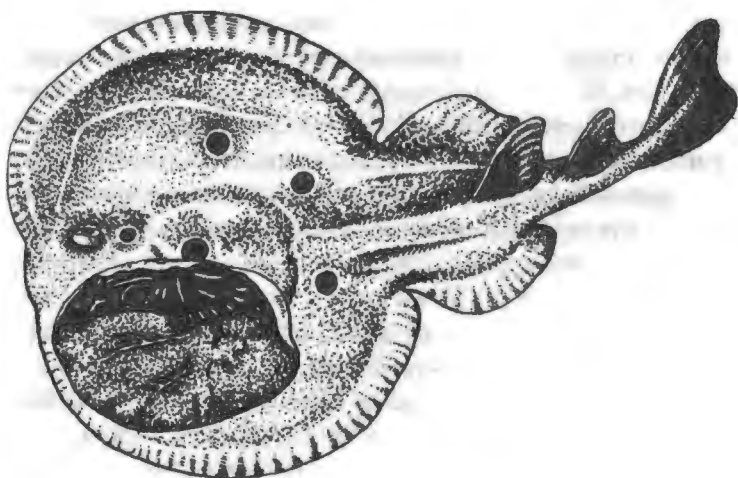
Ни у одного известного нам вида скатов нет острых зубов, отличающих большинство акул. Это или похожие на шипы выступы, расположенные на широком основании, или закругленные пластинки, обычно собранные в мозаичные серии. Такое устройство пасти вызвано тем, что основной пищей обитающих на морском дне скатов являются моллюски и ракообразные, панцирь которых необходимо дробить.

Переходим к более детальному рассмотрению отдельных скатов.

Семейство *Torpedinidae* — электрические скаты. Семейство электрических скатов, включающее в себя более 30 видов, стоит особняком от всех остальных семейств. Встречаются они во всех морях и океанах мира.

Электрические скаты так занимали воображение древних, что мы находим их на этрусских вазах, в римской мозаике, на египетских фресках и встречаем в греческих мифах.

Наше слово «наркотик» пришло из греческого языка, где электрический скат назывался нарке — приводящая в оцепенение, «поражающая» рыба. Греки верили, что эта рыба может «зачаровывать» как других рыб, так и рыбаков. Поскольку Сократ подобным образом зачаровывал — а возможно, приводил в оцепенение — слушате-

лей своим ораторским искусством, его сравнивали с нарке — электрическим скатом.

Тайна, окружавшая электрических скатов, многие годы продолжала привлекать ученых, но лишь сравнительно недавно было наконец выяснено, чем вызвана их способность генерировать электричество. Электрические органы их состоят из двух групп высокоспециализированных клеток, по группе с каждой стороны дискообразного тела ската. В этих органах способность генерировать — порождать электричество, — свойственная всем мышечным клеткам, возросла в тысячи раз.

Электрический орган состоит из множества колодцев, идущих вертикально по отношению к поверхности тела, так, что они напоминают соты. Каждый такой колодец, состоящий из 375 и более дисков, наполнен студенистым веществом. Диски эти выполняют ту же функцию, что электроды в батарее, и больше всего напоминают самый примитивный вольтов столб — серебряный

и цинковый диски, разделенные влажным сукном,— из которого возникли современные батареи. К этим органам из особой «электрической доли» мозга ската ведут четыре больших нервных ствола. Эти стволы разветвляются в сложную сеть тонких нервных волокон, соединенных с дисками. Электрический скат может произвольно пускать в ход это единственное в своем роде оружие, для того чтобы защититься от врага или оглушить добычу.

Эта органическая батарея производит самое настоящее электричество, которое может дать искру, раскалить нити электрической лампы, отклонить в сторону стрелку компаса, а подведенное к телефонному аппарату — передавать звук.

Продолжительное использование его электростанции утомляет ската, так как на производство электричества ему нужно затрачивать энергию. Напряжение электричества становится все меньше и меньше, и скату требуется некоторое время, чтобы восстановить энергию, необходимую для его генерирования. Максимальный вольтаж, данный электрическим скатом, равен 220 вольт. Новорожденный электрический скат начинает вырабатывать электричество с того мгновения, как покидает чрево матери, но, судя по всему, в процессе рождения мать никак не страдает от своего гальванического отпрыска.

Электрический скат может очень сильно ударить электричеством рыбака или пловца, который дотронется до него. Один рыбак из Провинстауна, Массачусетс, рассказывал, что ему неоднократно приходилось испытывать эти «удары», которые «валили его с ног, как удар топора». Подводные охотники, попавшие в электрического ската из гарпунного ружья, испытывают весьма

болезненные ощущения при попытке вынуть из тела ската металлический гарпун или копье.

Большую часть жизни электрические скаты проводят на дне моря, частично зарывшись в песок и ил, где они почти незаметны благодаря своей темной окраске. Повидимому, там они поджидают добычу и оглушают ее при малейшем прикосновении. В желудке одного электрического ската были найдены восьмисотграммовый угорь, четырехсотграммовая камбала и лосось весом около полутора килограммов. Ни на одной из этих рыб не было никаких следов зубов.

Чтобы выяснить, как электрический скат использует свои электрические органы для оглушения добычи, был поставлен следующий опыт: двадцатитрехсантиметровой дохлой ставриде прикрепили электроды и затем потащили ее на веревке мимо находящегося в аквариуме ската. Скат стремительно бросился на рыбу. В то время как он обхватил рыбу своими грудными плавниками, электроды отметили сильный электрический разряд. Если бы ставрида была жива, такого разряда вполне хватило бы, чтобы парализовать ее и позволить скату беспрепятственно ее проглотить.

Семейство *Rajidae* — обыкновенные скаты. Несмотря на свою безобидность, обыкновенные скаты оказались героями множества нелепых рассказов и ложных слухов. Их яйца — капсулы, где содержится зародыш, — самой невероятной формы и самой различной величины (от 20 сантиметров в длину и 14 в ширину до 6 сантиметров в длину и 2,5 в ширину), которые находили на побережьях всех морей, называли «кошельками русалок», а сами скаты дали начало легендам о морских чудовищах. Высушенные скаты, которым хитрые моряки и торговцы редкостями придавали самые причудливые

формы, уже со времен древности продавались в качестве сувениров. Торговля ими шла главным образом на Востоке. Моряки покупали там морские диковины и привозили домой, в Европу и Америку. Эти высушенные скаты продавались под именем рыбы-обезьяны, василиска, русалки, морского орла, а иногда Дженни Хэнивер.

Скат представляет собой модифицированную форму глубоководной акулы, приспособившейся к жизни на морском дне¹.

В процессе эволюции цилиндрическое тело акул стало плоским, боковые плавники увеличились в размерах, основание их становилось все шире и шире, пока передний край не достиг головы, и наконец тело их приняло теперешнюю дискообразную форму.

Этот невероятно долгий эволюционный процесс в ускоренном виде можно проследить на зародыше ската, который в своем развитии проходит целый ряд «акульих» стадий.

Скаты относятся к яйцекладущим селажиям, и их продолговатые яйца-капсулы, по существу, ничем не отличаются от яиц яйцекладущих акул. Но вместо длинных отростков от четырех углов яйца отходят твердые заостренные «рожки». С одной стороны яйца обычно покрыты какой-то клейкой массой, к которой прилипают мелкие камушки, раковины и кусочки водорослей, помогающие яйцу удерживаться на дне. С этой же целью — не дать яйцу сдвинуться с места — рожки втыкаются в покрытое илом или песком дно, которое скаты обычно выбирают для откладывания яиц.

Наполовину зарытое в ил, покрывающий морское дно, или уютно пришвартовавшееся к подводной скале или другой якорной стоянке, яйцо становится инкубато-

¹ С к а т ы — это придонные, но никак не глубоководные рыбы.

ром для зародыша, который развивается в нем. (У некоторых видов обыкновенных скатов, например у *Raja binoculata*, в одном яйце бывает до семи зародышей!) Яйцо остается домом зародыша в течение долгого времени, не меньше четырех с половиной месяцев, а для некоторых видов — пятнадцать месяцев. Крепкое, вооруженное «рожками» яйцо предохраняет зародыш от хищников и, что еще важнее, снабжает его тем, без чего невозможна жизнь,— кислородом. То ли путем осмоса, то ли благодаря крошечным отверстиям, пронизывающим «скорлупу» яйца, морская вода проникает внутрь, принося с собой кислород, и уходит наружу, унося углекислый газ. Таким образом, уже на ранних стадиях инкубационного периода зародыш оказывается в той среде, где скату предстоит прожить всю жизнь.

Зародыш окружен питательным белковым веществом. Возможно, помимо белка в его меню входят некоторые питательные вещества, находящиеся в морской воде. У некоторых видов белок служит также для герметической закупорки щелей, имеющих в «скорлупе». У других видов щели закрывает особая пленка. Когда щели эти (проходящие по «рожкам» яйца) открываются, вода свободно омывает зародыш. После того как инкубационный период закончен, скат выбирается через узкую щель наружу и начинает самостоятельную жизнь.

У многих скатов, живущих у берегов Атлантического и Тихого океанов, имеются электрические органы, расположенные на хвосте. Мощность электроэнергии, вырабатываемой этими органами, невелика, и нам не известно ни одного случая поражения человека таким электрическим зарядом. По своему устройству эти органы отличаются от электрических органов на теле электрического ската. У электрических скатов они соединены с головным мозгом, у обыкновенных скатов — со спинным.

Электрические органы обыкновенных скатов и их способность вырабатывать электричество очень плохо изучены, в отличие от соответствующих органов электрического ската. Правда, опыты, проведенные за последнее время в Японии, во время которых были изучены 22 вида скатов, показали, что у всех этих видов электрические органы располагаются на хвосте. Вполне возможно, что все без исключения скаты способны вырабатывать электричество, хотя пока не известно, с какой целью.

Обыкновенные скаты плавают, волнообразно изгибая боковые плавники, что напоминает движение крыльев птицы. Но, как правило, они лежат на дне, наполовину зарывшись в ил или песок. Поскольку рот их расположен на нижней стороне тела, они, по-видимому, не могут поймать движущуюся добычу, кинувшись вперед; обычно скат старается оказаться над добычей, затем внезапно «падает» на нее и пожирает. Едят скаты крабов, креветок, раков, моллюсков и мелкую рыбу.

Обыкновенные скаты живут в субтропических, умеренных и северных широтах.

Рыболов, приманку которого схватит обыкновенный скат, часто бывает удивлен и разочарован, вытащив наконец свою добычу. Дело в том, что, попав на крючок, скат прижимает края тела ко дну, между нижней его поверхностью и дном образуется вакуум и отодрать его ото дна нелегко. Рыболов думает, что поймал очень большую рыбу, и, естественно, разочарован, увидев на конце лесы всего лишь небольшого ската.

Хотя нет фактов, свидетельствующих о том, что какие-либо виды скатов постоянно живут в пресной воде, некоторые из них заходят по рекам очень далеко от моря. В 1883 году в Англии поймали ската на реке Аузе в ста километрах от моря. В 1929 году поймали ската на реке Янцзы, в Китае.

Хотя, как правило, обыкновенные скаты живут на мелководье или на глубине, не превышающей двести метров, некоторые из них обитают на больших глубинах. Известно по меньшей мере 7 видов, живущих в самых глубоких местах океана — на глубине более двух тысяч метров.

Одну из наиболее многочисленных групп скатов представляют собой колючехвостые скаты.

Колючехвостые скаты гораздо шире распространены в соленых и пресных водоемах мира, чем обыкновенные скаты, и, соответственно, гораздо разнообразнее по своим формам. Они встречаются в пресных водах, иногда за тысячи километров от моря. Они живут в самых глубоких местах океана и на отмелях у берегов всех континентов.

Типичные колючехвостые скаты напоминают по форме детский воздушный змей с хвостом. Если посмотреть сверху на колючехвостого ската, лежащего на морском дне, он покажется бесформенной инертной массой, совершенно неподвижной, если не считать безостановочного «мигания» двух странных овалов, похожих на глаза; это — брызгальца, как и настоящие его глаза (которые, кстати, никогда не мигают), расположенные на спине.

Но первое впечатление обманчиво. Колючехвостый скат не всегда лежит, распростершись на дне; часто он «парит» в воде и даже «летит», махая своими боковыми плавниками, словно птица крыльями, и взбаламучивая ил и песок, чтобы легче было проглатывать живущих на дне рачков и моллюсков. И уж никак не назовешь его инертным, когда он вдруг стремительно взмывает со дна вверх.

Колючехвостые скаты почти не отличаются по виду от обыкновенных скатов, если не считать того, что обыкновенные скаты обычно длинноносы, а колючехвостые скаты — коротконосы. Существует и другое, не ихтиологическое, так сказать, различие: насколько нам известно, обыкновенные скаты не опасны, а некоторые виды колючехвостых скатов вооружены очень грозным оружием — хвостовым шипом.

Кроме того, в отличие от обыкновенных скатов, колючехвостые скаты не яйцекладущи, а яйцеживородящи и рожают живых детенышей (после того как они «вылупились» из яйца в утробе матери). Детеныши некоторых видов колючехвостых скатов необычайно велики, если сравнивать их с матерью. Известен случай, когда пойманная самка колючехвостого ската (*Rhynoptera bonasus*) шириной в 60 сантиметров, после того как ее стукнули колотушкой по голове, чтобы немного успокоить, тут же в лодке разродилась двумя детенышами, каждый по 22 сантиметра в длину (от кончика носа до конца брюшного плавника) и 32 сантиметра в ширину. Самка другого вида (*Dasyatis sayi*) имела 92 сантиметра в ширину и 89 в длину. При вскрытии в ней обнаружили двух детенышей почти одинаковой величины. Одного из них измерили. Он был 36 сантиметров в длину и 13 в ширину, плюс хвост в 24 сантиметра.

Самка колючехвостого ската может безболезненно производить на свет таких огромных детенышей благодаря тому, что плоскотелые зародыши скатаны в чреве матери в трубку, напоминающую по форме сигару. Как только детеныш покидает тело матери, он разворачивается и уплывает.

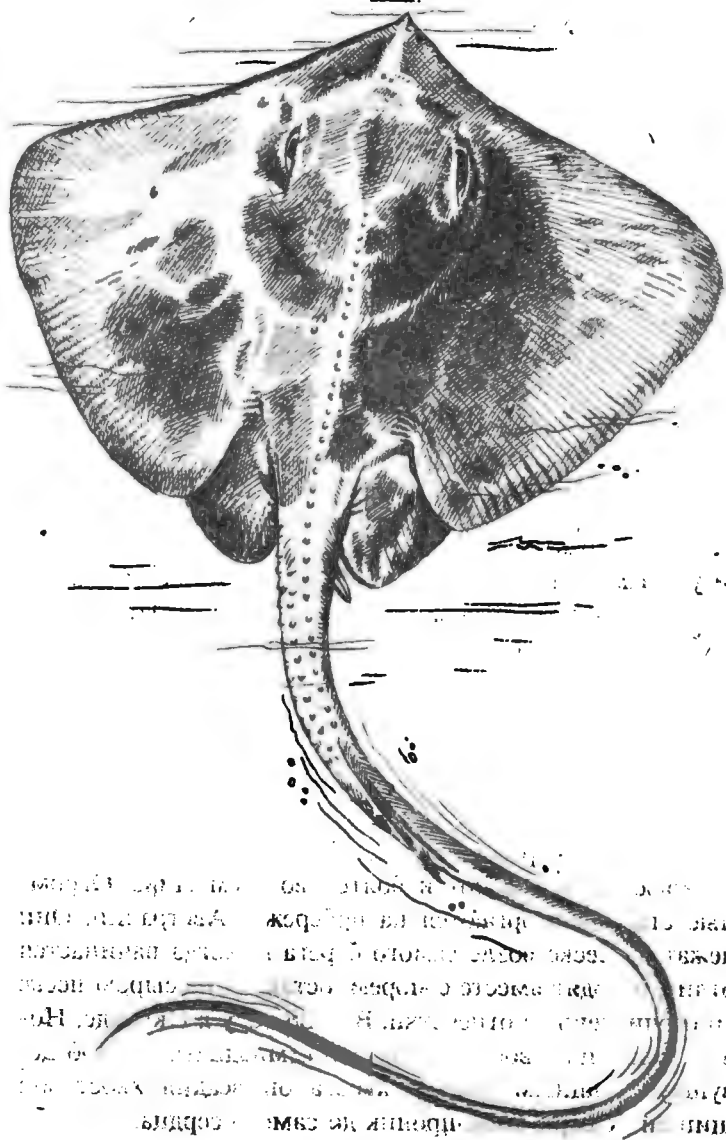
Рассмотрим несколько самых интересных семейств, входящих в эту группу.

Семейство *Dasyatidae* — хвостоколы. «...Нет ничего страшнее, чем шип, который торчит из хвоста хвостокола... Это грозное оружие может пронзить дерево, и дерево умрет; оно может также пронзить броню, как железная стрела, а к силе железа в нем добавлена еще и сила яда» (из «Естественной истории» Плиния).

Если Плиний не ошибался, теперешние хвостоколы сильно отличаются от древних. Они не пронзают ни броню, ни деревья. Но, без сомнения, их хвостовой шип наносит очень болезненные, а иногда и смертельные раны. Согласно некоторым версиям «Одиссеи», наконечник копья, которым Телегон убил Одиссея, был сделан из хвостового шипа хвостокола, данного Телегону волшебницей Цирцеей.

Шип хвостокола является таким прекрасным оружием, что с давних времен используется человеком. Копья с наконечниками из одного или нескольких шипов были у туземцев многих островов Тихого океана, у малайцев, у охотников индейских племен Южной и Центральной Америки и аборигенов Австралии. В Конго и тропической Западной Африке путешественники видели страшные плети, сделанные из колючих хвостов африканской разновидности хвостокола. На Цейлоне еще совсем недавно такие плети использовались для наказания преступников. А на островах Сейшельского архипелага с их помощью держали в узде... жен.

Хвостоколов знают и боятся во всем мире. Огромные стаи их вторгаются на побережье Австралии. Они лежат на песке возле самого берега и, когда начинается отлив, отходят вместе с морем, оставляя на сыром песке многочисленные отпечатки. В 1938 году в Окленде, Новая Зеландия, хвостокол убил восемнадцатилетнюю девушку. Мощным ударом хвоста он всадил хвостовой шип ей в бедро, и он проник до самого сердца.

Известно около 30 видов хвосток¹олов, все — с длинным, похожим на плеть хвостом, вооруженным ядовитыми колючками. У большинства хвосток¹олов на хвосте находится всего один шип, у некоторых два, а иногда три и четыре. Острие шипа, который бывает от 20 до 40 сантиметров в длину, покрыто тонкой оболочкой — «ножами», — которая оттягивается назад, к основанию шипа, когда острие вонзается в жертву.

Шип очень тверд, по форме напоминает кинжал с острым концом. Края его покрыты небольшими зубчиками, направленными к основанию шипа. Благодаря им шип удерживается в ране и от него не так-то легко избавиться. По нижней стороне шипа вдоль краев идут два глубоких желобка. По этим желобкам стекает яд, химический состав которого пока не выяснен.

Раны, нанесенные хвосток¹олом, всегда болезненны и часто опасны. Как ни странно, они широко распространены. Подсчитали, что в США за год бывает примерно 1500 нападений хвосток¹олов. Чаще всего человек наступает на хвосток¹ола, неподвижно лежащего на мелководье и наполовину скрытого песком. Немедленно следует удар хвостом. Если известно, что поблизости есть хвосток¹олы, самое лучшее — идти по воде волоча ноги. Этим вы не только уменьшите опасность наступить на хвосток¹ола, но и прогоните его.

Яд, который выпускают хвосток¹олы, вызывает мучительную боль и может привести к параличу. Пьер Ля-тиль, французский натуралист, приводит два случая, свидетельствующие о силе этого яда. У одного из пострадавших, которому шип лишь «слегка оцарапал» большой палец руки, поднялась температура и в течение трех месяцев была частично парализована рука. Другой, которому хвосток¹ол также оцарапал руку, два дня страдал от жестоких болей.

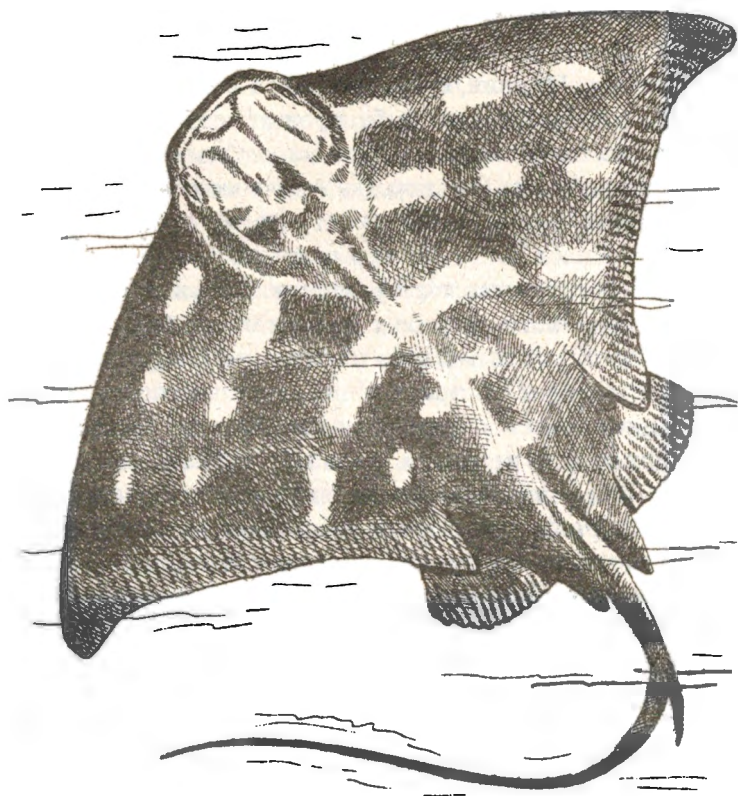
Шип хвосткола — оборонительное оружие и не пускается им в ход, чтобы оглушить добычу, несмотря на утверждение Плиния, будто хвосткол «лежит в засаде и, когда мимо проплывает рыба, пронзает ее шипом». Кормится хвосткол главным образом червями, моллюсками и ракообразными, нередко уничтожая целые колонии устриц.

Хвостколов часто видят в открытом море, но больше всего их на мелководье у берегов. В тропических морях их так много, что, по словам одного ученого, «кажется, будто дно вымощено их телами». По форме хвостколы делятся на три группы: круглые, похожие на воздушных змеев и ромбовидные. Хвосты всех видов обычно, хотя и не всегда, длинные, похожие на плеть. Шип — или шипы — расположены в верхней части хвоста, примерно в одной трети расстояния от его начала.

Виды хвостколов сильно разнятся по величине. В Атлантическом океане водится вид (*Dasyatis sabina* Lesueur), который не превышает 50 сантиметров в ширину, и другой вид (*Dasyatis centroura* Mitchell), достигающий 1,5 метра в ширину и 3 метров в длину. Самым большим хвостколом является хвосткол капитана Кука (*Dasyatis brevicaudata* Hutton), живущий в австралийских и новозеландских водах. Его размеры — 2 метра в ширину и около 5 метров в длину.

Семейство *Myliobatidae* — орляки. Орляки — большое семейство, расселившееся во всех морях тропического и умеренного пояса, — имеют ромбовидное тело и длинный, похожий на плеть хвост с ядовитыми шипами. Они очень велики: некоторые достигают в ширину 2 — 2,5 метров и весят до 350 килограммов.

Орляки также питаются ракообразными, и их любовь к устрицам привела к тому, что рыбаки Тихого

океана в некоторых местах воздвигли вокруг устричных банок загородки из деревянных кольев, вбитых в дно на расстоянии пятнадцати сантиметров один от другого, так что орляки, у которых очень большой размах плавников, не могут проникнуть внутрь. Орляки, вооруженные дробящими зубами, хорошо приспособленными для того, чтобы раздавливать раковины устриц, нападают также и на банки моллюсков, применяя при этом, по сло-

вам очевидца, следующую технику: «Орляк плывет над самым дном, пока не встретит идущих вверх потоков воды, вызванных дыханием моллюсков. Тогда он начинает хлопать грудными плавниками так, что моллюски в результате отрываются от дна и попадают к нему в рот. Иногда он таким способом оголяет дно на больших площадях».

Один из видов орляков — длиннозубый орляк (*Aetobatus narinari Euphrasen*), большая пятнистая тварь, живет в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах, а также в Красном море. Вес его доходит до 225 килограммов, размах «крыльев» составляет 2,5 метра. У основания его длинного хвоста находится пять шипов, содержащих в себе яд.

При рождении детенышей самка длиннозубого орляка выпрыгивает в воздух; в Австралии его зовут скат-прыгун.

Этот орляк, по-видимому, использует свою выдающуюся вперед нижнюю челюсть для того, чтобы, как лопатой, «сгребать» с песчаного дна устриц и крабов. Ловко раздавливая раковины, он целиком проглатывает моллюска. Когда длиннозубый орляк попадает в неволю, он иногда издает звук, напоминающий лай.

Семейство *Mobulidae* — морские дьяволы. Сияет солнце. Безмолвна морская синева. И вдруг из ее пучин, словно ядро из пушки, взметается огромное сверкающее тело. Мгновение — и с грохотом, подобным грому, чудовище вновь низвергается в глубину. Море по-прежнему безмолвно.

Те, кто был свидетелем этого зрелища, никогда его не забудут. Они видели гигантского морского дьявола (*Manta birostris Donndorff*) — исполина морских пучин, достигающего 6 метров и более в ширину и весящего до 1400 килограммов. Гигантский морской дьявол, или

манта, и его более мелкие родственники, принадлежащие семейству Mobulidae, судя по всему, покинули морское дно, где живут все прочие скаты, ради куда более привольной жизни на поверхности моря. Часто можно видеть, как сразу несколько мант играют на воде, выпрыгивая на полтора метра в воздух, вероятно, чтобы избавиться от докучающих им паразитов. Иногда они кувыркаются в воздухе, ныряя вниз головой, а затем поворачиваются на боку, делая эффектное «колесо», при котором грудные плавники поочередно скрываются и вновь появляются из воды.

Сила, которая необходима для такой акробатики, пускается также в ход, когда гигантский морской дьявол оказывается на гарпуне. Одно такое чудовище в 7 метров шириной тянуло на буксире восьмиметровый мотобот около шестнадцати километров, причем часть пути якорь мотобота волочился сзади по дну. Спустя пять часов скат все еще был жив, хотя в его теле к тому времени сидело четыре гарпуна и несколько пуль.

Морские дьяволы, названные так из-за своих головных плавников, которые, свернутые в трубку, торчат вперед, словно рога, очень широко распространены, но в основном они обитают в теплых широтах океанов и в Средиземном море.

Все манты сходны по своим повадкам. Все они живут возле поверхности воды, все прыгают, все, по-видимому, вдыхают воду не через брызгальца, которые у них относительно малы, а через рот. Эта последняя черта отличает их от прочих скатов.

Но между несколькими — не более полудюжины — известными нам видами мант существуют и большие различия. Все семейство делится на три рода: морской дьявол, который имеет зубы в обеих челюстях; цератобатис, имеющий зубы только в верхней челюсти, и ман-

та, имеющая зубы только в нижней челюсти. (Помимо этого они отличаются еще и тем, что у морского дьявола и цератобатиса пасть расположена на нижней поверхности головы, а у манти — на конце.)

Малый морской дьявол, также называемый манта, достигает в ширину метра с небольшим.

Рассел Коулз, много лет занимавшийся наблюдениями над селажиями, знакомит нас со многими интересными фактами, касающимися малых морских дьяволов. Однажды он видел, как несколько манти преследовали стаю миног и «то выпрыгивали из воды на отмель, так что тело их наполовину оказывалось на песке, то снова с быстротой молнии кидались в воду и исчезали в разных направлениях». Коулз говорит, что когда манти приближались к стае рыбы, их головные плавники-рожки «раскрылись и, встретившись ниже пасти, образовали воронку, через которую они втягивали в себя миног. Как только все было кончено, головные плавники снова свернулись в тугие трубки».

Говорят, что эти головные плавники, торчащие, словно рога, на «лбу» манти, немедленно обхватывают любой предмет, коснувшийся головы. Однако сила этой «хватки», по словам тех, кто имел с ними дело, невелика. Нам вообще не известно ни одного случая нападения манти на человека.

Полагают, что детеныши манти часто появляются на свет во время прыжков их мамаш. Тот же Коулз описывает такой случай: «Почти сразу же после того, как в манти попал гарпун, она перекувырнулась «колесом», и в тот момент, как хвост стал перпендикулярно поверхности воды, из ее тела исторгнулся зародыш и отлетел метра на полтора. Появился он из чрева матери хвостом вперед, свернутый в цилиндр, но в ту же секунду развернулся, и его грудные плавники, которыми он махал, как

крыльями, задержали его падение в воду до того момента, как исчезла его мать. Я уже схватил его, но тут он был увлечен под воду движением грудных плавников огромного самца, который все это время находился неподалеку от самки».

Самой маленькой из мант — карликом в семье морских дьяволов — является дьявольская манта, достигающая всего 60 сантиметров в ширину.

Гигантская манта (*Manta birostris*) живет в тропических и субтропических водах северного и южного полушарий.

Гигантские манты являются примером того, как гиганты могут страдать от пигмеев. Внутри их «рожек» поселяются микроскопические паразиты, а внутри челюстей — большие паразитические ракообразные, чаще всего изоподы. Немецкий зоолог и подводный охотник Ганс Хасс, который наблюдал за морскими дьяволами под водой на близком расстоянии, считает, что у них есть свои лощманы, которые заплывают им в пасть и поедают паразитов.

Самка гигантского морского дьявола, по-видимому, вынашивает всего одного детеныша, часто огромных размеров. Самый большой известный нам зародыш весил 9 килограммов и имел в ширину 1 метр 25 сантиметров.

Связующие звенья

Говорят, в семье не без урода. Это относится и к такой старой почтенной семье, как селахии. Акулы, входящие в нее, в основном выглядят акулами, а скаты — скатами, но в рядах селахий есть четыре группы «уродов». Эти группы, выделенные в системе всей классификации в семейства, включают селахий, которые не похожи ни

на типичных акул, ни на типичных скатов. По всей видимости, это — звенья между теми и другими, причем не отсутствующие, а вполне «присутствующие» звенья, так как селахии эти широко распространены в морях и океанах всего мира¹.

Мы познакомим вас с ними по очереди. Первые два семейства — длинные скаты и пила-рыбы — скаты, хотя ничуть на них не похожи. Вторые два — пилоносы и морские ангелы — акулы, хотя, глядя на них, этому трудно поверить.

Семейство *Rhinobatidae* — длинные скаты. На вид полуакула-полускат, на самом деле настоящий скат, который вовсе не стоит между этими двумя ветвями селахий. Знаем мы о нем очень мало. По форме его плоское тело напоминает смычковый музыкальный инструмент; англичане называют длинного ската гитара-рыба, французы — скрипка, австралийцы — скат-скрипач или акула-банджо.

Длинные скаты водятся в тропических и субтропических прибрежных водах всех океанов. Самый большой из известных нам длинных скатов (*Rhynchobatus djiddensis Forskal*) живет в Индийском и Тихом океанах. Говорят, что он достигает 3 метров в длину и весит 225 килограммов.

Подобно скатам, они яйцеживородящи, в отличие от скатов они движутся толчками, которые производят хвостом. (Грудные плавники помогают им лишь подни-

¹ Скатов и акул принято противопоставлять друг другу как две крупные самостоятельные группы. Главные различия между акулами и скатами связаны с их образом жизни: акулы активно плавают в толще воды, скаты ведут малоподвижный образ жизни и кормятся на дне. Что касается связующих звеньев, то они переходны между акулами и скатами лишь по своему внешнему виду и зачастую эта «переходность» вторична и не свидетельствует о промежуточном положении рыбы между акулами и скатами.

маться, опускаться и изменять направление.) Нижняя часть тела, где расположены жаберные щели, уплощена, как у всех скатов. Эта двойственность строения отразилась и на их повадках,— иногда, подобно скатам, они лежат, наполовину зарывшись в песок или ил, иногда плавают, правда обычно неподалеку от дна.

Помимо рыбаков, обвиняющих длинных скатов в том, что они пожирают устриц, и ихтиологов, заинтригованных их биологической эксцентричностью, мало кто интересуется длинными скатами. Даже для рыболовов они не представляют интереса, потому что лежат на мелководье и, чтобы поймать их, не нужно даже лесы и крючка; достаточно наклониться и схватить их за хвост.

Семейство *Pristidae* — пилы-рыбы. Пила-рыба — одна из самых странных форм, в которые силы эволюции отлили селакхий. Ее длинное плоское рыло больше всего напоминает пилу с редкими зубьями. Эти зубья — от 16 до 32 на каждой стороне «полотнища» «пилы» в зависимости от вида — не что иное, как видоизменившиеся плакоидные чешуи, или кожные зубы. (В отличие от зубов, которые находятся в пасти акулы, эти зубы очень крепко держатся в глубоких лунках на состоящей из хряща «пиле». Это явилось следствием многовекового развития, так как на окаменелых «пилах» доисторической пилы-рыбы, сохранившихся до наших дней, нет лунок и зубы, по-видимому, держались прямо в коже¹.)

¹ В ископаемом состоянии действительно иногда сохраняются усаженные зубами окаменевшие «пилы» пил-рыб. Остатки обнаружены в Сибири и Северной Африке, а отдельные зубы часто находят в Западной Европе, Северной Америке, а также — в Казахстане и Средней Азии. Пил-рыб делят на два подсемейства: у представителей одного из них зубы на «пилах» сидят в лунках, у представителей другого (вымершего) зубы прикреплялись связками к ровной поверхности хряща. В ископаемом состоянии находят представителей обоих подсемейств.

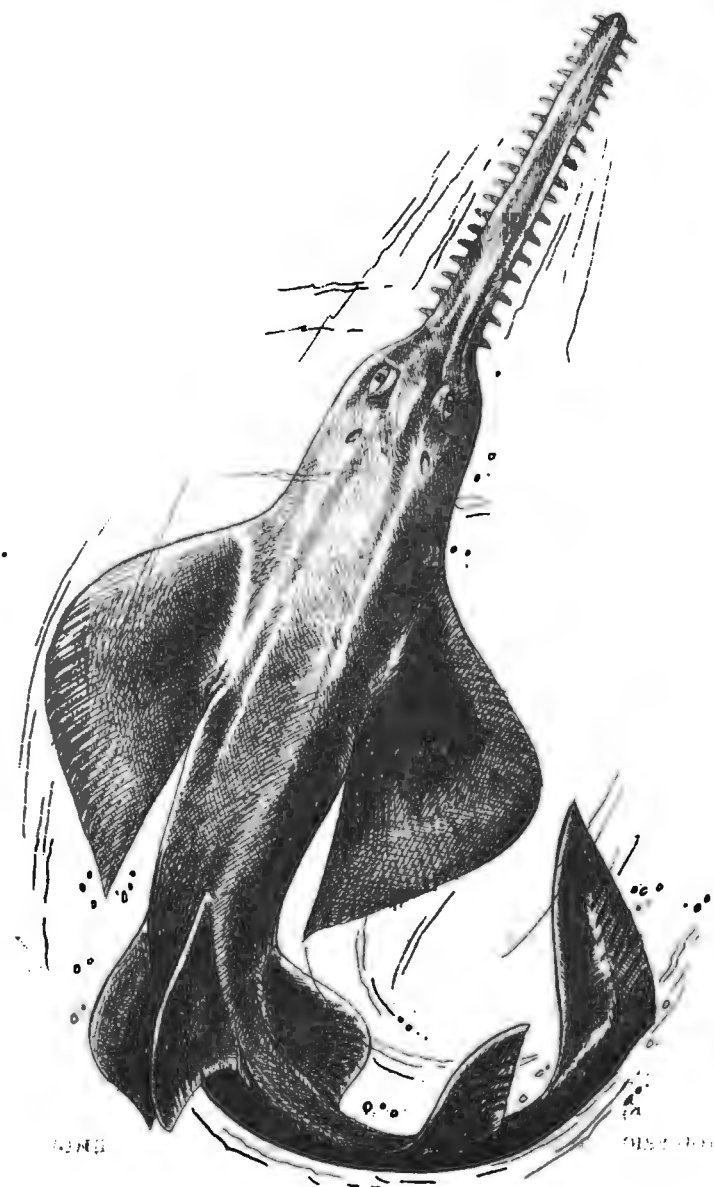
Эти зубы очень остры и, если верить авторитетным источникам, могут нанести смертельные раны. Больше всего пил-рыб боятся в Панамском заливе, где ими было совершено несколько нападений на человека, закончившихся смертью жертвы. Доктор Фрэнсис Дей, выдающийся ученый, занимавшийся рыбами Индийского океана, сообщал о том, как пловец был рассечен надвое ударом «пилы». Интересное описание атаки пилы-рыбы дает очевидец, писатель Хиат Веррил в своей книге «Удивительные рыбы»: «...Когда я был на побережье Юкатана, один из туземцев моей партии зашел на мелководье с небольшим копьем, которым они бьют рыбу, в надежде поймать осьминога, считающегося здесь лакомством. Внезапно он испустил отчаянный вопль и начал беспорядочно тыкать копьем в воду. Через несколько мгновений он выбежал на берег. На его копье была метровая пила-рыба, которая разодрала ему своей «пилой» икру правой ноги, без малейшей провокации с его стороны. К счастью, рана была не очень серьезная, так как «пила» не достигала и 20 сантиметров в длину, а зубы по краям ее были чуть больше, чем лезвие самого маленького скальпеля».

Человеку, о котором рассказывает Веррил, повезло. На него напал младенец. Ведь у взрослой пилы-рыбы, имеющей 6 метров с лишним в длину, «пила» достигает 2 метров. А такие экземпляры встречаются очень часто. В Юго-Восточной Азии пила-рыба достигает 9 метров в длину, с «пилой» от одной четверти до одной трети длины всего тела. Зеленая пила-рыба (*Pristis zijsron Bleeker*) — австралийский вид — бывает до 7 метров в длину и считается очень опасной, пятиметровая пила-рыба, пойманная у берегов Техаса, весила 586 килограммов, а чудище, пойманное в Западной Индии, — примерно 2385 килограммов.

В течение столетий идет спор о том, как именно пила-рыба применяет свое оружие. Натуралист XVI века Олаус Магнус, архиепископ Упсалы в Швеции, писал, что пила-рыба «подплывает под корабль и разрезает его, чтобы в отверстие хлынула вода и она могла пожрать людей, когда корабль пойдет ко дну». А живший в XVIII веке английский натуралист Джон Латам рассказывает о битве между несколькими пилами-рыбами и китом, во время которой «они напали на него все вместе и вскоре одержали победу». Ясно, что пилу-рыбу надо было еще изучать и изучать.

Однако такая возможность представилась только совсем недавно, когда С. М. Бредер в течение долгого времени наблюдал за пилою-рыбой (вид *Pristis pectinatus* Latham) в океанариуме морской лаборатории на Бимини-Айленд (один из Багамских островов). Пилу-рыбу кормили мелкой рыбой или кусками крупной. Когда пищу клали на дно, пила-рыба, подобно скату, останавливалась над ней и подхватывала ее своим длинным и узким, как щель, ртом. Когда пища плавала на поверхности или в толще воды, пила-рыба ударяла ее сбоку «пилой» и накалывала на один из зубов. Затем опускалась на дно, «соскребала» пищу с зуба, вода «пилой» по дну, и тут же пожирала ее. Рот пилы-рыбы расположен снизу, позади «пилы».

В открытом море, где всякая рыба должна сражаться за пищу, пила-рыба иногда врывается в гущу рыбьей стаи и размахивает в разные стороны своей «пилой», чтобы оглушить или убить добычу. Рассказы о нападениях пилы-рыбы на китов не имеют никаких оснований, и ученые весьма скептически относятся к рассказам о том, что пила-рыба «отпиливает» куски мяса с тела крупной рыбы. Пила-рыба питается не только плавающей рыбой, она также выискивает себе пищу на

LONG

OLIGOCENE

дне, тыча «пилой» в песок и ил, что притупляет концы зубов на «пиле».

Тело пила-рыбы длинное, хвост очень мощный, плавает она, как типичная акула: размахивая хвостом и задней частью тела. Но пила-рыба считается скатом, главным образом потому, что ее жаберные щели расположены на нижней части тела. Пила-рыба живородяща и приносит многочисленное потомство. У одной самки в 5 метров длиной было найдено 23 детеныша. Острые как иголки зубы на «пиле» детеныша покрыты при рождении пленкой, а сама «пила» очень мягка. Вскоре после рождения эти «ножны» сбрасываются, и новорожденная пила-рыба может добывать себе пищу, как ей угодно — накалывая добычу на зубы или роясь на дне.

Семейство *Squatinidae* — морские ангелы. Морской ангел — плоскотелая акула яркой раскраски; ей остался один шаг до того, чтобы стать скатом. Если представить себе длинный ряд различных видов акул, постепенно переходящих в скатов с их расплюснутыми телами, последним в этом ряду будет стоять морской ангел. Это еще акула, но она вот-вот потеряет свое акулье «удостоверение личности» и будет переведена в ряды скатов.

Акулой ее считают по следующим анатомическим признакам: ее грудные плавники не приросли к голове, жаберные щели еще не полностью перешли на нижнюю поверхность тела, но загибаются вверх к шее, веки у нее такие, как у акул, а не у скатов.

Благочестивые рыбаки, познакомившиеся с этой рыбой в средние века, увидели в ее грудных плавниках крылья, а на конусообразном теле — ангельское одеяние и дали ей имя ангел. Позднее ее стали называть монахом, и наконец она получила прозвище епископ.

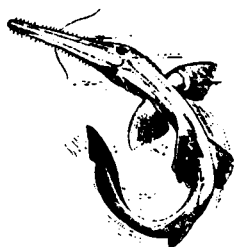
(Австралийский морской ангел, красиво орнаментированный плакоидными чешуями, удостоился даже имени архиепископа.) В своем трактате об этой «священной» акуле, написанном в 1558 году, один из первых ихтиологов, Ронделет, показал, что он обладает весьма богатым воображением: «Не так давно в Норвегии после большой бури выловили морское чудовище, коего все, кто его видели, тут же прозвали монахом, ибо у него было человеческое лицо, грубое и злое, и гладко остриженная голова. На плечах, там, где находятся руки, были два больших плавника, напоминающие плащ монаха; тело его заканчивалось длинным хвостом... В Риме мне показывали портрет другого такого чудовища; он был прислан туда в сопровождении письма, в коем утверждалось, что в 1531 году в Польше оное чудовище видели в архиепископском одеянии, как оно изображено на портрете. Когда его принесли пред очи короля той страны, оно стало делать знаки, выражающие желание вернуться в море. Будучи отвезено туда, оно тотчас ушло в пучину».

Семейство *Pristiophoridae* — пилоносы. Хотя их украшенные «пилой» рыла дают им неоспоримое право считаться ближайшими родственниками пила-рыбы, пилоносы — несомненные акулы. Пила-рыба стоит на таком же расстоянии от пилоноса, как от любой другой акулы.

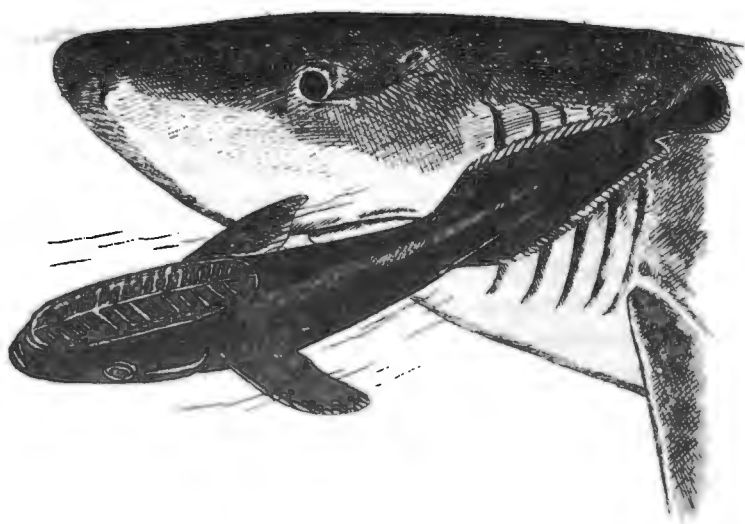
Несмотря на то что обе они — и пила-рыба, и пилонос — имеют на рыле «пилу», различий между ними куда больше, чем черт сходства. Жаберные щели пилоноса расположены по сторонам тела — типичный признак всех акул, а жаберные щели пила-рыбы на нижней поверхности тела — типичный признак скатов. То, что оба эти семейства обладают «пилой», является ярким при-

мером параллельного развития. Однако и тут у них есть различие: с двух сторон «пилы» у пилоноса свисают два усика (наподобие усов, которые раньше носили китайцы), ощупывающие дно в поисках пищи¹.

Таковы связующие звенья — селахии, место которых не так легко определить, служащие мостом между двумя родственными ветвями — скатами и акулами.

¹ Осязательные усики известны у многих акул.

Глава одиннадцатая **СПУТНИКИ АКУЛ**

Две костистые рыбы — прилипала и рыба-лоцман — тесно связаны со многими видами селахий. Поэтому, хотя сами они не селахии, а истинные костистые рыбы, мы и включаем их в эту книгу.

Большая акула часто плывет в окружении целой свиты рыб, подбирающих ее объедки. Акулы, судя по всему, не трогают этих любителей жить на чужой счет — прилипал и рыб-лоцманов, хотя те не делают ничего, чтобы добиться такой «неприкосновенности личности». Существование акулы и ее компаньонов называют комменсализмом, а их — комменсалами (буквально — со-трапезниками).

Прилипала упоминается еще в легендах древних. Греки называли ее «задерживающая корабли», и ее теперешнее имя произошло от латинского слова, означающего «задерживать, прилипать, препятствовать». Историк Плиний рассказывает, что император Калигула был задержан прилипалами по пути в Антиум; галера его не могла сдвинуться с места, несмотря на усилия четырехсот гребцов, и задержка эта имела для него роковые последствия. В поражении Марка Антония при Акциуме также обвиняют прилипал, которые задержали корабль Антония и не дали ему присоединиться к битве. Значительно позднее английский писатель Бен Джонсон утверждал, что «прилипала может остановить корабль, идущий под всеми парусами».

Такую репутацию прилипалам создала их способность присасываться к различным предметам и животным, главным образом к акулам. Передний спинной плавник прилипалы переродился в продолговатый диск, расположенный сверху головы. Поверхность этого диска ребристая, как подошва ботинок. Чтобы «прилипнуть» к акуле, прилипале достаточно подплыть к ней снизу и, сокращением мышц приподняв «ребра» и края диска, создать частичный вакуум между диском и кожей акулы.

Когда акула ест, прилипала расслабляет мышцы диска, отделяется от акулы и плавает вокруг, подбирая крошки. Насытившись, она снова присасывается к акуле и ожидает следующей кормежки. Часто к одной большой акуле прикрепляется 4—5 прилипал. Их нельзя назвать истинными паразитами, они не сосут кровь и вообще не причиняют акуле вреда.

У некоторых акул действительно много настоящих паразитов самой различной величины, от микроскопических организмов до чудовищных ракообразных — изоподов, которые населяют жаберные щели, пасть и кожу

акул и, в свою очередь, имеют паразитов. Одно из этих паразитических животных настолько велико, что аборигены Австралии называют его «акуля жена». Возможно, что прилипалы помогают акуле избавляться от паразитов, поедая их.

Существует несколько видов прилипал. Одни из них, длиной около метра, обычно сопровождают акул теплых морей. Другие, длиной в 30 сантиметров, прикрепляются главным образом к меч-рыбе. Говорят, что прилипала забирается также в жаберные щели и пасть больших акул. Присасываются прилипалы и к мантам, луне-рыбе, морским черепахам, китам и даже кораблям. Прилипалы не всегда являются прихлебателями. Попадая вместе с акулой в косяк мелкой рыбы, они отцепляются от своей «хозяйки» и отправляются охотиться на свой страх и риск. Но, как только наедятся, спешат обратно.

Христофор Колумб рассказывал о странной рыбе, которую он видел в Новом Свете. Туземцы привязывали к ней веревку и «напускали» на морскую черепаху, которую затем втягивали на веревке в лодку. Туземцы использовали в качестве рыболовной снасти прилипалу. В некоторых районах Австралии и Китая, в Занзибаре и Мозамбике местные рыбаки до сих пор применяют эту технику лова. На Мадагаскаре местные колдуны вешают кусочки высушенного диска прилипал на шею неверной жены — чтобы она вернулась к своему бедному мужу и «прилепилась» к нему, как прилипала.

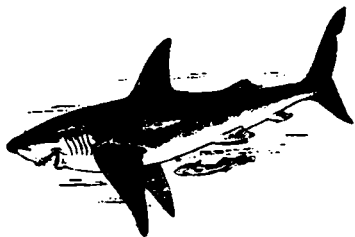
Рыба-лоцман¹, полосатый, как зебра, маленький соотрапезник акулы, не имеет никаких родственных связей ни с прилипалой, ни с самой акулой. Лоцманами их прозвали за то, что при приближении акулы к добыче они кидаются вперед, будто указывая дорогу. Эта их по-

¹ Рыба-лоцман принадлежит к семейству ставридовых.

вадка послужила источником рассказов о том, как крошечная рыба-лоцман ведет огромную акулу, словно собака своего хозяина-слепца.

Акула не нуждается в поводырях, но рыба-лоцман, несомненно, если не нуждается в акуле, то, во всяком случае, использует ее. Подобно прилипале, она кормится объедками с акульего стола. Но у нее нет приспособлений, при помощи которых она могла бы прикрепиться к акуле. Вместо этого рыба-лоцман — обычно их бывает несколько при каждой акуле — плывет впереди акулы, часто в нескольких сантиметрах от ее пасти, по-видимому увлекаемая током воды, образующимся при движении этой большой рыбы, или же занимает место у ее грудных плавников.

Когда акула попадает на крючок или в сеть, рыбы-лоцманы тут же бросаются враспынную и начинают искать себе новую «хозяйку». Правда, не всегда. Было замечено, что хотя рыбы-лоцманы ненадолго покидают «свою» акулу, чтобы схватить кусочек пищи, они тут же, по словам одного ученого, «спешат обратно, как дети, которые боятся потерять няню!». Когда пойманную на крючок акулу начинают вытаскивать из воды, рыбы-лоцманы возбужденно плавают вокруг ее тела, словно в тревоге, что они теряют своего большого и щедрого защитника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Е. Флинт. Предисловие к книге «Тени в море»</i>	5
<i>Глава первая. Тени нападают</i>	11
<i>Глава вторая. Капитан «Акуля смерть»</i>	72
<i>Глава третья. Акулы на крючке</i>	127
<i>Глава четвертая. Война против акул</i>	150
<i>Глава пятая. Акулы — божества и акулы — злые духи</i>	167
<i>Глава шестая. Можно ли есть акул?</i>	195
<i>Глава седьмая. Акулы сокровища</i>	217
<i>Глава восьмая. Происхождение акул и что они собой пред- ставляют</i>	243
<i>Глава девятая. Антология акул — их семейства и виды</i> . . .	285
<i>Глава десятая. Ближайшие родственники акул</i>	346
<i>Глава одиннадцатая. Спутники акул</i>	375

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «Зеленой сериш»
присылать по адресу:*

**125499, Москва, Кронштадтский бул., 376
Издательство АРМАДА**

Мак-Кормик Г., Аллен Т., Янг В.

М 15 Тени в море / Пер. с англ. Г. Островской; Худож.
А. Сичкарь.— М.: АРМАДА, 1996.— 379 с.: ил.— (Зеле-
ная серия).

ISBN 5-7632-0238-4

Эту книгу можно назвать энциклопедией по акулам. Напи-
сана она профессиональным ловцом акул Вильямом Янгом и
учеными-ихтиологами Гарольдом Мак-Кормиком и Томом Ал-
леном.

Вопреки распространенному мнению, акулы встречаются не
только в морях, но заходят и в реки, а некоторые обитают даже
в озерах. Поразительная и до сих пор до конца не разгаданная
способность чувствовать на огромных расстояниях растворен-
ную в воде кровь, улавливать легкую вибрацию бьющейся на
крючке рыбы, способность развивать «автомобильные» скоро-
сти — лишь малая толика интереснейших сведений об этих уди-
вительных и загадочных существах из книги английских писа-
телей-натуралистов. Однако от сухих специальных изданий ее
выгодно отличает живое, легкое и очень увлекательное повест-
ование.

ББК 84.4Вл

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**ГАРОЛЬД В. МАК-КОРМИК
ТОМ АЛЛЕН
ВИЛЬЯМ Э. ЯНГ
ТЕНИ В МОРЕ**

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
Л. А. Глубокова

Корректоры
Т. Г. Люборец, Е. В. Туманова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 15.06.96. Подписано в печать 19.08.96. Формат 84 × 108 1/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 25 000 экз. Заказ № 4167.

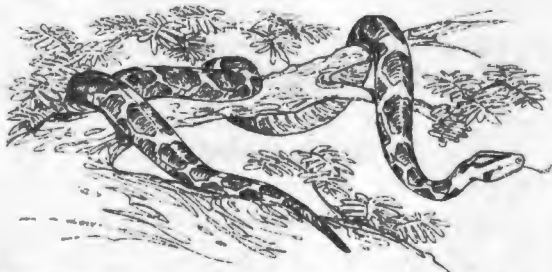
Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бул., 376

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Среди животных Африки

Как вы думаете, сколько зубов у гигантских змей? А когда нильский крокодил «празднует» свое совершенноелетие? Как живетса жирафу-альбиносу? Что вы будете делать, если высоко в горах встретитесь с... носорогом?! Если подобные вопросы ставят вас в тупик, очень рекомендуем – прочитайте эту замечательную книгу. В ней всемирно известный немецкий ученый-натуралист профессор Б.Гржимек рассказывает об удивительных особенностях многих видов зверей, птиц и рептилий Черного континента, об их взаимоотношениях как в условиях дикой природы, так и в зоопарках.

В живой, увлекательной форме автор излагает известные науке сведения, описывает результаты уникальных экспериментов. Книга рассчитана на широкий круг читателей и, безусловно, понравится всем любителям литературы о животных.

Издательство € **АДМАДА**

ВЫПУСТИЛО И ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ:

Издательский проект

РОССИЯ

Тысячелетняя
история Отечества
в событиях и судьбах

**ВЕЛИКИЕ
ВЛАСТЕЛИИ**
в романах

О великих завоевателях,
полководцах,
государственных деятелях,
оставивших неповторимый след
в истории человечества

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

МНР
Приключения

Несобычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Произведения
отечественных и зарубежных
мастеров современной
остросюжетной фантастики

**КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные
произведения боевой фантастики
испрсвзойденных авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ.
BATTLETECH.**

Звездные войны, боевые
машины будущего
в фантастическом суперсериале
корпорации FASA

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Новые детективы
современных российских
писателей

Знаменитые
СЫЩИКИ

Избранные произведения
детективной классики

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

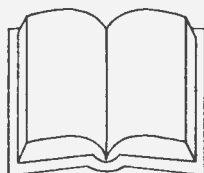
**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

МОСКВА:	"Москва"	(095)	229-64-83
	"Пресня"	(095)	255-10-68
	"Стожары"	(095)	952-18-81
АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул. Чернышевского, д.12	
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	34-95-89
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112)	45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(0842)	4-42-45
СМОЛЕНСК:	"Книжный центр"	(08100)	3-36-55
СОЧИ:	"Открытая книга"	ул. Парковая, д.17	
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Владимир"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Демалыс"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	965-05-80
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
ВОРОНЕЖ:	"Амитель"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Элпис"	(3832)	24-52-67
ОМСК:	"Сиббук"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Тандем"	(8632)	65-76-59
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"Ника-М"	ул. Ленина, д.25а	

«КНИГА – ПОЧТОЙ!»

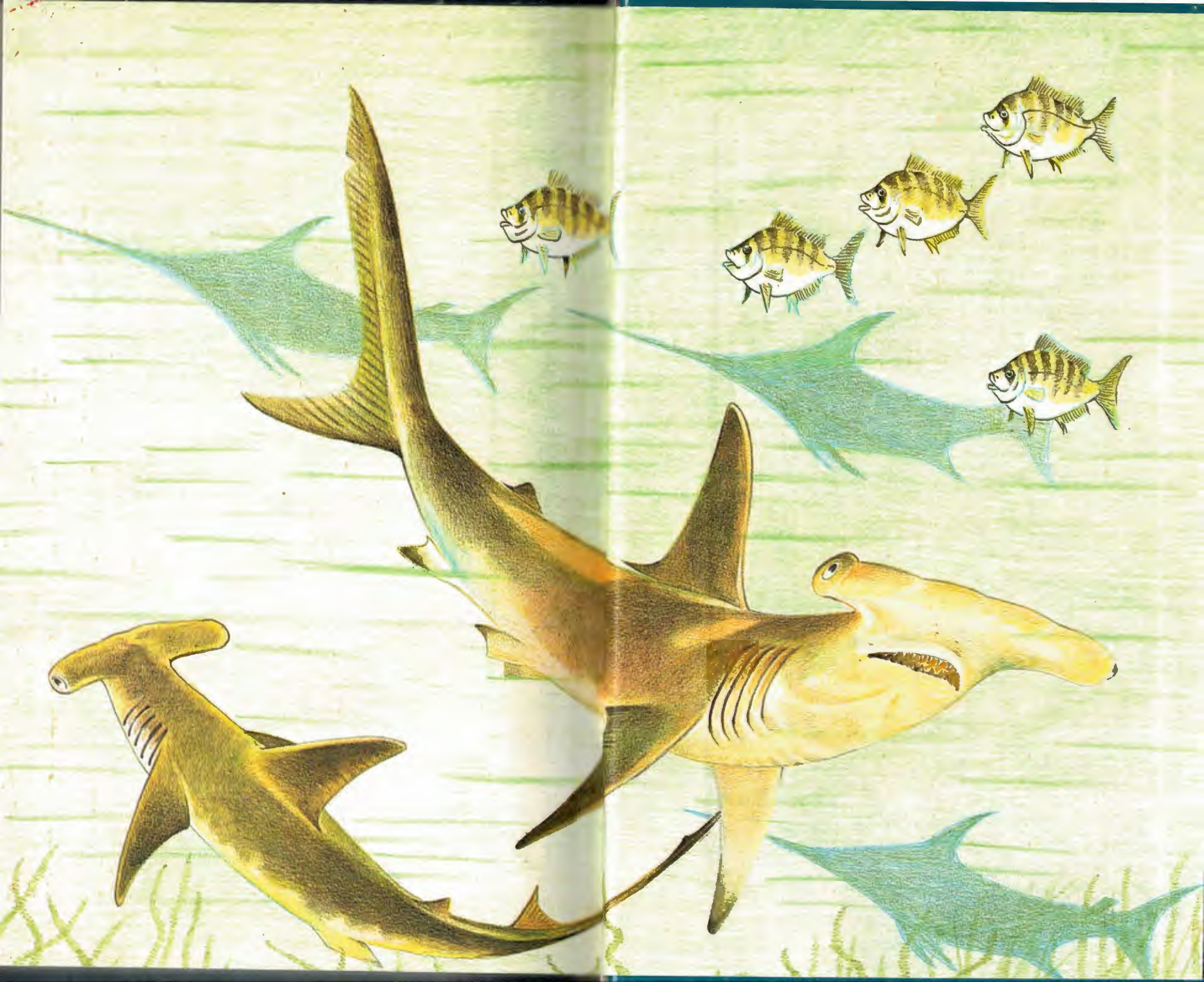

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Кронштадтский бул.,
д. 37б, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга – почтой" на конверте.**

Оформление подписки и продажа отдельных книг производится также по адресу:

**Москва, ул. Новый Арбат, д.30,
детская библиотека №23.**

ГАРОЛЬД В. МАК-КОРМИК
ТОМ АЛЛЕН
ВИЛЬЯМ Э. ЯНГ

Мечі в морі